

ЧЕЛО

альманах

№ 2—3 [44—45] 2009

Издаётся с 1995 года

Новгородский государственный
университет им. Ярослава Мудрого

КОМСОМОЛ НГПИ

«Со всей определённой можно сказать, что идеологическая работа в комсомоле была очень насыщенной. Но по сути формы и методы идеологической работы не менялись десятилетиями, что делало их обыденными и малопривлекательными. Большинство мероприятий носило формальный характер. Вот почему многие действительные, реальные ценности советского социализма прошли мимо сознания молодых, марксизм-ленинизм так и не стал основой мировоззрения подрастающего поколения».

Статью Г.А. Игнатьева читайте на с. 82.

СОДЕРЖАНИЕ:

новгород

- Э.В. Ильиченко —
«Сии республиканцы не могли быть вольными...» 3
- Л.А. Секретарь —
О строительной деятельности патриарха Никона
в вотчинах Валдайского Иверского монастыря 8
- Н.И. Морылёва —
Иван Куприянович Куприянов 16
- И.К. Куприянов —
Празднества древнего Новгорода 17
- Н.С. Федорук —
Новгородская губерния в Полном собрании
законов Российской империи 29
- С.Ф. Витушкин —
Город воинской славы 38

эхо

- Я.Н. Рабинович —
Старая Русса в первые годы Смуты на Севере 46
- О.Г. Кузьмичёва —
Кирилло-Белозерский монастырь
накануне секуляризации 1764 года 52
- Е.В. Жигулева —
Организация учебного процесса
в Новгородской женской гимназии 55
- И.Д. Савинова —
Беспощадное сражение с Церковью:
Ленинский декрет в действии 62

архив

- «А ГОРОД ПОМНИТ О СУДЬБЕ СВОЕЙ...» 67
- М.В. Тинт —
Личные фонды 67
- А.А. Васильева —
Строчный промысел Крестецкого
уезда Новгородской губернии 69
- З.Е. Качанова —
Деятельность Новгородского губернского
земства по развитию молочного
хозяйства в Новгородской губернии 72
- Р.А. Лукьянов —
Становление прокуратуры
Новгородской губернии 75
- Е.А. Смородина —
Из истории электрификации
Новгородской губернии 77
- Г.А. Игнатьев —
Комсомол НГПИ 82

имена

- А.В. Передольская —
Потомок новгородского воеводы 94

		слово	
<i>В.Г. Колотушкин</i> —	Слово об учителе		97
		родники	
<i>В.И. Поветкин</i> —	С песнями глиняных птиц из края Курского в землю Новгородскую		99
		зыбка	
<i>Д.В. Иванов</i> —	Девочка и Птица		109
		кафедра	
<i>А.П. Донченко</i> —	Философия времени от античности до Гегеля		112
<i>Е.Н. Вознесенская</i> —	Экземпляры московских Часовников середины 1650-х гг. в собраниях Карелии		120
		перо	
<i>Ю.А. Симонов</i> —	Это было давно		125
	Поездка за клюквой		125
	Как пиво варили		127
<i>Тамара Сигалова</i> —	Стихи		131
<i>Г.К. Насурдинова</i> —	Военкор «Известий». Очерк		132
		ex libris	
<i>Р.П. Макейкина</i> —	Новая книга о Великом Новгороде		138
<i>И.Д. Савинова</i> —	Прогулки по Великому Новгороду		139
<i>Г.К. Насурдинова</i> —	Из истории Русской Церкви...		139
<i>Н.И. Морылёва</i> —	Новгород — колыбель имперской идеи или «шило в заднице самодержавия»?		140

Редакционная коллегия:

Барканова Е.В.
(главный редактор)

Бурьяк М.К.
Витушкин С.Ф.
Данько Т.А.
Дудкин В.В.
Зозуленко Т.Б.
Коваленко Г.М.

Морылёва Н.И.
Петрова Л.А.
Поветкин В.И.
Савинова И.Д.
Сакса А.И.
Секретарь Л.А.
Сигалова Т.Н.
Ядрышников В.А.
Ярыш В.И.

«СИИ РЕСПУБЛИКАНЦЫ НЕ МОГЛИ БЫТЬ ВОЛЬНЫМИ...»

Пьер-Шарль Левек — признанный французский историк-профессионал второй половины XVIII — начала XIX вв. Первое крупное произведение учёного — «Российская история» в пяти томах — увидело свет в 1782 г. Это было развёрнутое повествование об истории России с древнейших времён до второй половины XVIII в. В работе над ним французский историк привлёк значительный по объёму комплекс документальных и историографических материалов: летописи, законодательные памятники и сочинения русских историков, изданные к началу 80-х гг. XVIII в. Немалую роль в его исследовании играли постоянные обращения к «Истории Российской от древнейших времён» князя М.М. Щербатова.

П.-Ш. Левек
(согласно Фальконе)

Особую привлекательность для читателей труд Левека имел ещё и потому, что автор семь лет провёл в России, довольно основательно владел русским и старославянским языками. Это открывало перед ним широкие возможности расшифровки древних хроник и чтения современных произведений на русском языке. В течение полувека (с 1782 г. по 1828 г.) его «Российская история» выдержала четыре издания и не имела аналогов в Европе среди себе подобных.

Нельзя забывать и о том повышенном интересе, который проявляли западноевропейские учёные, дипломаты, путешественники и литераторы XVIII в. к истории России. Среди прочих проблем пристального внимания удостоилась история и современное состояние «знаменитейшего и богатейшего из всех

северных городов» — Великого Новгорода. П.-Ш. Левек был одним из первых иностранных исследователей, кто попытался серьёзно и всесторонне рассмотреть необычную и в чём-то исключительную историю этого свободолюбивого города и выразил симпатию к его народо-власти. Вслед за Левеком эту линию с энтузиазмом продолжил А.Н. Радищев.

В рамках новгородской темы исследователь поднимал сразу несколько проблем. Одна из главных — вопрос о происхождении новгородских славян. Французский историк рассматривал её, опираясь на «предание, внесённое в древнейшие летописи», византийские хронографы, а также повествование других летописных сводов.

С помощью этих же первоисточников Левек пытался прояснить начало формирования государственности на Руси, «начало князей их». Это произошло, по мнению французского историка, с основанием двух древнейших политических центров — городов Киева и Новгорода.

Значительное место в «Истории» Левека было отдано освещению формирования единого русского государства, в частности присоединению Новгорода

к Москве. Внутри этой темы его интересовали управление, изначальные порядки и сама история Новгорода.

Приступая к своему исследованию, П.-Ш. Левек с огорчением отмечал полную неосведомлённость европейцев в истории России. «Имя её, не говоря уже об истории и народах, её населявших», — по мнению французского историка, — долгое время «не было известно отцам нынешних европейских обитателей», которые «имели одно лишь смутное понятие о пространстве и могуществе её». Отсюда понятно стремление Левека познакомить своего читателя с первоначальным периодом истории славян, что было представлено в двух специальных главах его «Истории».

Стремясь выяснить, от кого вели своё происхождение обитатели Новгорода — от россов, славян или варягов, — Левек просматривал различные источники. Ссылаясь на византийского императора Константина Багрянородного, который определял славян и россов как «два различных народа поколения и языка различного», французский историк причислял новгородских жителей к славянам, называя их позднее «славянами новгородскими».

В дальнейшем истории «сего вольного града» будет посвящена не одна страница «Российской истории» Левека. Весь рассказ строился им на фоне особой специфики социально-политического развития Новгорода, отлично от других русских земель.

Повествуя о важности заложения города на берегах Волхова, Левек отмечал, что само месторасположение и отраслевые занятия населения Великого Новгорода способствовали развитию торговли, «неприятельницы утеснений», то есть автор видел некие объективные предпосылки новгородской «вольности».

Так, признавая изначальное свободолюбие, стремление к независимости и воинственность новгородских жителей в отношении других славянских племён, Левек приводил слова, введенные в обиход в 1518 г. в сочинении немецкого богослова и историка Альберта Кранца: «Кто против Бога, тот и против Новгорода. Кто осмелится напасть на Бога и Новгород?». Эти слова имеют место и в сочинении князя Щербатова. Опираясь на сказания Нестора-летописца, Левек размышлял об исконном вольнолюбии новгородцев, следствием которого стали безначалие и анархия, породившие среди жителей внутреннюю вражду, насилие и убийства. Всё это в итоге привело последних к призванию варягов на княжение. Но подобное решение новгородцев Левек не воспринимал как добровольный порыв свободолюбивого племени. Он увидел в нём некий расчёт, возможность противостоять угрозе со стороны других воинственных племён: «Захотели лучше покориться закону Варягов... от которых ожидали они получить покровительство, страшнейшее соседям их». Здесь Левек упоминал о широко распространённой на Руси практике военных союзов княжеств и земель с иноземцами против своих соперников.

Французский историк никогда не скрывал того, что почерпнул многое из описания событий русской истории у князя М.М. Щербатова. Подтверждением

этому служат многочисленные ссылки Левека на высказывания Щербатова, мнение которого французский историк ценил очень высоко.

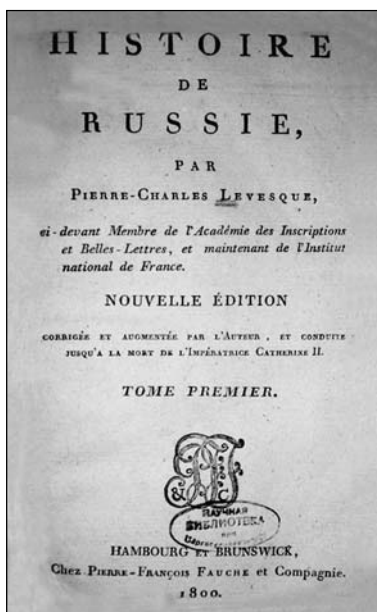
Рассматривая вопрос о призвании варягов, М.М. Щербатов цитировал Никоновскую летопись и не упускал возможности подчеркнуть особую грозность новгородских племён, на приглашение которых варяги «бояся зверскаго их обычая и нрава, с трудом согласились... взяв с собою... великое число своих одноземцов». То есть Щербатов, а следом за ним и Левек, подчёркивал активную позицию новгородцев в призвании варягов.

Здесь же Левек давал объяснение причинам рас-

селения варягов «на трех главных границах республики»: в Старой Ладоге, Изборске и на Белом озере. Первая из них — опасность, которую ощущали варяги со стороны «беспокойного самонаравия новых подданных своих», вторая — желание новгородцев «отдалить от столицы своей бремя владычества к которому они не привыкли еще», и третья — призвание владык «единственно для защищения пределов своих». Оба историка — Левек и Щербатов — оговаривали те изначальные условия, с которыми пришлось столкнуться представителям приглашённой власти: «Новгородцы, — повествует Левек, — избрав себе в государи сих трех князей (Рюрика, Синеуса и Трувора — Э.И.), не дали им неограниченной власти, а единственно токмо препоручили им, дабы они границы от вражеских нападений защищали».

Как видим, Левек не пытался отойти от извечной традиции начинать историю русской государственности с добровольного призвания на Русь варягов, но, вместе с тем, он старался находиться вне рамок сложившейся ранее норманской теории Г.З. Байера, Г.Ф. Миллера и А.Л. Шлецера. Читая Левека, мы не встретим ссылок на труды немецких историков, а высказанная им трактовка очень близка к точке зрения В.Н. Татищева и М.М. Щербатова. Сам Левек отсылает читателей к первоисточнику, к сказанию Нестора-летописца.

Явные совпадения суждений русского учёного М.М. Щербатова и французского историка-просветителя можно объяснить не только заимствованием последнего, но и сходством взглядов на ключевые моменты русской истории, а также обращением к одним и тем же источникам. Примером может служить описание характера вечевого строя новгородской республики. Так, М.М. Щербатов

Титульный лист
«Российской истории» (1800 г.)

выводил причины попадания Новгорода под «варяжское иго» из самого устройства правления «сего сильного града», которое было народным, объясняя его суть «обыкновенными беспорядками, бывающими в республиках». Эти суждения совпадают с выводами Левека: «Раздоры новгородские соделали их данниками варягов. По некотором времени... возвратили вольность свою единственно для употребления ея во зло. Коварства, вражды, насилия и убийства были следствия безначалия. Сии республиканцы не могли быть вольными, обратились к варягам — россам, и просили у них обладателя». Французский историк, по сути, подошёл здесь к решению достаточно важного вопроса — трактовке проблемы начала государственности на Руси: «...с принуждения отдаться государям». Такое толкование Левеком проблемы призвания варягов позволяет полагать, что французский историк стоял на позициях умеренного норманизма.

Однако Левек, отдавая дань историческим размышлениям своих предшественников, русских коллег-историков, и часто используя их материалы, всё же проявил достаточно самостоятельность суждений. Например, восприятие новгородской республики у Левека далеко от осуждения Щербатовым республиканского строя, оно часто сводилось к стремлению представить перед читателями своеобразный остров свободы в Древнерусском государстве. Нередко видна откровенная идеализация существовавших в ней порядков и попытки оправдать поступки её жителей. Это видно в описании начальной истории Новгорода и в более поздних событиях времени Ивана III. Главенствующим в концепции Левека стало его внимание к особой роли веча в Новгородской республике как собрания, где, согласно его представлениям, господствовал простой люд, и каждый гражданин имел право голоса. Однако, по словам Левека, подобная атмосфера «будила мятежный дух», перешедший в волнения 1471 г. Мятеж против центральной власти, возглавляемый Борецкими, потребовал кровавого подавления силами великого князя.

Самостоятельность суждений французского историка видна и в характеристике деяний первых русских правителей. Если Левек, подобно Щербатову, и принимал законность власти первых русских князей, то он не был согласен с последним в общей благожелательной оценке их правления.

Существенно отличалось мнение французского историка от суждений князя Щербатова, далёкого от идеализации новгородских свобод, и в вопросе социально-политической организации республики. Русский историк отмечал постоянную «беспокойность нравов Новгородцев», их нестабильность.

Левек тоже приводил многочисленные примеры неповиновения новгородцев княжеской власти и их нежелание подчиняться законам «единого самодержца». При этом он как бы оправдывал их бунтарство извечными обстоятельствами, которые сформировали их тяготение к «безначалию». Порой он возлагал вину на самую княжескую верхушку, её властные устремления и амбиции, кои в свою очередь влекли за собой открытое противостояние. Левек приводил в качестве примера восстание под предводительством некоего «мужественного Вадима» (863).

Этот сюжет считается легендарным и был почерпнут из позднего летописания. Левек не указал источник, но мог заимствовать данный исторический эпизод у князя Щербатова, который делал ссылку на Никоновскую летопись. Нужно отметить, что в своей «Истории» французский историк высказывал сомнение в достоверности Никоновского свода — «летописи, упоминаемой Татищевым». Левек мог обратить своё внимание на сюжет (восстание Вадима), не отражённый в других источниках, но подтверждавший его концепцию. В оправдание французского историка можно привести слова А.Л. Шлецера из предисловия к опубликованной им Никоновской летописи, где отмечалось, что Никоновский свод содержал множество «таких историй, которых ни малейшего следа в других списках не обретается, и которые должны входить в составление „Системы полной Российской истории“».

Приводя примеры новгородских восстаний, Левек признавал бесполезность их конечных результатов и отвергал методы, применяемые мятежниками. Вместе с тем историк не одобрял и устремление Рюрика распространить «пределы власти, вверенной ему от них, и дать испытать им рабство, которое, кажется, долженствует быть единственно наказанием роскоши и нужд умственных...».

Левек свободно ориентировался в материалах предшествующей историографии и подкреплял их фактическими данными первоисточников, стремясь обосновать свою позицию. Касаясь вопроса о месте и роли Новгорода в противоборстве княжеских кланов периода политической раздробленности и давая общую характеристику всей эпохе, Левек делает мрачный вывод: «„Россия опустошалась властолюбием князей ея“, каждый из которых „мало довольный владением своим, беспрестанно искал средства увеличить оное“».

Подчёркивая значение Новгорода как важного центра Северной Руси, Левек утверждал: «новгородское княжение почти всегда было соединено с самодержавием киевским». Однако он верно подметил, что поддержка новгородцами тех или иных представителей княжеских фамилий преследовала,

как правило, лишь одну цель — сохранение своего независимого положения. Примером таких напряжённых взаимоотношений служит исторический эпизод 1096 г., взятый Левеком у В.Н. Татищева: *«Мстислав (Мстислав Владимирович, княживший в Новгороде — Э.И.), проникнувший намерения Олеговы, собрал главнейших Новгородских жителей, представил им, что ежели они не приготвятся к обороне против Олега, то конечно лишатся древней вольности своей»*.

Историк смог верно оценить и социально-политическую нестабильность, обострившуюся в период с 1136 до начала 1170-х гг. Как писал Левек, *«беспорядок владычествовал в Новгороде»*. Автор характеризовал этот период чередованием борьбы республиканских органов против княжеского самовластия и «разногласиями различных партий» внутри самого новгородского общества. Данный факт французский историк раскрывал на примере события 1135 г., то есть противостояния князя Всеволода Олеговича и князя киевского Вячеслава Владимировича. Левек обращал внимание на откровенное принуждение новгородцев со стороны великого князя *«избрать из князей от него предлагаемых»*.

Противоположный пример касается уже иного события, когда *«по пришествии князя Ростислава в Новгород, жители сего града прежде вручения ему власти, привели его на Епископский двор, и тут принудили его присягать... и сия присяга состояла в сохранении их прав и вольностей»*. Приведённый им эпизод доказывал, что князья в тот момент «не только не имели самодержавной власти в Великом Новгороде, но не могли даже набирать самого войска без народного согласия». Из этого Левек делает заключение: *«Следствие истории покажет нам, что Новгород был настоящая республика, и что князья не имели в нем иного права, кроме защищения оного»*. Скорее всего, здесь исследователь имел в виду окончательное формирование республиканского правления, сложившееся к концу XIII в.

Как и Щербатов, Левек сделал ещё одно печальное наблюдение: на фоне неурожаев и тяжести страшных голодных лет 1128, 1215, 1230 гг., поразивших этот город, сами новгородцы *«домашними своими раздорами скорбь свою приумножали»*.

Яркие страницы труда французского историка посвящены описанию окончательной ликвидации Новгородской республики в 1478 г. и включения её земель в состав единого государства. «Славное завершение» процесса формирования Московского государства как узлового события российской истории французский автор связывал с конкретной личностью Ивана III.

С первых строк описания этого времени Левек выражал искреннее уважение деяниям Ивана III,

который уже *«в возрасте двадцати трех лет, завладев троном, распространял свои взгляды и предчувствовал свое будущее величие»*. Через ряд сюжетов противостояния великого князя и новгородской вольницы, в которых проявились личные качества Ивана III, автор стремился показать умного, волевого самодержца и дальновидного, расчётливого политика. Здесь он фактически повторил метод Щербатова, для которого одним из определяющих моментов научного анализа была психологическая мотивировка поступков исторического деятеля. Иван III предстаёт на страницах труда Левека творцом будущего величия своей страны наравне с Александром Невским и Дмитрием Донским.

Французскому автору импонировала в Иване III не только личность успешного государственного деятеля, но и дипломата, который стремился подчинить строптивых подданных дипломатическими и военными методами. Подтверждением этому может быть эпизод прибытия Ивана III в 1475 г. в Новгород где продолжалась Смута, и *«оставалось недоверие между князем и гражданами»*. Левек пытается понять и объяснить поведение новгородцев: *«Люди, гордые своими богатствами или занимаемым положением... они все ж несли свои жалобы правителю»*.

Яркими красками французский историк изобразил сыгранную Иваном III роль справедливого судьи, защитника обиженных и карающего виновных. Наказание коснулось в первую очередь новгородских бояр, заключивших договорные отношения с Польшей во имя сохранения своих традиционных привилегий. Суду были подвергнуты и те горожане, *«которых не могли обвинить ни в каком преступлении, но чье происхождение богатств было подозрительно... Князь получил клятвы граждан в верности и вернулся в Москву, куда заставил увести вечевой колокол...»*.

Тщательно воспроизведённые примеры неудачных восстаний дали французскому историку основания сделать прискорбные выводы: к концу XV в. новгородская свобода выродилась в анархию, которая всегда «ведёт к рабству», что и доказало присоединение Новгорода к Москве.

Любопытно, что все события полного подчинения вольного города сведены Левеком в один год (1475), и показаны как единовременно проведённая Иваном III операция перехода Новгорода под управление Москвы. *«Неспособные сопротивляться, новгородцы смогли использовать только переговоры и просьбы. Иван захотел, чтобы они были ему подчинены на тех же условиях, как и остальная Россия»*. Подобно Щербатову, французский историк очень лаконично упоминает о военном столкновении на реке Шелонь и показывает лишь соотношения сил и основные причины

поражения новгородцев. Более интересной французскому автору показалась предшествующая битве антимосковская политика части боярского правительств Новгорода и её стремление сохранить старинные вольности, побудившие некоторых представителей новгородского боярства — «партию мятежников» во главе с Борецким — заключить союз с Польско-Литовским государством. Автором представлена атмосфера *«распространения по городу огня раздора... между множеством людей, готовых поменять совесть на деньги... и тех честных граждан, которые смогли прорваться сквозь возбужденную толпу, принять сторону законного государства»*.

События 1471 г. перенесены Левеком на 1470 г., а следующее посещение Новгорода великим князем датируется 1475 годом. Несмотря на некоторую хронологическую неточность, Левек точно выстраивает логическую цепь произошедших событий, даёт основные характеристики исторических лиц, а также устанавливает причинно-следственные связи.

Посольство республики, организованное после этих событий, обратилось к Ивану III, назвав его *«государем»*, хотя ранее Новгород именовал великого князя *«господином»*. У этих слов, по мнению Левека, — высказанных с лестью или оговоркой, были большие последствия. Обращением *«господин»* обычно пользовался вассал, обращением *«государь»* — холоп. Позднее новгородские граждане будут говорить о том, что посольство *«превысило свои полномочия»*, но это обращение стало отправной точкой и последним шагом к присоединению новгородской вольницы. Во всём этом Левек видел закономерный и позитивный итог.

Правление Ивана III Левек считал поворотным событием огромного периода Российской истории: *«Как только Россия скинула чужеземный гнет, она привлекла на себя взоры Европы»* и получила международное признание, выраженное прибытием в Москву послов от германского императора, Римского папы, султана Константинополя, польского короля и др. *«Иван подписал союзные и дружественные договоры со всеми этими монархами»*.

Таким образом, в «Истории» Левека читателям представлены интереснейшие страницы повествования о свободолюбивом граде, умело вплетённые в историю древнерусского государства. Как можно понять из проанализированных выше сюжетов истории «вольного города», Левеку импонировало свободолюбие новгородцев. Вполне возможно, что он видел в Новгороде определённое демократическое начало и зачатки гражданственности. Но далее, как ни сожалел автор, ему пришлось

признать, что показанные им *«республиканские стремления»* новгородцев, превращавшиеся порой в опасное безначалие, в конечном итоге должны были отойти на второй план перед необходимостью объединиться в единое государство *«сильного мужа Ивана III»*.

Фактически здесь Левек повторил суждения, высказанные в ранее написанном им философском труде *«Человек нравственный»* (1775 г.), что свидетельствует о неизменности позиции автора по данному вопросу: *«Пусть к несчастьям приготовятся народы, которые поднимаются против власти, которая над ними господствует! Потоками своей крови они сотрут законы, на которые ропщут! Власть, против коей они протестуют, сможет быть похороненной только под их разорванными трупами. Случались большие несчастия, но несравнимо больше крови было пролито от мятежей народов, чем от тирании правителей...»*. Поэтому *«какой бы ни была власть, которая руководит народами... пусть они покорятся той форме правления, которая существует. Если последняя справедлива... общество счастливо. Оно может испытать под чьим-то управлением... и то, что мы называем демократией, и то, что может оказаться самой жестокой тиранией»*.

Этимися словами Левек фактически выражал поддержку правовому государству в лице просвещённого правителя и выступал против любых форм анархии, которые, с его точки зрения, приводили лишь к бессмысленным жертвам. Пытаясь самостоятельно черпать из первоисточников факты русской истории, он систематизировал, трактовал и подкреплял их наблюдениями своих предшественников — русских историков, не всегда следуя их выводам. Здесь он стоял на твёрдых позициях человека эпохи Просвещения, опережая подчас своих русских современников, даже тех, чьим мнением очень дорожил.

ЛИТЕРАТУРА

- Levesque P.-Ch. Histoire de Russie. Hambourg et Brunswick, chez Pierre-François Fauche., 1800. Т. 1, 2.
Mazon A. Pierre. Charles Levesque: humanist, historien et moraliste // Revue des études slaves. Paris. 1963. Т. 42.
Российская история, сочиненная господином Левеком. М., 1787. Т. 1.
Русская летопись по Никонову списку, изданная под смотрением имп. Академии наук. СПб., 1767—1768. Ч. 1.
Татищев В.Н. История Российская с самых древнейших времен. М., 1773. Кн. 2.
Щербатов М.М. История Российская от древнейших времен. СПб., 1770. Т. 1; 1771. Т. 2; 1783. Т. 4. Ч. 2.

Л.А. Секретарь

О строительной деятельности патриарха Никона в вотчинах Валдайского Иверского монастыря

Данная тема до настоящего времени не являлась ещё предметом специального рассмотрения. В то же время она представляет несомненный интерес как для понимания общих процессов в экономической, политической и церковной жизни России середины — второй половины XVII в. и роли в этих процессах выдающегося государственного деятеля — патриарха Никона, так и для более конкретного выявления его непосредственного участия в реализации задуманных им масштабных проектов. Основным источником раскрытия данной темы являются опубликованные Леонидом Кавелиным «Акты Иверского Святоозерского монастыря» и дела ценнейшего по своей исторической значимости и почти не изученного архива этого монастыря, хранящегося в Санкт-Петербургском институте истории РАН (Ф. 181).

Личность новгородского митрополита (1648—1652), затем патриарха всея Руси (1652—1667) Никона является одной из ключевых фигур русской истории XVII в. Без глубокого проникновения в сущность его разносторонней преобразовательной деятельности невозможно представить историческое развитие России в XVII столетии.

Для историков искусства огромный интерес представляет необычайный размах архитектурно-строительных работ, в которых преосв. Никон принимал живейшее и непосредственное участие, являясь их главным вдохновителем и организатором.

Главным проектом патриарха на Новгородской земле, не реализованным до конца по причине отставки, явилось создание уникального архитектурного ансамбля монастыря в честь чудотворной Иверской иконы Божьей Матери на живописном острове Валдайского озера. Монастырь получил статус ставропигиального, т.е. подчинённого патриарху.

Осуществление этого замысла сопровождалось формированием огромной феодальной вотчины, также находившейся в полном управлении патриарха.

Формирование феодальной вотчины Иверского монастыря и организация хозяйственной деятельности

Одновременно с основанием Иверского монастыря патриарх Никон приступил к формированию огромной феодальной вотчины, далеко превосходящей земельные владения самых крупных и влиятельных новгородских монастырей. 1653 годом датируется отказная царская грамота новгородскому воеводе Юрию Буйносову-Ростовскому о пожаловании Иверскому монастырю из дворцовых земель Петровского Боровичского, Спасского Боровичского, Березовского, Великопорожского, Потерпелицкого рядков на реке Мсте и приписке Боровичского Свято-Духова монастыря с земельными вотчинами. В то же время Иверский монастырь получил во владение из дворцовых вотчин рядок Вышний Волочок и ям Выдропуск на реке Уяне и Полоновский на озере Селигер в «Демонском» погосте Деревской пятины с приписными к ним деревнями, землями и рыбными ловлями.

Тогда же монастырю было пожаловано село Валдай, переименованное в Богородицыно, с приписными к нему погостами: Еглинским, Нереходским и Колодцким. Подтвердительной царской грамотой в 1654 г. эти погосты, рядки и Свято-Духов монастырь были закреплены за Иверским монастырём «во веки неподвижно»¹. Под монастырские подворья Алексей Михайлович пожаловал двор в Китай-городе в Москве рядом с Богоявленским монастырём и двор Михаила Милославского в Новгороде.

По грамоте 1654 г. ещё два монастыря «со крепостьями и со всеми угодьями» были пожалованы вновь устраиваемой обители: Покровский Короцкий (недалеко от Валдая) и Лисицкий Рождества Богородицы близ Новгорода².

Кроме царских пожалований в 1653—1654 гг. патриарх Никон умножил владения Иверского монастыря покупкой земель у частных владельцев,

а также с помощью меновых записей и вкладов. В той же жалованной грамоте 1654 г. упоминаются купленные вотчины: село Рахин мост в Листовском погосте и село Плоское в Колодцком погосте Деревской пятины (у князя Ивана Дмитриевича Пожарского), деревни в Клинском и Московском уездах (у разных владельцев).

Несколько вотчин в Новоторжском, Тверском, Старицком и Новгородском уездах патриарх Никон выменял у Троице-Сергиева монастыря, отдав взамен домовую «курмышевскую» вотчину (село Антоново и деревню Юрьевка). Среди меновых вотчин перечислены села Медно, Стружно, осадные дворы в Торжке и Новгороде, село Кунья Гора близ Новгорода.

По вкладам Иверскому монастырю достались шесть соляных варниц и двор в Старой Руссе.

На все пожалованные вотчины монастырь получил «обельную» грамоту, освобождавшую зависимых крестьян от уплаты государственных пошлин: рыбных, лавочных, амбарных, приметных и других. Мостовые и перевозные пошлыны также шли в доход монастыря. Монастырские крестьяне освобождались от постоев светских чиновников³. Судебные разбирательства среди крестьянского населения отдавались на рассмотрение архимандрита и братии.

Соляные варницы, полученные по вкладам от старорусского гостя Парфения Веневитова и новгородского гостя Семёна Стоянова, освобождались от уплаты в казну оброка и соляных пошлин⁴.

В 1654 г. в Новгороде по указу царя Алексея Михайловича Иверский монастырь получил право владеть вымороченным двором Михаила Милославского на Торговой стороне близ Ярославова дворища. Наследник Михаила Андрей умер, не оставив детей. Жена его потеряла право наследования. Двор Милославского отдали Иверскому монастырю «в вечный поминок» Михаила и его родителей⁵.

Пожалованный в 1654 г. царём Алексеем Михайловичем в вотчинное владение монастыря пригород Холма на Ловати с деревнями и пустошами, вскоре, в 1655 г., был возвращён в дворцовое

ведомство. Взамен монастырь получил пять погостов в Старорусском уезде: Коломенский, Черенчицкий, Шотовский, Рамышевский, Парфинский с деревнями и со всеми угодьями по реке Ловати⁶.

Ещё три погоста в Старорусском уезде (Воскресенский, Ефремовский, Петровский) Иверский монастырь получил в 1655 г. вместо пожалованных ранее Полоновского и Селищского рядков Деревской пятины⁷.

К 1655 г. к восьми погостам в Старорусском уезде прибавилось ещё пять: Чертицкий, Славенский,

Должинский, Дретенский и Снежский. Взамен было возвращено дворянскому селу Тургенево с приписными к нему деревнями из бывших вотчин Никиты Романова⁸.

В 1655 г. к Иверскому монастырю приписали ещё два: Спасопреображенский в Старой Руссе и Фёдоровский в Твери вместе с принадлежавшими им земельными владениями и различными угодьями⁹.

На основании челобитной патриарха Никона в 1655 г. по грамоте царевича Алексея Алексеевича Иверскому монастырю были отданы во владение пустопорожние земли в Новоторжском уезде Прутенской волости вблизи села Выдропуск, которое принадлежало монастырю¹⁰.

Впоследствии расширение монастырского землевладения происходило главным образом за счёт приобретения земель у частных владельцев. В 1656 г. по просьбе патриарха Никона новгородский воевода И.А. Голицын приобрёл двор богатого гостя Семёна Стоянова на Городище близ Новгорода с условием возвращения ему долга¹¹.

На реке Истре в Московском уезде у Б.В. Приклонского в 1656 г. была куплена деревня Селец с пустошами. В 1658 г. патриарху Никону удалось приобрести вымороченные имения Степана Лялина в Московском и Старорусском уездах. Сам Степан Лялин и его дети умерли в моровое поветрие, и имения остались без наследников. В том же году патриарх расширил вотчину Иверского монастыря в Вельевском погосте Деревской пятины, купив землю у помещика А.И. Оничкова. В 1656 г. у Романа Фёдоровича Боборыкина для Иверского монастыря были

Патриарх Никон с братией Воскресенского монастыря. Парсуна. Неизвестный художник. Воскресенский Новоиерусалимский монастырь. Начало 1660-х гг.

куплены селцо Ивановское, деревня Рычково и ещё несколько деревень в Московском уезде. У боярина В.П. Шереметьева в 1660 г. приобретена деревня Качаварово на Истре (Московский уезд)¹².

Таким образом, в 1650-е гг. благодаря стараниям патриарха сформировалась огромная феодальная вотчина, принадлежащая Иверскому монастырю. Его владения располагались в Старорусском, Новгородском, Новоторжском, Ржевском, Клинском, Старицком, Московском уездах. Многие населённые пункты (сёла, деревни, рядки), а также приписные монастыри и дворы занимали выгодное географическое положение: по Московской дороге (Едрово, Яжелбицы, Выдропуск, Торжок, Тверь), на Вышневолоцком водном пути (Потерпелицкий, Боровичские рядки на Мсте, Вышний Волочек на Тверце), на Волхове, Малом Волховце, озере Ильмень (Чертицкий погост на берегу залива озера Ильмень, двор Семёна Стоянова на берегу Волхова, Лисицкий монастырь на Малом Волховце, село Сытино в Сытинской губе озера Ильмень).

В 1650-е гг. к Иверскому монастырю были приписаны кроме упомянутых выше ещё два: Николаевский Едровский и Николаевский Боровенский. К ним прибавились два вновь основанных: Троицкий Галилейский и Ново-Духов Боровичский. В планах патриарха Никона была приписка Николо-Лядского монастыря близ Городища под Новгородом¹³.

Это обширное вотчинное хозяйство находилось в его единоличном управлении. Жалованные грамоты на владения Иверского монастыря он хранил в Ново-Иерусалимском монастыре.

Формирование такого большого экономического независимого «государства в государстве» в конечном итоге не могло не встревожить правящую светскую элиту, которая постоянно стремилась к ограничению церковного и монастырского землевладения.

В правление патриарха Никона отмечается процесс объединения хозяйственной деятельности Иверского и Ново-Иерусалимского монастырей. Земельные владения Иверского монастыря в Московском уезде на Истре соседствовали с Ново-Иерусалимским монастырём и практически находились в пользовании последнего¹⁴.

За соляными варницами и продажей соли в Старой Руссе наблюдал в 1667 г. приказной патриарха Никона Артемий Токмачёв. Из 11 соляных варниц, принадлежавших Иверскому монастырю, доход от шести шёл на нужды Ново-Иерусалимского¹⁵.

В Новый Иерусалим из вотчин Иверского монастыря поставлялась свежая рыба, уксус, различные строительные материалы. Отсюда отправлялись кирпичники, обжигальщики извести, каменщики, изразечники, прошедшие выучку на строительных площадках Святоозерской обители¹⁶. Из ризницы Иверского монастыря по указу патриарха Никона в Ново-Иерусалимский и Крестный монастыри было взято большое количество церковной и столовой утвари, книг, в том числе из привезённых

старцами Кутеинского монастыря¹⁷. В числе взятого в Ново-Иерусалимский монастырь упоминается «*олтарь мстиславский*», т.е. полный иконостас с «*писанными на золоте*» иконами, царскими дверями и резными «*столпцами*». «*Олтарь мстиславский*», но тябловой конструкции, упоминается также в 1675 г. при описа-

Свято-Духов монастырь. Общий вид со стороны реки Мсты. Гравюра 1865 г. из собрания Боровичского филиала НГОМЗ

нии Свято-Духовской церкви Боровичского монастыря¹⁸. Из Нового Иерусалима «*мстиславский алтарь*» было приказано возвратить в 1685 г.¹⁹

В 1666—1667 гг. церковный собор лишил Никона патриаршего сана и признал, что три монастыря (Ново-Иерусалимский, Иверский, Крестный) он основал «*самоизвольным хотением*» вопреки Соборному уложению. Собор постановил, «*дабы тем новопостроенным монастырем не быти*», а приписным монастырям возвратить вотчины и самостоятельность. И только после обращения Алексея Михайловича к «*святейшим вселенским и московским патриархам*», чтобы они признали созданные преосв. Никоном монастыри «*в чину правильно созданных*» и оставили за ними пожалованные по царским указам, купленные и вымененные вотчины, начался процесс размежевания вотчин и имущественного раздела²⁰. За Иверским монастырём были оставлены все владения в Новгородском, Старорусском уездах, а также село Щучье с деревнями в Ржевском уезде, Слобода Шумковская в Новоторжском уезде, селцо Щапово с деревнями в Клинском уезде, присёлок Богородицкий в Московском уезде, а также два осадных двора в Торжке

и Твери, дворы в Великом Новгороде, соляные варницы в Старой Руссе. Двор в Китай-городе и загородный двор в Москве были оставлены Иверскому монастырю и Ново-Иерусалимскому в общем владении. В качестве приписных за Иверским оставили Покровский Короцкий и Свято-Духов Боровичский монастыри. Всего за Иверским монастырём осталось 1636 крестьянских и бобыльских дворов и 26 мест пустых²¹.

Село Кунья Гора, сельцо Сопки с деревнями были возвращены в 1667 г. Троице-Сергиеву монастырю, Фёдоровский Тверской и Рождественский Лисицкий монастыри получили статус самостоятельных²².

Иверский монастырь с вотчинами перешёл в подчинение новгородскому митрополиту.

Организация строительных работ

Осуществление грандиозных замыслов патриарха Никона потребовало создания необходимой строительной базы. Для возведения деревянных построек было достаточно леса и подвластного крестьянского населения, хорошо знакомого с плотницким делом.

Для сооружения каменных построек понадобились, в первую очередь, поиски нужных природных материалов: песка, глины, известняка, белого камня. Их в достаточном количестве нашли в монастырских владениях. В Боровичах началась разработка высококачественных глин, в том числе белых. В 1664 г. патриарх Никон наказывает архимандриту Филофею прислать в село Выдропуск 100 телег белой глины из Боровичей²³. Залежи глин были обнаружены также в сёлах Дубовое, Валдай, Зимогорье. В этих местах организовали кирпичное производство. В Великом Пороге и Березовском рядке на Мсте устроили печи для обжига извести. Обнаруженный в Великом Пороге белый камень оказался непригодным для тёски, поэтому основным местом добычи его была выбрана Старица на Тверской земле²⁴.

Во вторую очередь необходимо было подготовить кадры строителей (кирпичников, каменщиков) из зависимого крестьянского населения.

Обучались местные крестьяне у опытных мастеров, которых собрал патриарх Никон в Иверском монастыре, — из Новгорода, Вятки, Троице-Сергиева монастыря. И уже в 1660-е гг. кирпичники и каменщики из Боровичей, Едрова, Яжелбиц и других новгородских селений по указам патриарха не только участвовали в строительстве Иверского монастыря, но и отправлялись на работы в Ново-Иерусалимский монастырь²⁵.

Игнат Максимов, мещанин г. Копоса (Белорусия), в 1655 г. приступил к производству изразцов в Иверском монастыре. Для их изготовления использовалась местная глина²⁶. Изразцы из Иверского

монастыря предназначались не только для него, но и посылались в Новгород, Тверь по заказам новгородского митрополита, частных лиц²⁷.

Из документов 1673—1674 гг. известно, что в этот период в Боровичах существовало производство кирпича и изразцов. Этой работой руководил старец Сильвестр, которого в документах называют «печкур»²⁸. Возможно, изразцы в Боровичах начали изготавливать ранее — в 1660-е гг. по причине хорошего качества боровичского месторождения глин — лучшего в России, а также в связи с началом в основанном патриархом Боровичском Ново-Духовом монастыре строительством каменного храма. В отписке архимандриту Евмению Сильвестр называет себя старцем Ново-Духова монастыря, основанного в 1660-е гг. патриархом Никоном в Боровичах. В 1673 г. Сильвестр сообщал властям Иверского монастыря, что он отправил в Новгород по заказу митрополита Иоакима печные изразцы²⁹. Сильвестр занимался также кладкой изразцовых печей и работал в Иверском монастыре³⁰. В 1681 г. «немогущий и древний» старец «гонимого дела» Сильвестр был послан для работы в Мартирьевскую Зеленецкую пустынь³¹.

В строительной деятельности патриарха Никона в новгородских вотчинах можно выделить несколько направлений. Большое внимание было уделено сухопутной дороге Москва—Новгород, которая вела и в Валдайский Иверский монастырь. Известно, что на Московской дороге сооружали новые мосты³². После 1654 г. в принадлежавших Иверскому монастырю населённых пунктах, расположенных по Московской дороге, началось строительство монастырских дворов, где можно было остановиться на ночлег и поменять лошадей. Такие дворы с комплексами жилых и хозяйственных строений появились в Новгородском и Новоторжском уездах: Едрове, Вышнем Волочке, Медне, Выдропуске. Патриарший стан был устроен также в Твери.

Строительство жилых хором, скотного и конного дворов в Выдропуске началось в 1654 г. вскоре после покупки этой деревни патриархом Никоном у И.И. Урусова. В 1658 г. на этом монастырском дворе было приказано к новым патриаршим хоромам пристроить крыльцо и сделать новый «мельничный верх»³³.

Подворья Иверского монастыря отстраивались также в Москве и Новгороде. Новгородское подворье было устроено на Торговой стороне близ Ярославова дворища на Михайловой улице, на месте двора Михаила Милославского с каменной палатой и комплексом деревянных жилых и хозяйственных построек. Двор Милославских был переустроен для подворья: часть зданий отремонтирована, часть выстроена заново. В 1662 г. работами по отделке новых келий руководил резчик Иверского монастыря Никифор Реткин³⁴.

Одно из интересных направлений в строительной деятельности патриарха Никона зафиксировано в адресованной ему грамоте архимандрита Иверского монастыря Дионисия. Это сооружение комплекса построек общественно-административного назначения в селе Богородицыне (Валдае). Комплекс включал гостинный двор с горницами на подклетах, в которых были устроены изразцовые печи, две школы, таможенную избу, важную, большую поварню и амбар³⁵. Возможно, подобные комплексы возводились и в других крупных населённых пунктах.

Свято-Духов монастырь. Общий вид с юго-востока.
Фото В. Морсова. 1980-е гг.

Ремонт и строительство приходских храмов также контролировались указами патриарха.

В 1664 г. патриарх разрешил священнику и крестьянам строительство деревянной церкви Иоанна Предтечи в Березовском рядке на месте прежней, разрушенной в «литовское разорение»³⁶.

В 1666 г. власти Иверского монастыря обратились к патриарху за разрешением освятить перестроенную по его указу каменную Успенскую церковь в селе Сытине. К церкви была пристроена новая алтарная апсида, отремонтированы стены, заведены новые дубовые и железные связи³⁷.

Из казны Иверского монастыря в 1658 г. казначей иеромонах Евмений и «патриарший сын боярский Артемий Токмачев» выдали в церковь Параскевы Пятницы в селе Богородицыне церковную утварь, облачения, ткани. Участие «патриаршего» представителя свидетельствует о том, что и оснащение вновь построенных или существующих в монастырских вотчинах храмов происходило не без участия самого патриарха. В том же году из монастырской казны выделялась утварь и облачения для церкви в селе Еглино³⁸.

Главным объектом в грандиозных архитектурно-строительных планах патриарха являлись основанные им монастыри. Если строительная история Валдайского Иверского монастыря получила освещение, хотя и недостаточное, в современной литературе, то о двух других обителях, устроенных патриархом на Новгородской земле, почти ничего не известно.

Основание и строительство Троицкой Галилейской пустыни и Ново-Духова Боровичского монастыря

Галилейская пустынь была основана патриархом Никоном близ деревни Гурьево (мирское название — Вельё) в Щученской волости Деревской пятины на берегу живописного озера Вельё³⁹. Обращаясь к строителю Галилейской пустыни Евфимию, патриарх Никон в 1665 г. именует его «нашего строения пресвятыя и живоначальныя Троицы во святом Дусе сыну нашему...»⁴⁰. Отсюда следует, что патриарх считает Троицкую Галилейскую пустынь «своим» строением. Определённо об устройстве её патриархом говорится в челобитной священника Иакова Сазонова, датированной митрополиту Новгородскому Евфимию: «Из прошлых же, государь, годех, по указу блаженные памяти святейшего Никона патриарха, построена Галилейская пустынь...»⁴¹.

Первое упоминание о Галилейской пустыни датируется 1659 г. В росписи вещей, привезённых из Кутейнского монастыря, откуда была перемещена братия во вновь созданный Валдайский Иверский монастырь, упоминаются серебряные кадило, звезда, потир и лжица, которые патриарх жалует в Галилею.

Незадолго до этого в 1658 г. преосв. Никон приобрёл у помещика Александра Оничкова вотчину в Вельевском погосте недалеко от приписного к Иверскому Покровского Корецкого монастыря, расширил владения, пожалованные Алексеем Михайловичем в Щученской волости⁴². Кроме того, для вновь основанной пустыни патриарх выделил несколько деревень из вотчин Иверского монастыря⁴³.

Из челобитной крестьян, которые жаловались на притеснения настоятеля Галилейской пустыни Евфимия, известно, что в 1662 г. они занимались заготовкой брёвен для строительства. По-видимому, тогда возводилась деревянная Троицкая церковь и другие строения небольшой обители⁴⁴.

1665 годом датируется грамота патриарха Никона, разрешающая строителю (настоятелю) Евфимию ловить рыбу «по-остаевски» (т.е. так, как было принято в Осташкове Тверского уезда) в Сытинской губе — вотчине Иверского монастыря.

После ссылки патриарха в 1667 г. Галилейская пустынь пришла в упадок. В 1670 г. её строитель обратился к властям Иверского монастыря дать займы рожь и солод⁴⁵.

В 1680 г. Галилейскую пустынь приписали к Ново-Иерусалимскому монастырю. По переписным книгам 1678 г. в Полоновском погосте Деревской пятины за Троицкой Галилейской пустыней числилась деревня Горьево, где жили «рыбные ловцы», и ещё две деревни. Всего в трёх деревнях упоминается 14 крестьянских и бобыльских дворов, 99 человек мужского пола⁴⁶.

По данным конца XVII в. зависимое население пустыни составляло 113 человек (муж. пола)⁴⁷.

После того, как в 1692 г. сгорела деревянная Троицкая церковь, на её месте построили новую. Местные крестьяне корелы Троицкую церковь не посещали, а построили в соседней деревне Пестово свою церковь и выбрали попу корелянина⁴⁸.

В 1722 г. Галилейская пустынь была приписана к Александро-Невскому монастырю, а в 1764 г. после её упразднения сохранявшуюся к тому времени Троицкую церковь перевели в разряд приходских⁴⁹.

Ещё один новый монастырь патриарх основал в селе Боровичи, в тот период крупном населённом пункте со сложной планировочной структурой. Представление о нём дают писцовые книги XVI в.

На правом крутом берегу Мсты располагался Петровский и Борисоглебский погост с тремя деревянными храмами: Петра и Павла, Бориса и Глеба и Введения во храм. Рядом с храмовым комплексом стояли дворы церковнослужителей, крестьян, торговцев, ремесленников, а также торговые лавки⁵⁰. От погоста вниз по реке Мсте на земле, принадлежавшей великому князю, продолжался до Свято-Духова монастыря Боровичский рядок. В 1545 г. в нём насчитывалось 112 тяглых дворов, в 1580-е гг. — более 120. По социальному составу население рядка составляли ремесленники различных профессий, «торговые люди», пашенные крестьяне, а также «кормищики» — лоцманы, проводившие суда по порожистой труднопроходимой Мсте.

Свято-Духов монастырь, поставленный в крутой излучине Мсты, завершал застройку правобережной стороны села, относящейся к Бежецкой пятине.

Напротив Борисоглебского погоста на левом берегу реки располагался Спасский погост с храмом Спаса Преображения. Он относился к Деревской пятине. Застройка Спасского рядка направлялась вверх по течению Мсты до Жадинского ручья, за которым начинался рядок Крупая⁵¹.

Два погоста, рядки и монастырь в целом составляли большое село Боровичи.

О причинах выбора патриархом Никоном этого села для устройства нового монастыря можно лишь предполагать. Скорее всего, он сам побывал в Боровичах и определил место для строительства, хотя документальные подтверждения о его пребывании в Боровичах отсутствуют.

На выбор места, по-видимому, повлияло несколько факторов: выгодное географическое положение богатого села на древнем Волжском торговом пути, живописность ландшафта: по берегам порожистой реки Мсты в то время рос хороший строевой лес. Не случайно слово «бор» послужило основой названия населенного пункта. Но решающим фактором, без сомнения, явилась главная

боровичская святыня — мощи св. Якова Боровичского, которые по указу Никона в 1654 г. торжественно перенесли в Валдайский Иверский монастырь. Он сам переложил мощи в новую раку⁵².

О месте расположения нового монастыря на левом берегу Мсты напротив Свято-Духова монастыря сообщает Михаил Корнилович, не ссылаясь при этом на документальные источники⁵³. Вероятно, в Боровичах в то время ещё сохранялось предание о монастыре, основанном патриархом Никоном.

Собор Св. Духа XVII—XIX вв. Вид с северо-запада.
Фото В. Морсова. 1980-е гг.

Никон не изменил посвящение главного храма нового монастыря, относительно старого, подчеркнув тем самым их нерасторжимую связь. Только в сравнении со Свято-Духовым монастырь стал именоваться Ново-Духовым.

Если Корнилович прав и Ново-Духов монастырь располагался на противоположном берегу Мсты, он должен был стать новой архитектурной доминантой в планировочной структуре села Боровичи. Два монастырских ансамбля на противоположных берегах реки могли стать своеобразными пропилеями при въезде в село с западной стороны от Новгорода⁵⁴.

Самые ранние документы, касающиеся истории Ново-Духова монастыря, относятся к 1661 г. Это «отписки» архимандриту Валдайского Иверского монастыря строителя вновь создаваемой обители Иеронима и старцев Варсонофия и Арефы. Монастырь, таким образом, был мужским, а настоятель имел ранг строителя.

В 1661 г. в Ново-Духовом монастыре активно велись строительные работы. Для «новых белых келлий» Иероним просил прислать девять готовых окончин или мастера со всем «мастеровым запасом»⁵⁵. Началось также строительство житниц. При монастыре были устроены печи для обжига кирпича, но из-за непоставки дров крестьянами много необожжённого кирпича (сырца) испортилось. Кирпич заготавливали для сооружения каменной церкви.

Строитель и старцы жаловались и на другие сложности, возникающие в процессе строительства. Причиной этих трудностей было то, что Ново-Духов монастырь не был обеспечен собственными земельными вотчинами. Оба монастыря существовали за счёт владений Свято-Духовской обители, что, естественно, вызывало протест крестьянского населения. Кроме того, власти Иверского монастыря облагали боровичских крестьян дополнительными оброками и требовали присылать плотников и кирпичников для строительства⁵⁶.

Всё это приводило к остановке работ, о чём сообщал строитель Иероним: «...а в монастыри работать никому стало, а казачков стало ни за что нанять, а боровичане и сел поденщиков не хотят давать, а без того не можно быть стала. Монастырь стал на двое и пашня тоже, а робить стало неким...»⁵⁷.

На обнищание монастырских крестьян жаловался в письме и старец Варсонофий: «...а пашни пахать тоже стало некому, крестьяне хлебом оскудели, а деревни Тины иные и по миру разбрелися, а жоны их траву ядят...»⁵⁸.

Хотя и медленно, но дело всё-таки продвигалось, и в 1664 г. последовал указ послать из Иверского монастыря каменщиков на строительство церкви в Ново-Духове монастыре⁵⁹.

После отстранения от дел патриарха Никона и ссылки его в Ферапонтов монастырь в 1667 г. строительные работы, по-видимому, прекратились. Михаил Корнилович без документальных подтверждений пишет о том, что для храма был сделан только фундамент. Архивные источники позволяют опровергнуть данное утверждение. Казначей Ново-Духова монастыря Евстратий в письме архимандриту Иверского монастыря, датированном 1673 г., сообщает, что договорился с местными дворянами перевезти из Ново-Духова монастыря в Свято-Духов «что есть кирпичу и камня и известь и церковь...», а деревянные постройки, в том числе надвратную церковь Якова Боровичского, начали разбирать четыре плотника, находившиеся в распоряжении казначея⁶⁰. Ещё более определённо об этом сказано в грамоте 1674 г. архимандрита Иверского монастыря Евмения «с братьею»: «...в прошлом де во 181 (1673 — Л.С.) году, по нашему указу и по грамоте велено им в Ново-Духовском Боровичском монастыре каменную церковь, которая по указу бывшего патриарха Никона заведена строить

на помещицкой земли, разобрать и перевести в приписной их в старой Духовской в Боровицкой монастырь»⁶¹.

В 1673 г. постройки Ново-Духова монастыря были полностью разобраны, а строительный материал перевезён в Свято-Духов монастырь.

При большом скоплении «народа» в старый монастырь перенесли раку с частицами мощей Якова Боровичского. Это событие вызвало у боровичан всеобщую радость. Кроме церкви Якова Боровичского, перемещённой в Ново-Духов из Свято-Духова монастыря, из деревянных построек были перевезены вновь выстроенные большие и малые кельи, хлебня, поварня, ограда. Кирпич от разобранной каменной церкви в 1673 г. не удалось перевезти из-за того, что вся территория Свято-Духова монастыря оказалась заложённой камнем, кирпичом, бочками с известью⁶².

Надвратная церковь была поставлена и приготовлена к освящению в 1674 г.⁶³ Большое количество кирпича и извести (около тысячи бочек) говорит о том, что предполагался значительный объём каменных работ. Этот строительный материал был использован для сооружения каменного храма в Свято-Духове монастыре. В 1674 г. архимандрит Иверского монастыря указал «досмотреть место земли дабы церковь каменную делать...», высохла ли земля и можно ли копать фундаментные рвы⁶⁴.

Церковь Святого Духа, построенная в 1674—1676 гг., сохранилась в перестроенном виде до настоящего времени.

Начинания патриарха Никона в Боровичах не прошли даром, брошенные им семена дали хорошие всходы. Боровичские кирпичники участвовали в строительстве Иверского и Воскресенского Ново-Иерусалимского монастырей⁶⁵.

Кирпичное и изразцовое производство на базе качественных глин не остановилось в Боровичах и после 1667 г. В XIX в. началось промышленное изготовление кирпича, в том числе огнеупорного. Боровичские огнеупорные заводы Акционерного общества «Вахтер и К», монополизировавшего эту отрасль промышленности в начале XX в., были самыми крупными в России. На боровичских заводах в XIX — начале XX вв. изготавливали также глазурованную керамическую плитку для облицовки фасадов. До настоящего времени город Боровичи является одним из самых крупных центров по производству кирпича в России.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Акты Иверского Святоозерского монастыря (1582—1706), собранные архимандритом Леонидом и изданные археографической комиссией // Русская историческая библиотека. Т. 5. СПб., 1878. Стб. 54, 114—121.
- ² Акты Иверского... Стб. 92—94.
- ³ Акты Иверского... Стб. 96—102, 335.
- ⁴ Акты Иверского... Стб. 106, 169.
- ⁵ Акты Иверского... Стб. 107—109.
- ⁶ Акты Иверского... Стб. 95, 127—130.
- ⁷ Акты Иверского... Стб. 131—133.
- ⁸ Акты Иверского... Стб. 134.
- ⁹ Акты Иверского... Стб. 150, 151, 188—190.
- ¹⁰ Акты Иверского... Стб. 1017—1022.
- ¹¹ Акты Иверского... Стб. 211—212.
- ¹² Акты Иверского... Стб. 314, 331—332, 699.
- ¹³ Акты Иверского... Стб. 427—429.
- ¹⁴ Акты Иверского... Стб. 696—697.
- ¹⁵ Акты Иверского... Стб. 701—703, 706, 716.
- ¹⁶ Акты Иверского... Стб. 482—484, 487—488, 574—575, 601—602, 613—614, 618—619, 631—632, 637—639, 643—645, 660, 666—669. СПб. ИИ РАН. Ф. 181. Оп. 1. Д. 631. Л. 2.
- ¹⁷ Акты Иверского... Стб. 349—351, 690—695.
- ¹⁸ СПб. ИИ РАН. Ф. 181. Оп. 2. Д. 803. 1675. Л. 2об. Мстиславским алтарь называется, вероятно, потому, что его перевезли в Валдай из «литовского» г. Мстиславля, взятого русскими войсками в 1654 г. ДАИ. Т. 3. СПб., 1848. Стб. 522.
- ¹⁹ Акты Иверского... Стб. 869.
- ²⁰ Акты Иверского... Стб. 706—711, 715—721.
- ²¹ Акты Иверского... Стб. 1048—1066.
- ²² Акты Иверского... Стб. 722—726, 731—732, 738—740.
- ²³ Акты Иверского... Стб. 482—483.
- ²⁴ Акты Иверского... Стб. 134, 174, 218, 259—262; Архив СПб. ИИ РАН. Ф. 181. Оп. 1. Д. 631. Л. 1.
- ²⁵ Акты Иверского... Стб. 157. 168—170, 202—206, 469.
- ²⁶ Акты Иверского... Стб. 14.
- ²⁷ Акты Иверского... Стб. 207—208; Архив СПб. ИИ РАН. Ф. 181. Оп. 1. Д. 2244. Л. 1.
- ²⁸ Архив СПб. ИИ РАН. Ф. 181. Оп. 1. Д. 2177. Л. 4, 8, 11, 25, 26.
- ²⁹ Там же. Д. 2244. Л. 1.
- ³⁰ Там же. Д. 2177. Л. 4; Д. 2244. Л. 1.
- ³¹ Акты Иверского... Стб. 848—849.
- ³² Акты Иверского... Стб. 69—70, 202—206.
- ³³ Акты Иверского... Стб. 67—68, 74—75, 79, 209, 286—290.
- ³⁴ Секретарь Л.А. Подворье Валдайского Иверского монастыря в Новгороде // Изучение и реставрация памятников древнерусской архитектуры и монументального искусства. Труды Государственного Эрмитажа. Вып. 34. СПб., 2007. С. 262—265.
- ³⁵ Акты Иверского... Стб. 213.
- ³⁶ Акты Иверского... Стб. 491.
- ³⁷ Акты Иверского... Стб. 652—653.
- ³⁸ Акты Иверского... Стб. 340—342.
- ³⁹ Ныне это территория входит в Демянский район Новгородской области. Сохранилась и деревня с названием

- Вельё-Станы в Никольском сельском совете недалеко от села Никольское (см.: Новгородская область. Административно-территориальное деление на 1 января 1989 года. Новгород. 1989. С. 42).
- ⁴⁰ Акты Иверского... Стб. 529.
- ⁴¹ Акты Иверского... Стб. 955.
- ⁴² Акты Иверского... Стб. 314, 349—350.
- ⁴³ Акты Иверского... Стб. 314, 383—384.
- ⁴⁴ Акты Иверского... Стб. 382—383.
- ⁴⁵ Акты Иверского... Стб. 529, 770.
- ⁴⁶ История Воскресенского Новоерусалимского монастыря // ЧОИДР. Кн. 2. Отд. 1. М., 1875. С. 539.
- ⁴⁷ Дегтярев А.Я. Избранные труды по русской истории. Т. 1. М., 2006. С. 248.
- ⁴⁸ Акты Иверского... Стб. 954—955.
- ⁴⁹ Зверинский В.В. Материал для историко-топографического исследования о православных монастырях Российской империи. Т. 2. С. 118—119; РГИА. Ф. 834. Оп. 3. Д. 2456. 1768. Л. 205.
- ⁵⁰ Новгородские писцовые книги (далее — НПК). Т. 6. СПб., 1910. С. 911—912.
- ⁵¹ НПК. Т. 6. С. 912—925; Акты, собранные в библиотеках и архивах Российской империи Археографической экспедицией Императорской Академии наук. Т. 1. СПб., 1856. С. 192—194.
- ⁵² Чудесное приплытие сосновой колоды с телом юноши произошло в 1544 г. А в 1572 г. по указу новгородского архиепископа Леонида мощи были освидетельствованы посланными из Новгорода священниками Трифоном и Постником и диаконом Семёном, которые подтвердили их чудодейственную силу. (См.: Новгородские летописи. СПб., 1879. С. 109; Сказание о святом Иакове праведном Боровичском чудотворце. СПб., 1901; Азбелев С.Н. Новгородские летописи XVII века. Новгород. 1960. С. 128).
- ⁵³ Корнилов М. Описание Боровичского Святодухова монастыря // Северная пчела. 1832. № 306. 31 декабря.
- ⁵⁴ На месте древних погостов в соответствии с генеральным планом, разработанным в 1772 г. после учреждения города Боровичи, были устроены площади. Главная Екатерининская площадь была запланирована на правобережной стороне города. На Екатерининской площади в XIX в. выстроили Троицкий собор, сохранившийся в перестроенном виде до настоящего времени.
- ⁵⁵ СПб ИИ РАН. Ф. 181. Оп. 1. Д. 588. 1661. Л. 3.
- ⁵⁶ Там же. Л. 7; Д. 702. 1662. Л. 2, 4—5; Акты Иверского... Стб. 367.
- ⁵⁷ СПб ИИ РАН. Ф. 181. Оп. 1. Д. 588. Л. 8.
- ⁵⁸ Там же. Л. 9.
- ⁵⁹ Акты Иверского... Стб. 464—467.
- ⁶⁰ СПб ИИ РАН. Ф. 181. Оп. 1. Д. 2177. Л. 4.
- ⁶¹ Акты Иверского... Стб. 1074.
- ⁶² СПб ИИ РАН. Ф. 181. Оп. 1. Д. 2177. Л. 6.
- ⁶³ Акты Иверского... Стб. 1074.
- ⁶⁴ СПб. ИИ РАН. Ф. 181. Оп. 1. Д. 2177. Л. 23.
- ⁶⁵ Акты Иверского... Стб. 527—529, 660.

ИВАН КУПРИЯНОВИЧ КУПРИЯНОВ (1820—1878) — один из первых новгородских краеведов, исследователей и собирателей новгородской старины.

Образование Куприянов получил в Гатчинском сиротском институте. В Новгороде он оказался в 1846 году. После специального испытания в Петербургском университете он был утверждён попечителем младших классов новгородской мужской гимназии, учителем русской грамматики и географии.

Куприянов — автор более 50 статей и книг, посвящённых в основном историческому прошлому и древностям Новгорода. Печатался в самых разных изданиях: в журналах «Москвитянин», «Отечественные записки», «Русское слово», «Русский педагогический вестник», «Журнале Министерства народного просвещения», «Известиях Императорской Академии наук», «Вестнике Императорского русского географического общества» и др.

Корреспондентом журнала «Москвитянин» И.К. Куприянов являлся около десяти лет и поддерживал личную переписку с его издателем — историком М. Погодиным.

В своих публикациях Иван Куприянов часто сообщал сведения о рукописях и документах, обнаруженных им в Софийской библиотеке, консисторском архиве, архиве казённой палаты. Разрешение на беспрепятственный доступ в эти хранилища он получил от местного начальства с 1852 года. Куприянов собрал в Новгороде свою коллекцию рукописей, которую позже уступил Публичной библиотеке.

Поэтому, работая в каталоге Российской Национальной библиотеки (так сейчас называется Публичная библиотека), подбирая материалы для сборника «Новгород и Новгородская земля в мемуаристике XIX—XX веков», я поинтересовалась наличием трудов нашего краеведа в надежде найти его воспоминания о годах, проведённых в Новгороде. Но вместо этого наткнулась на ряд публикаций, которые отсутствуют в новгородских библиотеках или недоступны читателям по ряду причин. Среди них — один из первых путеводителей «Прогулки по Новгороду и его окрестностям», составленный Куприяновым в 1862 году. Был там и сброшюрованный чьей-то заботливой рукой

в один том сборник публикаций Куприянова, написанных в разное время и напечатанных в различных изданиях. В сборник вошли: обширный исторический очерк «Ярославово дворище»; «Обозрение пергаменных рукописей Новгородской Софийской библиотеки», содержащее сведения о «Краткой летописи, писанной полууставом в первой половине XVI в. при Василии Ивановиче» и о рукописной Псалтири без переплёта и без библиотечного номера, писаной уставом в XIII в. (с датировкой рукой митрополита Евгения Болховитинова); «Исторический очерк учреждения и распространения училищ в Новгородской губернии». Среди них — ниже представленный

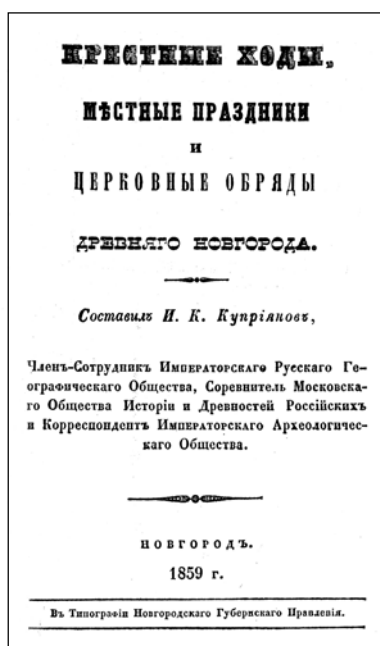
материал «Крестные ходы, местные праздники и церковные обряды Древнего Новгорода», информацию для которого Куприянов черпал из «Устава архиерейского служения». Рукопись XVII века, была обнаружена им в собрании Новгородского Софийского собора. Этот материал поможет нам окунуться в мир повседневного, обыденного религиозного сознания, в котором проживал «лето господне» каждый житель земли Новгородской.

Публикации такого рода сейчас весьма актуальны. Ведь с появлением «новой социальной истории», из которой выделилось направление исследований повседневной жизни людей, история стран и народов стала вос-

приниматься, не только как история экономических теорий и политических учений, но и как история быта, нравов, религии, социальной психологии и обыденного сознания.

Когда-то Иван Куприянович писал: «*Придет пора, когда под пером талантливого... писателя снова заговорят живым языком мертвые до сих пор факты прошлого: тогда ничего не будет лишним, бесполезным. Наше дело — собирать эти факты и подготавливать почву будущим трудам, дабы не заслужить себе впоследствии укора в том, что мы не сумели сохранить тех немногих черт былого, коих не истребило еще в нас всепоглощающее время*». Продолжая традицию — собирать и доносить факты до заинтересованных читателей, мы знакомим вас с материалами собранными И.К. Куприяновым.

Н.И. Морылёва

ПРАЗДНЕСТВА ДРЕВНЕГО НОВГОРОДА

Крестные ходы, местные праздники и другие церковные торжества древнего Новгорода

Составил И.К. Куприянов

Новгород, 1859 г.

Обычная жизнь наших предков вообще текла мирно и однообразно, вращаясь почти исключительно в кругу семейном. Вера наложила на всю житейскую обстановку наших предков неизгладимый, вековечный отпечаток, составляющий отличительную особенность всех проявлений нашей литературы. В других государствах общественная и частная жизнь, находясь под влиянием древнеклассической, языческой образованности, также отчасти местных климатических и политических условий, способствовала к развитию в народе личности, независимой от веры и даже противной вере; у нас же, напротив, личность сосредоточивалась в православии и существовала в духе истинного Христианства. От того-то наша старинная литература вообще носит характер религиозный и почти не выходит из круга религиозных поучений, из пределов богословия. Общественных удовольствий и развлечений, столь обыкновенных в жизни других народов, у нас в старину почти не существовало. В глазах строгих ревнителей веры все удовольствия считались предосудительными и греховными; общественное мнение и само правительство привыкло смотреть на них с той же точки зрения. И хотя духовные наши витии нередко ратовали против скоморохов, игрецов, против гудения, бесовских песен, плясок и т.п.; но можно думать, что то был не более, как призрак, сравнительно с нынешним неистовым стремлением к удовольствиям. Домовитость семейной жизни и многоплодные труды наших предков на пользу общества прерывались только религиозными торжествами и празднествами, в коих весь народ принимал живое, сердечное участие, — от того-то старинные церковные церемонии были у нас вообще многочисленны и имели важное значение в народной жизни.

Мы намерены проследить в настоящей статье ряд замечательных местных Новгородских праздников, крестных ходов и особенных церковных обрядов за весь год, начиная с сентября. Руководством для нашего труда служил Устав Архиерейского служения, рукопись XVII века, хранящаяся в новгородской Софийской библиотеке. В ней изо дня в день, со всей подробностью, обозначен порядок служения Архиерейского, крестные ходы, звоны и т.п. Рукопись эта, оболоченная малиновым бархатом, писана хорошим полууставом и есть, без сомнения, копия с более древнего списка Устава, с заметными, впрочем, поновлениями в языке.

При обозрении праздников мы будем держаться порядка нашего подлинника, пользуясь местами и его изложением, в том убеждении, что язык эпохи в некоторых случаях точнее, живописнее и рельефнее современного пересказа.

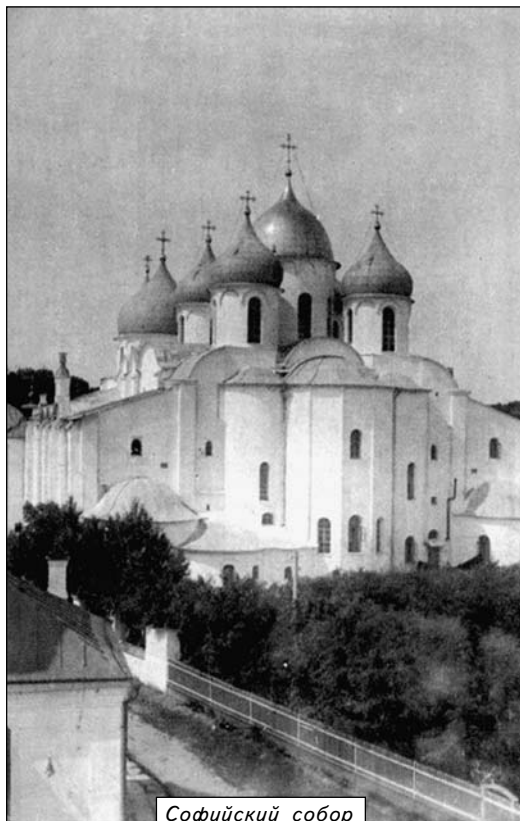
При ощутительной бедности материалов, характеризующих внутренний быт древней Руси, мы полагаем, что и ныне фактическое обозрение Новгородских праздников не будет бесполезным в общей массе сведений, собираемых наукой для уяснения отечественной истории. Придёт, конечно, пора, когда под пером талантливое дееписателя снова заговорят живым языком мертвые до сих пор факты прошлого: тогда ничто не будет лишним и бесполезным. Наше дело пока — собирать эти факты и готовить почву будущим трудам, дабы не заслужить себе впоследствии упрека в том, что мы не сумели сохранить тех немногих черт былого, коих не истребило еще до нас всепожирающее время.

1-го сентября отправлялся *чин новолетия*, т.е. праздновалось наступление *Нового года* следующим образом:

«После заутрени в начале 1-го часа дня (по солнечном восходе) был благовест на соборе в большой колокол, в средний и в меньший, переменяясь». «И в то время звонцы строят Святителю место против церкви Похвалы Богородицы, а ключари над звонцы назирают прилежно того, и в полтретьяго часа дни звонят во вся довольно, а в то время ключари полагают на гробы покровы праздничные большие, а

власти съезжаются ко Святителю в звон в крестовую келью, а подъяки с облачением и с лампадою и со свечами приходят в тоже время в выходную полату и облачаются по обычаю в полате; и облачаясь приходят пред крестовую келью с лампадою и со свечами. Тогда Святитель с властью глаголет: *Достойно есть*, и отпуст и прощение; и по прощении идет в церковь, а подъяки провожают Святителя по обычаю с пением, а поют идучи стих Новому лету: *„иже незреченною мудростию“*». После того Святитель входил в Софийский Собор и облачался в *сак саженьный с глаголи*, по обыкновению, среди церкви при пении дневных стихо-

вен; служащие власти, т.е. Архимандриты, протопопы и поповские старосты облачались в алтаре. «В тоже время ключари устроят место, *на нем же лето начинати*, и поставляют налоги под иконы и под Евангелия, а перед налоги подсвечники со свечами поставляют и стол оболчен, а на нем чашу и в кумганех приготовят воду к освящению, а подъяк полагает в тоже время орлецы во алтаре от Царских дверей до престола. И по совершении от Святителя Архиерейских молитв благословляются ключари у Святителя кресты поднимать, и по благословении Святителев ключари повелевают градским попом поднимати: рипиды, крест выносной и образы Софеи и Знамения и Пречистыя Владимирския и Тихвинския и налойныя; и станут с теми всеми иконы выносными попы по обычаю и дьяконы с рипидами против Царского и Митрополичья места на правой стороне от амбона».

Софийский собор

Крестный ход направлялся на Софийскую площадь к церкви Похвалы Св. Богородицы, как сказано выше. Дорогою совершалось праздничное пение *неспешно* при колокольном звоне. По прибытии к приготовленному месту кресты, иконы и евангелия ставились на налоях; благовест прекращался, и затем совершалось большое очередное каждение икон и народа, начиная с Архиерея, постепенно всеми служащими властями. По возглашении протодьяконом краткой ектении, один из священников подносил Святителю на блюде крест, а про-

тодьякон принимал кадило. Архиерей, обратясь лицом к полуденной стране, читал велегласно ектению и осенял народ крестом, причём протодьякон совершал каждение; потом Святитель обращался лицом на западную сторону и, наконец, на северную, совершая то же самое действие. После того читались паремии Новому лету, во время чтения коих Архиерей садился. Между тем ключари начинали водоосвящение в особом сосуде и совершали этот обряд до погружения креста, которое производилось потом самим Митрополитом после Евангелия. По окончании паремий читали Апостол, а затем и Евангелие, которое читал сам Святитель, чередуясь с протодьяконом, как чи-

тается оно в Пасху, по частям двойне. По прочтении за сим большой ектении, Святитель, умыв руки, довершал обряд водоосвящения с погружением Св. Креста при пении клиром Тропаря: *«Спаси, Господи!»* Омыв губою святые иконы, Митрополит читал потом велегласно молитву Св. Филофея Патриарха Цареградского: *«Владыко Господи Боже наш, иже живым ипостасным Ти словом»* и т.д. Эта молитва могла быть заменена по желанию Преосвященного другой, нарочно сложенной для чтения в Новый год: *«Господи Боже наш, высокий и славный человеколюбче, воздая противу трудом же честь и славу»* и т.д. По осенении Крестом на все четыре страны, Святитель сходил с высоты своего места и, став на среднюю ступень, говорил боярину, воеводам и всему народу нижеследующую титулу о царском многолетнем здравии, по окончании коей певчие дьяки пели многолетие разводное неспешно.

Титло о Царском здравии

«Великого, и превысочайшаго, пресветлаго, и преславнаго благовернаго, и благороднаго и самодержавнаго Государя Нашего Царя и Великаго Князя имрк. всея Руси Самодержца Его Царскаго Величества великий боярин и изрядные воеводы Князь имр. и власти, Архимандриты и игумены и весь освященный Собор и Государевы дьяки и дворяне и дети боярские, головы и гости, сотники и служилые и всяких чинов люди и все Православные Христиане в нынешний настоящий день честнаго торжества, начало индикта, сиречь вход Новаго лета соборне молили Всемилостиваго и Всещедраго и человеколюбиваго в Троице славимаго Бога и Пречистую Его Богоматерь и Святых Архангел Михаила и Гавриила и прочих Небесных Сил бесплотных, честнаго и Славнаго Пророка и Предтечи и Крестителя Иоанна, Святых Славных и Всехвальных Апостол и Святых добропобедных мученик Преподобных и Богоносных Отец наших и Святых праведных Богоотец Иоакима и Анны, иже во Святых Отец наших Преосвященных Митрополитов Петра, Алексия и Ионы Московских и всея России чудотворцев, и иже во Святых Отец наших Никиты, Нифонта Епископов, и Иоанна, и Евфимия, и Ионы, и Моисея Архиепископов Новгородских чудотворцев и всех Святых о вселенском устроении и о благосостоянии Святых Божиих Церквей и о совокуплении всех и о многолетнем здравии Богом венчаннаго и благочестиваго и Христоролюбиваго Государя нашего Царя и Великого Князя имр. и о его благоверной и Христоролюбивой Царице и о нашей Государыне Великой Княгине имр. и о благоверном и благородном и Христоролюбивом Царевиче Князе имр. и о благоверной, благородной Царевне Великой Княгине имр., и о их Государском общем богомольце и отце, а о Нашем Великом Господине и Государе Святейшем имр. Патриархе Московском и всея Руси и о их Государских общих богомольцах Преосвященных Митрополитех и Архиепископех и Епископех, и о Священном Соборе и о боярех и о Христоролюбивом воинстве и о доброхотех и о всех Православных Христианех, чтоб Всемилостивый и в Троице славимый Господь Бог в нынешний настоящий год также и в предидущия многия лета Великому Государю Нашему Царю и Великому Князю имр. всея Руси умножил лет живота его, и даровал бы Господь Бог ему Великому Государю Нашему и всему Христоролюбивому Воинству свышепобеду и крепость и храбрость и одоление на вся видимые и невидимые враги и возвысил бы Господь Бог его Царскую десницу над бесерменством и над латинством и надо всеми иноплемennыми языки, иже бранем хотящая быти, и покорил бы Господь Бог под нозе его всякого врага и супостата и царство бы его устроил мирно и тихо и немятежно во благоденствии и во изобилии

плодов земных. Дай Господи, чтобы Государь Наш благоверный (повторяется титул) здрав был со всеми на многа лета».

После того говорил Царское многолетие боярин, а Святитель, окропив бояр и народ Святою водою, поздравляет всех с Новым годом. Колокольный звон всех городских церквей оглашал воздух. Крестный ход возвращался тем же порядком в собор через златые (т.е. Корсунские) врата, где и начиналась обыкновенная обедня. По совершении литургии Святитель идёт в крестовую келью, «а провожают его подьяки с лампадою и со свечами и с пением, а поп с праздником и дьякон с панагеею по чину. И того дни у Святителя в Софейском дому стол влаstem и Софийскому всему Собору, а перед столом и после стола действуют над хлебом Богородичным по обычаю, а за столом чтут от жития и чудес Преподобнаго Семёона Столпника. А после стола и хлеба Богородична про Государское многолетнее здравие бывають чаши и про Государя Святейшаго Патриарха. И после чаш Святитель ко влаstem творит прощение и благословит их и отпустит с миром во своя; а Святитель отходит в крестовую, а перед ним несут праздники и панагеею, а певцы поют: „Богородице, ты еси лоза истинная“. И в келью Святитель пришед глаголет: слава и ныне, и отпуст по обычаю келейный, а на отпусте поминают все храмы настоящие. А после отпуста Святитель знаменуется у праздника и у панатеи и благословит священника и дьякона и отпускает с праздником и с панагеею в соборную церковь, и потом попа и дьякона и дьяков певчих посылает на погреб, которые святителя в крестовую провожают».

5-го сентября служили в Соборе панихиду по создателям Софийского храма в нынешнем его виде: Великой Княгине Анне, супруге Великого Князя Ярослава 1-го и сыне её Новгородском Князе Владимире Ярославиче, нетленно до сих пор в Св. Софии почивающим. К панихиде съезжались монастырские власти и пели тропарь у гробниц Св. Храмосоздателей. На другой день служили обедню и пели также тропарь. Ничего особенного в этот день не происходило.

7-го сентября праздновали память Новгородского Архиепископа Иоанна 1-го, послужившему при чудесном Знамени Божией Матери. Ещё накануне, 6-го числа, Знаменский Протопоп со своим причтом приходил к Митрополиту принять благословение для празднования этому Святому Угоднику в своём придельном храме, а ключари повешали поповских старост, чтобы праздновали Иоанну Архиепископу по всему городу. В Софийском соборе Святитель служил торжественную обедню, причём правый клирос пел домашнюю службу, а левый — строчную Новгородскую. «После литургии у Святителя в Софейском дому

стол всему Софейскому Собору и приказным, а за столом чтение от жития и чудес Чудотворца Иоанна, и после стола и хлеба Богородична про Государское многолетное здравие и Патриарше чаши».

8-го сентября, день Рождества Богородицы, был храмовый праздник в Антониевом монастыре и в одном из приделов Софийского собора. Накануне, 7 сентября, Преосвященный служил вечерню в придельном храме Св. Софии с двумя священниками и двумя дьяконами, а ризницу с певчими отпускал в монастырь, где служил на другой день праздничную обедню. «А как Святитель в Антониев монастырь приедет, и в монастыре встречают Святителя игумен с братиею у Святых врат с благовестом и с звоном, а поп с

Московская улица

крестом, а дьякон с кадилом. И Святитель молится пред вратами и глаголет: „Достойно есть” и молитву приходную по обычаю; на молитве поминает своих храмов Святых и того монастыря храмов. И благословит себе Крестом и властей, которые с ним приедут служить и того монастыря игумена и священников и дьяконов, которые в облачении, а братию благословит рукою, и спрашивает игумена и братию о здоровье. После обедни поп с праздником и дьякон с панатеею входят в трапезу, а Святитель входит в келью для премены обычной одежды. Итого дни в монастыре у Игумена с братиею бывает стол Святителю и боярину и воеводе и дьяком и властям и Софейскому всему Собору, а за столом чтение: чет крылошанин торжественные слова Рождеству Богородицы. И после стола крылошанин поют стихиру Богородице и потом Святитель действует над хлебом Богородичным и посем про Царское многолетное здравие и Патриарше чаши; потом выходит из монастыря в дом свой слава Бога».

9-го сентября праздновали в приделе Софийского Собора Иоакиму и Анне, в память основателя собора и просветителя новгородцев первого Епископа Иоакима Корсунянина. Особенностей никаких не было.

В воскресенье пред Воздвижением Честного Креста совершался крестный ход к Софийскому собору от прочих шести городских соборов* следующим образом: «В благовест Софийский повелевает староста у себя в соборе благовестить на Собор и собирают койждо в соборы своя все попы и дьяконы всего града от своих церквей. И по другому Софейскому звону велит койждо староста во вся звонить койждо от своего Собору, а поднимают Кресты по чину и начинают молебен, а на молебне каноны поют: Успению Богородицы да Никите Епископу и Иоанну Архиепископу, да койждо староста прилагает своему храму канон. А в Соборе старосты на отпустех вспоминают тех же Святых, кому в ходу каноны петы, и по „Бог Господь” идут

со кресты к соборной церкви к Софеи Премудрости Божией, а в то время на Софейской колокольне звонят во вся. И пришед со кресты, священники и дьяконы ставят в Корсунской паперти до уреченного времени». После вечерни выносили кресты и иконы из Софийского Собора и крестный ход от всех семи Соборов направлялся к церкви Преображения Господня на Ильиной улице. Митрополит не сопровождал сам крестного хода. Причины установления этого хода мы не знаем.

15-го сентября на память Великомученика Никиты и Сретения чудотворной иконы Владимирской совершался крестный ход из Софийского Собора к церкви Великомученика Никиты, что на Торговой стороне на Никитинской улице (ныне Московской). Святитель со всеми властями сопровождал крестный ход и служил у праздника обедню. Останавливались для молебна дорогою: 1) у Чёрного креста, пели молебен Троице и Благовещению, Евангелие читал Святитель; 2) у Предтеченской церкви на Опоках, молебен пели Успению Божией Матери и Иоанну Крестителю; 3) у церкви Дмитрия Солунского на Славковой улице, а молебен служили Св. Дмитрию и просительный, и 4) у церкви Никиты, с праздничным молебном, Евангелие читал Святитель.

28-го сентября, на память Кирияка Отходника, Преосвященный ездил на служение литургии в Юрьев монастырь, в воспоминание строителя этого монастыря Игумена Кирияка (Нов. 1 лет. под 6627 г.).

1-го октября происходил крестный ход из Софийского Собора к церкви Покрова Богородицы,

* В XVI и XVII вв. в Новгороде было семь Соборов: 1) Софийский, 2) Похвальский, 3) Знаменский, 4) Успенский, 5) Предтеченский, 6) Николо-Дворищенский и 7) Яковлевский. Протопопы или старшие священники их назывались поповскими старостами.

находящейся также в Кремле. Кресты сопровождал Софийский Протопоп с соборными священниками. У Владыки в этот день был званый обед.

4-го октября был день замечательный для новгородцев: в 1439 г. 4-го числа октября было чудесное видение Архиепископу Новгородскому Евфимию Св. Иоанна Архиепископа (1186 г.), причём Святой Иоанн заповедал, чтобы в этот день в Софийском Соборе всегда совершались панихиды по усопшим Святителям, Князьям и Княгиням, избравшим Святую Софию своей усыпальницей. По этому случаю происходило в Новгороде следующее духовное торжество. Накануне этого дня ключари соборные, с благословения Святительского, посылали звонцов и пономарей известить духовные власти городских и окрестных монастырей об имеющих быть на следующий день панихидах. Замечательно при этом то обстоятельство, что Игумены монастырей Отенского и Клопского, как младшие в духовном чинопочинании Новгорода, извещаемы не были, а должны были приезжать сами. Перед вечерней ключари с звонцами и пономарями шли на Государев кормовой двор за мёдом для кутьи. Здесь им выдавали мёду два ведра, каждое в 12 кружек. Приготовление же самой кутьи лежало на обязанности Софийского просвирика, получавшего за то определённую плату из Государевой казны. Потом ключари расставляли кутью и мёд по гробницам: на раке Св. создателей Софии, Великого Князя Владимира Ярославича и Великой Княгини Анны, ставилось 2 стопы меду по $\frac{1}{2}$ кружки в каждой, да 2 блюда за кутьёю; на гробнице Великой Княгини Александры ковш кутьи и стопа мёду в 2 кружки; на гробницах Великих Князей Мстислава Ростиславича и Феодора Ярославича то же количество мёда и кутьи, а на гробницах Великих Князей Мстислава Ростиславича (другого) и Василия по ковшу кутьи и по ковшу мёда. Посредине Собора устанавливали стол, на котором ставился оловянный мёд в 7 кружек, да кутья на ценном блюде, «*нарядная с ягоды и с сахаром*». По прибытии в собор Святителя и властей начиналась панихида, к которой обязан был явиться Государев дьяк большой для Государских прародителей поминания, и получал при входе в церковь от Святителя витуую свечу. Чин служения был обыкновенный, исключая того, что по 6 песне канона Святитель шёл к создателям храма петь тропарь. По приделах собора, у гробниц Княжеских, служили одновременно панихиды Игумены с городскими Священниками, по определённому заранее расписанию. Вместе с тем служили панихиду и в церкви Великомученика Ипатия на Рогатице, для чего наряжался Игумен Клопский и один из поповских старост. По совершении здесь богослужения Игумен приносил Святителю заупокойную просфору, которою тот благословлял Государева дьяка.

По совершении Соборной панихиды поминали кутьёю покойных Князей Святитель и все прочие служившие власти, а остатки кутьи и мёд разделяли между певчими и церковнослужителями по особому распределению. То же самое действие повторялось и после заутрени на другой день 4-го октября; такое же количество мёду снова отпускалось из Государева кормового двора. Литургия шла обычным порядком, при окончании которой, после заамвонной молитвы, Святитель шёл петь тропарь Великим Князьям (обоим Мстиславам) в приделе Рождества Богородицы. С окончанием службы все власти шли на обед к Святителю; низшие же церковнослужители обедали на кормовом дворе. За столом прислуживал Святителю и всем прочим властям Государев дворцовый дьяк. «И поставя есть, сказано в Уставе, подносит Государев дьяк Святителю мед в чарке, також и властям, и Святитель благословит Государева дьяка ествою, которою изволит, и прием дьяк от Святителя подачу и благословение, отходит на Государев кормовой двор». Во время обеда читали из Маргарита статью об умерших; после же стола потребляли хлеб Богородицын, читали тропарь над кутьёю и пили чаши за здоровье Государя и за Патриарха. Протодьякон с певчими отправлялся после Святительского обеда на кормовой двор петь заупокойный тропарь и пить чаши за здоровье Государя и Патриарха. На другой день, т.е. 5 октября, либо 4-го, как пожелает того Святитель, происходил точно такой же обряд поминования усопших Святителей Новгородских, погребённых в Софийском соборе. Мёд и кутья отпускались тогда из Софийской казны. Заупокойный тропарь пели соборно у гробницы Св. Иоанна Архиепископа в приделе Усекновения Главы Иоанна Предтечи, чаще называвшегося в прежнее время *темницею*. По совершении литургии у Святителя бывал стол на весь духовный причет. Вот что сказано об этом в нашем подлиннике: «И бывает того дни в Софийском дому у Святителя стол властям и Софийскому Собору, и девятипрестольным соборяном, и старостам поповским, и дьяконом десятским, и дьячком и пономарем. И бывает за столом хлеб Богородицын и чтение в Маргарите. А перед столом чашник приносит с погреба кутью и поставляет на окне, а казенный подьячий запалить две свечи, и поставляет одну пред образом, а другую перед кутьёю. И в начале стола Святитель, став от своего места, сам ставит властям и священником и всем причетником во вся столы по 3 ествы в блюдо и даст по калачу человеку, и подносит по чарке питья. И обошед всех, Святитель сядет на своем месте, и бывает кушание по обычаю. И после стола и хлеба Богородицына тропарь над кутьёю и потом чаши и Святительском здравии и спасении, и отпускает и благословляет властей в дома своя,

а сам отходит в крестовую келью — по обычаю». Так праздновалось 4 и 5-е октября в старину. Общие панихиды совершаются и поныне в Софийском соборе 4-го октября.

23 октября. В канун памяти Св. Апостола Иакова брата Господня, т.е. 22 числа, соборный ключарь ходил в земскую избу к старостам и приказывал кликать бирючу, «чтоб на завтра шли молиться со кресты ко Иакову брату Господню все православные христиане о избавлении града от смертоносных язвы». Крестный ход 23 числа совершался из Софийского собора к церкви Св. Иакова на Софийской стороне на Добрыниной улице и проходил

через Воскресенские ворота кремля на Чудинцеву улицу, останавливаясь для молебна: 1) выйдя из земляных ворот на площади против церкви Усекновения Главы Иоанна Предтечи, где Евангелие читал сам Святитель, и 2) у самой церкви Св. Иакова на Добрыниной улице; читал Евангелие также Преосвященный. Образы выносились для хода обыкновенные: Софии, Знамения, икона Тихвинской Божией Матери и Владимирской, рипиды, Крест и Евангелие.

26 октября Святитель служил литургию у праздника в церкви Св. Димитрия Солунского на Славковой улице; крестного хода не было.

Ноября 5 праздновалась память Св. Ионы Архиепископа Новгородского (1458—1471), нетленно почивающего в основанном им Отенском монастыре, отстоящем в 40 верстах от Новгорода. Накануне ключарь извещал поповских старост о должествующем быть крестном ходе от всех городских церквей к Архиепископу Ионе на Опоки, а в земской избе приказывал городским старостам, чтоб послали в ряды кликать бирючей, дабы все шли на другой день молиться Св. Ионе. Святитель не сопровождал сам крестного хода, а ездил к празднику для совершения службы вечерней, всенощной и обеденной. После обедни Святитель отъезжал из Отенского монастыря прямо в Хутынский

монастырь, так как 6 ноября был днём преставления Св. Чудотворца Варлаама, основателя обители. Крестного хода из города в Хутынский монастырь в этот день не было; но служение совершал здесь сам Преосвященный с освящением воды, которую и отправляли тотчас в Москву к Государю. После обедни, по обыкновению, у Архимандрита Святителю и всем властям был обеденный стол, а за столом «учреждение бывало велие».

8 ноября Преосвященный служил у праздника в церкви Михаила Архангела на Михайловке.

13 ноября Святитель совершал служение в церкви Иоанна Златоустого на Кремлёвских воротах.

27 ноября праздновалось воспоминание избавления Новгорода от осады его Андреем Боголюбским в 1170 г. ходатайством Божией Матери, при чём явлено было Знамение её благодати на чудотворной иконе. Крестный ход совершался из Софийского собора в Знаменскую церковь; служба была с водосвятием: воду и праздничную просфору посылали потом в Москву к Государю. Останавливались для молебна: 1) у Чудного или Чёрного креста на мосту, Евангелие читал Святитель, 2) у церкви Успения Божией Матери на Козьей Бородке, где Евангелие читал Юрьевский Архимандрит и 3) у праздника, где опять читал Евангелие Святитель. Обеденный стол был у Архиепископа в Софийском доме.

1 декабря праздновалось обретение мощей Св. Иоанна Архиепископа Новгородского. Накануне, т.е. 30 ноября, Софийский ключарь рассылал звонцов к монастырским властям с приглашением на празднество, а сам ходил в земскую избу для приказанья городским старостам, чтобы они послали бирючей объявить народу о предстоящем празднестве и чтоб все шли со крестами, ото всех городских церквей, в *темницу* Софийского собора (так назывался в старину придельный храм в Софии, воздвигнутый в память Усекновения Главы Иоанна Предтечи, где почивают мощи Св. Иоанна Архиепископа и брата его Архиепископа Григория). О обретении мощей Св. Иоанна вот что сказано в Уставе: «...обретены быша честныя мощи чудотворца Иоанна в лето 6948 (1440 г.) Октября в 4 день. Устави же ся сей праздник праздновати обретение честных мощей чудотворца Иоанна Преосвященным Киприяном Митрополитом Великаго Новграда и Великих Лук в лето 7138 (1630) Декабря в 1 день сицевыя ради вины. Понеже Октября в 4 день по видению Евфимия Архиепископа, а по явлению Иоанна Архиепископа установлено память творити заупокой преставльшимся блаженным создателям Св. Софии и благоверным Царем и Царицам и Великим Князем всея Руси и Великим Княгиням и Преосвященным Архиепископом и Епископом

Новгородским и всем Православным Христианом. И чудеси ради древняго, еже содеяся от Пречистыя Богородицы честнаго и славнаго ея Знамения победа и одоление над супостаты потружением и молитвою великаго чудотворца Иоанна ко Пресвятей Богородице и к воплощшемуся из нея Господу Богу нашему Иисусу Христу, в лето 7163 (1655) Декабря в 1 день на память Св. Пророка Наума предложены быша честная мощи иже во святых отца нашего Иоанна Архиепископа Новгородскаго чудотворца из прежняго гроба в новую раку над тем же гробом вверх, в то же церкви Усекновения честных главы Иоанна Предтечи Преосвященным Макарием Митрополитом Великаго Новаграда и Великих Лук». Особенностей при этом празднике никаких не происходило.

6 декабря Святитель служил литургию в церкви Николая чудотворца на Ярославовом дворище, но крестного хода не было.

В декабре месяце совершался также так называемый *чин пециного действия*. Обряд этот существовал только в некоторых больших городах и изображал в лицах и в драматической форме историю трёх Иудейских отроков, брошенных в горящую печь по повелению Новуходносора и чудом Божиим оставшихся невредимыми. Без сомнения он занесён был к нам из Западной церкви, и так как вовсе не согласен с духом Православного богослужения, то при Петре I был уничтожен. Драматические подробности этого обряда являлись в такой грубой форме, что описание их в ряду церковных праздников вовсе неуместно.

В навечерие Рождества Христова отправлялся чин Царских часов, т.е. провозглашалось многолетие Царскому семейству. К присутствованию приглашались — Царский воевода, бояре, дьяки и купечество; каждой группе назначалось в соборе особое место. После 9 часа протодьякон троекратно провозглашал Царский титул и желание многолетнего здравия; то же повторял потом, сойдя с своего места, Святитель, а за ним и боярин. После того протодьякон говорил многолетие Патриарху, которое повторялось потом Святителем; далее таким же порядком шло провозглашение многолетия — Царице, Царевичу, Царевнам, Митрополиту, боярину и всем Православным Христианам, и заключалось словами Преосвященного: «многолетно устрой Боже все православное христианство в тишине и во благоденствии и во изобилии плодов земных на многи лета; будите вы православные христиане здравы на многи лета». «Тогда здравствуют все каждый друг друга». Подобный же чин или обряд многолетия производился и в навечерие Богоявления Господня во время водоосвящения.

25 января праздновалась память Новгородского Архиепископа Моисея и был крестный ход из всех церквей города к церкви Великомученика Никиты, в коей был сооружён придел в честь этого Святого.

18 апреля ходили со крестами к церкви Успения Богородицы, что на Козьей Бородке. В этот день совершалась память Новгородского Епископа Нифонта (1130—1156), вероятно, основателя сей церкви (1144 г.), которому впоследствии воздвигнут был придельный храм при Успенской церкви. Служение было Архиерейское.

29 апреля крестный ход в Софийский собор к Св. Никите Епископу, почивающему в приделе

Богоотец Иоакима и Анны. Власти съезжались к молебну по зову детей боярских.

23 июня крестный ход в Знаменский собор в воспоминание Сретения чудотворной иконы Владимирской Божией Матери.

30 июня, в день памяти Св. Антония Римлянина Новгородского чудотворца, совершался большой крестный ход со всех городских церквей в Антониев монастырь. Останавливались для молебна: 1) у Чудного креста на мосту, 2) у Дмитриевской церкви, в торгу, 3) у Никитинской церкви, 4) у Радаковицкого монастыря, при устье ручья Витки и 5) в самом Антоньевском монастыре. Преосвященный принимал участие в ходу и служил литургию у праздника.

В первое Воскресенье после Петрова дня совершался большой крестный ход вокруг Софийской стороны города. Ход этот совершается и до сих пор, но не в том порядке, как прежде. Первоначально кресты шли от Софии к Знаменскому собору за чудотворной иконой и потом берегом Волхова в Троицкую слободу к Алексеевским воротам в Гончарском конце, после всходили на вал и продолжали шествие вокруг него до большого моста; останавливались в 6 местах: 1) у Чёрного креста на большом Волховском мосту, пели молебный канон Троице да Архангелам; Евангелие читал

Святитель, 2) у Знаменского собора, служили молебен Знамению Божией Матери и Иоанну Архиепископу; Евангелие здесь читал Юрьевский Архимандрит, 3) за Алексеевскими воротами, для молебна Благовещению Богородицы и Николаю чудотворцу; Евангелие читал Хутынский Архимандрит, 4) у Чудинцовских ворот служили молебен Успению Богородицы и Никите Епископу; Евангелие читал Антоньевский Игумен, 5) у Духова монастыря, где служили обыкновенный просительный молебен и чудотворцу Варлааму Хутынскому, а Евангелие читал Игумен Вяжицкий, и 6) у Николо-Розважского монастыря со служением молебна

Иоанну Предтече и Апостолам, Евангелие читал Духовской Игумен. После обедни Святитель и власти провожали чудотворную икону Знаменскую в собор на Ильину улицу.

2 июля большой крестный ход из Софийского собора в Зверин женский монастырь, где Святитель совершал обеденное служение.

11 июля такой же ход к церкви Успения Богородицы на Козьей Бородке, в придел явления иконы Богородицы Ржевской.

20 июля в день памяти Св. Пророка Илии совершался крестный ход к церкви этого Святого только в таком случае, если стояло или продолжительное ненастье или вёдро; но если состояние лета было вполне благоприятно для земледелия, то крестного хода вовсе не было, а ездил только Святитель к празднику для служения литургии. Ныне крестный ход к церкви Пророка Илии ежегодно совершается в этот день.

В первое Воскресенье после Ильина дня совершался общий крестный ход вокруг Торговой стороны города. Из Софийского собора кресты шли к церкви Знамения Божией Матери за чудотворной иконой, потом Ильиной улицей доходили до берега, где участвующие в церемонии власти садились в насад, т.е. в большую лодку, и плыли вниз по Волхову до церкви Бориса и Глеба, находящейся при конце городского вала с северной стороны;

после того продолжали шествие валом до Ильинских ворот; потом кресты отпускались по своим церквам, а Святитель служил литургию у Знамения. Этот крестный ход отправляется до сих пор, только направляется берегом вверх по реке, потом городским валом до церкви Бориса и Глеба, далее Дворцовой улицей к Волховскому мосту; следовательно, в обратном направлении сравнительно с прежним хождением.

18 июля в день Рождества Николая чудотворца крестный ход из Софийского собора в монастырь Николая чудотворца на Розважу улицу, находившийся на том месте, где ныне устроен военный госпиталь, недалеко от публичного сада.

1 августа крестный ход на реку для совершения обряда водоосвящения.

6 августа был крестный ход из Софийского собора к церкви Преображения Господня, находившейся в Кремле на городских воротах. С крестами ходил Софийский протопоп, при участии священников Детинца, после заутрени. Ныне же совершается большой крестный ход из собора к церкви Спаса Преображения на Знаменской улице.

15 августа, в день Успения Божией Матери храмовый праздник в Софийском соборе; крестного хода в этот день не было, и

служение было обыкновенное праздничное, только паперть собора, церковный пол и алтарь устилались травой и цветами, которые лежали тут до 18 августа (Св. Фрола и Лавра). Софийский протопоп и соборные священники получали ежегодно в Успенев день Митрополичьи жалованья по яловице для приплода рогатого скота из Софийского стада.

26 августа крестный ход из Софийского собора в Сырков девичий монастырь, отстоящий от города на шесть вёрст.

В Воскресенье мясопустной (масляной) недели производился обряд или *чин страшного суда*. Обряд этот совершался следующим образом: в начале 1-го часа дня благовестили в большой колокол, в средний и в меньшей, перемежаясь; между тем за алтарём придельной Софийской церкви Иоакима и Анны звонцы устраивали помост, на котором ставили покрытый скатертью стол с иконой Страшного суда по видению Даниила Пророка; приносили налои, большие выносные свечи и чашу с водой для водоосвящения. «А оберегают звонцы Святительское место на крепко до Святителява приходу и блюдут со всяким опасением, а ключари надзирают над звонцы прилежно». После краткого служения в храме Святитель приказывает поднимать кресты и иконы. Вся церемония напоминания Страшного суда состояла лишь в пении особых молитв, в водоосвящении, совершаемом

самим Святителем, в чтении паремий, Апостола и Евангелия, которое читалось вдвойне, как в Пасху и в Новолетие, Святителем и протодьяконом.

Сырная неделя называлась прощальной. В течение её происходил ряд умильных торжествований. Так, в первые три дня этой недели Святитель объезжал все окрестные монастыри, чтоб испросить себе прощение у угодников, в них почитающих. В четверг на той же неделе Архимандриты и все священники приезжали к Святителю «для прощения с перепойными оловянники, а в Софийском дому того дни стол на властей и на весь Софийский собор в погребной палате, и дает Святитель властям по ковшу пития и творит им прощение».

В Пятницу же собиралось всё городское духовенство в Софийский собор к утрене для слушания духовного поучения от Святителя *на подвиг постный*. С этой целью устраивался среди церкви возвышенный помост, на котором становились кресла с изголовьем для Преосвященного. Святитель читал три поучения: 1) «Братие, приспе время духовных подвигов начало, яже на бесы победа...»; 2) поучение Епископа к иереям: «Слыши, иерейский преподобный соборе, к вам ми слово, понеже вы нарекошесь земнии ангели, небеснии человецы...»; 3) поучение инокам: «Молю же ся, братия моя мниси, достойно ходити по иноческому завещанию и по имени, им же нарекошесь...». За вечерней Архиерей, приложившись к мощам и иконам, читал поучение Митрополита Русского Никифора *ко игуменом и ко всему иерейскому и дьяконскому чину и к мирским людям*: «Велих поучений, о любимици и возлюбленной ми дети о Христе, языком своим беседовати к вам и водою напоити благу нашу землю и землю плодovitую, глаголю бо душа ваша...» и т.д.

В воскресенье на 5 неделе Великого поста совершался крестный ход от всех церквей города в Софийский собор для молебного пения пред чудотворной иконой Тихвинской Божией Матери. Молебны пелись по всем приделам собора Архимандритами по особому расписанию. О самой иконе в Уставе сказано следующее: «сей образ был на посольстве из Тихвинского монастыря с Государевыми послы со Князь Данилом Ивановичем Межецким с товарищи в Даниловском острожке, где с Немцы о мирном постановлении договор учинился. Поведает же они о сей Богородичне иконе достовернии свидетелие, что ее Пречистые образ и мера с чудотворныя старья Тихвинская иконы спис, а писан на том древе, как и старья Пречистья Богородицы образ, а пришел невидимо. И в то время свят муж Юрыш пономарь видел Пречистую Богородицу на той кладе

беседующу с Николой чудотворцем, где ныне старой Никольский монастырь стоит, яко же в чудесах ся пишет. И после мирнаго договору с Немцы пришла та икона в великий Новград с Государевыми послы в лето 7125 месяца Марта в 15 день, а встречал тое икону Пречистья Богородицы со кресты Преосвященный Исидор Митрополит со всем Собором и со христолюбивым народом великаго Новаграда за городом по Хутынской дороги с радостными слезами, и поставиша тое святую икону Богородичну в соборной и Апостольской церкви Софеи Премудрости Божией. И с того лета уставися сей праздник праздновати Пречистья Богородицы

Знаменская улица

честнаго и славнаго ея Одигитрия по Государеву Цареву и Великаго Князя Михаила Феодоровича всеа Руси указу, а по благословению Преосвященного Исидора Митрополита и по обещанию великаго Новаграда православных Христиан на воспоминание избавления града от плену».

Вербное воскресенье ознаменовывалось также особенным торжеством. В воспоминание Входа Иисуса Христа в Иерусалим отправлялся в Новгороде особый обряд или чин — *хождения Святителя на осляте*. Вот как происходило это празднество по описанию Устава.

«В Среду шестыя недели поста благословляются у Святителя ключари посылати в лес по вербу, и того дни по вербу посылают звонцов на Софийских лошадях. Того же дни ключари приказывают стряпчему, чтоб обвестил Государевым дьяком о тесовом мосту от Входа Иерусалима до Святительских переходов, которым местом Святителю ехать на осляте. А тес с пушечнаго двора дают и мостят пушкاري и назад отвозят они же на пушечный двор в Субботу великую после плащаницы. В Пяток шестыя недели устроят вербу Софийские плотники в станок на двоих дровнях позади Петровских ворот, и тут стоит устроена до утра цветносная недели, и в заутреню привезут ее к Златоустовским вратам; а звонцы и плотники едят в ключе до коих мест строят вербу. В Субботу ж после

литургии устроят ключари в Богослове стол и покрывают его наволокою и на нем уставляют вербу; и которая ветвь поднести Святителю, и ту выше поставят всех, да боярину и воеводе и дьяком вербу изрядную же приготовят и поставят приметно; да изготовят Святителю ставик и на нем поставят свечу тройную и поставят его в большом алтаре совсем готову и стройну. После заутрени звонцы перевезут вербу от Петровских ворот к Златоустовским воротам и стоит ту до времени. — Благовест на собор в начале первого часа дни; благовестят в большой колокол и в средний и в меньший. А в благовесте звонцы устроят вербу благочинно и красят финиками и яблоки и овощи. Святительские же приказные дьяки надзирают устроения вербы и по устроении приставливают недельщиков и велят беречи накрепко до времени со всяким опасением. А звонцы из Софеи, взем от амбона заднюю степень, и относятся к Иерусалиму, и покроют перед церковью ковром. В начале 3-го часа дни звон на собор во вся тяжкая, и собираются власти в крестовую келью; тогда дворецкий и ясельничий в крестовой келии благославляются у Святителя готовити ослиа и вербу. И прием у Святителя благословение, выходят из палаты и осматривают ослиа и вербу и нестройное исправляют, чтоб было благочинно. Приказные же приказывают детям боярским накрепко, кто к чему приставлен во Святительском действе, чтоб было без смут. По времени же приходит Святитель в соборную церковь со властями и подъяческим провожением по чину и, став на месте, творит приходные поклоны и знаменуется у Святых икон и облачается по обычаю, а на облачении сак с глаголи. По облачению Святитель, прием посох, сядет на месте и протодьякон кличет „испола ети деспота” трижды, а подъяки на амбоне поют Преосвященному. Потом приходит к Святительскому месту ясельничий и сотворь ко Святым иконам три поклонения и зашед Святителю поклонится в землю и глаголет: „благослови Владыко ослиа привести ко уготованному месту”, и Святитель благословит его рукою. Он же поклонься Святителю отходит к ослиати. И по времени приводимо бывает ослиа пред церковныя Корсунския двери, а звонцы прежде пред дверми поставят другую степень и покрывают ковром, а на ослиате на Святительском месте полагается изголовье большое, и до приходу Святительского покрыто бывает сукном. И тогда посылают весть по боярина. Посем Святитель творит вход. В начале 1-я молитвы Архирейския благославляются ключари крестов поднимать и повелевают ключари посадским попом и дьяконом кресты поднять: рипиды, Крест, Софею, Знамение, Праздник, успение. После молебна ключари отпускают кресты по чину. Аще ли боярин и воевода и дьяки не были у заутрени, и Святитель раздает им вербу. Посем Святитель, прием

посох, идет от места своего к ослиате и обращая творить три поклона на восток, прием с блюда Животворящий Крест благословит себе и боярина и дворецкого своего и ясельничаго; они же, поклоньшися Святителю, отходят по малу. И боярин приемлет у ослиате конец темляка, дворецкий же среде держит, ясельничий же за бразды. И потом Святитель всед на ослиа и примет Святое Евангелие в левую руку и прилагает к персем; в правую же руку приемлет Животворящий Крест. И повелевают ключари всем идти с честными кресты и со святыми иконы ко Входу Иерусалима по чину благочинно в Златоустовския ворота, и назад идут тем же путем. А певцы пред Святителем идучи поют стихи: „имеяй престол небо”; — водимо же бывает ослиа боярином и прочими по обычаю. Брежения же ради Святительского у ослиате с обеих сторон поддерживать его на семь пути искуснейшие четверо детей боярских, по два со стороны. Народи же постилаху ризы по пути; за ослиатем идет подъяк с посохом и понем власти. Святитель же, седе на ослиате, осеняет святым крестом народ по странам себе. А с хоругвюю и с иконы идут на пред ко Входу Иерусалима отдаль, по них же идут Священники и потом верба, за вербою идут певцы, и поних подъяки со свещами и дьякони с кадилы, и кадят Крест и Евангелие и Святителя, около ходя ослиате, а власти идут за ослиатем по обычаю. И пришед со кресты ко Входу Иерусалима и уставляют ключари кресты по обычаю. А Святитель, приехав на ослиате к степени, полагает честный крест на блюдо протодьякону, а ризничий у Святителя приемлет Евангелие. Сшед же Святитель с ослиате и сотворь ко святым иконам поклонение и прием честный крест, благословит себе и боярина и дворецкого и, отдав крест, входит за Крестом и Евангелием в церковь Св. Иерусалима, а с ним и священный собор, а вербу поставляют против северных врат церковных до времени». После чтения ектении и некоторых возгласов Святитель, приложившись к иконам, выходит из этой церкви, предоставляя служить здесь обедню Кириловскому Игумену с соборным священником и дьяконом, а сам садится снова на ослиа и возвращается тем же порядком в Софийский собор, где и начинает служение литургии. Верба оставляется вне церкви до окончания обедни. «Сотники же со стрельцы оберегают вербу на крепко, донележе отслужат божественную литургию. После заамвонной молитвы Святитель выходит на священие вербы к златым вратам, и по освящении ея Святитель отломит ветвь со овощем и положит на блюдо и относима ветвь бывает к Святителю в келью; посем другой ключарь поднесет другое блюдо, и Святитель отломит вторую ветвь со овощем же и, положи на блюдо, благословит боярина; потом ломает Святитель ветви и дает воеводам и дьяком и властям и прочим

честнейшим людям, а прочую вербу благословит всему народу на роздробление. После службы у Святителя бывает стол, пьют чаши — праздничную и о Государском многолетнем здравии, а попов и певчих дьяков посылает на погреб, а боярина благословляет Святитель образом окладным и дарит ковшем серебряным; потом боярина и воеводу и дьяков поюит довольно и, благословив, отпустит в дома своя; посем благословляет дворецкого своего образом на золоте, а ясельничаго образом же на красках».

На второй день Св. Пасхи происходил большой крестный ход от всех церквей города в Софийский собор для поздравления с праздником Святителя и христосования с ним. Предварительно звонцы сдвигали с места церковный амвон и устраивали возвышенное седалище посреди церкви для мирского утешения. «И вшед в церковь и в олтарь иерей со дьяконом, — став пред престолом, поют тихим гласом: „светися, светися” и потом ектению меньшую и отпуст, и по отпусте подносят крест ко Святителю, который благословит себе и Священнику и отдает крест. Посем священница подносят ко Святителю по два ящика, также и весь народ».

В Преполовение (среду 4 недели по пасхе) совершался крестный ход вокруг Кремля. Выйдя из Софийского собора, шли первоначально на Торговую сторону в церковь знамения Божией Матери за чудотворной иконой, а потом обходили и весь Детинец, начиная с южной его стороны на западную. Останавливались для молебного пения в следующих местах: 1) у Чёрного креста, где служили молебен Животворящему кресту и Иоанну Богослову, Евангелие читал здесь сам Святитель; 2) у Знаменской церкви, служба дорогою молебен Знамению Божией Матери и Иоанну Архиепископу; 3) против церкви Св. Василия Парийского с служением молебна о вёдре или о дожде и Илие Пророку, Евангелие читал Хутынский Архимандрит; 4) у церкви Константина и Елены с пением молебна Успению Богородицы и Никите Чудотворцу, Евангелие читал Антониевский игумен; 5) у Владимирских ворот на Кривом мосту, пели молебен Покрову Богородицы и Благоверному Князю Владимиру, а Евангелие читал Вяжицкий игумен. Ныне этот крестный ход тоже совершается, но в обратном направлении сравнительно с прежним.

Церковь Спаса Преображения

В воскресенье 6 недели по пасхе (т.е. Слепого) праздновалась память Новгородского Архиепископа Моисея и совершался большой крестный ход из Софийского собора в монастырь Сквородский, основанный Св. Моисеем, избравшим этот монастырь своей усыпальницей. Ход этот замечателен тем, что производился на лодках: участвовавшие в процессии выходили с крестами на реку Волхов во Владычные водяные ворота, садились в насады и начинали петь молебны. «А на молебне поют едучи — 1-ую статию Троице да безплотным и Евангелие чтет Святитель, а ектении и осенении в насадах небывает; 2 статия за всяко прошение или о ведре или о дожде да Илье Пророку; 3 статия Благовещению да Великомученику

Георгию; а на статиях Евангелия чтут власти. Потом Протопоп начинает чести житие чудотворца Моисея, а тогда Святитель сидит на креслах и повелевает садиться властям и священникам». Потом по совершении Литургии в монастыре кресты отпускались тем же порядком, а сам Святитель оставался у Архимандрита обедать. С 1676 г. учреждён ежегодный крестный ход к церкви Святых Отец Никейских на Ярославово дворище в Воскресенье 7 недели по пасхе. Об этом приписано в рассматриваемом нами Уставе на поле следующее: «...лета 7184 по указу и по грамоте Великого Государя Царя и Великого Князя Алексея Михайловича всея Великия и Малыя о

Белыя России Самодержца и по приказу Великого Господина Преосвященного Корнилия Митрополита Великого Новгорода и Великих Луг велено со кресты ход ходить в неделю 7 по пасхе ко Святым Отцем безпременно на всякий год».

В четверг 7-й недели по пасхе происходил обряд *погребения странных на скудельницах или Божьих домах*, куда свозились в течение года тела погибших насильственной смертью, казнённых преступников и умерших от заразы. Скудельниц в Новгороде, в обыкновенное время, было две: одна при монастыре Рождества Христова на Торговой стороне, а другая при церкви Двенадцати Апостолов на Софийской стороне.

В среду служили на скудельницах по умершим общую панихиду, а в четверг — обедню. По совершении обряда погребения Божедомский приказчик давал Игумену со всем Сбором за панихиду московскую гривну, а за обедню Игумену гривну, игуменскому дьякону десять денег, пономарю

4 деньги, старостам поповским по 10 денег, десятиским дьяконам по 6 денег, Пономарям по 2 деньги, Рождественскому Игумену 2 алтына.

В воскресенье 8-й недели после пасхи (Всех Святых) совершался крестный ход, в вечернюю, от всех шести соборов сперва на Софийский собор, а потом оттуда к ц. Спаса Преображения на Ильину улицу.

В 1-ю пятницу Петрова поста совершался крестный ход от всех городских церквей в Варлаамиев Хутынский монастырь, отстоящий от города на 10 вёрст к северу. Ещё накануне праздника поповские старосты разделяли всех священников и дьяконов на две половины: первая половина священнослужителей отправлялась в монастырь со крестами, пешком, накануне с вечера, или же в самый день праздника поутру, а другая половина вместе с Святителем ехала в лодках. «И егда приедут ко берегу со кресты, тогда и те священники, которые наперед пришли к чудотворцу молиться, облачаются на берег и идут в монастырь со кресты вместе, и поют за олтарем молебны, и по молебне относят кресты в насад, потом едят в трапезе, и по обеде едут в город со кресты та половина священниц, что шли наперед в монастырь, а которая половина священниц ехали со кресты из города и те оставляются в монастыре. А имянную роспись попом обема

половинам дают старосты различему для ведома. И идут кресты во владычни ворота и входят в насад и едут на Хутыню. А на молебне поют едучи; 1 статья Кресту да Иоанну Богослову и Евангелие четре Святитель; 2 статья за всяко прошение или о ведре или о дожде да Илии Пророку; 3 статья Успению Богородицы да Николы Чудотворцу; 4 статья Рождества Богородицы да Антонию Римлянину. А на статиях Евангелия чтут власти койждо по своей степени. Потом поставляется в насад налог и начинает Протопоп чести житие и чудеса преподобнаго Отца нашего Варлаама, а Святитель тогда сидит на креслах и повелевает садиться властям и священником. А как Святитель в насаде приедет к берегу и тогда из монастыря на берег к часовни вышел Архимандрит со священниками в облачении со кресты и встречаются Софийские кресты и Святителя на берегу у часовни». После обедни в монастыре обед на Святителя и властей. Этот ход совершается в Варлаамев монастырь и доныне, только сухим путем, а не водою.

В пятницу 2 недели Петрова поста, «по умолению всегородных попов», совершался крестный ход от шести соборных церквей в собор Софийский, в память Новгородского Епископа Никиты. Молебен служили в приделе Иоакима и Анны, у мощей Св. Угодника.

Рассмотрев в настоящем обозрении ряд духовных празднеств и крестных ходов в Новгороде, в половине XVII века, мы должны теперь заметить, что исключили из нашего обзора только те церковные торжества, кои совершаются и доныне без всякого изменения, как-то: 1) чин православия, 2) обряд умовения ног властям от Святителя и тогда же совершаемый обряд елеосвящения и омовения Св. престола, 3) водоосвящение и омовение Св. мощей и частиц их (в великий Пяток). Кроме исчисленных нами крестных ходов, бывали в старину и другие, случайные хождения вокруг города или из Софийского собора к какой-либо церкви, что видно из неоднократного упоминания летописей; причины их бывали различны: мор, сильные пожары, бездождие, междоусобицы. С прекращением несчастья прекращались, обыкновенно, и сами ходы; но некоторые из них отправляются и поныне, хотя первоначальные причины их установления остаются неизвестными. К числу таких мы причисляем крестные ходы, описанные у нас по старинному. О Варлаамьевском крестном ходе, впрочем, народное предание говорит, что он учреждён в

воспоминание следующего чуда. Преподобный Варлаам, часто приглашаемый в город Св. Григорием Архиепископом для беседования, обещал однажды приехать к нему в пятницу Петрова поста в саях. И действительно, в ночь на этот день выпал глубокий снег, давший возможность Варлааму сдержать своё обещание. Народ, видя такое позднее выпадение снега и опасаясь за благосостояние растительности, приуныл; но Святой старец успокоил всех, предсказывая обильнейшую жатву в наступившее лето, потому что мороз и снег уничтожили червей и насекомых, сильно расплодившихся в то время и могших повредить растениям. Обильный урожай оправдал пророческие слова Святого угодника Божия. Событие это могло случиться в 1192 году или в 1193, когда был ещё жив Архиепископ Григорий. О крестных ходах же во круг Крепости, Софийской и Торговой сторон города согласно с народным преданием, можно предполагать, что они учреждены в XVI в. при Архиепископе Макарии с целью охранения города от обычных бедствий прежнего времени — голода, мора и огненного запаления.

В статье использованы открытки с видами Новгорода начала XX в.

Стилистика и орфография рукописи Устава Архиерейского служения сохранена

НОВГОРОДСКАЯ ГУБЕРНИЯ в Полном собрании законов Российской империи

XVIII — начало XX вв.

Информация об административно-территориальном делении Новгородской губернии важна для исследователей, которые интересуются её историей. Внешние границы и внутренняя структура Новгородской губернии за 200-летний период её существования (1727—1927) неоднократно изменялись. Отдельные территории то включались, то исключались из состава губернии. Основное направление в административно-территориальном обустройстве губернии можно определить следующим образом — общая территория губернии постепенно сокращалась, а её внутреннее деление приобретало необходимую чёткость и стабилизировалось.

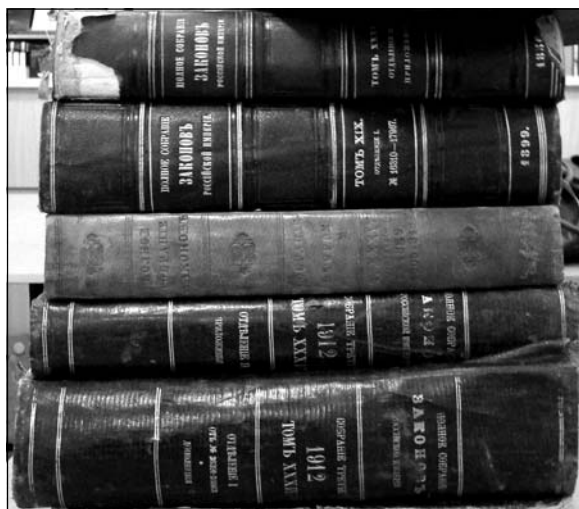
История административно-территориального деления Новгородской губернии уже подвергалась обобщению, и наиболее подробно это было сделано в работе Э.Г. Истоминой «Границы, население, города Новгородской губернии (1727—1917 гг.). Очерки по административно-территориальному делению» (Л., 1972). Однако у исследователя может возникнуть необходимость обращения не только к обобщающей работе, но и к первоисточнику

по этой теме. В данном случае таким первоисточником будут служить законодательные акты.

В дореволюционный период любое административно-территориальное изменение в стране могло производиться только по распоряжению верховной власти и реализовываться на практике после издания соответствующего указа. До сегодняшнего дня наиболее основательным изданием, содержащим огромный массив законодательных актов дореволюционной России, является Полное собрание законов Российской империи (далее — ПСЗ). Работа по кодификации российского законодательства и подготовке ПСЗ была начата в период царствования Николая I и осуществлялась под руководством М.М. Сперанского. В это время развернулась масштабная деятельность по выявлению в архивах законодательных актов российского государства, их сверке, обработке и подготовке к публикации. В 1830 г. было опубликовано Первое собрание ПСЗ. В дальнейшем работа была продолжена, и последующие тома ПСЗ выходили вплоть до 1917 года.

ПСЗ вместе с приложениями и указателями насчитывает 233 тома и подразделяется на три части — собрания с отдельной нумерацией томов и законов. Первое собрание включает законы, начиная с Соборного Уложения 1649 г. и по 3 декабря 1825 г., Второе — с 12 декабря 1825 г. по 28 февраля 1881 г., Третье — с 1 марта 1881 г. по 31 декабря 1914 года. Законы, опубликованные в ПСЗ, расположены в хронологической последовательности, что позволяет искать их по дате издания. Кроме того, собрания ПСЗ сопровождаются алфавитными указателями — это даёт возможность найти законы, связанные с определённой сферой деятельности.

Именно в ПСЗ, как мы уже указывали выше, опубликованы все основные законодательные акты, ставшие базой для административно-территориальных преобразований Новгородской губернии.

По отдельным собраниям они распределены неравномерно. Наибольшее количество законов о преобразованиях Новгородской губернии вошло в Первое собрание, так как на период XVIII — начала XIX вв. приходится наиболее частые изменения её административно-территориального деления. Во Втором и Третьем собраниях подобных законодательных актов значительно меньше и они касаются, в основном, внутренних преобразований. Внешние границы губернии оставались стабильными с 1802 по 1917 годы¹. Мы рассмотрим законодательные акты, касающиеся административно-территориального деления Новгородской губернии, в хронологической последовательности их издания.

Вопрос об улучшении административно-территориального деления государства особенно остро встал в правление Петра I. Обширной территорией страны было трудно управлять из столицы. Пётр I решает произвести некоторые изменения, которые улучшили бы систему управления территориями, позволили эффективнее организовать торговлю, и, самое главное, способствовали бы лучшему собиранию налогов и пошлин с населения. В итоге 27 октября 1699 г. был издан именной указ императора *«О составлении купцам, как и в других государствах, торговых компаний, о расписании городов по торговым делам на провинции, с подчинением малых городов главному провинциальному городу и о причислении к слободам разночинцев, имеющих промыслы»*². На основании этого указа требовалось малые города страны приписать к более крупным, которые становились центрами провинций. В качестве таких центров особо были названы Великий Новгород, Псков, Астрахань, Архангельск. Каждый провинциальный город возглавлял бурмистр, который становился и главой провинции. Обязанностью бурмистра было управление провинцией, надзор за сбором налогов, составление отчётов, решение всех «внутрипровинциальных» проблем. И только в том случае, если бурмистру по какому-либо вопросу *«указу учинить будет не можно, о том писать к Москве в Бурмистерскую Палату»*³. Полная реализация этого указа помогла бы снизить нагрузку на центральную власть, так как местные проблемы решались

бы на уровне провинции самостоятельно. Однако число провинций было небольшим, они имели очень обширные территории, что не способствовало повышению качества управления. Тем не менее, основа для формирования более совершенного административно-территориального деления страны была заложена, и Новгород рассматривался как один из обязательных центров территорий.

Попытки Петра I усовершенствовать административно-территориальное деление страны продолжались. 18 декабря 1708 г. издаётся именной указ *«Об учреждении губерний и о расписании к ним городов»*, в котором требова-

лось *«в своём Великом государя Российском государстве, для всенародной пользы учинить восемь губерний и к ним росписать города»*⁴. В данном случае, обширные новгородские земли и Новгород были включены в состав Ингерманландской губернии с центром в Санкт-Петербурге. Однако опять же восемь губерний были излишне обширны, что затрудняло управление ими. Ещё одна попытка решить эту проблему была предпринята Петром I в 1719 г., когда 29 мая был издан его именной указ, составленный в Сенате, *«Об устройстве губерний и об определении в оные правите-*

лей»⁵. По этому указу все губернии разделялись на более маленькие территориальные единицы — провинции. Для каждой провинции назначался управитель. Всего создавалось десять губерний. Новгородские территории вошли в Санкт-Петербургскую губернию, состоявшую из 12 провинций. Непосредственно Новгород с пригородами Порховом и Ладогой и Старая Русса составили шестую провинцию, воеводой в которой был назначен князь Юрий Хилков. Тем не менее губернии оставались огромными по территории. Так, Санкт-Петербургская губерния охватывала пространство от Ревеля и Санкт-Петербурга до Ярославля и Белозерска. Чуть позже Ревель с Эстляндией были выделены в отдельную губернию, и в Санкт-Петербургской губернии осталось 11 провинций, но она продолжала оставаться самой обширной из всех губерний.

Административно-территориальное деление страны стало изменяться уже после смерти Петра I. Императрица Екатерина I повелела Сенату пересмотреть прежние положения об управлении

губерниями. В ходе этой работы был пересмотрен и состав губерний — решено увеличить их количество и упорядочить территорию. Наиболее важным для новгородских территорий в этот период стал именной указ Екатерины I от 29 апреля 1727 г. «*О приписке Сибирской губернии провинций Вятской и Соликамской к Казанской губернии; Великолуцкой, Белозерской, Тверской провинций к Новгородской губернии; Ярославской провинции к Московской губернии*»⁶. На основании этого указа была создана самостоятельная Новгородская губерния с центром в Новгороде и пятью провинциями: Новгородской, Псковской, Великолуцкой, Белозерской, Тверской. Осенью этого же года указом от 18 октября в состав Новгородской губернии был включён город Олонец с округой⁷. Он вошёл в состав Новгородской провинции. Для каждой провинции был чётко определён состав городов, которые вместе со своей округой находились под управлением руководителя провинции. Общая площадь Новгородской губернии продолжала охватывать огромные пространства. Её длина составляла 1500 вёрст, а ширина — 600 вёрст. В таком составе Новгородская губерния просуществовала до 60-х гг. XVIII столетия.

Следующий этап в истории административно-территориального деления Новгородской губернии приходится на период правления Екатерины II. Императрица, взойдя на престол в 1762 г., обратила пристальное внимание на административно-территориальное устройство страны и предприняла ряд важных шагов к его усовершенствованию. Основными причинами административно-территориальных преобразований продолжали служить улучшение управления регионами, эффективный сбор налогов и оптимизация государственных средств, направляемых на содержание многочисленных местных чиновников и органов власти. Так, казалось бы не связанный с проблемами административно-территориального деления вопрос о жаловании местным чиновникам и борьбе со взятками привёл в итоге к пересмотру статуса многих городов, формированию новых уездов и т.д. 11 октября 1764 г. издаётся именной указ Екатерины II, данный Сенату «*Об учинении губернаторам, каждому в своей губернии, расписания о приписных городах и о всех уездах, и об определении, с какою властью Комиссарства, Магистраты и Ратуши оставаться должны*»⁸. Дело в том, что в 1763 г. были изданы штаты всех местных органов власти, и в том числе предусмотрено служителям довольное жалование, чтобы «*избавить наших верноподданных от притеснения и взяток безжалованных судей и канцелярских служителей*»⁹. Однако суммы на жалование чиновникам составлялись и из особого сбора с тех жителей,

которые обращались к ним со своими делами и проблемами. Поскольку уезды и количество проживающего в них населения были неравномерными, то где-то чиновникам приходилось вести больший объём работы, где-то меньший. А казённое содержание городовым канцеляриям шло одинаковое, независимо от площади и числа жителей уездов. В связи с этим в указе от 11 октября 1764 г. губернаторам было предписано пересмотреть состав городов и уездов в губерниях. Назначить в каждой губернии строго определённое количество штатных городов, а те города, в уездах которых меньше 10 000 жителей, перевести в заштатные. Уезды ставших заштатными городов объединить с другими, чтобы город был в центре уезда, и в уезде проживало не более 30 000 душ. К указу прилагался примерный список городов каждой губернии, которые были «*положены в штат*». В Новгородской губернии предлагалось оставить штатными городами в Новгородской провинции — Олонец, Порхов, Ладогу, Старую Руссу, в Псковской провинции — Ржеву, Пустую, Гдов, Опочку, Островск, в Тверской — Старицу, Торжок, Ржев Володимиров, Зубцов, в Белозерской — Устюжну Железопольскую и Каргополь, в Великолуцкой — Торопец. Не вошедшие в этот список города оставались за штатом. Но если губернатор был не согласен с этим расписанием, то ему предоставлялась возможность сделать свои предложения в Сенат с учётом местных географических и экономических условий. Для Новгородской губернии, где количество городов и так было небольшим, а территории уездов городов, наоборот, велики, уменьшение числа штатных городов могло негативно сказаться на экономическом и социальном развитии. Являвшийся в 1764—1781 гг. новгородским губернатором Я.Е. Сиверс предпринял немало усилий для расширения сети городов губернии. Он неоднократно направлял императрице и в Сенат письма, проекты, в которых доказывал и обосновывал необходимость увеличения количества городов в Новгородской губернии путём придания статуса города крупным сельским поселениям. Его многолетние усилия были результативны. Именным указом Екатерины II от 28 мая 1770 г. было предписано Осташёвскую слободу, Вышний Волочёк, сёла Боровичи и Валдай «*учредить городами, на основании прочих российских городов*»¹⁰. Указом от 2 апреля 1772 г. эти города официально включались в состав Новгородской губернии и им даровались гербы. Затем доклад Сената от 21 марта 1773 г. «*Об учреждении Новгородской губернии в Тихвинском уезде Воеводской канцелярии и о приписке некоторых погостов к городам Порхову, Гдову, Старой Руссе, Новой Ладоге и к Тихвину*»¹¹ с резолюцией Екатерины II

«Быть по сему», позволил сделать город Тихвин штатным и образовать Тихвинский уезд из 27 погостов Новгородского уезда. Также в этом докладе Сенат одобрил передачу части погостов Новгородского уезда, одного из самых больших по территории, к другим городам — Порхову, Гдову, Старой Руссе, Новой Ладого, которые теперь стали уездными центрами. В опубликованном тексте доклада были перечислены и наименования всех погостов, а также указано, к какому уезду они теперь причисляются. Это сделало территорию Новгородского уезда несколько меньше, что было удобнее для управления. Указом от 10 июля 1773 г. был учреждён герб города Тихвина. Однако и после этих преобразований Новгородский уезд оставался самым большим в губернии по территории и количеству жителей. Как справедливо отмечал К. Арсеньев: «из одного Новгородского уезда можно было составить несколько провинций».

20 декабря 1773 г. последовал сенатский указ «О переименовании города Олонца провинциальным: об утверждении в уезде его нового города Вытегры с Воеводской канцелярией, а в Паданском погосте пригорода Паданска с Комиссарским правлением»¹². На основании этого указа Олонецкий уезд Новгородской провинции становился самостоятельной провинцией с тремя уездами: Олонецким, Вытегорским и Паданским. Также к Вытегорскому уезду перечислялась небольшая территория от Белозерского уезда. Таким образом, к концу 1773 г. Новгородская губерния стала состоять из шести провинций, каждая из которых делилась на уезды, а уезды состояли из определённого количества погостов. В шести провинциях насчитывался 21 уездный город.

Вскоре, 7 ноября 1775 г., был издан законодательный акт, имевший общегосударственное значение — «Учреждения для управления губерний Всероссийския империи»¹³. Основной задачей этого документа было приведение системы управления

во всех губерниях к единому образцу: одинаковое количество местных учреждений и чиновников, одинаковая форма делопроизводства, по возможности сходное распределение самих губерний по их территории и численности жителей. «Дабы губернии или наместничества порядочно могла быть управляема, полагается в оной от 300 до

400 000 душ»¹⁴. На основании этого указа предполагалось образовать 50 губерний вместо 23 имевшихся. Кроме этого, в систему административно-территориального деления страны вводился новый термин «наместничество», заменивший наименование «губерния». Несколько наместничеств составляли генерал-губернаторский округ. Для управления наместничествами вводилась должность «государева наместника». Генерал-губернаторство управлялось генерал-губернатором. Сенатским указом от 25 ноября 1775 г. «О преобразовании Тверской и Смоленской губерний на основании Учреждения о губерниях»¹⁵ новгородским губернатором и наместником тверским и новгородским был назначен Я.Е. Сиверс. Именно ему Екатерина II поручила начать воплощение на практике «Учреждений о губерниях». В указе говорилось, что сначала необходимо организовать по нововведённым Учреждениям две «примерные губернии» Тверскую и Смоленскую и начать проведение ре-

формы под распоряжением Я.Е. Сиверса с Тверской губернии. Этот же указ от 25 ноября 1775 г. положил начало новой серии преобразований в административно-территориальном делении Новгородской губернии. В частности, предписывалось создать самостоятельное Тверское наместничество, которому передавалась значительная часть земель от Новгородской губернии: в полном составе Тверская провинция и от Новгородской провинции Вышневолоцкий уезд, а также часть территорий от Московской губернии. Правителем самостоятельного Тверского наместничества назначался генерал-поручик М. Кречетников. Летом 1776 г. последовали новые, но уже не такие значительные

54025. — Января 6. Высочайше утвержденное мнение Государственного Совета, распутированное 3 Февраля. — О образовании въ Новгородской губернии Старорусского уезда.

Государственный Советъ, въ Департаментъ Государственной Экономіи и въ Общемъ Собраніи, рассмотрѣвъ представленіе Министра Внутреннихъ Дѣлъ относительно образования Старорусскаго уѣзда въ Новгородской губерніи, мнѣніемъ положило:

1. Городъ Старую Руссу считать уѣзднымъ и принять въ гражданское вѣдомство.

2. Образовать вновь Старорусскій уѣздъ, включивъ въ составъ оного бывшіе округи пахатныхъ солдатъ и нѣкоторыя части Новгородскаго и Демянскаго уѣздовъ, согласно составленному Новгородскимъ губернскимъ начальствомъ совмѣстно съ Членомъ Департамента Удѣловъ предположеніямъ, но съ тѣмъ лишь измѣненіемъ въ границѣ съ Демянскимъ уѣздомъ, которое признали необходимымъ Новгородскій Губернскій и Уѣздные Новгородской губерніи Предводители Дворянства.

3. Въ городѣ Старой Руссѣ нынѣ же образовывать Земскій Судъ, а въ учреждаемомъ вновь Старорусскомъ уѣздѣ три Становыхъ Управленій, во всемъ согласно съ Высочайше утвержденнымъ для земскихъ полицій 5 Іюня 1857 года (10506) нормальнымъ штатомъ, кромѣ назначенія содержанія Земскому Исправнику, которое, на основаніи особаго Высочайшаго повелѣнія, производить ему въ слѣдующемъ размѣрѣ: жалованья четьреста тридцать девять рублей двадцать девять копѣекъ, столовыхъ пять сотъ семьдесятъ одинъ рубль сорокъ двѣ и три четверти копѣйки, на разѣзды въ количествѣ, закономъ вообще для Исправниковъ установленномъ, и квартирныя по положенію (прилож. къ примѣч. ст. 1056 Уст. Служб. Прав. Свода

изменения, коснувшиеся только внутреннего устройства Новгородской губернии. Указом от 9 июня 1776 г. «*О присоединении к городу Вытегре и его уезду Оштинского погоста и разных селений Белозерского уезда*»¹⁶. Сенат утвердил просьбу Я.Е. Сиверса о присоединении к Вытегорскому уезду из Олонецкого уезда Оштинского погоста и ряда волостей из Белозерского уезда, по которым проходила дорога на Архангельск.

После указов 1775 г. работа над формированием территории и органов управления Новгородского наместничества продолжалась почти год. Наконец последовал именной указ от 24 августа 1776 г. «*Об открытии Новгородского наместничества*»¹⁷. Тверскому и новгородскому наместнику генерал-поручику Я.Е. Сиверсу императрица повелевала до декабря 1776 г. завершить формирование территории Новгородского наместничества. В указе подробно был расписан состав Новгородского наместничества. Оно должно было состоять из двух областей (слово употреблялось наравне с термином «провинция») — Новгородской и Олонецкой. В состав Новгородской области входили Новгородский, Старорусский, Валдайский, Боровицкий, Новолодожский, Тихвинский, Устюжно-Железопольский, Белозерский уезды. Вновь образовывались Крестецкий уезд, которому переходила часть земель Новгородского уезда, и Кирилловский уезд — из части территорий Белозерского уезда. Таким образом в Новгородской области стало десять уездов. В состав Олонецкой области входили Олонецкий, Петрозаводский, Вытегорский, Паданский, Каргопольский уезды. Северная часть Каргопольского уезда отошла к Архангельской губернии. Этим же указом было увеличено количество городов в Новгородском наместничестве. В 1776 г. статус города получили монастырская слобода Кирилло-Белозерского монастыря — город Кириллов и Крестецкий ям — город Крестцы.

Я.Е. Сиверс выполнил все повеления императрицы и в декабре 1776 г. уведомил Сенат об открытии в Новгороде Наместнического правления, о чём Сенат издал отдельный указ от 26 января 1777 г. «*Об открытии в Новгороде Наместнического правления и Палат*»¹⁸.

В 1877 г. в Новгородском наместничестве ещё три поселения изменили свой статус. Указом от 21 марта 1777 г. статус города был присвоен Петрозаводской слободе Олонецкой области. Указами от 4 ноября 1777 г. слобода при Череповецком монастыре была преобразована в город Череповец, а Крохинская пристань в устье реки Шексны в посад¹⁹. Спустя три года к Череповцу был приписан уезд за счёт перевода некоторых территорий из Белозерского и Устюжно-Железопольского уездов.

Проведение реформы, объявленной в 1775 г., двигалось своим чередом, но не так быстро, как хотелось бы правительству. В именном указе от 19 мая 1781 г. «*О положении границ между наместничествами и между уездами каждого наместничества*»²⁰ отмечалось, что и к 1781 г. не выполнены требования указа от 7 ноября 1775 г. о проведении границ между наместничествами и внутри них между уездами. Наместникам (губернаторам) предписывалось «*приложить всемерное старание к скорейшему и верному положению границ губернских и уездных*». Но окончательному установлению внешних границ Новгородского наместничества препятствовало ещё одно крупное преобразование. 11 декабря 1781 г. последовал именной указ «*О присоединении к Санкт-Петербургской губернии от Новгородского наместничества области Олонецкой и уезда Новолодожского, а от Псковского округа Гдовской и Лужской...*»²¹. Как указывает Э.Г. Истомина, «Олонецкая область по своему экономическому укладу, путям сообщения, отдалённости от губернского центра представляет собой самостоятельное целое, более связанное с Санкт-Петербургом, нежели с Новгородским наместническим правлением»²². В силу этих причин указ от 11 декабря 1781 г. предписывал Олонецкую область целиком и Новолодожский уезд от Новгородского наместничества присоединить к Санкт-Петербургской губернии. Губернаторам было приказано согласовать новые границы на основе указа от 19 мая 1781 года. А уже в 1784 г. указом от 22 мая Олонецкая область была преобразована в наместничество с центром в городе Петрозаводске²³.

После всех вышерассмотренных преобразований Новгородское наместничество (губерния) к концу царствования Екатерины II значительно уменьшилось по своей территории. В середине 90-х гг. XVIII в. провинции ушли в прошлое, а вся территория наместничества делилась на десять уездов: Новгородский, Старорусский, Боровицкий, Валдайский, Крестецкий, Тихвинский, Белозерский, Кирилловский, Устюжно-Железопольский, Череповецкий.

Очередному пересмотру административно-территориальное деление Новгородского наместничества, остававшееся неизменным с 1781 г., подверглось в период царствования Павла I. 12 декабря 1796 г. был издан именной указ «*О новом разделении государства на губернии*»²⁴. Данным указом Павел I повелевал изменить административно-территориальное деление страны и сформировать вместо прежних 49 наместничеств и двух областей 41 губернию. В тексте указа содержится список наименований всех остающихся губерний, в том числе названа и Новгородская губерния.

Обратим внимание на то, что в данном указе вновь меняется терминология — наименование «*наместничество*» перестаёт употребляться, а используется термин «*губерния*». Поскольку число губерний уменьшалось до 41, то некоторые губернии упразднялись и их территории включались в состав других губерний. Это положение указа отразилось и на административно-территориальном делении Новгородской губернии. Самостоятельная Олонецкая губерния упразднялась, а её территории распределялись между Архангельской и Новгородской «*так, чтоб ближние к северу части приписаны были к губернии Архангельской, а прочие к Новгородской*»²⁵. Архангельский и новгородский губернаторы должны были согласовать новые границы и составить об этом представление в Сенат. Таким образом, к Новгородской губернии вновь возвратились олонецкие земли, которые были изъяты из её состава в 1781 году.

Согласование границ между Архангельской и Новгородской губерниями длилось несколько лет. В итоге новгородский губернатор направил в Сенат соответствующее донесение, в котором доложил о новом административно-территориальном устройстве губернии. Сенат, в свою очередь, доложил о преобразованиях императору, и император Павел I утвердил данный доклад Сената. Этот высочайше утверждённый доклад Сената от 15 июля 1799 г. «*О разделении Олонецкой губернии между Новгородской и Архангельской*»²⁶ был опубликован в ПСЗ. От Олонецкой губернии к Новгородской отошли Каргопольский, Вытегорский, Лодейнопольский, Олонецкий и Петрозаводский уезды. После этого, видимо, для оптимизации внутреннего деления губернии, было решено упразднить Крестецкий, Кирилловский, Череповецкий и Лодейнопольский уезды, а соответствующие уездные города перевести в разряд заштатных. Территории упраздняемых уездов распределялись между оставшимися уездами, о чём даются подробные разъяснения в тексте доклада Сената. Штатными городами остались Новгород, Валдай,

Старая Русса, Тихвин, Устюжна, Боровичи, Белозерск, Каргополь, Вытегра, Олонец и Петрозаводск. Они являлись центрами соответствующих 11 уездов. Также в тексте доклада указывается, что в Сенат были представлены карты Новгородской и Архангельской губерний, фиксирующие новое распределение уездов.

Однако усилия, приложенные к реализации указа Павла I от 12 декабря 1796 г., во многом оказались бесполезными и, вполне возможно, что

составленный на бумаге проект нового административно-территориального деления Новгородской губернии так и не был проведён на практике. Дело в том, что уже в 1801 г. при новом императоре Александре I административно-территориальное деление страны вновь подверглось пересмотру и было решено увеличить количество губерний. Это нашло отражение в именном указе от 9 сентября 1801 г. «*О восстановлении пяти губерний и о подчинении пограничных губерний военным губернаторам*»²⁷. Указ предписывал дополнительно к существующим 41 губернии восстановить ещё пять, в том числе и Олонецкую губернию. Губернии должны были быть восстановлены в том пространстве и границах, «*какие они до последнего преобразования имели, и с теми уездами, какие на расстоянии сем ноне действительно найдутся существующими*»²⁸. Из этого следовало, что к восстановленной

5065. — Апрель 29. Именной, объявленный из Верховного Тайного Совета Сенату. — О приписке Сибирской Губернии Провинций Вятской и Соликамской, к Казанской Губернии, Великолукской, Белозерской, Тверской Провинций к Новгородской Губернии, Ярославской Провинции к Московской Губернии.

Понеже по состоявшемуся Нашему указу прошедшаго Марта 16 дня повелели Мы, в городах у сбора подушных денег быть Земским Комиссарам по прежнему до указу под смотрением Воеводским, и те деньги принимая от них Комиссаров с росписками Воеводам отсылать к своим Губернаторам, а Губернаторам отдавать Штаб-офицерам определённым от Военной Коллегии, а им офицерам те деньги отправлять куда по указам Военной Коллегии повелено будет; и понеже по прежней росписке некоторые Провинции от тех городов, где живут Губернаторы, в дальности расстояний, а ближе к Москве и к другим Губерниям и если же по вышеозначенному указу из таких отдаленных

к Губернатору посланы, от чего продолжение времени и убыток казны произойти может; того ради указали Мы, Сибирской Губернии Провинции Вятскую и Соликамскую, для способности приписать к Казанской Губернии и вѣдать оныя Провинции Губернатору Казанскому; в Новгородской Губернии быть Псковской, Великолукской, Белозерской, Тверской Провинциям, Ярославскую приписать к Московской Губернии;

Олонецкой губернии от Новгородской должны были возвратиться уезды Петрозаводский, Олонецкий, Каргопольский, Вытегорский и Лодейнопольский. Окончить новое разделение губерний требовалось к 1 января 1802 года. Также указ предлагал губернаторам рассмотреть возможность восстановления в качестве уездных тех городов, которые в царствование Павла I стали заштатными. В Новгородской губернии, напомним, такими городами были Крестцы, Кириллов и Череповец. Сенатским указом от 24 апреля 1802 г. «*О восстановлении заштатных городов разных губерний*»²⁹ Кириллову, Крестцам и Череповцу был возвращён статус уездных центров. Губернатору

полагалось приписать к ним уезды, включить эти города в штаты и определить суммы на содержание присутственных мест и чиновников.

Таким образом, в 1802 г. был возрождён состав Новгородской губернии, существовавший в 1781—1796 годах. Теперь губерния подразделялась на десять уездов: Новгородский, Белозерский, Боровичский, Валдайский, Кирилловский, Крестецкий, Старорусский, Тихвинский, Устюжно-Железопольский, Череповецкий. Общая территория Новгородской губернии стала значительно меньше по сравнению с существовавшей в XVIII столетии.

В XIX — начале XX вв. внешние границы Новгородской губернии оставались стабильными, но её внутреннее административно-территориальное деление и система управления продолжали претерпевать изменения. Так, в 1809 г. была несколько изменена структура управления губернией. 18 апреля 1809 г. был издан именной указ «*Об установлении в губерниях: Новгородской, Тверской и Ярославской генерал-губернатора, и о возложении сего звания... на Его императорское высочество принца Георгия Ольденбургского*»³⁰. Причины введения должности генерал-губернатора хорошо объяснены в тексте указа: «*По местному положению губерний Новгородской, Тверской и Ярославской, по взаимным отношениям их промышленности, по устройству водяных путей, через пространство их к столице нашей прелегающих, и по необходимости связи губернского их начальства с судоходным, признали мы нужным постановить в оных генерал-губернатора*». Перед генерал-губернатором был поставлен ряд задач. Во-первых, «*ввести в порядке общих сношений сих губерний более единства и удобности*». Во-вторых, «*сопешествовать взаимной их промышленности*». В-третьих, «*усилить способы и движение судоходства*»³¹.

С заботой о развитии судоходства было связано и изменение статуса ещё одного поселения Новгородской губернии. 22 июня 1820 г. был издан именной указ «*О переименовании селения Опеченский Рядок, состоящего в Боровичском уезде Новгородской губернии, посадом и о учреждении в оном ратуши*»³². Ввиду того, что «*пристань сия составляет один из главнейших пунктов Вышневолоцкой системы водяных коммуникаций*»³³, а также потому, что его жители в основном занимаются лоцманством и другими «*промыслами по судоходству*», а не земледелием, было решено присвоить этому селению статус посада с предоставлением его жителям всех прав и преимуществ городских обывателей.

Все дальнейшие преобразования административно-территориального деления губернии в первой

половине XIX в. были связаны с созданием и функционированием на её территории системы военных поселений. Намерение дать несущим воинскую службу «*осёдлость и присоединить к ним их семейства*» было высказано Александром I во Всемилоштивейшем манифесте от 30 августа 1814 г. «*О учреждении крестов для духовенства, а для воинства, дворянства и купечества медалей и о разных льготах и милостях*»³⁴. Создание военных поселений на территории Новгородской губернии повлекло за собой формирование специальных округов, земли которых изымались из ведения гражданских властей. ПСЗ содержит целую серию законодательных актов, отражающих этот процесс. Назовём лишь некоторые из них:

> Именной указ от 5 августа 1816 г. «*О введении на постой одного батальона гренадерского графа Аракчеева полка Новгородского уезда в экономическую Высоцкую вотчину и об отделении сей вотчины из ведения земской полиции*»³⁵;

> Именной указ, данный министру финансов, от 5 августа 1816 г. «*Об исключении из числа казенных имений в военное управление экономической Высоцкой волости, состоящей в Новгородской губернии*»³⁶;

> Именной указ от 18 апреля 1817 г. «*О назначении крестьян Высоцкой волости в военные поселения и о комплектовании ими гренадерского графа Аракчеева полка*»³⁷;

> Грамота, данная гренадерскому Его величества короля прусского полку и экономической Хутынской волости от 13 февраля 1818 г. «*О назначении жителей оной в военные поселения в округ оного полка*»³⁸. В примечании к этой грамоте содержится указание о переводе в военные поселения жителей экономической Пидебской волости;

> Именной указ от 11 декабря 1821 г. «*О присоединении крестьян экономической Рышевской волости деревень Плашкину и Нагощу к гренадерскому Наследного принца прусского полку, и о даровании им прав и выгод, прочим оного полка поселянам присвоенным*»³⁹;

> Именной указ от 26 февраля 1824 г. «*О назначении десяти экономических волостей Старорусского уезда Новгородской губернии для военного поселения 2 и 3 гренадерских дивизий*»⁴⁰.

Передача значительных территорий Новгородского и Старорусского уездов в военное управление повлекла за собой и более существенные преобразования. 7 августа 1824 г. последовал именной указ «*Об учреждении в Новгородской губернии, вместо Старорусского, особого уезда под названием Демянского*»⁴¹. На основании этого указа Старорусский уезд Новгородской губернии был упразднён. Создавался новый уезд — Демянский. В тексте указа определялись границы Демянского

уезда и его территория, сформированная из части бывшего Старорусского уезда, отдельных волостей Валдайской и Крестецкого уездов Новгородской губернии и Холмского уезда Псковской губернии. Селу Демянск с прилегающими селениями Селище, Глубово и Селижский Рядок присваивался статус уездного города, а их жителям право перейти в мещанское сословие. Через несколько дней, 14 августа 1824 г., был издан именным указ «О обращении города Старой Руссы в ведомство Начальства военных поселений»⁴², на основании которого «приняв в уважение, что город Старая Русса находится внутри военных поселений 2 и 3 гренадерских дивизий совершенно отдельно от мест, гражданскому полицейскому ведомству подчинённых»⁴³, предписывалось передать город под управление военных властей. Вскоре Новгородское губернское правление направило рапорт в Сенат о том, что город Демянск, а также городские и уездные учреждения открыты. Это нашло отражение в Сенатском постановлении от 22 декабря 1824 г. «Об открытии города Демянска в Новгородской губернии»⁴⁴.

Система военных поселений (после 1831 г. — округа пахотных солдат) продолжала функционировать на территории Новгородской губернии до 1856 года. 21 сентября 1856 г. был издан именным указ «О передаче округов пахотных солдат в Новгородской, Витебской и Могилёвской губерниях в ведомство Министерства уделов»⁴⁵. Указ предписывал привести эту меру в исполнение Военному министерству и Министерству уделов и устроить эти округа «на общих основаниях устройства удельных имений». Выполнение данного указа привело к очередным изменениям в административно-территориальном делении губернии. Поскольку военное управление прекращало свою деятельность, необходимо было решить вопрос о передаче Старой Руссы и бывших территорий округов в ведение гражданских властей и воссоздать Старорусский уезд. Определение границ воссоздаваемого Старорусского уезда и согласование разных мнений по этому поводу заняло несколько лет. Так же долго решался вопрос о передаче Старой Руссы в гражданское управление, так как необходимо было изыскать средства на содержание городских органов управления и аппарата чиновников. Итогом этой деятельности стало

высочайше утверждённое мнение Государственного Совета от 6 января 1859 г. «О образовании в Новгородской губернии Старорусского уезда»⁴⁶. Положения этого документа были очень чёткими: 1) «город Старую Руссу считать уездным и принять в гражданское ведомство»; 2) «образовать вновь Старорусский уезд, включив в состав оного бывшие округа пахотных солдат и некоторые части Новгородского и Демянского уездов...»⁴⁷. Логическим завершением этих изменений стало издание 8 декабря 1856 г. указа, утвердившего герб Новгородской губернии.

С конца 50-х гг. XIX в. и до 1918 г. административно-территориальное деление Новгородской губернии оставалось стабильным. Губерния состояла из 11 уездов, одного губернского города Новгорода, десяти уездных городов, двух посадов — Крохинского и Опеченского, а в 1871 г. статус посада получило поселение при Николаевской железной дороге — Малая Вишера. В этот период преобразования административно-территориального деления губернии были направлены лишь на оптимизацию структуры низших административных единиц, которыми с 1861 г. стали волости. В данном случае основными направлениями стали формирование и преобразование волостей, перечисление отдельных селений и волостей

Герб Новгородской губернии, утверждённый 8 декабря 1856 г.

из одного уезда в другой. Этот процесс нашёл лишь частичное отражение в ПСЗ, так как далеко не всегда было необходимо принимать подобные решения на уровне высших и центральных органов управления. Изменения в составе волостей и другие незначительные преобразования находили своё отражение, как правило, в местных правовых актах. Поэтому за данный хронологический отрезок в ПСЗ было опубликовано только несколько законодательных актов, так или иначе касающихся административно-территориального деления Новгородской губернии. Вот некоторые из них:

> Высочайше утверждённое мнение Государственного Совета от 3 декабря 1877 г. «О разделении Череповецкого уезда Новгородской губернии на три стана»⁴⁸;

> Указ от 2 ноября 1899 г., по которому село Глухое Демидово из Коломской волости Старорусского уезда передавалось в Костьковскую волость Демянского уезда⁴⁹;

> Закон от 2 июня 1912 г. о передаче селений Сябренцы и Облучье Васильковской волости

Тихвинского уезда в Оскуюскую волость Новгородского уезда⁵⁰.

Завершая наш обзор, мы можем говорить, что ПСЗ является ценным источником сведений об изменениях административно-территориального деления Новгородской губернии в течение XVIII — начале XX вв. В этом издании опубликованы все основные законодательные акты, принятые на уровне высших и центральных органов власти и касающиеся территории и системы управления Новгородской губернии. Как правило, это именные указы императоров, данные Сенату,

высочайше утверждённые доклады Сената, указы самого Сената. В совокупности все законодательные акты о преобразованиях административно-

но-территориального деления Новгородской губернии позволяют составить полное представление об этом процессе, выяснить все основные факты, и, в большинстве случаев, узнать о причинах преобразований. Таким образом, обращение исследователя к ПСЗ за информацией об административно-территориальном

делении губернии является оправданным и необходимым.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Гельман Э.Г. Справочник по административно-территориальному делению Новгородской области (1917—1927). Новгород, 1966. С. 18.

² ПСЗ I. Т. III. № 1706.

³ Там же.

⁴ ПСЗ I. Т. IV. № 2218.

⁵ ПСЗ I. Т. V. № 3380.

⁶ ПСЗ I. Т. VII. № 5065.

⁷ ПСЗ I. Т. VII. № 5183.

⁸ ПСЗ I. Т. XVI. № 12 259.

⁹ Там же.

¹⁰ ПСЗ I. Т. XIX. № 13 468.

¹¹ ПСЗ I. Т. XIX. № 13 966.

¹² ПСЗ I. Т. XIX. № 14 088.

¹³ ПСЗ I. Т. XX. № 14 392.

¹⁴ Там же.

¹⁵ ПСЗ I. Т. XX. № 14 400.

¹⁶ ПСЗ I. Т. XX. № 14 478.

¹⁷ ПСЗ I. Т. XX. № 14 500.

¹⁸ ПСЗ I. Т. XX. № 14 568.

¹⁹ ПСЗ I. Т. XX. № 14 676, 14 677.

²⁰ ПСЗ I. Т. XXI. № 15 160.

²¹ ПСЗ I. Т. XXI. № 15 297.

²² Истомина Э.Г. Границы, население, города Новгородской губернии (1727—1917 гг.). Очерки по административно-территориальному делению. Л., 1972. С. 34.

²³ ПСЗ I. Т. XXII. № 15 999.

²⁴ ПСЗ I. Т. XXIV. № 17 634.

²⁵ Там же.

²⁶ ПСЗ I. Т. XXV. № 19 035.

²⁷ ПСЗ I. Т. XXVI. № 20 004.

²⁸ Там же.

²⁹ ПСЗ I. Т. XXVII. № 20 245.

³⁰ ПСЗ I. Т. XXX. № 23 592.

³¹ Там же.

³² ПСЗ I. Т. XXXVII. № 28 325.

³³ Там же.

³⁴ ПСЗ I. Т. XXXII. № 25 671.

³⁵ ПСЗ I. Т. XXXIII. № 26 389.

³⁶ ПСЗ I. Т. XXXIII. № 26 390.

³⁷ ПСЗ I. Т. XXXIV. № 26 803.

³⁸ ПСЗ I. Т. XXXV. № 27 266.

³⁹ ПСЗ I. Т. XXXVII. № 28 831.

⁴⁰ ПСЗ I. Т. XXXIX. № 29 814.

⁴¹ ПСЗ I. Т. XXXIX. № 30 013.

⁴² ПСЗ I. Т. XXXIX. № 30 022.

⁴³ Там же.

⁴⁴ ПСЗ I. Т. XXXIX. № 30 170.

⁴⁵ ПСЗ II. Т. XXXI. № 30 970.

⁴⁶ ПСЗ II. Т. XXXIV. № 34 023.

⁴⁷ Там же.

⁴⁸ ПСЗ II. Т. LII. Отд. 2. № 57 927.

⁴⁹ ПСЗ III. Т. XIX. № 17 660.

⁵⁰ ПСЗ III. Т. XXXII. № 37 176.

Указом Президента Российской Федерации от 28 октября 2008 года Великому Новгороду было присвоено почётное звание «Город воинской славы».

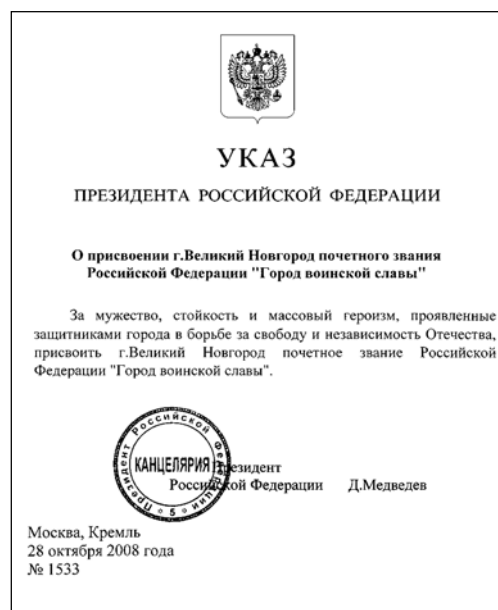
Звание «Город воинской славы», установленное Федеральным законом от 9 мая 2006 года № 68-ФЗ «О почётном звании Российской Федерации „Город воинской славы“», присваивается городам Российской Федерации, на территории которых или в непосредственной близости от которых в ходе ожесточённых сражений защитники Отечества проявили мужество, стойкость и массовый героизм.

В городе, удостоенном звания «Город воинской славы», устанавливается стела с изображением герба города и текстом указа Президента Российской Федерации о присвоении городу этого звания; проводятся публичные мероприятия и праздничные салюты 23 февраля (День защитника Отечества), 9 мая (День Победы), а также в День города.

Градостроительный совет Великого Новгорода определил место расположения стелы «Город воинской славы». Из нескольких вариантов был выбран сквер у киноцентра «Россия». Эта территория, окружённая раньше окольным валом, исторически связана с героическими подвигами многих поколений новгородцев.

Проект стелы разработан авторским коллективом в составе Заслуженного архитектора России, действительного члена Международной академии архитектуры И.Н. Воскресенского, архитекторов Г.А. Ишкильдина, В.В. Перфильева и Заслуженного художника России, члена-корреспондента академии художеств, скульптора С.А. Щербакова. Памятная стела представляет собой колонну высотой 10,35 метра, выполненную в дорическом ордере, увенчанную гербом Российской Федерации, изготовленную из позолоченной бронзы.

От редакции

С.Ф. Витушкин

ГОРОД ВОИНСКОЙ СЛАВЫ

Государство Российское имеет прочные корни в Новгородской республике. На Новгородской земле зародилась военная слава России¹.

Богатая лесами, пушниной, умелыми земледельцами и охотниками земля привлекала соседей. До присоединения к Московскому государству древний Новгород был вынужден 26 раз воевать со Швецией и 11 — с Ливонским орденом². Немало славных победных страниц истории Новгорода

связано с Александром Невским — известным военачальником и государственным деятелем Новгорода и Руси. Город служил защитником Руси от нашествий северных соседей. На памятнике Александру Невскому при открытии его на Ярославовом дворище в 1959 году было начертано: «Кто с мечом к нам придет, от меча и погибнет». Эти слова встречали воинов на западной окраине Новгорода в 1944 году³.

Последние исследования историков говорят о том, что 7000 новгородцев участвовали в освободительной войне с татарами. В честь этого исторического события были возведены два храма⁴. Вместе со всем народом Руси новгородцы боролись с польской интервенцией.

В составе войск Скопина-Шуйского новгородцы освобождали поволжские города от сторонников Лжедмитрия II, снимали осаду Москвы. Во время Северной войны со шведами Новгород был снова восстановлен как сильная крепость с каменным кремлём. В Полтавской битве в центре стоял Новгородский полк⁵. По Столбовскому мирному договору в феврале 1617 года Новгородская земля была возвращена России.

Новгородские ополченцы участвовали в Отечественной войне 1812 года. Святая София благословила своих ратников на подвиги. В память об участии новгородцев в той войне в кремле перед зданием Присутственных мест был воздвигнут памятник ополченцам по проекту архитектора А.П. Брюллова. Таким образом, можно сказать, что уроженцы Новгорода участвовали во всех судьбоносных переломных для России битвах.

В годы тяжёлых испытаний Великой Отечественной войны 1941—1945 гг. жители города и области вписали в многовековую историю Новгорода ещё одну страницу народного подвига. Новгород являлся важным стратегическим пунктом в планах Гитлера на пути к Ленинграду и Москве.

Уже через несколько дней после начала войны над городом появились вражеские самолёты. На большой высоте они летели в сторону Ленинграда. Несколько позже, в конце июля, сперва из г. Дно, потом из Пскова начали поступать поезда с эвакуированными людьми. И опять сотни жителей молились за победу, искали защиты и покровительства у Святой Софии, укрывались от бомбёжек в храмах, как во времена других нашествий иноземцев на Землю Русскую. Тысячи новгородцев помогали раненым, участвовали в оборонном строительстве сооружений Лужского рубежа, позиций по берегам рек Мста, Ловать, Пола, строили более 20 полевых аэродромов, записывались в истребительные батальоны, занимались эвакуацией имущества предприятий, организаций и музея⁶. Предприятия срочно осваивали выпуск продукции военного назначения. Судоремонтный завод ремонтировал танки и орудия, ликёро-водочный — выпускал бутылки с горючей смесью, обувная фабрика наладила пошив военной обуви, мебельная — изготовление тары для боеприпасов, завод «Пролетарий» стал выпускать санитарный гипс, переносные печи, посуду для армии.

Первые бомбы на Новгород противник сбросил 8 июля 1941 г. Ожесточённой бомбёжке подвергся железнодорожный вокзал, битком набитый беженцами из Прибалтики. На Фёдоровском ручье бомба угодила прямо в щель, где прятались люди. На базаре снесло взрывом угол павильона⁷... Началась эвакуация, в основном в Кировскую область. Имущество учительского института на шести машинах было отправлено в Вологду, но уже в десяти километрах от города подверглось бомбёжке⁸. Несколько вагонов с коллекциями музея убыли на восток. Колокола сняли и погрузили на баржи. Одна затонула, колокола остались в прибрежных водах. Памятник «Тысячелетие России» обложили мешками с песком — на его разборку и эвакуацию времени не было.

Из судов Новгородской пристани была создана Ильменская флотилия, которую возглавил капитан 3-го ранга В.А. Древницкий. Она занималась перевозкой из складов госрезерва в Старой Руссе тысяч тонн продовольствия, осуществляла перемещение войск и вооружения, имущества и караванов плотов по северо-западному речному бассейну. Было эвакуировано 20 000 жителей города.

Начались налёты фашистской авиации на железнодорожный узел и ст. Новгород. Несмотря на это, они продолжали работать чётко и организованно. Раненые стали прибывать в Новгород не только в поездах-летучках, но уже и на автомобилях.

В ночь с 13 на 14 августа 1941 года железнодорожники работали в условиях полной светомаскировки. Когда начало светать, в небе появились фашистские самолёты. Они заходили группами и пикировали на отходящие войска. Станцию сначала не бомбили. Начальник Новгородского отделения Октябрьской железной дороги В.Г. Егоров, начальник станции В.С. Шурыгин, его заместитель С.А. Деревенько, дежурные по станции Василий Николаев и Николай Петров решили спасти составы. В первую очередь послали паровоз за поездом с ранеными. Со станции отправляли поезда один вслед за другим, с интервалом в несколько десятков метров. Они шли в сторону станции Татино, путь на Чудово был уже прерван, а в Люболядах находился враг...

Другой маневровый паровоз послали на воинский склад за большим составом с боеприпасами. Борьба за спасение поезда с ранеными продолжалась. Подогнали третий паровоз. Возможно, и его бы настигла участь первых двух, но в этот момент наши сапёры взорвали нефтебазу, расположенную вблизи станции. Громадный столб дыма и огня поднялся к небу. Вражеские самолёты проносились над составом, но густые клубы дыма, стелившиеся почти по земле, надёжно укрывали его⁹.

* * *

С 23 июня началась мобилизация военнообязанных 1905/1918 гг. рождения в Красную Армию. Весь первый курс Новгородской фельдшерско-акушерской школы записался в санитарные дружины. На спецстроительство были посланы 280 студентов учительского института. Всего за годы войны было призвано более 23 300 жителей Новгородского района и 10 318 новгородцев. В целом из районов, позднее отошедших к Новгородской области, было призвано на войну около 193 000 человек¹⁰.

Уроженцы Новгорода, городов и районов области воевали на всех без исключения фронтах Великой Отечественной войны. Однако были полки и соединения, которые формировались в основном за счёт новгородских приписников или пополнялись ими при мобилизации.

177-я дивизия, сформированная в Боровичах, являлась хорошо сколоченным соединением. Её командир А.Ф. Машонин был известен старожилам Новгорода. Одно время он командовал воинской частью, дислоцировавшейся в городе. В дальнейшем соединение воевало у стен Ленинграда.

В Новгородском районе формировалась 286-я стрелковая дивизия. Она воевала весь период под Ленинградом. О другой, 281-й стрелковой дивизии, новгородской по своему составу, упомянуто в очерке писателя С.С. Смирнова «Смерть комсомолки»¹¹, где подробно рассказано о подвиге нашей землячки Татьяны Раннефт. Дивизия формировалась в районах нынешней Новгородской области и приняла первый бой на дальних подступах к Ленинграду в Ораниенбаумском (Ломоносовском) районе Ленинградской области. Дивизия шла по дорогам войны до самой Победы.

Новгородцы воевали в 25-й кавалерийской дивизии. Недавно рассекреченные материалы военкоматов показывают, что в 1940—1941 гг. призывники районов направлялись по нарядам в 49-ю, 142-ю, 75-ю, 123-ю стрелковые дивизии, в 36-й запасной авиаполк, 3-й топографический отряд, эвакогоспитали, во 2-е Новгородское пехотное

училище и другие воинские части. Из остатков 3-й Краснознамённой танковой дивизии в 1941 году сформировали 225-ю стрелковую дивизию, личный состав которой в значительной мере пополнили новгородскими призывниками. Была переформирована в 241-ю стрелковую 28-я танковая дивизия.

Много наших земляков было во 2-й Ударной (26-й резервной) армии¹², 4-й, 52-й отдельной, 54-й и 59-й¹³ армиях Волховского фронта. Маловишерских, крестецких, окуловских парней, призванных в 1942 году, далеко не везли. В ожесточённых

боях в прорыве за Мясным Бором многие из них сложили свои головы. По поимённым спискам павших, отражённым в Книгах памяти, это отчётливо видно.

В дальнейшем наших земляков призывали в 65-ю, 225-ю, 305-ю, 310-ю и другие дивизии 52-й армии, стоявшей у стен Новгорода. Немало их воевало на Северо-Западном, Карельском, Ленинградском и других фронтах, Северном, Краснознаменном Балтийском и Черноморском флотах. Далеко не всем из них удалось дожить до Победы. Их память увековечена в десятках томов областной Книги памяти защитников Отечества.

* * *

Оборона Новгорода строилась на дальних подступах — у Луги. 13 июля немцы прорвались на западную окраину г. Сольцы. Их оста-

новили, но верные своей тактике части Манштейна обошли город и двинулись на Батецкий и Шимск, пренебрегая охраной флангов и тыла. 14 июля первый успешный контрудар наших войск под Сольцами (180-я, 182-я, 183-я, 70-я, 237-я стрелковые и 21-я танковая дивизии 11-й армии Северо-Западного фронта) поставил под угрозу уничтожения 56-й мехкорпус фашистов. Командование вермахта приостановило наступление до появления новых сил.

В июле в городе на улице Герцена в почтамте и Доме Красной Армии разместился штаб Северо-Западного фронта.

В августе противник подтянул свежие силы и 10 числа предпринял новое наступление. Только что созданная юго-западнее Новгорода из Новгородской оперативной группы 48-я армия генерал-лейтенанта С.Д. Акимова (в составе 70-й, 128-й

*Советский солдат в окопе пишет письмо. Западный фронт, 1941 г.
Фото из книги: Война Германии против СССР. 1941—1945 гг. / Под ред. Р. Рюрупа. Берлин, 1992 г.*

и 237-й стрелковых, 21-й танковой дивизий, 1-й горнострелковой бригады, а также 1-й Кировской дивизии народного ополчения) не имела достаточных сил для противодействия. В её дивизиях насчитывалось едва по тысяче штыков¹⁴. Под натиском семи фашистских дивизий 1-го армейского корпуса фон Лееба (у фашистов было трехкратное превосходство в силах) 12 августа под Шимском она начала отход частью сил на север к Батецкой, частью — к озеру Ильмень и к Новгороду. В этот день только что прибывшая на Северо-Западный фронт 34-я армия К.М. Качанова для спасения положения на старорусском и новгородском направлениях нанесла первоначально довольно сильный контрудар из района южнее Старой Руссы, отбросив немцев на 60 км, на рубеж Волот — Должино. К сожалению, под натиском новых сил гитлеровцев и массированных атак с воздуха к 23 августа армия частью была окружена, частью откатилась назад.

Новгород был недостаточно прикрыт войсками¹⁵. Единственными сколько-нибудь боеспособными частями, и то обескровленными, спешенными, вооружёнными лишь личным оружием, в распоряжении назначенного начальником обороны Новгорода командира 12-го механизированного корпуса комдива (генерал-майора) И.Т. Коровникова на 14 августа оставались находившиеся во фронтовом резерве 28-я (около полутора тысяч человек) и 3-я Краснознамённая (около 800 воинов) танковые дивизии полковников И.Д. Черняховского и К.Ю. Андреева. На оборону были брошены партизанские отряды, милиция, ополченцы. Всем им командир И.Т. Коровников и военный комиссар обороны города полковой комиссар Н.П. Петров из штаба в кремле (подвал здания Присутственных мест) отдали боевое распоряжение: *«Новгород защищать до последнего человека»*. В тот же день 28-я танковая дивизия заняла оборону: первый рубеж Григорово, Новая Мельница, Ляпино, Псковская слобода, Аркажа, Юрьево, второй — обводный канал, идущий через западную окраину города¹⁶. Штаб 28-й танковой дивизии располагался в кремле в здании, примыкавшем к театру. Город непрерывно подвергался усиленным бомбёжкам.

В полдень 14 августа ожесточённый бой разгорелся на участке Нехинское шоссе — Псковская слобода. Было отбито несколько атак, но против тысяч снарядов и мин, против волн налетающих бомбардировщиков защитники города устоять не могли, и к вечеру гитлеровцы ворвались в д. Новая Мельница.

Утром 15 числа бои возобновились с новой силой. На штурм города фашисты бросили до двух пехотных дивизий, усиленных танками, артиллерией, авиацией. В этот день в бой включилась 3-я

Краснознамённая танковая дивизия и артиллерийский дивизион 128-й стрелковой дивизии. 16 августа фашистские танки появились на окраинах Новгорода. На участке Псковская слобода — Юрьево противник предпринял 13 атак. Три с половиной часа левый фланг обороны бомбили непрерывно до 80 самолётов противника. Интенсивно вёлся артиллерийско-миномётный обстрел¹⁷. С поля боя не уходили даже раненые, понимая, как важно не пропустить врага в город нашей воинской славы, город Александра Невского¹⁸. И.Д. Черняховский получил из ремонта пять танков БТ-7 и два КВ от начальника штаба фронта Н.Ф. Ватутина и немедленно бросил их в бой.

Патроны приходилось экономить. Обнаглевший враг решил, что сопротивление можно преодолеть разом. *«Воздух смешался с землёй, многие траншеи были разрушены, людей засыпало землёй. Началась „психическая“ атака фашистов с развернутыми знамёнами. Подпустив взбесившихся немцев на 100 метров, танкисты открыли сильный ружейно-пулемётный огонь, который оказался таким неожиданным для противника, что пехота бросилась в бегство, оставляя убитых и раненых. Повторные атаки также были отбиты с большими потерями для противника»*¹⁹.

К 16 августа все здания, примыкавшие к городскому валу, были разрушены. Вал резко выделялся на фоне пожара, и весь рубеж обороны подвергся опустошающему обстрелу всеми видами оружия. Однако к вечеру немцы всё-таки прорвали рубеж. Завязались уличные бои. От беспрерывных бомбёжек и артобстрелов здания рушились, повсюду веяло дымом пожаров. В защиту города включилось местное население. С чердаков и из окон во вражеские машины летели бутылки с зажигательной смесью. Советские воины отходили к кремлю и на Торговую сторону. Для их прикрытия и обороны кремля был оставлен разведывательный батальон 28-й танковой дивизии во главе с капитаном И.И. Котовым и комиссаром ст. политруком И.Г. Андреевым²⁰. Только с помощью штурмовых орудий, пикирующих бомбардировщиков и сапёров-подрывников противник смог после многочисленных атак овладеть Владычным двором. Разведчики защищали кремль свыше четырёх часов, уничтожив до роты фашистов и обеспечив своевременный подрыв сапёрами моста. Штаб 28-й дивизии переместился в церковь Никиты Мученика на улице Большой Московской и в здание напротив неё.

На другой день под прикрытием дымовой завесы гитлеровцы предприняли попытки форсировать Волхов, но воины 55-го и 56-го танковых полков на протяжении двух дней сбрасывали их в реку,

переходя в штыковую атаку. В защите города участвовали и жители города, рабочие предприятий. Видя, что в черте города сопротивление не слабеет, фашисты 17 августа усиленно бомбили берег в Хутыни и Деревяницах и смогли там переправиться.

Утром 18 августа защитники Новгорода на участке Антоново — Малый Волховец (3-я Краснознаменная танковая дивизия, отдельный понтонно-мостовой батальон ст. лейтенанта И.Е. Нагорного) подверглись сокрушительной бомбёжке. Гитлеровцы прорвались к Тихвинскому кладбищу, где размещался командный пункт дивизии Черняховского. Начальник политотдела ст. батальонный комиссар И.Н. Третьяков и и. о. начальника штаба дивизии капитан А.Н. Пашков²¹ возглавили контратаку, и враг был отброшен. Бойцы держались весь день, но к 20 часам северо-восточная окраина города пала. *«При взаимодействии всех видов огня и ударов с воздуха противник ворвался на северо-восточную окраину Новгорода, где завязался ожесточённый уличный бой. Правofланговая рота 6-го (танкового) полка приняла на себя главный удар и почти полностью погибла. Группа дивизии вела бой до 22 часов 18-го (августа), прикрывая отход частей в юго-восточном направлении, оказывая упорное сопротивление противнику»*²². Сводный отряд командира 6-го танкового полка 3-й дивизии подполковника К.И. Вязникова до последней возможности оборонял переправу через Малый Волховец — Синий мост. Наконец он был взорван. Однако и после этого уличные бои продолжались у Дома Красной Армии, базара и лодочной станции, на улице Пролетарской²³.

В кровопролитных боях против танков и самолётов противника удалось продержаться три дня. О накале боёв можно судить по данным эвакуации раненых: за пять дней медики переправили их в тыл свыше 1200. Около 600 навсегда остались лежать в земле Новгорода. Эвакуацию возглавил военком медико-санитарного взвода политрук Ф.А. Касьян. Ежеминутно рискуя жизнью, проводили её военфельдшеры Н.С. Петрова, А.Н. Кукушкина, санинструктор Н.П. Жукова, медсёстры Г.М. Ведерникова, Н.П. Головина, К.И. Тихонова и другие²⁴.

Необходимо отметить умелое руководство полковника Черняховского небольшими подразделениями, бывшими в его распоряжении. Имея скудные резервы в противоборстве с двумя пехотными дивизиями противника, он добился максимально возможного — остановил врага²⁵.

Уцелевшие воины преодолевали Малый Волховец вплавь. 19 августа советские войска отошли за р. Малый Волховец. Партизаны ушли

во вражеский тыл на заранее подготовленные базы. Фашисты не оставили надежд прорваться к Москве сухим и самым коротким путём. 20 августа они предприняли безуспешные попытки форсировать Малый Волховец.

Бои за Новгород вошли героической страницей в историю не только фронта, но и Великой Отечественной войны. Пять суток не затихали неслышанные по своему накалу схватки, героизм был поистине массовым. Командир 56-го танкового полка майор Н.И. Герко три дня со своим полком удерживал подступы к городу и четыре дня — участок восточного берега р. Волхов. Не раз водил бойцов в атаку военный комиссар полка батальонный комиссар И.П. Коптев. Штаб полка размещался в Доме Красной Армии. Последние четыре дня здание стойко защищала группа из 24 человек во главе с начальником штаба подполковником В.А. Корниловым. Штаб был оставлен лишь по приказу комдива.

Политрук сводной роты бойцов 1-й горнострелковой бригады и 128-й стрелковой дивизии мл. политрук А.П. Пальцев неоднократно поднимал группу в атаку. Отличились командиры батальонов 56-го полка капитаны Алексеев и Фоминых, комбат 55-го полка капитан Лямкин²⁶, военный комиссар Василенко, командиры рот 56-го полка капитан Сальников, лейтенанты Мироненко и Нестеров, мл. сержанты Красюченко²⁷, Чернов, пулемётчик красноармеец Пилипенко и другие. Военком 3-й танковой дивизии полковой комиссар Г.И. Купырев и начальник политотдела батальонный комиссар А.Н. Малявин доносили: *«Пример храбрости и мужества показали члены ВКП (б) тт. Пянтин, Добролин, Капурин, комсомольцы тт. Носков и Калачев, расстреляв все патроны, при выходе из боя, они подошли к реке Малый Волховец. Там скопилось много раненых, которые обстреливались сильным огнём противника. Тогда т. Носков сел в подбитый броневик и открыл огонь по врагу. А т. Калачев и другие стали переправлять раненых через реку, тем самым спасли жизнь многим бойцам и командирам»*²⁸.

21 августа пешим маршем на оборонительный рубеж по рекам Малый Волховец и Волхов подошла 305-я стрелковая дивизия полковника Д.И. Барабанщикова. Именно она встала на пути немецких войск к Москве. Здесь вскоре была образована Новгородская армейская группа (НАГ) войск Северо-Западного фронта в составе 305-й стрелковой, 28-й и 3-й Краснознаменной танковых дивизий и частей обеспечения под командованием И.Т. Коровникова. Самой западной точкой этого участка фронта стал военный городок Муравьи²⁹. Заслуживает внимания тот факт, что Северо-Западный фронт стал первым фронтом, который

остановил продвижение фашистов на восток. За Новгородом — 20 августа, по восточному побережью Ильменя у д. Дуброва — 3 августа, по линии Лычково — Селигер — 26 сентября 1941 года³⁰. 3-я и 28-я танковые дивизии скоро были переформированы в 225-ю и 241-е стрелковые дивизии³¹. Чуть позже танкистов отозвали в танковые части, куда стали поступать новые машины.

23 августа на левом фланге 28-я танковая (её штаб теперь расположился в д. Кунино у Сиверсова канала) с приданными ей остатками 3-й танковой, 5-м мотоциклетным полком, инженерным батальоном и другими подразделениями (всего в строю имелось 2169 человек) попыталась вернуть Новгород. Попытка подполковника Н.И. Герко провести свой 56-й полк через Правощню, севернее Кириллова монастыря открытым и простреливаемым Красным полем не удалась. Некоторый успех наметился на участке 125-го танкового полка майора Курова. Второй батальон ст. лейтенанта Осадчего стремительной атакой выбил фашистов из Городища и Спас-Нередицы, вышел к насыпи недостроенной железной дороги Ленинград — Витебск.

Утром 24 августа в 4.30 полк предпринял атаку на Кириллов монастырь на острове. Монастырь был ключом к обороне городского вала. В бою погибли первые из 79 бойцов. Вышел из строя командир третьей роты лейтенант Платонов. Возглавил атаку на Кириллов монастырь 24 августа мл. политрук 56-го танкового полка (до июля входившего в 202-ю механизированную стрелковую дивизию) 28-й танковой дивизии А.К. Панкратов, который в опасную минуту ради спасения товарищей бросился на амбразуру немецкого пулемёта в монастырской стене. Это был первый в истории Великой Отечественной войны пример подвига, названного позднее матросовским. Более 400 раз повторили его советские воины, в т. ч. 12 раз на Новгородской земле. 16 марта 1942 года Панкратов посмертно был удостоен звания Героя Советского Союза.

В августе 1941 года вернуть Новгород не удалось. 25 числа наши войска оставили уже Чудово и Любань. 27 августа Новгородская армейская группа Северо-Западного фронта перешла к обороне на рубеже Пахотная Горка — устье реки Мсты. Правее неё оборону занимала 52-я отдельная армия генерал-лейтенанта Н.К. Клыкова, подчинённая непосредственно Ставке.

Вскоре противник на новгородском участке фронта двумя группами переправился через р. Волхов у деревень Ситно и Дубровка Новгородского района. 15 сентября Ставка приказала ликвидировать группы³². Через пять минут последовала новая директива Шапошникова: всячески мешать

продвижению противника по железной и шоссейной дорогам на западном берегу р. Волхов, так как они являются главными магистралями, питающими его войска в Чудово, Киришах и Тосно³³. 26 сентября Ставка объявила о создании 4-й армии генерала В.Ф. Яковлева.

Опасным моментом стало взятие Малой Вишеры и прорыв 250-й испанской пехотной «Голубой дивизии» на правый берег Волхова, занятие ею ряда населённых пунктов Мстинского (ныне Новгородского) района, включая Первомайскую (Посад), Шевелево, Никиткино, Оттенский монастырь. Чтобы отбить их, командованию 52-й отдельной армии пришлось собрать воедино все имевшиеся скудные резервы, реактивные миномёты, партизан и общими усилиями отбросить противника за Волхов³⁴. Опасные моменты возникали неоднократно. В октябре 1941 года 52-я армия едва не отошла на рубеж реки Мсты³⁵.

При освобождении Тихвина отличился К.А. Мерецков. В ходе Тихвинской операции 10 ноября, не дожидаясь готовности всех сил, перешла в наступление севернее Новгорода Новгородская армейская группа, но без успеха³⁶. 20 ноября 52-я армия овладела Малой Вишерой. 9 декабря войска 4-й армии освободили Тихвин.

17 декабря создан Волховский фронт, основное назначение которого — прорыв блокады и освобождение Ленинградской области, включая Новгород. Его возглавил генерал армии К.А. Мерецков. С 22 декабря Новгородская армейская группа в полном составе за исключением 180-й стрелковой и 25-й кавалерийской дивизий передаётся в 52-ю отдельную армию. Стык Волховского и Северо-Западного фронтов устанавливается в с. Юрьево в пяти километрах от Новгорода³⁷. Ставка предписывает Мерецкову для проведения большого наступления овладеть переправами через Волхов³⁸.

Последним крупным событием 1941 года стала акция, предпринятая командованием 59-й армии по разведанным новгородских подпольщиков. Узнав о времени и дате большого скопления немцев на встрече Нового года в здании Дворянского собрания на площади им. 9 января, они передали сведения армии, — вскоре произошла бомбёжка, после которой вывозили десятки трупов немецких офицеров.

Попытки освобождения Новгорода предпринимались в январе 1942 года в ходе Любаньской операции, окончившейся неудачно. Недостаточно подготовленные, предпринятые в лоб атаки привели к многочисленным потерям. В них был только один положительный момент: боевые действия под Новгородом смогли отвлечь от Ленинграда дивизии противника, угрожавшие городу новым

наступлением³⁹. О боях под Мясным Бором, Любанью, Чудовом, Новгородом рассказывают находки поисковиков, воспоминания участников кровопролитного сражения.

Перед 52-й армией генерала В.Ф. Яковлева, занимавшей фронт от Руссы до оз. Ильмень, ставилась задача овладеть Новгородом и в дальнейшем наступать в направлении Солец, обеспечить наступление фронта на северо-запад. Она занимала участок в 35 километров четырьмя дивизиями и одну дивизию имела во втором эшелоне. 13 января началось наступление, к середине дня 15 числа на западном берегу р. Волхов были взяты Заполье, Лелявино, лес севернее и Теремец-Курляндский.

Танки 29-й танковой бригады наступают в направлении станции Батецкая. ГАНО. 75-А

К 19 января вышли на рубеж Любцы — Тютюцы. Поскольку успех обозначился на участке 2-й Ударной армии, ей предоставили резервы. Очередная попытка взять Новгород не имела успеха.

В истории Великой Отечественной войны и обороны Новгорода особое место занимает массовый подвиг сибиряков И.С. Герасименко, А.С. Красилов, Л.А. Черемнова из 225-й Новгородской дивизии (бывшей 3-й танковой), совершённый ими в ночь на 29 января 1942 года. В блокировке дзотов участвовал взвод мл. лейтенанта Н. Поленского из первого батальона 299-го полка. Они преодолели ничейную полосу под Новгородом (реку Волхов) и углубились в передовую линию противника на левом берегу, однако были обнаружены, и завязался скоротечный бой. Медлить было нельзя: с фланга начался обстрел артиллерией

противника, на помощь к ним спешило подкрепление. Забросав огневые точки гранатами, бойцы начали отход. В это время незамеченный дзот положил всех в снег. Сержант Герасименко стремительно бросился на амбразуру. Заглохнув на секунды, дзот ожил снова, а рядом заговорил второй. Друзья Герасименко, сержант Красилов и рядовой Черемнов, повторили его подвиг. Пытаясь спасти героев, погиб санитар С.М. Дубина⁴⁰. Об этом исполненном самопожертвовании массовом подвиге героев узнала вся страна⁴¹.

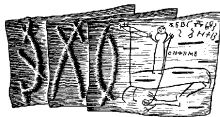
В начале 1943 года была частично снята блокада Ленинграда. В числе прочих армий в этом приняла участие и 2-я Ударная армия нового формирования. Но связь с осаждённым городом была ненадёжной и могла снова прерваться. Поэтому в марте на близлежащих фронтах было предписано провести ограниченные наступательные действия, с тем, чтобы не допустить подвоза войск к Ленинграду. Наступление на Новгород 1943 года, с нарочитой демаскировкой подготовки и ведением боевых действий в лоб, началось в марте. Пережившие бои вспоминали о них, как о кошмаре. В ходе боёв на передовой линии осталась только тонкая цепь солдат и никаких резервов. «Разбор полётов» привел к тому, что 52-я армия В.Ф. Яковлева была сменена здесь 59-й армией И.Т. Коровникова. Кто Новгород сдавал, тому предстояло его и брать.

Вспоминая события того времени, маршал К.А. Мерецков писал: «Хотя река Волхов почти всё время оставалась главной разграничительной полосой между нами и немцами, Волховский фронт не был пассивным. Напряжённые боевые действия велись круглый год. Они не прекращались ни в дни весеннего половодья, ни во время осенних дождей. Упорные бои за отдельные плацдармы, грунтовые дороги, железнодорожные насыпи и броды, населённые пункты и господствующие высоты сменялись здесь крупными операциями с привлечением усилий ряда других фронтов»⁴².

Настоящее освобождение пришло для Новгорода в январе 1944 года, когда войска 59-й армии генерал-лейтенанта И.Т. Коровникова смелым и умелым обходным маневром взяли его в ходе тяжёлых боёв против 16-й армии противника группы армий «Север», окончив 29-месячную оккупацию древнего русского города.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Ланской М. Новгородские бои // Освобождение Новгорода. 1944—1969. 25 лет. Известия. 1969. С. 78.
- ² Вязинин И.Н. «Была врагу поставлена преграда...» // Книга Памяти Новгорода и Новгородского района. Новгород, 1995. С. 11.
- ³ Макин Я. Звезды Новгородчины. Л., 1969. С. 4; Федоров Ф.Ф. Страницы одной родословной. С. 188.
- ⁴ Азбелев С.Н. Об участии новгородцев в Куликовской битве // Прошлое Новгорода и Новгородской земли / Сост. В.Ф. Андреев. Великий Новгород. 2006; С.Н. Азбелев. Участие новгородцев в Куликовской битве // Чело. № 1 (35). Великий Новгород, 2006. С. 73; Каргалов В.В. Конец ордынского ига. М., 1980; Новгородцы идут против Мамаю // Исторические песни. Баллады. М., 1986. С. 65.
- ⁵ Вязинин И.Н. «Была врагу поставлена преграда...» // Книга Памяти Новгорода и Новгородского района. Новгород, 1995. С. 11.
- ⁶ Очерки истории Новгородской организации КПСС. Сост. В.Д. Васильев. Л., С. 240; И.Д. Савинова // Книга Памяти Новгорода и Новгородского района. Новгород, 1995. С. 7.
- ⁷ Федоров Ф.Ф. Страницы одной родословной... С. 102.
- ⁸ Павлов А.Н. Новгородский государственный педагогический институт в годы Великой Отечественной войны и восстановительный период 1941—1953 гг. // XX век. Политическая история Новгородской области. Великий Новгород, 2001.
- ⁹ Деревенько С.А. На Новгородской земле // Октябрьская фронтовая. 1941—1945. Л., 1970. С. 107—110.
- ¹⁰ По данным областного военного комиссариата — 180 402 (в эту цифру не вошли призванные ранее на действительную службу, а также ставшие офицерами партизаны, разведчики, бойцы истребительных батальонов и т.д.).
- ¹¹ Комсомольская правда за 15, 16, 18 ноября 1966 г.
- ¹² 26-я резервная армия сформирована в ноябре 1941 г. в Приволжском военном округе за счёт стрелковых соединений резерва СВГК, прибывших из Воронежа, Ворошиловграда, Саратовской и Чкаловской областей, командарм генерал-лейтенант Г.Г. Соколов.
- ¹³ 59-я армия сформирована в ноябре 1941 г. в Сибирском военном округе, командарм генерал-майор И.В. Галанин.
- ¹⁴ ЦАМО. Ф. 148а. Оп. 3763. Д. 78. Л. 36—41.
- ¹⁵ Кислинский В.С. Нет ничего дороже. Л., 1983. С. 36.
- ¹⁶ ЦАМО. Ф. 28тд, Оп. 3934. Д. 7. Л. 1.
- ¹⁷ Великая Отечественная война на Новгородской земле // Война народная. Новгород, 1995. С. 20.
- ¹⁸ Федоров Ф.Ф. Страницы одной родословной... С. 123.
- ¹⁹ ЦАМО. Ф. 225сд (3тд). Оп. 484335. Д. 1. Л. 4.
- ²⁰ Кислинский В.С. Нет ничего дороже... С. 38.
- ²¹ На заключительном этапе войны гв. полковник А.Н. Пашков командовал гв. танковой бригадой. Погиб 27 января 1945 года на подступах к Одеру, посмертно удостоен звания Героя Советского Союза.
- ²² В.С. Кислинский. Нет ничего дороже... С. 39.
- ²³ Павшие в тех боях танкисты, 93 воина, были в конце XX века захоронены у монумента Победы на Софийской набережной.
- ²⁴ В.С. Кислинский. Нет ничего дороже... С. 42.
- ²⁵ Указом Президиума Верховного Совета СССР от 16 января 1942 года за мужество и отвагу, проявленные при защите города на Волхове, полковник И.Д. Черняховский был награждён орденом Красного Знамени.
- ²⁶ Константин Иванович Лямкин, капитан, погиб 25 августа 1941 г., захоронен у монумента Победы на Софийской набережной.
- ²⁷ И.Д. Красюченко, сержант, погиб 25 августа 1941 г., захоронен у монумента Победы на Софийской набережной.
- ²⁸ Кислинский В.С. Нет ничего дороже... С. 41.
- ²⁹ Добров А.С. Бои под Новгородом. Екатеринбург, 2004.
- ³⁰ Вязинин И.Н. «Была врагу поставлена преграда...»... С. 18.
- ³¹ И.Д. Черняховский погиб в Восточной Пруссии, будучи генералом армии, самым молодым командующим фронтом.
- ³² Директива Ставки ВГК № 001985 от 15 сентября 1941 г. ЦАМО. Ф. 48а. Оп. 3408. Д. 434.
- ³³ Директива Ставки ВГК № 001985 от 15 сентября 1941 г. ЦАМО. Ф. 48а. Оп. 3408. Д. 435.
- ³⁴ Директива Ставки ВГК № 003046 от 1 октября 1941 г. ЦАМО. Ф. 48а. Оп. 3408. Д. 4. Л. 412, 423.
- ³⁵ Директива Ставки ВГК № 004128 от 26 октября 1941 г. ЦАМО. Ф. 48а. Оп. 3408. Д. 4. Л. 443.
- ³⁶ С 17 декабря 1941 г. переформирована в 59-ю армию.
- ³⁷ Директива Ставки ВГК № 005868 от 1 декабря 1941 г. ЦАМО. Ф. 148а. Оп. 3763. Д. 108. Л. 6—7.
- ³⁸ Директива Ставки ВГК № 006002 от 24 декабря 1941 г. ЦАМО. Ф. 96а. Оп. 1711. Д. 7а. Л. 16.
- ³⁹ Витушкин С.Ф. «Война нас гнула и косила» // Чело. № 2 (21). Великий Новгород, 2001; Андреев В.А. Знать и помнить. Великий Новгород, 2001.
- ⁴⁰ Степан Максимович Дубина, рядовой 299-го полка 225-й дивизии, погиб 29 января 1942 г., захоронен у монумента Победы на Софийской набережной. Награждён орденом Ленина (посмертно).
- ⁴¹ Всегда подчёркивалось, что это был подвиг во имя спасения Ленинграда, но не все знали, что он совершён в черте Новгорода.
- ⁴² Мерецков К.А. На службе народу. М., 1979. С. 252.

СТАРАЯ РУССА В ПЕРВЫЕ ГОДЫ СМУТЫ НА СЕВЕРЕ

1608—1611 гг.

События Смуты в районе Старой Руссы мало привлекали внимание исследователей. Наиболее ценную информацию о данном периоде истории Старой Руссы можно найти в общих трудах по истории России крупнейших отечественных историков, а не в трудах местных краеведов, которые занимались другими сюжетами. Краеведов, историков Православной Церкви больше интересовали описания церквей и их внутреннее состояние после Смуты, судьба Старорусской иконы. Многие неудобные сюжеты, связанные с союзом новгородцев и шведов, их совместной борьбой против войск (в первую очередь, казачьих отрядов) Михаила Романова под Старой Руссой в 1613—1614 гг., действия последних по отношению к рушанам — сторонникам шведов, историки старались обойти стороной.

Наиболее подробно изучен сюжет, связанный с боевыми действиями в районе Старой Руссы в 1608—1609 гг., сведения о которых содержатся в Новом летописце и в сочинении шведского королевского историографа второй половины XVII в. Юхана Видекинда.

Хорошо известно, что в конце февраля 1609 г. послы царя Василия Шуйского для борьбы с Лжедмитрием II заключили в Выборге союзный договор со Швецией. Король Карл IX обещался прислать на помощь Шуйскому две тысячи конницы и три тысячи пехоты. За это, кроме платы наёмникам и всяческих льгот, к Швеции должна была отойти крепость Корела с уездом. В течение 1609 — начала 1610 гг. союзному войску М.В. Скопина-Шуйского и Я. Делагарди удалось освободить северные и московские города от тушинцев. Свою первую победу союзники одержали под Старой Руссой. В Новом летописце кратко сообщается об этих событиях: «Посла князь Михайло Васильевич из Нова города на литовских людей немецкого воеводу Ивелгорода с немецкими людьми да с русскими людьми Федора Чулкова. Они же, придюша в Руссу Старую, и литовские люди, покиня Старую Руссу, побежали».

Подробности разгрома авангардом объединённого русско-шведского войска Фёдора Чулкова

и Эверта Горна тушинского отряда полковника Кернозицкого под Старой Руссой приведены у Н.М. Карамзина, который широко использовал сочинение Юхана Видекинда и труд шведского историка XVIII в. У. Далина. Юхан Видекинд отмечал: «Кернозицкий, старый полковник вражеских войск, узнав, что шведские разведчики заняли Старую Русу, послал 300 человек поляков и казаков вытеснить Горна из города... Горн велел нескольким всадникам и мушкетерам переправиться через реку, всего шесть из них, первыми ступившие на противоположный берег, гнали за бегущим врагом около 2 миль и захватили троих пленных». Преследуя отступающего врага, союзники «настигли его 15 мая вечером, уже к ночи, в 19 милях от деревни, у которой расходятся дороги на Смоленск и на Москву... в первом столкновении перебиты были 1400 чел. русских, казаков, поляков». При этом было захвачено в качестве трофеев девять пушек и освобождены пленные, в том числе «толпа женщин». Несколько подробнее этот сюжет освещён в труде Н.И. Костомарова.

Юхан Видекинд отводит главную роль в этих событиях Эверту Горну и его шведскому отряду, затушевывая участие в сражении русских войск. При этом он говорит о былом богатстве Руссы, сравнивая этот город с самим Новгородом: «...Когда враги узнали о выступлении (шведов) из Новгорода, то опустошили город пожаром и бежали отсюда за 10 миль. А город этот, пока дела в Московии были в порядке, был, не говоря об укреплениях, пожалуй, не меньше Новгорода». Джилс Флетчер также говорит о богатстве Старой Руссы в конце XVI в: «Лучшая соль и в большом количестве добывается в Старой Руссе, где устроено много солеварен... Город Москва платит ежегодно пошлины 12 000 рублей... Старая Руса солью и другими произведениями 18 000». Если судить по взимаемым пошлинам, налогам и другим сборам, то Старая Русса была самым богатым городом страны в это время.

Обо всех этих событиях писали местные историки М.И. Полянский (1885), В. Пылаев (1916),

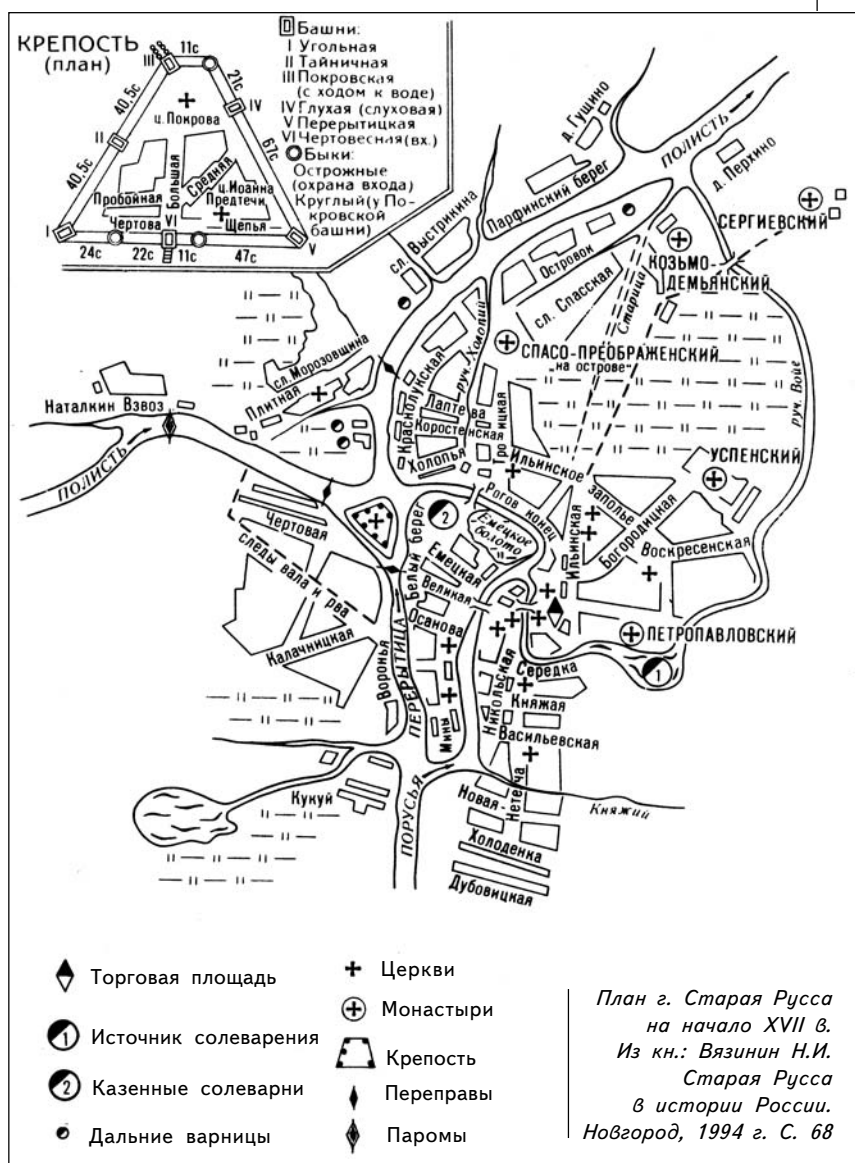
С.Н. Паренаго (1929), а из современных краеведов — И.Н. Вязинин. Этому же сюжету посвящён ряд небольших очерков Руфа Игнатьева, опубликованных в приложениях к «Новгородским губернским ведомостям» ещё в середине XIX в.

О разорении храмов Старой Руссы в 1609 г. в период пребывания в городе тушинцев полковника Кернозицкого сохранились сведения в Описи города 1625 г., составленной Александром Игнатьевичем Чоголовым и дьяком Добрыней Семёновым. Впервые исследовал данный источник архимандрит Макарий в 1866 г. Литовскими людьми были сожжены именно в 1609 г. две деревянные церкви на Ильинской улице — Ильи и Архангела Михаила, деревянная церковь Троицы на Троицкой улице, храм святой Анастасии Узоразрешительницы на ул. Середке, церковь жен Мироносиц в Успенском женском монастыре, церковь Параскевы Пятницы. Наиболее полное описание города в этот период содержится в труде М.И. Полянского, который использовал сочинение арх. Макария, при этом сделал ряд важных дополнений: подробно описал все разорённые и сохранившиеся храмы, улицы и площади, перечислил фамилии жителей, вооружение крепостных башен и т.д.

В 1609 г. разорению подвергся также женский Петровский монастырь на посаде. Об этом свидетельствует челобитная старицы Дарьи с сёстрами, в которой говорится: «Бьют челом и плачютца Старые Русы с посаду святых верховных апостол Петра и Павла и архидиакона Стефана нищие богомолницы досталные убогие старицы: старица Дарьище, старица Ваклистище, старица Онтоныще... как были в прошлом во 117-м году (1608 / 1609 г. — Я.Р.) в Старой Русе литовские люди и сожгли Старую Русу посад, в те места пожгли в их Петровском монастыре кельи, и ныне в их монастыре нет ни одной кельи». Этот женский монастырь был небольшим и не имел земельных угодий.

Интересные сведения о Спасо-Преображенском монастыре Старой Руссы в 1609 г. привёл М.Н. Тихомиров. Этот монастырь уцелел во времена разгрома города Кернозицким и даже получил ценный подарок от некоего поляка Ивана Чернавского — Святое Евангелие. Надпись на этой

древней книге, которую исследовал М.Н. Тихомиров, гласит: «7100 марта в 26 день (26.03.1592 г. — Я.Р.) положил сию книгу в дом к всемилостивейшему Спасу в Ст. Руссы священноинок Андрей». Ниже следует другая надпись:

«Лета 7117 апреля в 23 день (23.04.1609 г. — Я.Р.) нан Ляховские земли Иван Федоров сын Черновский, услышав, что то святое Евангелие Спаса и взяв у государева войска у казаков и отдал ко Всемилоствейшему Спасу в монастырь в Старой Руссе и о здравии его за то бога молить а по смерти его поминати. А подписал многогрешный Богданко Петров». Следует отметить, что 23 апреля 1609 г. Русса ещё не была освобождена от тушинцев. Что побудило поляка Чернавского на данный поступок, неизвестно. Казаки «государева войска», о которых говорится в этой надписи, — тушинцы, которые жгли город перед отступлением.

После освобождения города от тушинцев «Якоб Делагарди 22 мая (1609 г.) со всем войском оттановился в Старой Русе», а «23 мая Якоб вышел из Старой Русы и двинулся дальше на юг для соединения со Скопиным-Шуйским». Это первое сообщение о пребывании шведского военачальника в городе. По-видимому, уже тогда Делагарди понял, что этот город при отсутствии своего укрепления (острога) является беззащитным перед любым вражеским нападением. Не случайно в дальнейшем он будет постоянно уделять внимание строительству этого острога.

О вторичном захвате Старой Руссы тушинцами или поляками короля Сигизмунда, который осенью 1609 г. начал свой поход в Россию и осадил Смоленск, источники не сообщают. Однако известно, что весной 1610 г. город был уже вновь освобождён. Здесь источником может служить сочинение английского наёмника на шведской службе Генри Бреретона. Автор находился в составе 2-го вспомогательного отряда Эверта Горна, отправленного шведским королём на помощь Василию Шуйскому в конце 1609 г. Генри Бреретон не делает разницы между поляками-тушинцами и поляками Сигизмунда.

В книге Бреретона героем вторичного освобождения Старой Руссы от поляков в апреле 1610 г. (ровно через год после известного похода Чулкова и Горна) указан французский полковник Пьер Делавиль, походжения которого в России в последующие годы хорошо известны. Бреретон пишет: *«Первым был освобожден важный город Старая Русса, который поляки при их приближении покинули бегством. Однако месяц Лавиль с небольшим кавалерийским отрядом настиг их и уничтожил»*. Единственным из исследователей, кто упомянул об этом событии, был Н.И. Костомаров, который отмечал: *«Э. Горн, посланный в Швецию для набора свежих сил, воротился в Московское государство и привел около четырех тысяч сбродного войска; тут были англичане и шотландцы под начальством Пьера Делавилля, голландцы и немцы под начальством полковника Таубе. Этот сброд... с ранней весной прибыл в русские края. Они выгнали польские шайки из Старой Руссы, из Осташкова...»*.

Катастрофа русской армии под Клушино (24.06.1610 г.) привела к свержению царя Василия Шуйского, избранию москвичами русским царём польского королевича Владислава и к оккупации поляками Москвы. Московское марионеточное правительство Семибоярщины находилось полностью под контролем польского коменданта. Поляки пытались установить контроль над всей территорией страны.

В это же время шведы, бывшие союзники царя Василия и злейшие враги Польши, приступили

к захвату Новгородской земли, осадили крепость Корелу и захватили Ладогу. Королевский воевода Иван Михайлович Салтыков осенью 1610 г. убыл из Москвы в Новгород, чтобы заставить новгородцев присягнуть королевичу Владиславу, а также для борьбы со шведами. В октябре 1610 г. Старая Русса вместе с Новгородом признала власть польского королевича Владислава (Новгород присягнул Владиславу 12 октября).

Воеводами Старой Руссы к осени 1610 г. были «князь Матвей Мещерский да Федор Палицын». Второй воевода был отцом Андрея Палицына, известного своими подвигами в «Рамышевском осадном сидении» 1613—1614 гг. Обстановка в районе Старой Руссы оставалась сложной. В окрестностях города бесчинствовали отряды черкас полковника Лаврина Рудницкого, которые мало считались с указаниями королевского воеводы И.М. Салтыкова. В своём донесении королю Сигизмунду от 15 ноября 1610 г. И.М. Салтыков просит короля посылить на буйных черкас, которые «пустошат» Старую Руссу. Салтыков планировал отправить этих черкас для покорения других городов (Пскова, Порхова и т.д.). Ни один из исследователей, за исключением Н.С. Арцыбашева (1843), труд которого давно уже стал библиографической редкостью, и Н.И. Костомарова не использовал этот источник применительно к событиям Смуты в Старой Руссе, хотя это письмо было опубликовано дважды.

Зимой 1611 г. Старая Русса вновь подверглась разграблению польским отрядом Фёдора Пырского, «который там неистовствовал диким образом». Бесчинства черкас в Старой Руссе наряду с другими факторами вскоре после 25 февраля 1611 г. привели к падению в Новгороде правительства И.М. Салтыкова, а в дальнейшем — к казни этого польского ставленника. Новгородцы к тому времени уже получали грамоты от патриарха Гермогена и Прокопия Ляпунова с призывом вместе бороться против «разорителей наших православных христианских веры Польских и Литовских людей». В первых числах марта польский отряд, который пришёл из Великих Лук в Старорусский уезд, узнав, что в Новгороде началось волнение, поспешил на выручку Салтыкова, но новгородцы вышли против него и разбили.

Эта попытка поляков изгоном захватить Новгород не увенчалась успехом. В отписке новгородцев (адресат неизвестен) говорится: *«Да по Иванову же господа приказу Салтыкова пришли с Лук Великих в Старую Русу и в Старорусской уезд есаул Рудницкого пан Федор Пырский, а с ним две тысячи человек Полских и Литовских людей, да того ж они дни, которого пришли в Старую Русу, приходили к Новугороду изгоном, в ночи, и из Великого, господа, Новагорода, выходили на тех Полских и Литовских людей многие ратные люди*

и с ними билися... и тех Полских и Литовских людей на деле многих побили и языки поимали».

12 марта 1611 г. из Новгорода была отправлена военная экспедиция под Старую Руссу во главе со стольником и воеводой Леонтием Вельяминовым, которая завершилась освобождением города от поляков и черкас. Об отправке этого отряда к Старой Руссе и о победе над поляками указывается в той же отписке новгородцев: *«Да марта, господа, в 12 день посылан из Великаго Новгорода на тех же Литовских людей в Старую Русу стольник и воевода Леонтей Андреевич Вельяминов, а с ним многие ратные люди: и сошлись с ними в Покровском монастыре на пустоши и тут у них с Литовскими людьми было дело, и Божию милостью...»*.

К сожалению, данный документ сохранился без начала и конца, но из контекста ясно, что этот поход завершился победой. Подтверждение этому мы находим у Юхана Видекинда: *«Туда (к Новгороду — Я.Р.) непрерывно стекалось множество бояр, казаков, стрельцов, горожан и крестьян, боясь польского оружия, угрожавшего уже Старой Руссе... Между тем новгородцы делают набег на поляков, которые, предаваясь грабежу, дошли уже до Старой Руссы: перебив 70 человек из них, остальных обратили в бегство»*.

Об этом походе новгородцев к Старой Руссе в марте 1611 г. упоминается ещё в одном источнике. В архиве Новгородской приказной избы хранится примечательный столбец документов, обнаруженный историком Адрианом Селиным, относящийся к 7119 (1610/1611) году. Большая часть его является сборником памятей от новгородского правительства о выдаче вина, которые сгруппированы в хронологическом порядке. Нас интересуют записи за март—апрель 1611 г. Первые записи, касающиеся похода новгородцев под Старую Руссу, относятся к 10 марта: *«голове Тимофею Шарову для старорусские посылки 2 ведра вина»*. На следующий день, 11 марта, следует запись: *«воеводе Леонтию Андреевичю Вельяминову 5 ведер вина для старорусские посылки»*. Из данного документа мы узнаём не только о времени похода новгородцев к Старой Руссе, но и о составе этого отряда: головы, дворяне, дети боярские, новокрещённые татары, казаки, монастырские служки, *«которые были против польских людей с воеводою с Леонтием Андреевичем Вельяминовым под Старую Руссою»*. Эта запись сделана 17 марта 1611 г. Далее следует роспись личного состава: сотня Никиты Вышеславцева (Водская пяттина, 108 чел.), сотня Фёдора Скобельщина (Шелонская пяттина, 75 чел.), сотня Дружины Аничкова (Деревская пяттина, 120 чел.), сотня Якова Ушакова (Бежецкая пяттина, 147 чел.), сотня новокрещённых и татар Тимофея Тыртова (49 чел.), монастырские служки

(69 чел.), казаки приказа Тимофея Шарова (2 есаула и 220 казаков), а также пять станиц казаков атаманов Богдана Попова, Макара Смоляника, Богдана Березина, Ивана Зворыкина, Максима Ондрусова (119 казаков). Также в походе участвовала сотня дворян и детей боярских Афанасия Бурцева. Интересно отметить, что наибольшее количество вина получали дети боярские (примерно одно ведро на 30 чел.), затем казаки (ведро на 50—60 чел.), а меньше всего — татары и монастырские служки (ведро на 100 чел.). Татары — вчерашние мусульмане, ранее вина не употреблявшие, а монастырским служкам также не следует много пить. Вино давалось воинам в качестве жалования за службу, оно могло играть роль «валюты», которая легко обменивалась на любые товары и продукты.

В результате этого похода к Старой Руссе польская угроза Новгороду с юга была временно ликвидирована.

Сведения об успешном походе новгородцев под командованием будущего защитника Тихвина, одного из руководителей «Тихвинского осадного сиденья» 1613 г. Леонтия Вельяминова и героя обороны Новгорода от шведов казачьего атамана Тимофея Шарова содержатся в трудах современных исследователей А.А. Селина о Ладого (2008) и П.В. Седова о Новгороде (1993). Данные авторы впервые ввели в научный оборот документы Новгородского оккупационного архива, в том числе приведённый выше документ о выдаче вина. П.В. Седов использовал документ о выдаче вина при подсчёте численности гарнизона Новгорода в июле 1611 г. Краткая информация о событиях весны 1611 г. под Старой Руссой содержится в труде Н.И. Костомарова, а также в исследовании о шведской интервенции В. Лилеева (1940).

С весны 1611 г. сразу после установления новгородцами контроля над Старой Руссой администрацию города возглавили воевода Воин Афанасьевич Новокщёнов и дьяк Третьяк Копнин, прослужившие там до августа — сентября 1611 г. В выписи с писцовых книг 1625 г. Александра Чоголокова и дьяка Добрыни Семёнова записано: *«По Троецкой улице за Троицею по правой стороне... место дворовые старые пустоты Воина Новокщёнова, что было приказного человека Третьяка Якушкина»*. Судя по всему, двор Воина Новокщёнова находился в районе современной гостиницы «Полисть». Обычно двор воеводы располагался внутри острога, однако к тому времени острог «на мысу, образуемом реками Полистью и Перерытицей, против устья реки Порусы» (на этом месте сейчас находится Воскресенский собор) ещё не был поставлен, хотя предварительные работы по заготовке материала уже велись.

В конце июля 1611 г. обстановка для жителей Старой Руссы оказалась ещё более запутанной, чем

ранее. Южные районы Старорусского уезда по-прежнему подвергались нападению поляков, черкас, казаков Лисовского. Новгород уже был захвачен шведами (17 июля). Между Делагарди и правителями Новгорода (митрополит Исидор и воевода И.Н. Одоевский) 25 июля 1611 г. было заключено соглашение, к которому новгородцы призывали присоединиться другие города, в том числе Руссу. Новгородцы признали покровительство Карла IX, вступили с ним в союз против Польши и гарантировали избрание на русский трон одного из его сыновей. До ратификации договора обеими сторонами, Швецией и Россией, Делагарди оставался в Новгороде в качестве главного воеводы. *«Дворяне же Новгородцы поворотися в Нов город и целоваша все крест королевичу»*, а противники шведов, в том числе казаки Л.А. Вельяминова отступили в Романов *«и многие уезды запустошиша»*.

В это же время возле Пскова находился очередной самозванец, Лжедмитрий III, который рассылал свои грамоты по другим городам, в том числе и в Старую Руссу. Одна из таких грамот, написанная 28 июля, попала в руки Я. Делагарди (этот документ сохранился в переводе на шведский язык в Шведском Государственном архиве Стокгольма). В этой грамоте Лжедмитрий III убеждал жителей Старой Руссы и других окрестных городов признать его своим царём, призывал соединиться с ним для борьбы против польских и шведских захватчиков, *«которые угрожают разорением всем православным христианам, шведы показали себя врагами, захватили Новгород и осквернили святыни русские»*.

Шведские исследователи называют обращение Лжедмитрия III к жителям Старой Руссы *«чванливой прокламацией»*, но мы видим в этом обращении, как отмечал в своё время историк Герман Андреевич Замятин, «патриотическую ноту, призыв к защите страны и религии от чужеземных захватчиков». Однако рушане, тесно связанные с Новгородом, к тому же не имея городских укреплений и сильного гарнизона, без особых колебаний признали власть нового правительства Делагарди — Одоевского.

Старая Русса сразу присоединилась к шведско-новгородскому альянсу. К сожалению, источники об этих событиях лета — осени 1611 г. ничего не сообщают. В. Пылаев писал, что в 1611 г. после того, как *«Новгород присягнул Филиппу»*, *«полковник Делагарди наступал на Руссу, разбил небольшую городскую рать, ворвался в город,*

разграбил и разрушил его за сопротивление». Аналогичные сведения приводит С.Н. Паренаго: *«Новгород присягнул Филиппу. Делагарди послан был занять Старую Руссу. Она не сдалась без сопротивления. Немногочисленная русская рать была разбита. Вновь — разграбление и уничтожение города»*. Эти сведения не подтверждены никакими источниками.

Все, что происходило в этом районе в дальнейшем, вплоть до заключения Столбовского мира (1617 г.), рассматривалось исследователями попутно при изучении других вопросов истории Смуты. Чаще всего историки вскользь говорили о присоединении Старой Руссы к шведско-новгородскому альянсу после захвата Новгорода шведами в 1611 г., о болезнях и гибели жителей города и его окрестностей, о том гнетущем впечатлении, какое произвёл мёртвый город на голландских дипломатов поздней осенью 1615 г.

Несколько фраз о событиях 1611—1617 годов явно недостаточно для изучения истории такого значительного русского города, как Старая Русса. Необходимо обратить особое внимание на то, как происходило установление в городе новой власти правительства Делагарди — Одоевского, как осуществлялось строительство крепости в центре города, как местная администрация пыталась восстановить работу соляных варниц и почему эта затея провалилась.

Особый интерес представляют сведения о том, кто стоял во главе города в годы шведского владычества, как осуществлялся сбор кормов для шведов, кто из новгородцев получал поместья в районе Старой Руссы. Документы Новгородского оккупационного архива позволяют определить состав гарнизона города в это время и основные занятия жителей. Эти вопросы до настоящего времени ещё не получили должного освещения в отечественной историографии. Краеведы не могут назвать никого из воевод города вплоть до 1617 г., когда в город прибыл первый московский воевода Яков Боборыкин.

До настоящего времени отсутствуют исследования о ходе боевых действий под Старой Руссой в 1613—1614 гг., о действиях казаков Андрея Палицына в районе города. А.Л. Станиславский уделил этому вопросу несколько строк. Никто не может ответить, за какие заслуги казаки этого отряда и лично их предводитель получили щедрые пожалования от Михаила Фёдоровича. Данные сюжеты нуждаются в тщательном изучении. Это — предмет дальнейшего исследования.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

Дело по челобитной стариц Петровского Старорусского девичья монастыря боярам и воеводам о невзимании с их четверти обжи кормов в Новгород. 1612, январь // Riksarkivet, Stockholm, Ockupationsarkivet från Novgorod (далее — RA, NOA). Serie 2:362. Л. 99—103.

Документы Новгородского оккупационного архива (Riksarkivet, Stockholm, Ockupationsarkivet från Novgorod). Serie 2:124, 362.

Донесение И.М. Салтыкова польскому королю Сигизмунду. 15.11.1610 г. // Собрание государственных грамот и договоров, хранящихся в Государственной коллегии Иностранных дел. Ч. 2. СПб., 1819.

Новый летописец / Полное собрание русских летописей (ПСРЛ) Т. 14. Первая половина. СПб., 1910.

Сборник памятей на Новгородский винный погреб о выдаче вина // RA, NOA serie 2:124.

Описание Старой Руссы 1625 г. // Северный Архив. № 13. 1827 г.

Отписка новгородцев о единодушном намерении их стоять за православную веру, о заключении в тюрьму Ивана Салтыкова и других изменников, о посылке ратных людей на помощь Прокопию Ляпунову и о поражении литовских людей, пришедших в Новгородскую область. 1611. После 12 марта // Акты, собранные в библиотеках и архивах Российской империи Археографической экспедицией Академии Наук. СПб., 1836. Т. II. № 188. С. 313—314.

Роспись по городам бояр и воевод и приказных людей / Акты Польского государства № 29 // Акты времени междоусобия (1610—17.7.1613) / Под ред. С.К. Богоявленского и И.С. Рябинина. М., 1915. С. 201. Роспись, сколько следует со Старой Русы посада и уезда денежных доходов на 120 год по сравнению с 119. 1611/12 // RA, NOA, serie 2:362. Л. 1—10.

Арцибашев Н.С. Повествование о России. М., 1843. Т. 3. Бреретон Г. Известия о нынешних бедах России. СПб., 2002.

Видекин Ю. История десятилетней шведско-московитской войны / Перевод С.А. Аннинского, А.М. Александрова / Под ред. В.Л. Янина, А.Л. Хорошкевич. М., 2000. Вязинин И.Н. Старая Русса в истории России. Новгород, 1994.

Замятин Г.А. Борьба за Псков между Московским государством и Швецией в начале XVII в. // Замятин Г.А. Россия и Швеция в начале XVII века. Очерки политической и военной истории / Сост. Коваленко Г.М. СПб., 2008.

Игнатъев Руф. Старая Русса. Опись 1625 г. Новгородские губернские ведомости. Отдел II. Часть неофициальная. Приложение к № 19. Б.г.

Игнатъев Руф. Город Старая Русса и памятники ее древностей // Новгородские губернские ведомости. Отдел II. Часть неофициальная. Приложение к № 25. Б.г.

Карамзин Н.М. История Государства Российского. Т. XII. Примечания // Карамзин Н.М. История Государства Российского. Издание пятое. В трех книгах, заключающих в себе двенадцать томов с полными примечаниями. Книга III (тома IX—XII). СПб., 1843.

Костомаров Н.И. Смутное время Московского государства в начале XVII столетия. М., 1994.

Лефstrand Элизабет. Женские судьбы Смутного времени // Чело. № 1 (26). 2003. Великий Новгород, 2003.

Лилеев В. Шведская интервенция XVII в. // Исторический журнал. 1940. № 1.

Макарий, архимандрит. Церковно-историческое описание города Старой Руссы, содержащее в себе сведения о старорусских церквях, Спасском монастыре и духовном училище. Новгород, 1866.

Паренаго С.Н. Краткий исторический очерк г. Старой Руссы. Новгород, 1929.

Полянский М.И. Иллюстрированный историко-статистический очерк города Старой Руссы и Старорусского уезда. Новгород, 1885.

Пылаев В. Старая Русса. Первая часть. Исторический очерк города. Сергиев Посад, 1916.

Седов П.В. Захват Новгорода шведами в 1611 г. // Новгородский исторический сборник (НИС). 1993. № 4 (14).

Селин А.А. Ладога при Московских царях. СПб.; Старая Ладога, 2008.

Тихомиров М.Н. Рукописи Новгородского музея // Новгородский исторический сборник (НИС). Вып. 5. Новгород, 1939.

Флетчер Д. О государстве Русском. СПб., 1905.

О.Г. Кузьмичёва

КИРИЛЛО-БЕЛОЗЕРСКИЙ МОНАСТЫРЬ НАКАНУНЕ СЕКУЛЯРИЗАЦИИ 1764 ГОДА

В многовековой истории Кирилло-Белозерского монастыря, казалось бы, хорошо известной и активно популяризируемой, есть ряд «пропусков» и неясных страниц. Среди них — состояние монастыря накануне секуляризации 1764 года, ставшей, как принято считать в нашей и зарубежной литературе, важнейшей акцией российского абсолютизма. Историография последних десятилетий связывает эту акцию с кризисом вотчинного хозяйства церкви, волнениями крестьян и с политическими расчётами абсолютизма, не желавшего иметь в социально-экономической структуре России полуавтономного корпоративного феодала. Ограничимся рассмотрением вопроса, связанного с некоторыми аспектами вотчинного хозяйства монастыря, не учитывая при этом состояние и численный состав братии¹, а также положение монастырских крестьян.

Проанализировать сложный хозяйственный монастырский организм и значительно скорректировать представление об упадке монастырского хозяйства в середине XVIII века позволяют описи Кирилло-Белозерского монастыря и другие документы середины XVIII века, хранящиеся в Российском

Государственном архиве древних актов и Государственном архиве Вологодской области. Среди них рапорты и донесения архимандритов Кирилло-Белозерского монастыря, описи земельных владений монастыря, ведомости о доходах, об урожае хлебов, о числе монахов и других лиц, проживающих в монастыре, численности слуг и служебников, их занятиях, размерах их годового хлебного и денежного содержания.

По описи 1764 года обширный монастырский комплекс включал в себя 11 культовых построек, каменные монашеские кельи, обнесённые кирпичными стенами с «6 большими башнями и 8 малыми». На территории монастыря находились поварня, солодовня, квасоварня, рыбная и воскобойная палатки, казённая палата, сушило, шесть амбаров, пять погребов, шесть сараев, водяная мельница, две пороховые палаты, две кожевни, «изба каменная об одном апартаменте, в которой делается медная и оловянная посуда... За архимандричьими покоями баня деревянная... 10 чуланов... Кузница каменная крыта железом. Близ той кузницы изба. Близ того монастыря лавки для торговли во время ярмарок»². За пределами монастыря, но недалеко от него, было три конюшенных двора с избами для конюхов, амбарами для сбруи, четыре мельницы, мережный двор, пять скотных дворов, 15 овинов, 14 амбаров, девять сараев, четыре погреба каменных, три чулана и другие хозяйственные постройки. Помимо центральной хозяйственной усадьбы монастыря в некоторых городах и крупных сёлах Белозерского и других уездов имелись особые монастырские дворы с избами для приказчиков и посельских старцев, гумнами, житницами для хранения хлеба, конюшенными и скотными дворами. Так, в 1764 году за Кирилло-Белозерским монастырём числились дворовые городские места в Москве, Белозерске, Вологде, Ярославле, Нижнем Новгороде, Дмитрове, Каргополе, Великом Устюге, Архангельске, Угличе³.

Общий вид Кирилло-Белозерского монастыря. 2006 г.
Фото А. Серебрякова

Условия крупной вотчины позволяли вести многоотраслевое хозяйство, совершенствовать опыт ремёсел. В монастырском хозяйстве в 60-е годы XVIII века были развиты такие виды деятельности, как кузнечное, кожевенное, столярное, токарное, свечное дело и другие. В «Ведомости учиненной Белозерскому уезду Кириллова монастыря по печатной форме» (1764 г.) перечислены 353 человека, работающие на монастырь. Среди них три служителя на иконописных работах, три мастера «медного, кованого, литейного, золотяшного дела», по два мастера колёсного, ка-

ретного, санного, лодочного дела, два токаря, два бочкаря, восемь плотников, пять мельников, семь кузнецов, три портных, 47 скотников, два коновала, 25 конюхов, один банщик, четыре солодовщика, 25 ловцов рыбы, 53 слуги, 16 подъячих, семь писцов, а также 66 служителей на разных работах⁴.

Главной отраслью большого и довольно сложного монастырского хозяйства было земледелие, которое велось на собственной пашне. Земельные владения Кирилло-Белозерского монастыря к 1764 году располагались в 17 уездах, в них проживало 18 765 душ мужского пола и имелось 3444 десятины пашенной земли⁵. Наиболее удалёнными от монастыря были владения в Балахнинском уезде Нижегородской губернии (1000 вёрст), Двинском уезде Архангельской губернии, Шацком уезде Тамбовской губернии (900 вёрст), Алатырском уезде Симбирской губернии (800 вёрст). Ближайшие владения находились в Белозерском уезде в одной версте от монастыря. Примечательно, что за период с 1745 по 1763 годы размеры монастырской десятинной пашни в Белозерском уезде увеличились на 161 десятину.

Основными культурами, выращиваемыми на монастырских землях, были рожь и овёс. В меньших размерах высевались такие культуры, как пшеница, ячмень и конопля. Преобладание в возделываемых культурах ржи и овса объясняется потребностями в них в хозяйстве, а также тем, что этому способствовали природные климатические условия. Средняя урожайность сельскохозяйственных культур на десятинной пашне Кирилло-Белозерского монастыря составляла «сам* 3», «сам 5» в 1762

Соборная площадь Кирилло-Белозерского монастыря с колокольней 1761 г.

и 1745 годы соответственно. Описи за 1745, 1751, 1762 годы дают представление о соотношении количества посеянного и собранного монастырём зерна⁶. За этот период наблюдается увеличение сбора ржи с 1330 до 1810 четвертей. Урожай других зерновых снижается: овса — с 1830 до 1038 четвертей, ячменя — с 99 до 19 четвертей, пшеницы — с 13 до 8 четвертей, конопли — с 10 до 0,6 четверти. При всём этом данного урожая хлебов не только хватало для обеспечения монашествующих, бельцов, колодников и различных слуг, содержащихся на пропитании в монастыре, но и оставалось в избытке. Так, например, по данным «Сведений о состоянии монастырей епархии за 1762 год», урожай хлеба в Кирилло-Белозерском монастыре составил 2876 четвертей, а его расход на посев, пропитание братии, выплату служебникам — 2024 четверти, то есть в остатке были 852 четверти. У монастыря оставались запасы хлеба. На самом деле эти запасы были больше, так как летом этого года у него имелись ещё крупные остатки старого хлеба. Следовательно, можно отметить, что в 40—60-е годы XVIII века на землях Кириллова монастыря в Белозерском уезде произошёл рост десятинной пашни; урожайность сельскохозяйственных культур осталась примерно на одном уровне; увеличился сбор ржи; хлебный доход монастыря по-прежнему превышал расход.

В системе хозяйства Кирилло-Белозерского монастыря наряду с земледелием важной отраслью являлось скотоводство. Оно давало тягловую силу для обработки земли, создавало возможности применения удобрений, увеличивало продовольственные ресурсы монастыря, давало сырьё. В ведомости 1764 года имеются данные о характере животноводства в монастырском хозяйстве и его размещении. В описании хозяйственной части монастыря говорится о расположенных здесь четырёх конюшнях, сараях для хранения сбруи и сена, санном

* Во столько-то раз больше посеянного (сколько — указывает числительное).

дворе. В подмонастырских сёлах содержалось 384 лошади, 259 коров, 28 овец. Так как в рассматриваемых источниках данных о продаже продукции животноводства не обнаружено, логично предположить, что часть этой продукции шла, вероятно, на пропитание монастырских работников. При этом, возможно, её ещё и не хватало, о чём косвенно свидетельствует то, что с крестьян барщинных вотчин взимался натуральный оброк в виде коровьего масла, яиц, овчины, шерсти. На содержание скота в 1762 году было заготовлено почти 6000 возов сена⁷.

Большое значение в монастырской хозяйственной жизни уделялось рыболовству и огородничеству. Овощи для монастырского стола давали огороды, расположенные на территории монастыря и вокруг него. В монастырской ведомости за 1764 год упоминается: «С двух сторон одного монастыря оградных стен огород для сажения овощей на 253 сажени поперек на 19 сажени. Другой огород для сажения промонастырских расходов на 205 сажени. Третий огород на расстоянии от монастыря в 1 версте для сажения капусты на 220 сажени»⁸. Для монастыря ловили рыбу в Сиверском озере Белозерского уезда, а также в Поморье. «В поморских рыбных и соляных промыслах по указным взятым из Вологодской духовной консистории паспортам 5 монахов»⁹. В этой же ведомости названо количество монастырских «рыбных ловцов» — 27 человек. Монастырь имел доходы с трёх подмонастырских мельниц и с мельницы в селе Волок Славинский.

Икона «Преподобный Кирилл Белозерский в молении» с видом монастыря. 1741 г.

На протяжении нескольких столетий хозяйство Кирилло-Белозерского монастыря представляло «вотчину смешанного типа»¹⁰. Начиная с XVI века владения монастыря на побережье Белого моря были связаны с соляным промыслом, который более двухсот лет приносил монастырю устойчивые доходы¹¹. Известно, что в XVII веке монастырь бес-

пошлинно продавал от 40 000 до 100 000 пудов соли в год. К сожалению, в Вологодском архиве не отложилось документов, характеризующих соляной промысел Кирилло-Белозерского монастыря в середине XVIII века, поэтому достаточно сложно судить об изменениях, произошедших в нём к тому времени. Но о том, что этот вид хозяйственной деятельности продолжал существовать в том или ином виде, косвенно свидетельствует монастырская ведомость за 1740 год, в которой названы монахи в «соляных промыслах».

Приведённые архивные материалы, свидетельствующие о некоторых аспектах хозяйственной жизни Кирилло-Белозерского монастыря накануне секуляризации, на наш взгляд, показывают положение хозяйственного монастырского организма изнутри, позволяют значительно скорректировать представление об упадке монастырского хозяйства в середине XVIII века и подтвердить, что в десятилетия, предшествующие секуляризации, Кирилло-Белозерский монастырь был сложным хозяйственным комплексом, в котором, вероятно, оставались резервы роста и развития производительных сил.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Несомненно, что в десятилетия предшествующие секуляризации происходят существенные изменения в судьбах монастырской братии в сторону общего сокращения рядов монашествующих, нарастание бюрократических принципов внутри монашеской корпорации, что искусственно форсировалось и подгонялось под политические установки российского абсолютизма.

² РГАДА. Ф. 280. Оп. 3. Д. 266. Ч. 1. Л. 3—19.

³ Там же. Л. 20—22.

⁴ Там же. Л. 26—40.

⁵ Там же. Л. 76—352.

⁶ Государственный архив Вологодской области (далее — ГАВО). Ф. 496. Оп. 1. Д. 1507. Л. 23; Д. 1776. Л. 1—7; Д. 2372. Л. 36.

⁷ РГАДА. Ф. 280. Оп. 3. Д. 266. Ч. 1. Л. 11.

⁸ Там же. Л. 13.

⁹ ГАВО. Ф. 496. Оп. 1. Д. 1332. Л. 9.

¹⁰ Прокофьева Л.С. Вотчинное хозяйство в XVII веке. По материалам Спасо-Прилуцкого монастыря. М.; Л., 1959. С. 41.

¹¹ Смирнов И.А. Экспедиция Кирилло-Белозерского музея-заповедника в Неноксу летом 1985 года. Кириллов: Краеведческий альманах. Вып. 4. Вологда. 2001. С. 159.

ОРГАНИЗАЦИЯ УЧЕБНОГО ПРОЦЕССА В НОВГОРОДСКОЙ ЖЕНСКОЙ ГИМНАЗИИ

Вторая половина XIX — начало XX века

Николаевская женская гимназия, преобразованная в 1870 году из женского училища первого разряда, состояла из семи классов с годичным для каждого класса курсом обучения. Для девушек, которые хотели бы в дальнейшем связать свою жизнь с педагогической деятельностью, утверждался восьмой дополнительный педагогический класс. Также при гимназии имелся подготовительный класс для обучения русской грамоте.

Для поступления в первый и другие классы гимназии за определённый срок, установленный администрацией учебного заведения, родители или лица, их заменяющие, подавали «Прошение» о приёме их ребёнка на учёбу. К нему прилагалось «Обязательство», метрика, справки о состоянии, а также квитанции об уплате денег за обучение (обычно после приёма). В тех случаях, когда происходило поступление не в подготовительный или первый класс, прилагалось и свидетельство об успехах в предметах и поведении из того учебного заведения, откуда прибыла ученица.

Вступительные экзамены в первый класс проводились одновременно как для собственных выпускниц подготовительного класса, так и для тех, кто пришёл со стороны. Принимали детей в гимназию в возрасте 7—8 лет.

Занятия, включая экзамены, продолжались с сентября до конца июня. Летние каникулы, как правило, были не меньше двух месяцев, а зимние — две недели. Летние каникулы начинались в конце июня. Чтобы разрядить учащихся, дать им дополнительные дни отдыха, семь дней в году разрешалось употреблять на экскурсии. Кроме этого, ученицы отдыхали в праздничные и воскресные дни. Праздничных дней, государственных и христианских, набиралось в год около 35—40. При том неправославные, обучавшиеся в гимназии, могли отдыхать и во время своих религиозных праздников¹.

Число учащихся в одном классе предполагалось не более 40 человек. Если было больше претендентов для обучения в данном классе, то

в этом случае класс делили. В подготовительном классе число учащихся не ограничивалось, всё зависело только от размеров помещения.

Согласно «Положению о женских гимназиях и прогимназиях Министерства народного просвещения» 1870 года предметы в гимназии разделялись на обязательные и необязательные. К обязательным предметам относились: закон Божий; русский язык: в младших классах — объяснительное чтение и начальные основы грамматики, в старших классах — грамматика и знакомство с важнейшими произведениями словесности; арифметика: в младших классах — первые четыре действия над целыми числами, именованные числа и понятия о дробях, с возможно практическим приспособлением к ведению счетов, в старших классах — с приложением к счетоводству и основы геометрии; чистописание; рукоделие в младших классах — навыки, необходимые в обыкновенном домашнем быту; в младших классах — русская история и география в сокращённом объёме с присоединением географического обзора всех частей света; в старших классах — география всеобщая и русская; история всеобщая и русская; главные понятия из естественной истории и физики с приложением сведений, относящихся к домашнему хозяйству и гигиене; гимнастика.

К необязательным предметам принадлежали: французский, немецкий языки, рисование, музыка, пение и танцы.

Чтобы придать единое направление учебной работе и оградить учащихся от «опасных влияний», Министерство подготовило и утвердило в 1874 году учебные планы и программы. Это были первые общегосударственные программы для женских гимназий и прогимназий. По новому учебному плану в курс обучения вошла алгебра, а в число необязательных предметов — педагогика и латинский язык.

Учебные планы Новгородской женской гимназии в 70—80-х годах XIX века выглядели так²:

Пред- меты	Подго- товит.	I	II	III	IV	V	VI	VII	VIII спец.
Закон Божий	3	2/4	2/4	2/2	2/2	2/2	2/2	2/2	-/2
Русский язык и словес- ность	6	4/8	4/8	3/4	3/3	3/3	3/3	3/3	3/3
Арифмети- ка	6	3/6	3/6	3/3	3/3	2/-		1/1	3/3
Геометрия						1/2	2/2	2/1	
Алгебра						1/1	2/2	1/2	
Физика							3/3	3/3	
Естество- знание					2/2	2/2			
География		2/4	2/4	2/2	2/2			2/1	-/1
История				2/5	2/2	3/3	3/3	3/3	
Немецкий язык		5/10	5/10	4/4	3/3	4/4	3/3	2/3	
Француз- ский язык		5/10	5/10	4/4	3/3	4/4	3/3	2/2	
Латинский язык				4/3	4/2	4/5	4/2	4/5	4/-
Чистописа- ние	3	2/7	2/4	1/2	1/1				
Рисование		1/2	1/2	2/1	1/1	1/1	1/1	-/1	
Педагогика и дидакти- ка								2/2	2/2
Гимнастика		2/2	2/2	2/-	2/-	2/-	2/2	2/2	2/2
Музыка		2/2	2/2	2/-	2/-	2/-	2/2	2/2	2/2
Пение					-/1	-/2	-/1	-/1	
Рукоделие				2/-	2/-	1/-	2/2	1/2	

Как видно из учебного плана гимназии, на преподавание необязательных предметов — иностранных языков — отводилось в 3—4 раза больше времени, чем на естествознание и физику. По сравнению с мужскими гимназиями женские давали меньший объём знаний, хотя количество часов, отведённых на общеобразовательные предметы, было примерно одинаково, за исключением математики. Если в мужских гимназиях изучение алгебры и геометрии начиналось с III класса, то в женских — с V класса. Приступая к изучению физики, ученицы не имели достаточной математической подготовки. В женских учебных заведениях отсутствовал такой предмет, как «краткое основание логики», зато много времени отводилось музыке и рукоделию.

Убийство в 1881 году Александра II послужило началом усиления реакции в России, что не замедлило сказаться на образовании. Были внесены изменения в учебные планы образовательных учреждений.

Из приведённой таблицы видно, что в 80-х годах XIX века увеличилось число преподаваемых уроков: по закону Божьему в I—II классах, в VIII спец. класс был введён этот предмет в объёме двух уроков в неделю; по русскому языку и словесности в I—III классах; по арифметике три урока в I—II классах, отменены два урока в V классе; по геометрии один в V классе и отменён один урок в неделю в VII классе; по алгебре один в VII классе; по географии два урока в I—II классах,

отменён один урок в неделю в VII классе; по немецкому языку пять уроков в I—II классах и один урок в VII классе; по французскому языку пять уроков в I—II классах; по чистописанию пять уроков в I классе, два урока во II классе, один урок в III классе; латинский язык один урок в V, VII классах, отменён один урок в III классе; по рисованию один урок в I—II классах; один урок в неделю отменён в III классе. Музыка и гимнастика не было в III—V классах. Пение — один урок в неделю в IV, VI, VII классах и два урока в V классе. Рукоделие в VI и VII классах два урока в неделю — учились шитью белья и вязанию. Объём преподавания физики и естествознания остался без изменений. В подготовительном классе учебный план остался прежним.

Большое внимание уделялось религиозному образованию и воспитанию. Оно присутствовало на всех курсах и во все времена существования гимназий в России. Курс Закона Божия в гимназии предполагал изучение книг Священного Писания, христианской истории, Богослужений Православной Церкви и основных вероучительных положений с элементами христианской нравственности. История христианской Церкви преподавалась в основном на примерах святости конкретных исторических деятелей. Учащиеся гимназии не только должны были усвоить из Библии замысел Творца о мире и человеке, но и увидеть осуществление этого замысла из изучаемой им человеческой истории³. Утром по пути в школу гимназистки заходили в часовню. Существовала также такая традиция: когда воспитанницы заканчивали своё образование, то считали своим долгом зажечь свечу перед святой иконой.

Преподавание учебных предметов рекомендовалось связывать с жизнью. В целях наглядности преподавания в гимназии использовали учебные пособия: атласы по зоологии, глобусы, географические и исторические карты, планетарий, теллурий, картины с животными, анатомические рисунки, ящик с геометрическими телами, линейки, треугольники, наглядные картины Шленберга, циркуль, стенные рисунки по ботанике, прописи, самоучители чистописания, исторические атласы Замысловского, Павлищева, Шпрунера и другие. Новгородская женская гимназия не была богата учебными пособиями, но с каждым годом, по мере возможностей, число их увеличивалось⁴.

При открытии гимназии для создания кабинета естественных наук купцом И. Комаровым было пожертвовано несколько коллекций насекомых

и минералов, а также восемь зоологических предметов⁵.

Из-за нехватки помещений в женской гимназии не было кабинета физики. Физические приборы приходилось хранить в шкафах, стоящих в классах, что было очень неудобно. Ученицы старших классов восполняли свои сведения по этому интересному для них предмету опытами в физическом кабинете женской гимназии. Для этого преподаватели физики устраивали особые уроки в воскресные дни⁶.

Содержание курса педагогики в седьмом классе гимназии составляли общепедагогические знания о физическом, умственном, нравственном и религиозном воспитании; дидактические знания об общенаучных и специально педагогических методах, методические знания о приёмах научного обучения. В восьмом дополнительном педагогическом классе гимназии программа курса педагогики была несколько более развёрнутой. Так, на занятиях по методике преподавания русского языка в начальной школе преподаватель раскрывал различные способы обучения чтению и письму, знакомил учениц с лучшими существующими в России методическими работами (К.Д. Ушинского, Н.А. Корфа); разъяснял грамматические понятия и правила, объяснял учениц во всех подробностях изучить элементарный учебник грамматики⁷. Каждой ученице предоставлялось право избрать предмет, по которому она хотела бы получить звание домашней наставницы. Этот предмет необходимо было изучить в объёме, установленном для мужских гимназий.

При женской гимназии существовала также библиотека. Она была небольшая. В начале 70-х годов XIX века в ней было около 400 книг. К концу XIX века фонд её увеличился до 1300 томов. В него входили как учебные книги, так и художественные. В 1873 году для гимназии выписали журналы «Семья и школа» и «Педагогический сборник»⁸.

Для обеспечения воспитанниц учебниками гимназия давала запрос в губернскую дирекцию, откуда — в Министерство или частным лицам. Книги пересылались в гимназию, где ученицы их покупали. Находящиеся на казённом обеспечении воспитанницы получали книги бесплатно. Продавались книги по номиналу, а непроданные высылались обратно в Министерство⁹.

Уроки в гимназии начинались в 9 часов утра, а заканчивались в 14.30. В актовом зале перед началом занятий каждый день проводилась утренняя молитва. Ежедневно в каждом классе было по четыре часовых урока, а в трёх старших классах в некоторые дни — по пять. В подготовительном классе было только по три урока: занимались

они с 9 часов утра и до 12 часов¹⁰. Перемены между уроками были 20—30 минут, большая перемена — 40.

Каждый год в гимназии проходили устные и письменные переводные экзамены и выпускные, или «испытания зрелости», при окончании полного курса обучения. Проводились они в конце учебного года — летом. Принимали их строго. Например, ученице, которая пользовалась шпалгалками, на год переносились выпускные экзамены. Ученица навсегда лишалась права сдавать экзамены за курс гимназии, если то же самое повторялось в следующем году, и об этом сообщалось во все гимназии Российской империи.

Отметки, которые выставлялись за учёбу и за экзамены, имели следующую градацию: «5» — отлично, «4» — хорошо, «3» — удовлетворительно, «2» — не совсем удовлетворительно, «1» — вовсе неудовлетворительно. Отметки за поведение имели такую же шкалу, но назывались следующим образом: «5» — отлично, «4» — хорошо, «3» — добропорядочно, «2» — не совсем одобительно, «1» — худо.

В учебном году было четыре четверти. Число недель в каждой из них устанавливал Педагогический совет. В конце каждой четверти педагог-предметник представлял ведомость успеваемости учениц по данному предмету, в которой цифрами выставлялись следующие оценки: успехи в изучении предмета, оценки за внимание и оценки за прилежание. Эти отметки были необходимы для сведения и классному руководителю, чтобы он имел более регулярные сведения об уровне успеваемости и поведении ученицы. Они влияли и на перевод ученицы из класса в класс. И четвертные оценки по предмету являлись составной частью, так называемой общей оценки познания, которая составлялась на основе оценки в классном журнале, письменных работ, проверочных работ, а также общего впечатления учителя от воспитанницы. Годовая отметка по предмету включала в себя и общую оценку познаний, и четвертные оценки. Но решающим при их выставлении оставалось общее впечатление, которое составлялось посредством всех методов сбора сведений об ученице¹¹.

В первые годы работы Новгородской женской гимназии в ней обучалось не более 100 воспитанниц, но с каждым годом число их увеличивалось. Так, на январь 1874 года в гимназии обучалось 237 учениц, к январю 1879 года — уже 303 ученицы, а на январь 1889 года — 318 учениц, в январе 1900 года — 434 ученицы, перед Первой мировой войной гимназию посещало около 700 воспитанниц¹². За пятьдесят лет существования гимназии число учениц увеличилось в семь раз.

Состав Новгородской женской гимназии был довольно демократичен. В гимназии учились дочери потомственных дворян и чиновников (к ним относились и учителя) — 50—60%, духовенства — 10—15%, из городских сословий — 20—30%, из сельских сословий — 2—10%. Представительниц «низшей» группы — крестьян, ремесленников, рабочих, солдат — в первые годы почти не было. Например, в 1871—1872 учебном году было всего две девочки сельского сословия, в 1872—1873 учебном году — четыре девочки-крестьянки. В 1875—1876 учебном году — уже 51 девочка¹³. По вероисповеданию около 90% учениц были православными, остальные — католики, лютеране, иудеи.

При Новгородской женской гимназии не было пансиона, поэтому иногородние ученицы размещались

Кроме того, учащиеся должны были проходить практику в младших классах гимназии под руководством учителей и преподавательниц. «Согласно педагогическому совету гимназии 8 октября 1873 года и указанию Министра, в первую половину учебного года ученицы специального класса посещали уроки русского языка и арифметики в трёх низших классах и вели подробные дневники о занятиях преподавателей этих предметов. В дневниках они должны были выяснять сущность прослушанного урока с указанием на приёмы, употребляемые преподавателем. Дневники периодически просматривались преподавателями названных предметов и начальницей гимназии. Воспитанницы специального класса ежемесячно представляли сочинения по русскому языку, педагогике и словесности и по указанию преподавателя педагогике знакомились с сочинениями по педагогике и дидактике и вели дневники прочитанного. По окончании специального класса каждая из воспитанниц представляла в особую испытательную комиссию по методике, арифметике, русскому языку и педагогике и подвергалась *colloquium* по этим предметам. Протоколы комиссии этой ведены воспитанницами по очереди»¹⁶.

В 1876 году в женской гимназии в качестве опыта был устроен класс из самых маленьких учениц 6—8-летнего возраста, в котором по очереди проходили педагогическую практику ученицы VIII класса. Они готовили, и довольно успешно, детей для поступления в подготовительный класс женской гимназии. В 1878 году из шести девочек школы трое были приняты Педагогическим советом гимназии в старшее отделение подготовительного класса¹⁷.

В первое время существования Николаевской женской гимназии трудно было создать надлежащие условия для работы специального класса. Девушкам приходилось ютиться в кабинете начальницы или ждать окончания основных занятий подготовительного класса — не хватало помещений. По этой же причине в 1878—1879 учебном году специальный класс вообще был закрыт¹⁸.

Занятия в VIII специальном классе начинались не ранее половины первого. До 12 часов ученицы должны были присутствовать на уроках младших классов: по 3—4 девушки в классе¹⁹.

К гимназисткам предъявлялись высокие требования. В учебное заведение они должны были

по 3—5 человек на съёмных квартирах, а остальные — у родственников¹⁴.

Тех, кто успешно окончил общий курс гимназии, без испытания принимали в VIII специальный педагогический класс. До 60—70% гимназисток, окончивших семь классов, поступали в восьмой специальный класс. Основными предметами здесь были педагогика и дидактика, методика начального обучения русскому языку и арифметике. Педагогика и дидактика преподавались по два урока в неделю, методика начального обучения русскому языку и арифметике по три урока в неделю, латинский язык — по четыре урока, гимнастика — два. В 80-х годах XIX века были введены закон Божий — два урока в неделю и методика обучения географии — один урок в неделю¹⁵.

Учащимся специального класса объяснялись главные положения о воспитании, а также приёмы и методы преподавания предметов учебного курса женских гимназий. Для более углублённого изучения предметов предоставлялось право пользоваться фундаментальной библиотекой.

приходить в обязательной форме, волосы — гладко зачёсаны. На прогулку девочки ходили только в сопровождении воспитательниц. С дисциплиной у воспитанниц проблем практически не было, единственное, в начале XX века в среду учениц стали проникать революционные идеи.

Каждый год особо отличившимся в течение года выдавались похвальные листы. Лучшие ученицы, с успехом окончившие полный курс обучения в женской гимназии, награждались книгами и медалями, золотыми и серебряными. В каждом выпуске должно было быть не более двух золотых и трёх серебряных медалей.

Ученицы, окончившие общий курс обучения в женской гимназии с золотой или серебряной медалью, а также прослушавшие специальный курс дополнительного класса, получали звание домашних наставниц. Не удостоенные медалей, но получившие одобрительный аттестат об окончании общего курса в гимназии и окончившие особый специальный курс в дополнительном классе, пользовались правами домашних учительниц. Ученицам, не получившим медалей, но окончившим полный курс гимназии, предоставлялось право на звание учительниц народных училищ²⁰.

В аттестатах, которые получали выпускницы после окончания гимназии, указывались: возраст, сословие, вероисповедание и оценки по всем предметам.

Воспитанницы, удостоившиеся звания домашних наставниц или учительниц, получали об этом свидетельство, выдаваемое канцелярией Учебного Округа в обмен на аттестат об окончании общего курса гимназии. Для этого необходимо было предоставить председателю Педагогического совета прошение на имя попечителя округа, аттестат об окончании курса VII класса, удостоверение о прохождении курса VIII дополнительного класса, метрическое свидетельство и 12 рублей за напечатание свидетельства. Лица, не обменявшие аттестат на свидетельство, в дальнейшем лишались права на пенсию за выслугу лет.

При определении в частный дом для воспитания детей домашняя наставница или учительница должна была предъявить свидетельство директору училищ или предводителю дворянства того уезда, где будет проживать. Правило это должно было соблюдаться всякий раз при поступлении в новый дом.

По окончании каждого года занятий воспитанием детей в частном доме наставница или учительница обязана была предоставлять директору училищ отчёт о своих занятиях и одобрительные о себе свидетельства от уездного предводителя дворянства и от лиц, у которых работает.

При точном соблюдении всех этих правил домашняя наставница или учительница после 20 лет работы в области образования получала право на пенсию или право жить в доме призрения бедных девиц благородного звания на казённом содержании²¹.

Выпуская домашних наставниц и учительниц, гимназия способствовала оживлению народного образования в России. Выпускницы гимназии давали уроки в частных домах, становились учительницами сельских школ, прогимназий и гимназий, начальных школ. Некоторые воспитанницы устраивались на

*Здание гимназии на ул. Б. Московской.
Современный вид*

службу в различные учреждения. В начале XX века увеличивается число девушек, поступающих после окончания гимназии в высшие учебные заведения — до трети выпускниц.

За здоровьем воспитанниц гимназии следил врач, который посещал гимназию три раза в неделю, делал прививки от оспы, как, например, в январе 1896 года²². Также он лечил и посещал иногородних девочек в съёмных квартирах.

Согласно «Положению о женских гимназиях и прогимназиях» 1870 года преподаватели женской гимназии выбирались председателем Педагогического совета из числа учителей мужских гимназий, прогимназий и уездных училищ, а также из лиц, имеющих звание домашних наставников и учителей, а преподавательницы — из имеющих звание домашних наставниц и учительниц. Все они утверждались в должности попечителем учебного округа. В трёх низших классах гимназии преподавание поручалось преимущественно, если это было возможно, лицам женского пола.

В первые годы существования Новгородской женской гимназии в ней преподавал 21 педагог,

включая начальницу гимназии. Это были: два преподавателя закона Божьего, три — русского языка и словесности, три — истории и географии, два — математики, один — французского языка, один — немецкого языка, по одному преподавателю по остальным предметам. С дальнейшим расширением женской гимназии увеличивался и штат педагогов. К концу XIX века в гимназии работало уже около 30 педагогов: четыре преподавателя закона Божьего, три — русского языка и словесности, четыре — математики, три — истории, три — географии, три — французского языка, два — немецкого языка, два — латинского языка, по одному преподавателю по остальным предметам²³. В начале XX века число преподавателей увеличилось до 40 человек.

Зарплата учителей обязательных предметов составляла 40—60 рублей за урок, преподавательницы получали намного меньше, чем учителя — 20—30 рублей. За классное руководство получали оклад жалования в размере 300 рублей. Некоторым учителям выплачивалось дополнительное жалование²⁴.

В течение 20—30-ти лет в Новгородской женской гимназии преподавали: законоучителя — священник Алексей Александрович Жемчужин, протоиерей Василий Семёнович Орнатский, протоиерей Пётр Васильевич Соколов, пастор Александр Петрович Морфельдт, учителя арифметики и алгебры — Константин Константинович Нейманд, Александр Иванович Вознесенский, Серафима Антоновна Хоцевич, учитель физики и естествознания Платон Александрович Николаевский, учитель географии Николай Николаевич Вейнерт, учитель чистописания и рисования Иван Григорьевич Тарасов, учительница французского языка Александра Ивановна Егорова, учительница русского языка и арифметики Екатерина Константиновна Туберозова, учительница французского и немецкого языков Елизавета Петровна Яковлева, учительница немецкого языка Александра Самуиловна Бакман, учительница танцев и гимнастики Валентина Александровна Карцева, с основания гимназии работала учительница русского языка Марья Фёдоровна Баршева.

Всё чаще выпускницы Новгородской женской гимназии становились учителями родной гимназии. Как, например, преподавательницы арифметики Екатерина Константиновна Туберозова и Марья Евгеньевна Добровольская, географии Прасковья Евгеньевна Перова, чистописания и латинского языка Антонина Фёдоровна Павлинская²⁵ и другие.

С тёплым чувством вспоминали гимназистки Юлию Александровну Пензину, преподавательницу математики. Она обладала крупной фигурой, тяжеловесной походкой и низким голосом,

у неё были голубые глаза и белокурые волосы. Она была добродушна и приветлива. Все любили её уроки. Старательно учили воспитанницы гимназии уроки по истории, которую преподавала Вера Александровна Рязанцева. Была она худенькая, среднего роста, с завитками тёмных волос у висков и с внимательными карими глазами. Вера Александровна любила похаживать по классу, держа в руках записную книжку, заглядывая в неё перед вызовом «жертвы». Особенно боялись девочки учительницу немецкого языка Александру Самуиловну Бакман: она была очень строга и требовала хорошо зазубренных ответов. Многие ученицы даже отказывались от изучения немецкого языка²⁶.

Особую память о себе оставил преподаватель закона Божьего настоятель Софийского собора протоиерей Василий Семёнович Орнатский. Он успешно закончил Санкт-Петербургскую Духовную Академию и имел учёное звание магистра богословских наук, был профессором Новгородской семинарии. Преподавал в Новгородской женской гимназии с её основания. Орнатский прожил долгую, удивительно плодотворную жизнь, наполненную любовью к ближнему. Он очень много сделал для воспитания молодого поколения. Помимо женской гимназии Василий Семёнович преподавал закон Божий и в мужской гимназии. Его уважали и любили все новгородцы. И государство по достоинству оценило его многолетний труд: он был награждён орденами св. Анны трёх степеней и князя Владимира III и IV степени. Имел также и высшую церковную награду — мирту²⁷.

В знак признательности за труды 3 января 1911 года Высочайшим приказом были удостоены нагрудными золотыми медалями на Анненской ленте преподавательницы Ю.А. Пензина, А.Г. Станишевская и Е.К. Туберозова. Серебряные медали на Андреевской ленте были вручены В.А. Грачёвой и на Аннинской ленте — А.Л. Элкиной²⁸.

После революции Николаевская женская гимназия была закрыта. В её здании расположилась школа 2-й ступени, в 30-х годах XX века здесь был индустриальный техникум, а в 40—60-х годах — средняя школа № 4.

В XIX веке в России среди всех институтов культуры и образовательных структур гимназии занимали значительное место. Женские гимназии являлись базовыми учебными заведениями для подготовки девушек к обучению в высших учебных заведениях, а также к учительской профессии. В результате реформ во второй половине XIX века образование сделало сравнительно большой скачок в своём развитии. В короткое

время благодаря общественной инициативе женские средние школы получили широкое распространение. В сравнении с серединой XIX века, к его концу число женских средних школ выросло более чем в семь раз²⁹. В отличие от институтов, которые своей задачей ставили подготовку воспитанниц, в первую очередь к семейной жизни, гимназии давали более широкую и разностороннюю

подготовку, учили опираться в жизни на себя и свои знания. Выпускницы гимназий были европейски образованными людьми. Полученный багаж знаний давал им возможность прекрасно ориентироваться в современном мире, заниматься дальнейшим самообразованием. В общественном мнении среднее образование для женщин перестало быть чем-то ненужным и нереальным.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Флит Н.В. Школа в России в кон. XIX — нач. XX вв.: Государственные и частные гимназии, прогимназии, домашнее обучение, экстернат. Л., 1991. С. 14, 16.

² ГАНО. Ф. 98. Оп. 3. Д. 109. Л. 126об; Д. 167. Л. 237об.

³ Ранне А.И. Истоки, становление и современные проблемы российского гимназического образования // Гимназическое образование в Великом Новгороде. История. Традиция. Современность: Сб. научных статей. Великий Новгород, 1999. С. 33.

⁴ ГАНО. Ф. 98. Оп. 3. Д. 109. Л. 128.

⁵ ГАНО. Ф. 104. Оп. 1. Д. 161. Л. 12.

⁶ ГАНО. Ф. 98. Оп. 3. Д. 109. Л. 128.

⁷ Смирнов В.И. Педагогическое образование в России в конце XVIII — начале XX в. // Педагогика. 2002. № 5. С. 75.

⁸ ГАНО. Ф. 104. Оп. 2. Д. 49. Д. 18.

⁹ Бертов В.Я. Женское гимназическое образование в Новгороде // Гимназическое образование в Великом Новгороде. История. Традиция. Современность. Сборник научных статей. Великий Новгород, 1999. С. 10.

¹⁰ ГАНО. Ф. 98. Оп. 3. Д. 109. Л. 127.

¹¹ Флит Н.В. Школа в России... С. 19—20.

¹² ГАНО. Ф. 104. Оп. 1. Д. 2. Л. 9; Д. 310. Л. 32; Оп. 2. Д. 49. Л. 17об; Ф. 98. Оп. 3. Д. 203. Л. 283об.

¹³ ГАНО. Ф. 104. Оп. 1. Д. 2. Л. 9; Д. 161. Л. 11об; Д. 271. Л. 36.

¹⁴ ГАНО. Ф. 98. Оп. 3. Д. 260. Л. 589.

¹⁵ ГАНО. Д. 109. Л. 125; Д. 167. Л. 237об.

¹⁶ ГАНО. Д. 109. Л. 127об.

¹⁷ Там же.

¹⁸ ГАНО. Ф. 104. Оп. 1. Д. 161. Л. 14; Д. 346. Л. 36об.

¹⁹ ГАНО. Ф. 98. Оп. 3. Д. 203. Л. 285.

²⁰ Положение о женских гимназиях и прогимназиях Министерства народного просвещения // Журнал Министерства народного просвещения. СПб., 1870. № 149. С. 70.

²¹ Правила и обязанности домашних наставниц и учительниц // Гимназическое образование в Великом Новгороде. История. Традиция. Современность: Сб. научных статей. Великий Новгород, 1999.

²² ГАНО. Ф. 98. Оп. 3. Д. 213. Л. 249; Д. 260. Л. 588об.

²³ Там же. Ф. 104. Оп. 1. Д. 161. Л. 11; Ф. 98. Оп. 3. Д. 167. Л. 235об.

²⁴ ГАНО. Ф. 104. Оп. 1. Д. 473. Л. 17, 17об.

²⁵ ГАНО. Ф. 98. Оп. 3. Д. 173. Л. 234; Д. 224. Л. 424об.

²⁶ Пименова Ф.М. Странички из истории народного образования в Новгороде на рубеже XIX—XX вв. Новгород, 1995. С. 23—25.

²⁷ Ранне А.И. Истоки, становление и современные проблемы... С. 32.

²⁸ Бертов В.Я. Женское гимназическое образование... С. 11.

²⁹ Очерки истории школы и педагогической мысли народов СССР. Вторая половина XIX века / Отв. ред. А.И. Пискунов. М., 1976. С. 528.

И.Д. Савинова

Беспощадное сражение с Церковью: ЛЕНИНСКИЙ ДЕКРЕТ В ДЕЙСТВИИ

Семнадцатый год XX века стал начальной вехой тернистого пути, которым суждено было идти Русской Православной Церкви неполных семьдесят лет. Все эти годы её составной частью являлась и остаётся Новгородская епархия.

Вопрос о взаимоотношениях Церкви и Государства для России был не нов. Он будоражил общество уже со второй половины XIX века. И царское правительство, и Временное пытались откорректировать эти взаимоотношения. Несколько партий в период первой революции внесли в свои программы конкретное положение об отделении Церкви от Государства. Среди этих партий была и большевистская.

Захватив власть в октябре 1917 года, большевики на первых порах не очень торопились осуществлять задуманное — достаточно было и других забот. Но для подготовки Декрета была образована специальная комиссия под председательством наркома юстиции П.И. Стучки. Прошли ноябрь, декабрь, наступил январь 1918 года. В стране — кровавый террор, бандитизм, голод, промёрзшие города, замершие заводы, немецкая армия на западных границах...

Такого дикого разгула бесправия не выдержала душа патриарха Тихона: предполагая, что нынешняя власть не сможет продержаться в таких условиях более двух-трёх месяцев, он 20 января 1918 года обратился с посланием к верующим, которое было зачитано на заседании Собора в Москве. Этот Собор восстановил в России патриаршество, отменённое реформами Петра I. Патриарх предал анафеме врагов родины и призвал оказать сопротивление органам власти:

*«Опомнитесь, безумцы, прекратите ваши кровавые расправы. Ведь то, что творите вы, не только жестокое дело, это поистине дело сатанинское, за которое подлежите вы огню геенскому в жизни будущей загробной и страшному проклятию потомства в жизни настоящей — земной...»*¹.

*Заклинаю и всех вас, верных чад Православной церкви Христовой, не вступать с таковыми извергами рода человеческого в какое-либо общение...»*¹. В тот же день в Петрограде стало известно

о призыве Патриарха, к ночи было созвано заседание Совнаркома, которое в спешном порядке рассмотрело проект Декрета «О свободе совести, церковных и религиозных общинах». С рядом поправок проект был принят, а наутро 21 января опубликован в газетах «Правда» и «Известия».

С этого дня, с этого документа началась упорная систематическая борьба советской власти со всякой религией и прежде всего — с Православием. Как писал Пётр Струве во вводной статье к «Чёрной книге» («Штурм небес») — *«Советская власть — это светский меч, работающий и разящий по наущению и указке воинствующего безбожия. Ей принадлежит своеобразная историческая честь — возрождение инквизиции с атеистическим знаком»*.

Принятый Декрет сам по себе невелик — 13 немногословных статей. Главные из них:

- Церковь отделяется от Государства;
- каждый гражданин может исповедовать любую религию или не исповедовать никакой;
- школа отделяется от Церкви².

Эти вполне безобидные сентенции заканчивались двумя статьями, которые вызвали отпор в основной массе верующих и которые стали главным оружием государства в его многолетней борьбе с Церковью — это статьи о национализации церковной собственности и о лишении прав юридического лица всех религиозных общин.

Осознавая трагизм положения, Священный Собор 25 января 1918 года принял постановление по поводу Декрета Совнаркома, в котором подчёркивалось, что этим Декретом *«узаконяется открытое гонение как против Церкви Православной, так и против всех религиозных обществ»*.

Только спустя три месяца после издания Декрета Совнарком озаботился реализацией его на законных основаниях и поручил Наркомюсту организовать специальный отдел по проведению в жизнь Декрета об отделении Церкви от государства и школы от Церкви. За ним закрепилось неофициальное, но весьма выразительное название — «ликвидационный». Отдел возглавил П.А. Красиков.

Юридический отдел Новгубисполкома только в ноябре создаёт подобный отдел, возглавил который И. Терауд. Но ещё задолго до создания отдела, пользуясь свободой, предоставленной Декретом, президиум Новгородского губисполкома 3 июня 1918 года издал постановление о передаче в ведение отдела народного образования зданий Епархиального дома, духовной семинарии и духовного училища. Чрезвычайное собрание православных приходских советов городских церквей выразило несогласие с этим решением и юридически обосновало его неправомочность: «Все названные здания, построенные на средства православного народа и обслуживающие просветительные, бытовые и благотворительные его нужды, принадлежат лишь ему одному, а посему не могут быть переданы Новгородскому губисполкому, в состав которого входят лица различных вероисповеданий и даже не принадлежащие ни к одному исповеданию»³.

Решение собрания не возымело никакого воздействия, и вот уже Епархиальный дом становится Домом искусств, а по коридорам духовной семинарии затопали красноармейские башмаки. Три жалобы поступило в губисполком от бывшего педсовета семинарии: «...бесчинствуют, гадят, разоряют помещения. Если не намерены выезжать, то хотя бы прекратили вандализм»⁴.

Судя по документам губисполкома, внедрением Декрета в жизнь долгое время практически никто не занимался. Только в 1920 году на местах стали предприниматься практические шаги по осуществлению отделения Церкви от Государства при постоянном напоминании губисполкомовских циркуляров. В губернский отдел юстиции стали поступать договоры, подписанные с религиозными общинами о пользовании храмами и храмовым имуществом, как это и предписывалось Декретом. Договор содержал 13 пунктов весьма политизированного и угрожающего характера: «...в принятых нами в заведывание богослужебных помещениях мы обязуемся не допускать:

- а) политических собраний враждебного советской власти направления;
- б) раздачи или продажи книг, брошюр, листовок

и посланий, направленных против советской власти или её представителей;

в) произнесение проповедей и речей, враждебных советской власти или отдельным представителям;

г) совершение набатных тревог для созыва населения в целях возбуждения его против советской власти...

Мы обязуемся допускать беспрепятственно во внебогослужебное время уполномоченных Совета рабочих и крестьянских депутатов к периодической проверке и осмотру имущества»⁵.

Святейший патриарх Тихон. 1918 г.

Под договором должно было стоять не менее двадцати подписей, откуда и пошла известная по сей день «церковная двадцатка». Религиозное общество не имело права юридического лица. Благотворительная и просветительная деятельность ему запрещалась.

Требуя неукоснительного подписания договоров с религиозными обществами, государственная власть в то же время проявляла беспокойство об общем настроении народных масс и их отношении к проводимой антицерковной политике. Во все уездные исполкомы было разослано предписание представить информацию с мест.

Старорусский исполком докладывал: «...считаюсь с

крайним религиозным фанатизмом населения, с его враждебным отношением к утилизации храмов под общественные нужды, отдел управления категорически заявляет, что разрешение этого вопроса необходимо отдалить, тем более, что общее политическое настроение широких общественных масс уезда и города далеко не в пользу Советской власти, её благих начинаний в этом направлении»⁶. Из Боровичей ответили телеграммой: «Настроение оппозиционное». Из Малой Вишеры подтвердили: «Население относится к утилизации отрицательно»⁷. Все эти сведения оседали в сейфах губисполкома и не появлялись на страницах губернской газеты «Звезда».

В то время, как тысячи и тысячи прихожан новгородских церквей подписывали листы договоров, в столичных кабинетах отношение к Декрету изменилось, и из дела политического проведение Декрета превращается в административное. «Ликвидационный» отдел Наркомюста упраздняется, а вместе

с ним упразднились и губернские отделы и подотделы. Все функции по надзору за проведением Декрета передавались органам НКВД.

Массового разгула жестокости в Новгородской губернии не наблюдалось. Человеческие жертвы были, но их можно перечислить поимённо: в 1918 году были расстреляны без суда и следствия епископ Кирилловский Варсанофий (Лебедев), священники — Бельской церкви Устюженского уезда Павел Кушников, Крестецкого Екатерининского собора Иоанн Лавров, Аполецкой церкви Демянского уезда Пётр Каратыгин, Левочской церкви Боровичского уезда Антоний Озеров, игумена Ферапонтова женского монастыря Серафимия и священник этой же обители Иоанн Иванов⁸. На все протесты правящего архиерея митрополита Арсения против такого беззакония ответ у власти был один — революционная необходимость, распоряжения местных Советов.

За пять лет после выхода Декрета первыми были закрыты домашние церкви и монастыри, до приходских храмов дело пока не дошло. В октябре 1920 года в Новгородской губернии по данным митрополита Арсения, которые он представил в губисполком, насчитывалось 391 церковь и 27 монастырей. Более всего их было в Новгородском уезде: 108 и 17, в Старорусском — 96 и 3, Боровичском — 62 и 4. В самом Новгороде действовало 29 храмов — 26 православных, римско-католический костёл, синагога и кирха⁹.

Печальную картину представляли в то время новгородские обители: в новгородских Зверином, Духовом, старорусском Спасо-Преображенском монастырях разместились воинские части, в Десятинном — ГубЧК, в Юрьевом — богадельня отдела социального обеспечения. В Деревяницком, Корочском, Успенском, Ригодищенском, Косинском, Воскресенском, Иверском были созданы трудовые артели, основной состав которых образовался из бывших монахов. Хутынский и Сковородский в 1920 году властями не использовались¹⁰.

Лишив Церковь экономической базы, юридических прав, государство отняло у неё и право быть наставницей и попечительницей семейной жизни православных граждан: Декрет лишил её всех дел по ведению метрических записей. Российская Республика стала признавать только гражданские браки.

Законными браками в 1920 году ещё считались все церковные браки, заключённые до 20 декабря 1917 года, после этого срока — браки, зарегистрированные в отделах ЗАГС. Замена крещений, венчаний, отпеваний, проводившихся Церковью в особой обстановке на регистрацию этих актов в будничной суете, в обыденной казённой обстановке советских учреждений первых лет их существования породила в гражданах легковесное отношение к таким актам, как бракосочетание и узаконенный развод. Всё стало просто и доступно,

что со временем сказалось на семейных устоях.

Несмотря на жёсткое наступление на Церковь, она по-прежнему всё ещё пользовалась поддержкой основной массы населения. Нужно было предпринять что-то неслыханное, чтобы дискредитировать духовенство в глазах верующих. Советская власть решила провести серию судебных процессов над видными представителями Православной Церкви, желая и устрасшить народ, и разочаровать его в авторитетах.

Самыми значительными процессами того периода стали дела Патриарха Тихона (1922—1923 гг.), католического архиепископа Цепляка и прелата Буткевича (1923 г.), процесс митрополита Петроградского Вениамина (1922 г.). В Новгороде первое такое

судилище состоялось 1 ноября 1920 года. Его официальное название «Дело о действиях духовенства в связи с имевшим место в марте прошлого года освидетельствованием мощей в новгородском Софийском соборе, произведённым советской властью». Обратите внимание, что этот процесс состоялся через полтора года после процесса вскрытия, который прошёл без всяких эксцессов. Епископу Алексию, замещавшему в то время митрополита Арсения, находившегося в Москве, была предоставлена возможность выступить в губернской «Звезде» с пояснением значения освидетельствования мощей.

Но директива требовала обязательного процесса над «верховным духовенством». Верховным в 1920 году был епископ Алексей (будущий патриарх), поэтому решено было вменить ему в вину самочинный, по мнению Губисполкома, осмотр мощей в марте 1919 года, хотя известно, что осмотр святых мощей предписывает и церковное правило.

Митрополит Арсений (Стадницкий)

Как бы там ни было, против епископа Алексия и его братии было выдвинуто обвинение, завершившееся заседанием ревтрибунала.

28 октября 1920 года губисполком предписал прокурору И.А. Куприянову: «Назначенное к слушанию дело епископа Алексия на 1 ноября имеет большое агитационное значение и желательно и необходимо, чтобы на разборе дела могли присутствовать широкие массы населения, не ограничивая число мест или, по крайней мере, значительно увеличить их. Поэтому президиум губисполкома полагает разбор дела производить не в ревтрибунале, а в Доме искусств, где может поместиться большое число слушателей». Подсудимые были приговорены к различным срокам заключения в лагерь принудительного содержания¹¹.

Спустя два с половиной месяца был сфабрикован новый судебный процесс. На этот раз на скамье подсудимых были уже митрополит Арсений и епископ Алексий, три священника и два мирянина. Главным обвинением в адрес митрополита в приговоре прозвучало: «Заведомо зная, что со времени издания Декрета Совнаркома от 23 января 1918 года все церковные организации лишены прав юридического лица и права владения капиталами, утверждал журналы Епархиального совета, рассылал от своего имени указания касательно бракоразводного процесса, судопроизводства церквей»¹².

Несмотря на подбор лиц, получивших входные билеты на заседание трибунала, невиновность митрополита Арсения и его сотоварищей была столь очевидной, что речь защитника была встречена овациями. Однако трибунал всех признал виновными и подверг наказанию лишением свободы от трёх до пяти лет. Учитывая амнистию ВЦИКа от 6 ноября 1920 года, наказание было определено условным¹³.

25 августа 1924 года президиум ВЦИК образовал при своём председателе секретариат по делам культов, возглавил который заместитель председателя П.Г. Сидович. В обязанности этого секретариата входил разбор жалоб и заявлений по религиозным вопросам, которые потоком хлынули в столицу.

Органы НКВД осуществляли общий надзор за деятельностью религиозных организаций. Они же проводили регистрацию религиозных обществ, контролировали исполнение Декрета об отделении

Церкви от Государства. Отделы ОГПУ контролировали политическую деятельность духовенства и органов церковного управления.

1924 год стал временем разгула административного отдела в области закрытия храмов. 31 марта малый президиум губисполкома утвердил постановление административного отдела об изъятии из пользования верующими приписных церквей бывшего Зверина монастыря. Семёновская и Тихвинская как памятники старины были переданы губмузею, Лазаревская — губкомхозу для хозяй-

ственного использования. 5 мая была передана губмузею церковь Рождества Христова на Рождественском кладбище — как памятник музейного значения. Следом за ними губмузей получил Спасо-Преображенскую церковь в Воскресенской слободе, церкви Параскевы Пятницы и Прокопия, приписанные к Никольскому собору¹⁴.

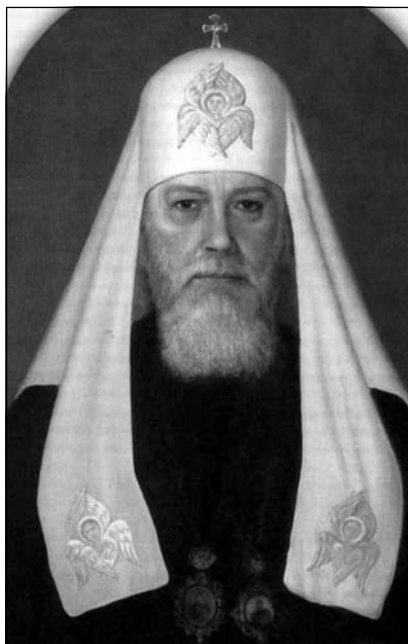
Основным доводом для закрытия храмов ставилось нежелание самих верующих брать их в пользование. Но этому нежеланию были объективные причины: предстояло не только иметь средства на физическое содержание храмов, но и выплачивать высокий налог за их аренду и не менее высокую страховую сумму. Верующие попадали в заведомо неприем-

лемые экономические условия, предъявленные властью, и вынуждены были отказываться от своих церквей.

В этом же 1924 году советская власть впервые сделала попытку закрыть новгородский Софийский собор, однако на этот раз центральная власть не поддержала действия губисполкома. Президиум ВЦИК предложил передать Софийский собор тому коллективу верующих, который смог следить за его сохранностью¹⁵. Жизнь собора продлилась ещё на несколько лет. В мае 1929 года состоялся XIV Всероссийский съезд Советов. Помимо решения социально-экономических проблем съезд много внимания уделил обсуждению религиозной темы. Прозвучали призывы:

- усилить борьбу за закрытие церквей;
- изымать культовые здания под социально-культурные;
- не позволять ремонтировать культовые здания;
- снимать колокола.

Через два месяца состоялся съезд Союза Безбожников, который выдвинул агрессивный лозунг:

Патриарх Алексий I

«Борьба с религией есть борьба за социализм!». Им тут же воспользовался Новгородский губисполком, и дальнейшая судьба Софийского собора была решена: он стал объектом музейного осмотра¹⁶.

Даже в первые революционные годы (1918—1920 гг.) Церковь не испытывала такого жестокого атеистического натиска со стороны государства, как оно предприняло с весны 1929 года. Один за другим закрывались по всей губернии соборы и церкви, и прежде всего в Новгороде. 28 сентября была ликвидирована Троицкая церковь Духова монастыря. Она передавалась окружному архиву под хранилище, каковым и остаётся по сей день. Закрывались соборы в Боровичах. Троицкий собор к 1934 году уже был переоборудован в театр. Трагическая судьба досталась Введенскому храму: заложенный в 1775 году в память присвоения Боровичам статуса города, он был снесён с боровичской земли, а из кирпичей построен рабочий посёлок¹⁷.

Со всех колоколен новгородских церквей в 1929 году стали сниматься колокола. Отправляли их на переплавку в Рудметалл. С Покровского собора Зверина монастыря было снято 7 колоколов по 80, 40, 18, 8, 6, 3, 1 пуду. В одной из сопроводительных записок промелькнула фраза: «Трудно снимать колокола без навыка»¹⁸. Да, таких «навыков» на Руси никогда не водилось.

На трёхъярусной колокольной Хутынского монастыря насчитывалось 16 колоколов. Шесть из них имели свои данные: большой, литый в 1796 году, вес 484 пуда; колокол, литый при Борисе Годунове в 1599 году; при Великом князе Василии Ивановиче, при Фёдоре Иоанновиче...

Во время проверки имущества 14 мая 1924 года

все колокола, приписанные к Губмузею, находились на своих местах. Но в июне 1934 года в проверочных документах они уже не значатся¹⁹.

За десять дней 1930 года Рудметаллторгу было сдано 18 колоколов общим весом 311 пудов. Колокола с 49 церквей Новгородского уезда снимались с 30 октября по 1 декабря 1934 года. Сняли 166 штук общим весом 66 620 кг²⁰.

Накануне 1936 года в Российской Федерации в области отношений государства и Церкви царило беспрецедентное самоуправство: культовые здания закрывались без должного согласия ВЦИКа, религиозные общества путём экономических притеснений разгонялись, новые общества не регистрировались. Все священнослужители на основании инструкции ВЦИКа были лишены избирательных прав и превратились в людей вне закона.

Единственной организацией, которая продолжала заниматься церковной политикой, оставался церковный отдел в системе органов Госбезопасности. Духовенство здесь считалось противником социализма и советского строя, а религиозные общины — как тайная и явная контрреволюционная сила.

К началу Великой Отечественной войны в Новгородской области насчитывалось 23 действующих храма (это из 391!). В 17 районах из 27 не было ни одной действующей церкви, по одной — в пяти районах: Чудовском, Боровичском, Пестовском, Мстинском и Новгородском. В Шимском районе уцелели шесть церквей, Батецком — пять, Волотовском — три²¹. И всё же Русская Православная Церковь не сгнула, не рассыпалась в прах под гнетущим прессом государственной власти. Она была со своим народом в суровые военные годы, и он восстановил её после сокрушительного разгрома врага.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Акты Святейшего Патриарха Тихона. М., 1994. С. 83.

² Государственный архив Новгородской области, далее — ГАНО. Р-2662. Оп. 1. Д. 190. Л. 85.

³ ГАНО. Р-822. Оп. 1. Д. 49. Л. 41.

⁴ Там же.

⁵ ГАНО. Р-2662. Оп. 1. Д. 19. Л. 90об., 91, 94об., 95.

⁶ ГАНО. Р-268. Оп. 1. Д. 119. Л. 9.

⁷ Там же. Л. 16, 19.

⁸ ГАНО. Ф-481. Оп. 1. Д. 153. Л. 103.

⁹ ГАНО. Р-268. Оп. 1. Д. 119. Л. 7.

¹⁰ ГАНО. Р-269. Оп. 1. Д. 571. Л. 5.

¹¹ ГАНО. Р-822. Оп. 1. Д. 190. Л. 64.

¹² ГАНО. Ф-481. Оп. 1. Д. 456. Л. 1—5.

¹³ Там же. Л. 5.

¹⁴ ГАНО. Р-280. Оп. 1. Д. 296. Л. 22, 32, 43.

¹⁵ ГАНО. Р-822. Оп. 3. Д. 90. Л. 159.

¹⁶ ГАНО. Р-1193. Оп. 1. Д. 3358. Л. 156.

¹⁷ ГАНО. Р-803. Оп. 5. Д. 24. Л. 1, 4.

¹⁸ ГАНО. Р-804. Оп. 1. Д. 13. Л. 107.

¹⁹ ГАНО. Р-138. Оп. 3. Д. 99. Л. 72.

²⁰ Одинцов М.И. Государство и Церковь. М., 1991. С. 72.

²¹ ГАНО. Р-4110. Оп. 2. Д. 3. Л. 7.

«А ГОРОД ПОМНИТ О СУДЬБЕ СВОЕЙ...»

В июне 2009 года Государственный архив Новгородской области отпраздновал своё 90-летие. В связи со знаменательной датой ГОУ «ГАНО» при поддержке информационных спонсоров проводило творческий конкурс письменных работ «А город помнит о судьбе своей...».

Фонды ГОУ «ГАНО» — неисчерпаемый источник малоизученных документов и литературных памятников, которые являются богатым историческим наследием Новгородского региона. Конкурс проводился с целью привлечь внимание молодёжи к проблемам сохранения культурного богатства, повысить интерес к исследовательской деятельности в сфере актуальных проблем современной истории Новгородской области. Трудно переоценить вклад подобных мероприятий в воспитание патриотических чувств и уважительного отношения к культуре и искусству.

Конкурс проходил в три этапа в апреле — июне 2009 года. В нём приняли участие студенты и учащиеся общеобразовательных учебных заведений в двух возрастных категориях — от 15 до 18 лет, от 18 лет и старше.

В качестве информационных спонсоров выступали областные средства массовой информации: Государственная телевизионная и радиовещательная компания «Славия», альманах «Чело» НовГУ им. Ярослава Мудрого, а также — Комитет культуры, туризма и архивного дела Новгородской области, Архивная служба Новгородской области, Управление по взаимодействию со средствами массовой информации и общественностью комитета информационной политики Новгородской области.

30 июня на торжественном собрании, посвящённом 90-летию ГОУ «ГАНО», состоялось подведение итогов и вручение оригинальных дипломов и призов победителям.

В номере опубликованы работы четырёх авторов старшей возрастной категории, которые, по мнению компетентного жюри, наиболее ярко выразили свой творческий потенциал в изложении и осмыслении актуальных проблем современной истории Новгородской области, проявили любознательность в исследовании архивных документов.

М.К. Кулиничева

М.В. Тинт. Научный руководитель Н.С. Федорук, старший преподаватель кафедры архивоведения

ЛИЧНЫЕ ФОНДЫ

О тех, кем мы гордимся

В наши дни уже никто не сомневается в необходимости приёма на постоянное хранение в архивы документов личного происхождения. Документы личных архивных фондов и коллекций составляют значительную часть документальных источников, освещающих историю нашей страны и культуры.

Биографии отдельных людей и любая человеческая жизнедеятельность представляют интерес для исследования не только потому, что человек жил в ту или иную эпоху. Каждый исторический период интересен по-своему, а в связи с актуальной сегодня историей повседневности судьба отдельного человека также заслуживает самого пристального внимания.

Сегодня круг государственных архивов, собирающих личные фонды, чрезвычайно широк:

это федеральные, областные и муниципальные архивы.

Государственный архив Новгородской области (ГАНО) — не исключение. Он хранит более пятидесяти фондов и коллекций личного происхождения дореволюционной и советской эпохи, показывая тем самым, что богатая история нашего города неразрывно связана с именами людей, которые здесь жили и живут.

В архивных документах остаются сведения практически о каждом человеке, хотя бы в минимальном объёме, но только личности определённого масштаба удостоиваются права на образование отдельного фонда в государственном архиве. Они жили или живут среди нас, ходят по улицам нашего города, возможно, даже обитают с нами по соседству...

Одним из таких людей является Ирина Дмитриевна Савинова — литератор, талантливый журналист и общественный деятель. Сфера интересов И.Д. Савиновой весьма обширна. С 1968 года Ирина Дмитриевна исследовала историю новгородской комсомольской организации первых лет её существования. Но главное место в жизни И.Д. Савиновой занимает журналистское и литературное творчество. Статьи Ирины Дмитриевны публиковались в газетах «Комсомольская правда», «Советская культура», «Советская Россия», в журналах «Огонёк», «Советский воин», альманахе «Чело» и т.д. В 1969 году был издан сборник её стихов «Радуга». На основе архивных документов Ириной Дмитриевной написаны и опубликованы три книги: «Гроза 1812 года и Новгородская земля» (1992 г.), «Противостояние митрополита» (1993 г.), «Лихолетье. Новгородская епархия в годы советской власти. 1917—1991 гг.» (2002 г.). Наряду с литературным творчеством И.Д. Савинова принимает активное участие в общественной, культурной жизни Новгорода и области. Помимо литературной, журналистской и общественной деятельности, есть ещё в жизни И.Д. Савиновой увлечения, также характеризующие её как талантливого, неординарного человека. Это некоторые виды декоративно-прикладного искусства, такие как вышивка, плетение вологодского кружева, которыми она давно увлеклась. Многолетний труд и творчество Ирины Дмитриевны Савиновой оценены по достоинству и отмечены многими заслуженными наградами.

Документы Ирины Дмитриевны Савиновой, члена Союза журналистов России, принимались на хранение в ГАНО в 1985, 1990, 1996 гг. Так, на хранение в архив было принято соответственно: 72, 5 и 9 дел постоянного хранения. В итоге был образован фонд Р-4496, в состав которого вошли рукописи, документы многолетней журналистской и общественной деятельности, коллекции фотографий и писем.

В настоящее время Ирина Дмитриевна Савинова продолжает заниматься исследовательской, журналистской, общественной деятельностью. Ежегодно она выступает с докладами в Новгородском государственном университете им. Ярослава Мудрого на университетских исторических конференциях по новгородике, по-прежнему увлекается литературным творчеством, пишет стихи.

Документы, рассказывающие о жизни и творческом пути Тамары Александровны Гавриловой (1924—1998), известной новгородской художницы-скульптора, поступили в ГАНО от её племянника А.С. Гаврилова и составили фонд Р-4181, включающий 53 дела за 1909—1997 гг.

В 1954 году художница приехала жить и работать в Новгород. Её первой значительной работой, выполненной здесь, был барельеф на фасаде Дома

Советов (1957). Затем — реставрация и воссоздание геральдических барельефов Кордегардии на ул. Ленинградской (1958). Лепнина потолка в Розовом зале областной филармонии, лепной орнамент потолка в актовом зале Дома пионеров им. Лёни Голикова (ныне — Дворец детского (юношеского) творчества им. Лёни Голикова) — всё это произведения Тамары Александровны Гавриловой. Барельеф «Александр Невский» по сей день украшает здание городского железнодорожного вокзала.

Уникален в своём роде Центр музыкальных древностей на Ильине улице, единственный не только в России, но и Европе. Его основатель и директор, Владимир Иванович Поветкин, занимается изучением, сохранением, восстановлением и пропагандой народной музыкальной культуры. Этот учёный прочитал и подарил миру тайны берестяных грамот и восковых табличек, найденных в культурных слоях новгородских раскопок, разработал методики реставрации и реконструкции древних музыкальных инструментов. Он — автор около 80 научных и научно-популярных статей, участник многочисленных научных конференций. Имя В.И. Поветкина, человека, воссоздавшего древнейшие русские музыкальные инструменты, внесено в книгу мировых достижений «Диво». В 1997 г. ему присвоено звание «Заслуженный работник культуры РФ», а в 2007 г. — «Почётный гражданин Великого Новгорода».

Документы личного происхождения В.И. Поветкина поступили на хранение в Государственный архив Новгородской области в 2000 г. и составили фонд Р-4593, включающий 43 единицы хранения. Среди них — творческие документы, характеризующие Владимира Ивановича как талантливого человека, художника-реставратора высочайшего класса, рукописи (статьи, заметки в отечественных и зарубежных изданиях), документы служебной и общественной деятельности и т.д.

Не менее замечательное место в Великом Новгороде, отмеченное целой плеядой талантов, — это Новгородский областной театр драмы им. Ф.М. Достоевского. В Государственном архиве Новгородской области хранятся фонды артистов Б.Ф. Красовского, Л.М. Коликовой и Н.И. Пестова, О.А. Васильева, Н.И. Непокойчицкого, А.А. Мирзоевой. Именно на сцене Новгородского областного театра драмы их имена стали известны, а лица узнаваемы.

Личный фонд Р-4042 «Красовский Борис Фёдорович (Ришар)» включает в себя 72 единицы хранения, среди которых большую часть составляют документы творческой деятельности актёра: театральные дневники, режиссёрские материалы к различным постановкам, фотографии и афиши спектаклей с участием Красовского.

Любовь Михайловна Коликова проработала на сцене Новгородского областного театра драмы более 30 лет. Она создала образы Байбы в спектакле «Вей, ветерок», Нади во «Врагах», Нины Арбениной в «Маскараде» и т.д.

В 1973 г. Любви Михайловне было присвоено звание «Заслуженная артистка РСФСР». В 2002 г. она получила диплом Союза театральных деятелей РФ за преданность профессии, помощь любительскому театру.

Николай Иванович Пестов на сцене Новгородского областного театра драмы играл как главные, так и эпизодические роли. Зрителям особенно запомнился его Людовик XIII в «Трёх мушкетёрах», Марк Громов в комедии «Свадебное путешествие» и др. В течение 20 лет актёр шефствовал над театральным коллективом Медведского сельского дома культуры, поставив на его сцене более 40 спектаклей.

Документы актёра Новгородского областного театра драмы — Николая Иосифовича Непокойчицкого — составили в ГАНО фонд Р-4374. В состав фонда вошли документы творческой и общественной деятельности актёра, его фотографии в жизни и на сцене, а также документы о присвоении Непокойчицкому звания народного артиста РСФСР. Всего в фонде 21 единица хранения за 1942—1969 гг.

Документы заслуженного артиста РСФСР Олега Алексеевича Васильева впервые поступили в ГАНО в 1969 г. После их научно-технической обработки был образован новый личный фонд —

Р-4250. В дальнейшем фонд пополнялся несколько раз и на сегодняшний день включает 72 единицы хранения за 1937—1997 гг. С 1945 г. по настоящее время Олег Алексеевич является артистом Новгородского областного театра драмы. С 1945 по 1986 г. им сыграно 126 ролей: Виктор в пьесе «Машенька», Бобчинский в комедии «Ревизор», Бальзаминов в «Женитьбе Бальзамина» и т.д. Наибольший успех принесли актёру роли В.И. Ленина в пьесах «Семья», «Кремлёвские куранты» и др.

Использование архивных фондов личного происхождения становится всё более актуальным. В документах личных фондов мы находим правдивые рассказы о жизни, быте и свидетельства непосредственных участников важных исторических событий. Сохраняя документы этих фондов, мы берегаем память о людях, внёсших большой вклад в культурное развитие нашего города.

Понимая роль и значение личных документов, специалисты в Государственном архиве Новгородской области проводят целенаправленную работу по их подбору, изучению и использованию.

ИСТОЧНИКИ

Государственный архив Новгородской области. Ф. Р-4496, Р-4181, Р-4593, Р-4374, Р-4250, Р-4237;

О.Г. Леонтьева. Формирование фондов личного происхождения // Отечественные архивы. 2005. № 6.

А.А. Васильева. Научный руководитель Т.А. Корешкова, доцент кафедры отечественной истории

СТРОЧНЫЙ ПРОМЫСЕЛ КРЕСТЕЦКОГО УЕЗДА НОВГОРОДСКОЙ ГУБЕРНИИ

Художественный промысел — одна из ярчайших форм народного искусства, в полной мере передающая самобытность русского человека. Образы, созданные творцами прошлого и настоящего, приоткрывают тайные дверцы, ведущие в бескрайние глубины души человеческой; дают возможность через сверкающую паутину сказочных сплетений и узоров рассмотреть нежные струны божественного инструмента, подаренного неведомыми силами русскому народу.

«Крестецкая строчка — старинный народный художественный промысел, уникальный вид русской

сквозной народной вышивки. Она поражает красотой узора, лёгкостью и изяществом плетения тончайших нитей, среди которых весёлым хороводом кружатся замысловатые розетки, игольные звёзды, округлые многолепестковые цветы. Крупные формы соцветий всегда окружены здесь россыпью мелких горошин (по-местному — паучков) и узорчатых тончайших колец, составляя вместе единый декоративный узор»¹.

При виде такого благолепия невольно вспоминаешь пышное весеннее цветение природы или зимние окна, виртуозно расписанные морозом.

Крестецкие мастерицы восхитительно исполняли любой орнамент, это и «рассыпной гипюр», и тарлата, «мыльный пузырь», сновочные мотивы, «вологдское стекло», мережки разных рисунков.

Узор настолько необычен, выразителен, что может самостоятельно применяться для оформления полотенец, салфеток, скатертей, занавесок. Сочетания декоративных узоров придают изделию ни с чем не сравнимую красоту.

Долгое время, не находя материальной поддержки, строчный промысел оставался кустарным. «Пионеркой в строчном деле явилась рязанская помещица С.П. Казначеева, сумевшая почти четверть века назад (т.е. в 1890 г.) поставить это дело так, что временная помощь превратилась в промысел»². Независимо от Рязанской губернии в то же время за строчку взялось Крестецкое уездное земство, где возложил на себя ответственность за развитие промысла А.А. Булатов. Он достиг высоких результатов, даря этому виду народного труда свою энергию и заботу.

Так он сам рассказывал о первых шагах Крестецкого уездного земства в отношении строчки: «Если не считать земской ткацкой мастерской, просуществовавшей недолго и закрытой в 1903 году, которая при том же и не внесла никакого оживления в кустарные промыслы Крестецкого уезда, то надо признать за начало планомерной и систематической работы Крестецкого земства в области кустарной промышленности 1905 год. В это время впервые возник вопрос на земском собрании об обследовании промыслов в уезде и дано поручение управе организовать сбыт строчных ткацких изделий через посредство существующих при управе учреждений... Дело сразу же стало прочно, и обороты кустарного склада по годам выражаются следующими суммами. Поступило в уплату за проданный товар:

В 1906 г.	3644 руб.
1907	8192
1908	10 351
1909	16 321
1910	17 290
1911	27 081
1912	28 815» ³ .

Скачок продаж в 1907 году связан с всероссийской кустарной выставкой, когда широкая публика

ознакомилась с изделиями крестецких кустарей и количество заказов резко возросло. Расширились и рынки сбыта, торговля уже не ограничивалась одним Петербургом, к 1913 году склад имеет постоянные торговые связи с Москвой, Киевом, Одессой, Новгородом, Старой Руссой, Костромой, Вологодой, Нижним Новгородом и некоторыми городами Англии, Дании, Швейцарии, Нидерландов, Италии, Северной Америки, Египта, а с 1914 года — Германии.

Промысел Крестецкого уезда успешно развивался. Слава о небольшой деревне Старое Рахино, стоящей на Екатерининском тракте, который соединяет Санкт-Петербург и Москву, быстро разошлась по всему миру.

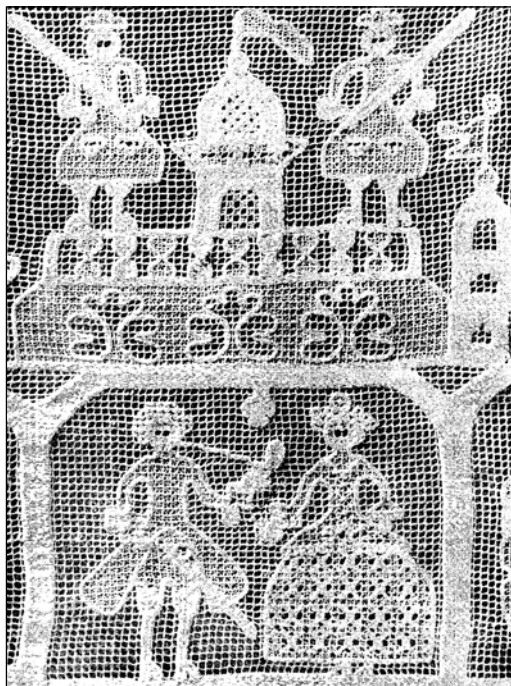
В связи с этим постепенно улучшалось материальное положение работниц. Мастерские начали открываться в соседних деревнях.

Например, в журнале Крестецкого уездного земского собрания за 1915 год, в котором подводятся итоги прошедшего 1914 года, говорится: «В 1914 г. функционируют 2 ткацкие мастерские, из них в одной работа вполне налажена, а именно в Александровской, тогда как в другой, находящейся в деревне Добростях, дело ткацкого производства только что становится на твердую почву и

требует ещё немало о себе забот.

В Александровской мастерской выработано 7106,5 аршина по заготовительной стоимости на сумму 2057 рублей 27 копеек, что на 13% больше, чем в 1913 году.

Вообще обстоятельства отчетного года понизили производительность многих предприятий, и раз мастерская сработала лучше предыдущего года, значит мастерская сохранила свою жизнеспособность и значение ее для населения возросло. Последний вывод можно сделать из тех заявлений, которые получают от желающих работать — число их очень увеличилось и приходится многим отказывать за отсутствием достаточного количества станков и принадлежностей к ним. Всего станков в отчетном году 15. Холст в отчетном году стал чище по выработке, и совершенно не стало брака. Валовая прибыль 356 р. 09 к., расходы 846 р. 42 к., убыток 490 р. 33 к. Слово „убыток“ не должно смущать, т.к. мастерская — школа, при этом неизбежна порча материала. Выжить невозможно без отдела сельской экономики, в размере 940 р.

Прежде всего следует заметить, что строчное производство всецело зависит от ткацкого производства, доставляющего наиболее дешевые и подходящие для строчки холсты. Самое главное, что население вместо своего грубого холста пользуется хорошим во всех отношениях холстом мастерской. Население покупает по цене для них сходной, что оно имеет возможность бороться с ценами на те же предметы фабричного производства. В отчетном году мастерская не осталась безучастной в снабжении армии и отпустила своих изделий на 750 р. местному Красному Кресту»⁴.

Несмотря на явную убыточность школы-мастерской, денег на обучение не жалели: подготовленные кадры виртуозно исполняли свою работу.

«За 1915 год село Александровское изготовило 8085 аршин холста на сумму 2367 р. 38 к., кустарному складу продано 5513 аршин — 1586 р. 36 к., 2572 аршина продано в розницу на сумму 1939 р. 06 к. Прибыль составила 428 р. Для производства, существующего два года, наличие прибыли, даже минимальной, это неплохой результат»⁵.

Развитию строчки способствовало открытие в Крестцах в начале XX века складов кружевных изделий. Затем в Петербурге возникло общество помощи крестецкому ручному труду. Общество имело свои магазины, обеспечивало рисунками и нитками. Первая мировая война нанесла ему существенный ущерб: закрылись многие заграничные рынки.

После революции строчный промысел пошёл на спад, хотя надо отметить, что стране не была безразлична судьба крестецкой строчки, в губернской газете за 1921 г. была напечатана статья, посвящённая крестецкому промыслу.

Оживление промысла начинается лишь с 1922 года. В 1925 году строчильщиц было уже 2500 человек, для сравнения — в 1905 году их было 890.

Состоянием народного промысла в полной мере заинтересовался в 1928 году Ленинградский обком партии. После тщательного обследования комиссией было решено создать снабженческо-сбытовое кооперативное товарищество «Художественная строчка». Через два года возникла экспериментальная мастерская. Мастерицы имели возможность

предложить свой удачный рисунок или выбрать себе по вкусу разработанный художником. Улучшились условия труда, повысилась его оплата. В деревнях появились коллективные мастерские, в том числе и мужские. На места выезжали обучать людей строчному делу специальные инструкторы.

В строчных артелях совершенствовалось качество изделий, многое изменилось в технологии, появился цех машинной строчки. Но, внедряя новое, на фабрике бережно хранят красоту старинного рукоделия. Любая выстроченная вещь должна не просто украшать быт, а воспитывать чувство прекрасного.

К началу 40-х годов в кооператорском товариществе уже насчитывалось около 5000 человек. Грянула Великая Отечественная война. Линия фронта проходила в нескольких десятках километров от Крестец, но уже в январе 1942 года работу возобновили несколько артелей. В следующем, 1943 г., изделия выпускали уже шесть артелей. К концу войны в десяти строчевых и одной швейной артелях трудилось около 1500 мастериц.

В последующие годы фабрика быстро развивалась, и в 1994 г. было от-

крыто акционерное общество «Крестецкая строчка». С этого момента экспортные поставки предприятием производятся постоянно.

В 1996 году крестецкие мастерицы выполнили костюмы для участниц конкурсов «Мисс Новгород» и «Мисс Россия».

На протяжении 2000—2008 гг. «Крестецкая строчка» была удостоена золотого приза за высокое качество изделий от независимой организации «Busyness Initiative Directions»; предприятие стало лауреатом программы «100 лучших товаров России»; принимало участие в выставке народных художественных промыслов России «Ладья-2004» и «Ладья-2005»; в конкурсе одежды «Подмосковные сезоны», в номинации «Одежда для торжества» крестецким мастерицам присуждено первое место.

Мастерицы фабрики создавали изделия для руководства страны: Н.С. Хрущёва, семей Л.И. Брежнев и Б.Н. Ельцина, изделия имеют Их Королевские Величества: Королева Англии Елизавета, Король Испании Хуан Карлос.

Крестецкая строчка — традиционный художественный промысел Новгородчины. Она живёт не только историей, но и сегодняшним днём. Более сотни мастеров трудятся на предприятии и создают продукцию, радующую людей неповторимой красотой и сегодня.

Ах, этих тонких кружев оторочка!

И в песнях славится,

И славится в стихах

Нетленная краса

крестецкой строчки,

Без малого столетия назад

Рождённой кустарями в одиночку.

В свой светлый, радостный,

Чудесный труд

Вложив крылатую

фантазию искусства,

Неповторимые узоры кружевниц

Исполнены изящно и искусно.

В узорах этих видим мы:

Цветы, что в майской

зелени мелькают,

Узоры чудные красавицы-зимы

И звёзды, что для нас

в ночи мерцают,

И колоски, что к осени созрели,

И соловьёв чарующие трели...

И, кажется, из ниточки простой,

Как в сказке, оживает

вся природа.

Так пусть же развивается в веках

Старинный промысел,

Но вечно молодой.

Пусть так же греет,

радует сердца

Своею нежной и волшебной

красотой.

В. Кулева, 1980 г.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Филимонова И.А. Крестецкая строчка // Чело. Великий Новгород, 2007. № 3(40). С. 74.

² А.Б. Заброшенный промысел (заметки инструктора-кустарника) // Материалы по кооперации Новгородской губернии. 1921. Вып. XXI—XXIV. С. 50—51.

³ Там же. С. 52.

⁴ Журналы Крестецкого уезда земского собрания и доклады земских управ. 1911 // ГАНО. Ф. 98. Оп. 3. Д. 479. Л. 256.

⁵ Журналы Крестецкого уезда... 1915 // ГАНО. Ф. 98. Оп. 3. Д. 527. Л. 254.

ИСТОЧНИКИ

ГАНО. Ф. 98. Оп. 3. Д. 479, 527; Богусловская И.Я. Русская народная вышивка. М., 1972; Бутылина С.И. Из истории образования Крестецкого строчного промысла (конец XIX — начало XX веков) // Новгородский край: Материалы научной конференции. 1984; Крестецкой строчке — 80! // Крестцы [Районная газета]. 2009. № 7.

З.Е. Качанова. Научный руководитель Т.А. Корешкова, доцент кафедры отечественной истории

Деятельность Новгородского губернского земства по развитию молочного хозяйства в Новгородской губернии

Отчёты инструктора по молочному хозяйству в Новгородском уезде П.П. Либуса

Первые предприятия по производству сыра и масла на Северо-Западе России стали появляться ещё в 30-е годы XIX века. Это были частные сыроварни, организованные отдельными помещиками с помощью швейцарских мастеров. После отмены крепостного права отмечается быстрый рост их численности.

Новгородское губернное земство впервые обратилось к вопросу о пользе заведения общественных сыроварен на заседании губернской земской управы 1 августа 1867 года. Был приглашён организатор маслоделен из Вологодской губернии Н.В. Верещагин, но из-за высокого падежа скота и отсутствия ледника он прекратил свою деятельность.

Общество стало недоверчиво относиться к идее кооперативного производства молочных продуктов, что надолго задержало дальнейшую работу в этом направлении.

В начале 80-х гг. XIX века Новгородское земство впервые предприняло попытку изучения состояния скотоводства и связанных с ним промыслов крестьян. Для этого был приглашён специалист из Министерства земледелия и госимущества Г.Н. Бычков. Он составил подробный доклад о состоянии сельского хозяйства в Новгородской губернии. В своём исследовании он отметил высокую заболеваемость скота, плохое питание и антисанитарию.

В 90-е гг. XIX века абсолютное большинство маслодельных заводов были частными. Их владельцы нещадно эксплуатировали сдававших молоко крестьян: расплачивались не деньгами, а товаром из своей лавки по повышенным расценкам. Крестьяне были разобщены и совершенно бессильны противостоять. Хозяева-маслоделы рассматривали завод только как средство увеличения оборота товаров в своей продуктовой лавке, а масло делали небрежно, без всякого соблюдения санитарных норм, лишь бы работа обошлась дешевле: *«Маслоделы деньгами за молоко не платят, а вынуждают брать товаром, качество которого настолько худо, что если бы по доброй воле, не один мужик молочник не взял бы»*.

В начале XX века, когда крестьянское хозяйство стало сильно видоизменяться, крестьяне были готовы к хозяйственным нововведениям.

Существовал также в среде крестьян промысел по выпойке телят и их продаже, но он не приносил ощутимой пользы хозяйству. По единодушному мнению уездных агрономов, промысел по выпойке телят заметно тормозил развитие скотоводства губернии, был малоприбылен и отвлекал крестьян от возможности отдавать молоко на маслодельные и сыроваренные заводы, которые при условии кооперативных форм их организации гарантировали крестьянам высокие доходы.

Постепенно начинают создаваться артельные маслодельные заводы. В этом направлении особенно успешно работали земства — Новгородское и Крестецкое, где уже были организованы артели по переработке молока. Развитие кооперативного дела в области переработки и сбыта молочных продуктов, без сомнения, было поставлено на первое место в сфере мероприятий, направленных на улучшение животноводства.

Различные специалисты призывали крестьян создавать маслодельные артели. Так, губернский ветеринарный врач В. Штурман считал, что для нашего края просто необходима правильная и грамотная постановка молочного дела, поскольку оно приносило большие выгоды. По его сведениям,

только в четырёх губерниях — Вологодской, Ярославской, Новгородской и Тверской, производилось сливочного масла на сумму свыше 10 млн. рублей ежегодно. В своей работе он также даёт советы по устройству маслоделен.

Новгородское земство просило присылать из петербургского департамента земледелия и госимущества новых специалистов по производству масла и сыра. Таким человеком и был инструктор по молочному хозяйству в Новгородском уезде П.П. Либус. Был он откомандирован сюда 28 февраля 1904 г. Либус выступил как инструктор на трёх курсах в 1905 г. в различных пунктах уезда. Жалование он получал 900 рублей, включая расходы по должности, и безотчётно на расходы — 120 рублей. Им составлялись отчёты, глядя на которые мы можем судить о положении молочного хозяйства в тот период. Он пишет о создании обучающих курсов для крестьян. Так, например, 1—18 июня 1911 г. при Дубовице-городковской артели Високовской волости. В программу курсов входили различные темы: устройство вымени и образование молока; состав молока; доение и правила, соблюдаемые при доении; значение чистого выдаивания; хранение и перевозка молока; охлаждение и пастеризация; принцип устройства сепаратора и сепарирование; маслоделие и сорта масла; упаковка и хранение; изготовление творога и сыра и т.д.

Занятия на курсах велись в следующем порядке: курсисты были разбиты на три группы, ежедневно чередующиеся в работах между собой. Практические занятия начинались с шести часов утра и продолжались до двух часов дня с перерывом на завтрак. С трёх до семи часов вечера со всеми курсистами вместе велись теоретические занятия по молочному хозяйству и скотоводству. С семи вечера до девяти производилась приёмка и сепарирование молока на заводе. На практике использовалась техника: два сепаратора «Альфа-Лаваль», две маслوبيки «Виктория», три маслообработника — два круглых и один простой, отстойные стаканчики, ареометры и прибор Гербера.

Приготовленную продукцию отправляли в Петербург в товарищество «Продукт», которое неоднократно выражало благодарность заводу за высокое качество работы. По окончании курсов сдавался экзамен.

Отмечая активную работу П.П. Либуса, Новгородское земство в дальнейшем стало выделять значительные суммы на развитие молочного хозяйства в Новгородской губернии. При исходатайствовании ссуд артелями соблюдались следующие правила: члены артели выбирали из своей среды доверенного, выдав последнему доверенность за подписью всех членов на ведение дела артели и на получение ссуды; составлялись сметы и планы на постройку и оборудование заводов; составлялся

список артельщиков с указанием количества коров; поставлялось заёмное обязательство об исправной уплате ссуды; все перечисленные документы с договором артели препровождались в управу.

В Новгородском уезде самыми крупными были Водсковская и Дубовице-городковская артели. Рынками сбыта для артелей служили Новгород и Петербург. Владельцы частных маслоделен платили крестьянам за пуд молока при сдаче 40—45 коп., а артель за пуд молока давала 50—66 коп., а иногда и дороже, причём всегда наличными деньгами. Сверх получаемой платы за молоко при

маслоделении значительным плюсом служило снятое молоко, которое шло в хозяйстве на выпойку телят и на откормку свиней. За техникой в артели следили мастера — крестьяне, прослушавшие курсы молочного дела.

Активная деятельность Новгородского земства в развитии молочного дела дала значительный скачок вверх в этой области. Появились новые рациональные способы ведения молочного хозяйства: это и организация артелей, и создание обучающих курсов для крестьян, и внедрение совершенно новой техники. Итог — повышение уровня благосостояния людей.

Ведомость о фабриках и заводах в Новгородской губернии за 1904 год

Число сыроваренных фабрик

Уезды	С паровыми двигателями	Без паровых двигателей	Сумма производительности	Число рабочих
Старорусский уезд	-	1	10 000	5
Боровичский уезд	-	2	1500	4
Устюженский уезд	1	6	5750	17
Череповецкий уезд	-	3	10 600	8
Белоозерский уезд	-	1	450	2
Всего	1	13	28 300	36

Число маслодельных фабрик

Уезды	С паровыми двигателями	Без паровых двигателей	Сумма производительности	Число рабочих
Старорусский уезд	-	3	500	4
Устюженский уезд	-	12	1900	24
Череповецкий уезд	-	123	341 600	287
Кириллов	-	1	2500	1
Кирилловский уезд	-	48	88 600	78
Белоозерский уезд	-	7	255	19
Всего	-	194	435 355	413

ИСТОЧНИКИ

ГАНУ. Ф. 98. Оп. 3. Д. 1919. Л. 189—193. Оценочно-статистическое отделение. О количестве предприятий по городам и уездам. 1904 г.
 ГАНУ. Ф. 98. Оп. 3. Д. 2199. Л. 351—354, 400—402, 441—444, 499—502. Вестник Новгородского земства. В. Штурман. О маслодельных артелях. 1903 г. № 8—11.
 ГАНУ. Ф. 248. Оп. 1. Д. 235. Л. 192—240. Управление земледелия и госимуществ. Отчеты уездных инструкторов по молочному делу за 1911 г.
 ГАНУ. Ф. 98. Оп. 3. Д. 2344. Л. 31. Вестник Новгородского земства. Сведения о маслодельных артелях и молочных товариществах. 1906 г. № 12—13.
 ГАНУ. Ф. 98. Оп. 3. Д. 465. Л. 332. Отчеты инструктора МЗ и Ги П.П. Либуса по молочному хозяйству. 1911 г.
 Чем и как наши маслоделы платят за доставляемое им молоко (Из Череповецкого уезда) // Вестник Новгородского земства. 1906. № 12—13. С. 25—26.

ЛИТЕРАТУРА

Корешкова Т.А. Производства по переработке молочных продуктов в Новгородской губернии и деятельность Новгородского земства по их изучению // Документальное наследие Новгорода и Новгородской земли. 2005 г.; Корешкова Т.А. Маслоделие в Череповецком уезде Новгородской губернии в годы Столыпинской аграрной реформы // Прошлое Новгорода и Новгородской земли: материалы научных конференций 2006—2007 гг. / Сост. В.Ф. Андреев. Великий Новгород, 2007; Корешкова Т.А. Сельскохозяйственные курсы для крестьян Новгородской губернии в начале XX века // Документальное наследие Новгорода и Новгородской земли. Великий Новгород, 2007.

Р.А. Лукьянов. Научный руководитель С.Д. Трифионов, кандидат исторических наук, профессор кафедры архивоведения

СТАНОВЛЕНИЕ ПРОКУРАТУРЫ НОВГОРОДСКОЙ ГУБЕРНИИ

28 мая 1922 г. третья сессия Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета IX созыва после продолжительной дискуссии утвердила Положение о прокурорском надзоре. Таким образом, был создан новый орган, призванный решать самые сложные и ответственные задачи.

Прокуратура Новгородской губернии начала свою деятельность с 15 сентября 1922 г. В самом начале своей работы органы прокуратуры Новгородской губернии столкнулись с определёнными трудностями. В первую очередь это касалось кадрового вопроса. На тот момент личный состав прокуратуры вместе с прокурором состоял из семи человек и, стоит отметить, не все помощники прокурора имели достаточную квалификацию. Данный факт объясняется тем, что они работали не более года в области юстиции. Учитывая неподготовленность своих помощников, прокурор временно избрал их местопребыванием губернский центр, где они осуществляли свою деятельность в течение шести месяцев под чутким контролем самого прокурора.

Отношения государственных органов к прокуратуре были в высшей степени корректны. Можно сказать, что прокуратура выступала юрисконсультом почти всех учреждений.

Прокуратура пока не могла принимать непосредственное участие в судебной деятельности, так как не был налажен планомерный и действенный надзор в этой области.

В деятельности новгородской прокуратуры за первые месяцы её работы наметились ближайшие задачи, в общих чертах представленные прокурором:

- необходимость проведения инструктажа опытных помощников прокурора и надзора за их работой;

- корректность во взаимоотношениях с исполкомом Губернского совета рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов (далее — губисполком), исполкомом Уездного совета рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов (далее — уисполком) и другими органами власти;

- внимательное отношение к материалам, направленным органами дознания;

- внимательная проверка жалоб частных лиц;

- преследование по закону всех злоупотреблений должностных лиц;

- популяризация юридических знаний среди кадрового состава заводов и жителей деревень в виде лекций и общих бесед.

С января 1923 г. деятельность прокуратуры постепенно стала входить в свою колею и к концу года достигла конкретных форм и результатов. Прокуратура в губернии разделилась на губернское управление прокуратурой и на прокурорские участки. При губернском управлении прокуратуры состояло четыре помощника прокурора.

К 1 октября 1923 г. Новгородская губерния делилась на прокурорские участки следующим образом: Новгородский уезд, Старорусский уезд, Валдайский и Демянский уезды, Боровичский и Маловишерский уезды.

Работа общего надзора в уездах сводилась к участию в заседаниях уисполкомов, принятию необходимых мер по жалобам частных лиц.

Стоит отметить, что помимо рассмотрения жалоб, заявлений и обращений разного рода деятельность прокуратуры состояла в её участии в заседаниях судебных и административных органов.

К концу первой половины 1924 г. аппарат прокуратуры претерпел ожидаемые изменения. Теперь он состоял из губернского управления и шести участковых камер помощников прокурора. Кроме губернского прокурора по штату для Новгородской губернии было определено 12 помощников.

Общий надзор осуществлялся прокуратурой через участие в заседаниях губисполкома, уисполкома и других организаций (где прокуратура считала необходимым); предварительный просмотр обязательных постановлений губисполкома и уисполкома; приём жалоб и заявлений, как письменных, так и устных; использование материалов печати; просмотр ведомственных циркуляров и иных распоряжений; опротестование незаконно изданных постановлений и распоряжений.

Надзор за органами следствия прокуратура осуществляла как путём непосредственного ознакомления с делами, так и путём проверки законченных следствий, подлежащих направлению в суд.

При судебном надзоре прокуратура истребовала из судебных учреждений отдельные дела как по жалобам заинтересованных лиц, так и по собственному усмотрению. На прокуратуру было возложено участие в гражданском процессе, хотя её деятельность в этой области затруднялась тем, что большинство гражданских дел, затрагивающих интересы трудящихся масс, рассматривались в народных судах, расположенных вне района камеры помощников прокурора, и последнее не было известно о сущности рассматриваемых народными судами дел.

К 1925 г. аппарат прокуратуры претерпел очередные изменения. За отчётное полугодие были образованы четыре участковые прокуратуры: Новгородская, Демянская, Боровичская, Маловишерская — из ранних шести.

Немаловажно такое направление деятельности прокуратуры, как пропагандистская работа. Прокуратурой подготавливались выступления по вопросам права и законности. Обсуждались такие актуальные на то время темы, как состояние сельского хозяйства, налог, землеустройство, исправительно-трудовая политика и другие.

Из достижений общего надзора прокуратуры за первое полугодие 1925 г. следует отметить: усиление надзора за периферией; более рациональное использование материала, представляемого жалобами и газетными заметками; усиление надзора за госкомиссиями.

К 1926 г. значительно видоизменился личный состав прокуратуры. Это было обусловлено подбором помощников, более соответствующим требованиям выполнения работы, а также подбором технического состава. Таким образом, личный состав работников губернской прокуратуры, согласно распоряжению прокурора республики, в первом полугодии 1926 г. составлял 56 работников, 42 из которых — работники технического состава.

Первое полугодие 1926 г. знаменательно для прокуратуры тем, что именно в это время произошёл переход к карточной системе делопроизводства. Но данная система делопроизводства в прокуратурах Новгородской губернии была введена неравномерно, так как этот процесс проходил болезненно в участковых прокуратурах, где карточки изготавливались своими средствами. Были и другие трудности, особенно в области хранения бумаг. Тем не менее, к концу первого полугодия 1926 г. реорганизация делопроизводства в прокуратуре была закончена.

1927 г. явился переломным для Новгородской губернской прокуратуры в связи с её распадом с 1 октября 1927 г. на два округа: Новгородский и Боровичский. Это всецело отразилось на характере деятельности губернской прокуратуры, особенно за третий квартал 1927 г., в сторону снижения объёма и качества работы.

Подводя некоторые итоги, можно сделать следующие выводы о деятельности Новгородской губернской прокуратуры в период 1922—1927 гг. Первые три месяца ознаменовали собой организационную работу и работу по укомплектованию личного состава. Так же были даны разъяснения всем имеющим отношение к деятельности прокуратуры органам о её целях и задачах. К началу 1923 г. деятельность прокуратуры была практически полностью организована. Прокуратура осуществляла надзор за законностью постановлений и распоряжений местных органов власти. Работа в этой области проходила в рамках общего надзора. Так же прокуратурой осуществлялся надзор за органами дознания, следствия и местами заключения. Надзор за деятельностью судов осуществлялся прокуратурой путём участия в заседаниях губернского и народных судов, а так же истребованием дел, как уголовного, так и гражданского характера. Стоит подчеркнуть такие отрасли работы прокуратуры, как надзор за земельными комиссиями, надзор за делами трудового характера и пропагандистскую работу.

ИСТОЧНИКИ

ГАО. Ф. Р-1573. Оп. 1. Д. 40. Л. 2, 9; Д. 75. Л. 50; Д. 140. Л. 1, 2; Д. 197. Л. 7, Л. 11—12; Д. 243. Л. 1; Оп. 2. Д. 341. Л. 95.

ИЗ ИСТОРИИ ЭЛЕКТРИФИКАЦИИ НОВГОРОДСКОЙ ГУБЕРНИИ

1917—1925 гг.

Становление электроэнергетической отрасли в дореволюционной России происходило медленно, несмотря на плодотворную деятельность инженеров и передовых учёных. Социально-политические катаклизмы, спровоцированные началом Первой мировой войны, негативно отразились на развитии энергосистемы.

В довоенное время в провинциальных городах сооружались маломощные станции, преимущественно постоянного тока, вырабатывающие дорогую энергию. Электричество являлось роскошью, недоступной большинству населения. В области моторной энергии конкурировали либо мелкие двигатели внутреннего сгорания, либо паровые установки на привозном топливе. На этом фоне происходила локальная электрификация — строительство местных электростанций силами сельских жителей¹.

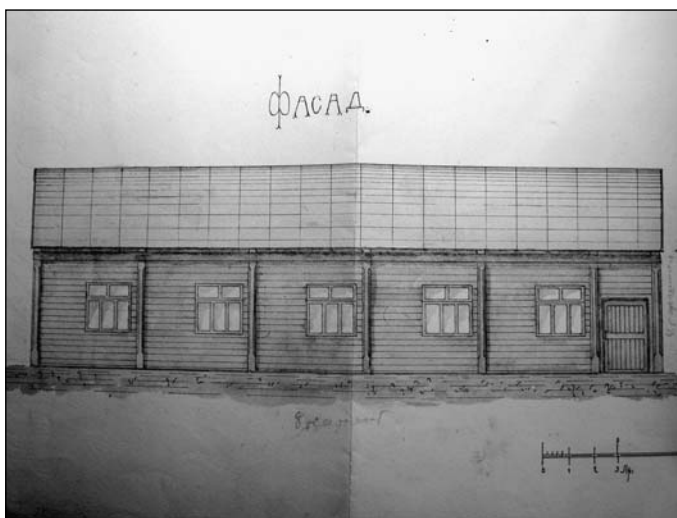
В 1920 году был утверждён план Государственной электрификации России (ГОЭЛРО). На реализацию запланированных работ отводился срок в 10—15 лет.

Особая значимость плана ГОЭЛРО заключалась в том, что с развитием энергосистемы связывались надежды на экономический подъём страны. Предполагалось объединение электростанций в ряд крупных локальных сетей, а затем, в перспективе, в глобальную энергетическую сеть. Для осуществления таких взаимосвязей предусматривалось строительство высоковольтных линий электропередачи, недостаток которых являлся одним из слабых мест дореволюционной электроэнергетики².

В Государственном архиве Новгородской области хранятся документы Электротехнического отдела Новгородского губернского Совета народного хозяйства и Отдела коммунального хозяйства исполнительного комитета Новгородского городского Совета депутатов трудящихся (Горкомхоза), которые позволяют проследить историю развития электроэнергетики в Новгородской губернии.

Новгородский отдел электротехнической промышленности сформировался одновременно с Советом народного хозяйства и, согласно «Положению об отделах электрической промышленности при Губернских Советах народного хозяйства», утверждённому Президиумом ВСНХ от 8 апреля 1919 года, числился единственным контролирующим органом в данной области. Весь штат отдела состоял из трёх сотрудников — инженера, делопроизводителя и машинистки³.

В постреволюционный период в губернии велась активная электрификационная работа. К началу 1920-х годов уже снабжались электричеством деревни Новоселицы и Торбино, освещалась Грузинская волость и деревня Углы, строились электростанции в Боровичском и Валдайском

Фасад Новоселицкой электрической станции.
ГАО. Ф. Р-821. Оп. 1. Д. 13. Л. 37

уездах губернии. Новоселицкую станцию приспособили для сельскохозяйственных нужд.

Преимущественно электростанции строились в деревнях с водными ресурсами, так как эксплуатация установок подразумевала использование водной силы.

Масштабные работы развернулись на реке Мсте, электроэнергетический потенциал которой достигал 100 лошадиных сил. В 1921 году возобновилось строительство Волховской ГЭС.

С переходом на новую экономическую политику работа электрических станций перестроилась по принципу безубыточности. Тариф на электричество равнялся курсу золотого рубля. Если бы абонентская плата поступала в полном объёме, она бы полностью покрыла все расходы по содержанию станций.

Отсутствие четкого плана строительства отрицательно влияло на темпы электрификации. Кроме того, сказывалась нехватка специалистов, которые могли бы квалифицированно осуществлять контроль за эксплуатацией электростанций — вести правильную отчётность, рациональное использование материалов и топлива.

В 1921 году сложились более благоприятные условия для развития отрасли.

При Новгородском Губэлектроотделе создали комиссию по электрификации губернии. Основной задачей комиссии являлась разработка плана электрификации с учётом рационального использования средств и материалов.

Для сбора статистических данных Губэлектробюро разослало по уездам анкеты с примерными вариантами ответов. Таким образом была получена информация о типах станций, протяжённости сети, присоединённой мощности на один двор, потреблении энергии.

Одной из основных задач Бюро являлась проблема сельской электрификации. Губернское статистическое бюро (Губстатбюро) подготовило отчёт по районам, который заключал в себе сведения о наличии водных сил, дешёвых видах топлива, а также информацию о степени развития кооперативной сети. Важным фактором, влияющим на включение в план электрификации отдельных де-

ревень, являлась возможность применения электроэнергии в местной кустарной и другой промышленности. На основе полученных данных стала возможна разработка плана первоочередного строительства.

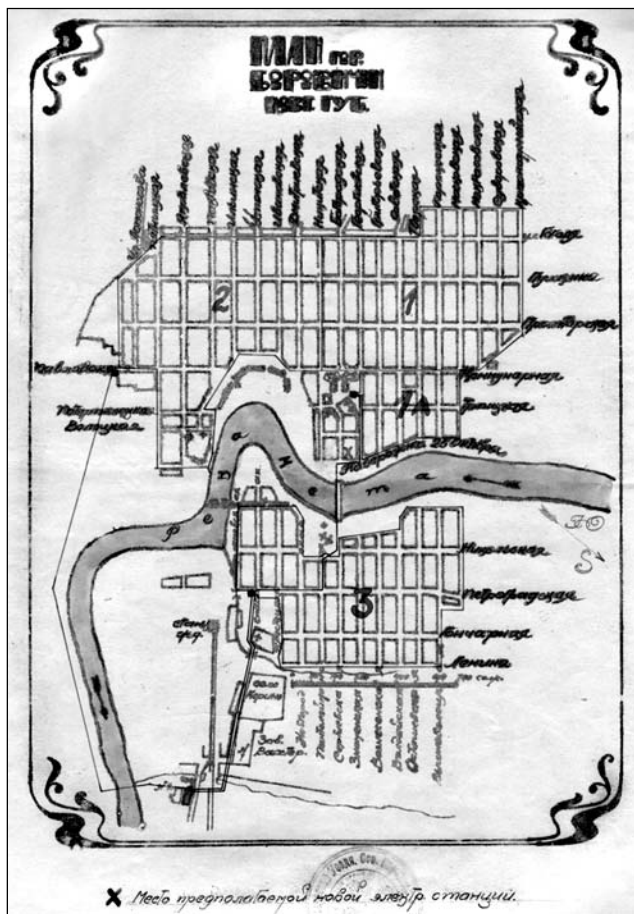
К 1924—1925 годам в губернии уже насчитывалась 81 электрическая станция, общей мощностью 6757,2 кВт⁴. Большинство станций нуждались в капитальном ремонте и установке нового оборудования. Кроме того, все существующие электроустановки отличались низкой мощностью, за исключением Окуловской станции, установленная мощность которой достигала 3000 кВт. Коммунальные электростанции в городах Бологое, Демянске и

Валдае, оборудованные одним первичным двигателем, были станциями временного характера и нуждались в скорейшей реконструкции.

Станция в Старой Руссе, оснащённая двумя первичными двигателями, также пребывала в изношенном состоянии. Для расширения сети требовались срочная замена первичного двигателя и приобретение новых измерительных приборов.

К тому времени стоимость энергии выражалась — для освещения 16-свечной лампы — от 50 до 85 коп. в месяц для рабочих и служащих, а для технических целей — от 13 до 20 коп. за кВт/час⁵.

Из сельских местностей наиболее электрифицированным являлся Боровичско-Валдайский

План г. Боровичи Новгородской губернии с указанием размещения электрических станций.
ГАО. Ф. Р-821. Оп. 2. Д. 3. Л. 14

район. В уездах было построено 12 станций мощностью 1070 лошадиных сил, обслуживающих 213 селений⁶. Но и там эксплуатация установок осуществлялась неэффективно. Электроэнергию использовали только для освещения деревень, в то время как рационально было бы применять её в промышленных целях: для мельниц, молотилок, маслобоен и кустарных производств.

На последующие два года, с 1926 по 1928, Губэлектробюро запланировало постройку Боровенской гидроэлектрической установки, проектируемой между озёрами Белое и Островенко, близ посёлка Боровно Валдайского уезда. Введение в эксплуатацию мощной гидроэлектростанции позволило бы электрифицировать около ста прилегающих к энергосети селений и ликвидировать маломощную станцию в Боровичах, шесть тепловых и одну водную станцию в сёлах. Следующими в плане первоочередного строительства числились ещё два проекта мощных гидроэлектрических станций: один — инженера Воеводского в бассейне реки Явонь, притока Полы близ города Демянска, второй — Северного Водного Бюро на реке Мсте, в районе Боровичей. Проект Воеводского предполагал устройство трёх гидроэлектрических установок, расположенных одна за другой в ступенчатом порядке.

Для получения специального электрификационного кредита в порядке бюджетного ассигнования на 1925—1926 годы Электробюро представило заявки на сооружение в губернии новых сельскохозяйственных станций в сёлах — Старое Рахино, Медведь, Тёсово, Локотск, Красные Станки, в деревнях — Теребони, Шемякино, станции Болотная, совхозе Выбити. Продолжались работы на реке Волхов при станции Званка.

Таким образом, электрификация губернии постепенно набирала обороты.

Что касательно центра губернии, то состояние энергосистемы Новгорода оценивалось как неудовлетворительное. До революции город был почти не электрифицирован, если не считать маленькой частной электроустановки Алексеева, которая снабжала электричеством незначительное количество избранных абонентов. Послереволюционный период сопровождался возникновением маломощных, наспех сооружённых блок-станций.

Согласно отчёту отдела электротехнической промышленности от 14 июля 1919 года, в Новгороде действовали 16 мелких электрических станций, среди которых не было ни одной в хорошем состоянии.

С 1920 года приступили к реорганизации электрических установок с целью усиления их мощности. Но это делалось без определённого плана

и расчёта на прирост потребителя. Оборудование зачастую использовалось старое, от полуизношенных машин.

В 1921 году на заседании пленума Губисполкома обсуждался вопрос о катастрофическом положении дел в области городского электроснабжения, явившегося следствием военного положения Новгорода.

Как было отмечено на заседании — первоочередной задачей являлось улучшение энергосистемы, повышение электрического напряжения до 440 вольт, проверка технических характеристик сети.

На данном этапе электроснабжение города осуществлялось из трёх пунктов питания: электростанцией «Пролетарий» (бывшая электростанция Алексева), электростанцией Водопровода и электростанцией Водного транспорта.

Все станции работали на общую сеть.

Кроме того, в округе действовали ещё около десяти мелких электростанций. Две из них были расположены в четырёх километрах от Новгорода, остальные находились в черте города.

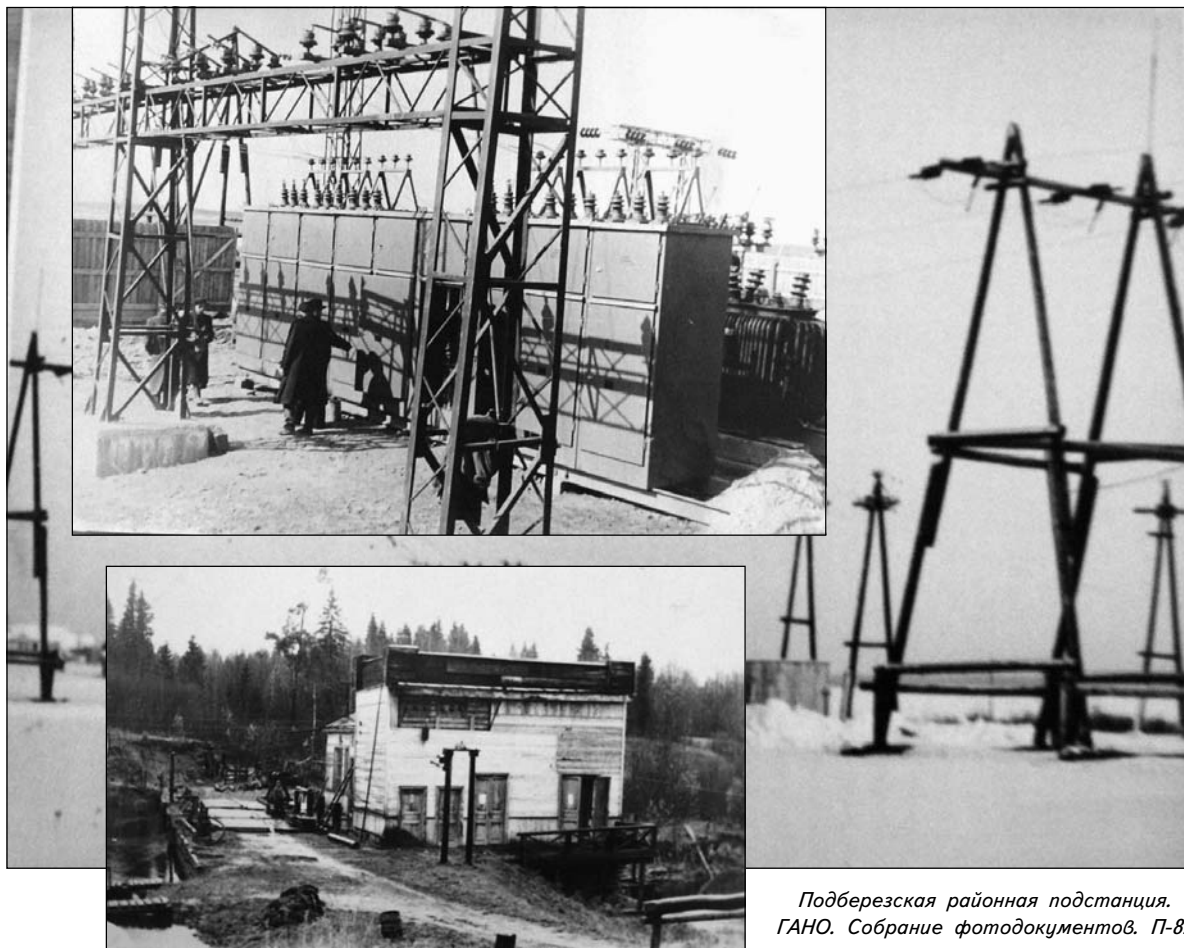
Мощность установок колебалась от 55 до 7,2 кВт. Некоторые из этих станций снабжали электроэнергией ряд абонентов города. Например, электростанция театра «Октябрьской революции» обеспечивала электричеством Софийский собор и Летний сад, а электростанция типографии «Звезда» — дом «Матери и ребёнка»⁷.

Абоненты городской сети подразделялись на три группы:

- абоненты 1-й группы — частные лица, торговцы и лица, состоящие при профсоюзах;
- абоненты 2-й группы — государственные учреждения и кооперативы;
- абоненты 3-й группы — рабочие, служащие, красноармейцы, учащиеся; энергия, распределявшаяся по счётчикам; для уличного освещения; на промышленные цели (моторная нагрузка).

Соответственно различались и тарифы на электроэнергию: для осветительных целей — оптовый тариф (за лампочку 16 свечей): абоненты 1-й группы — 1,65 руб. в месяц, 16,5 руб. в год; абоненты 2-й группы — 1,5 руб. в месяц, 15 руб. в год; абоненты 3-й группы — 85 коп. в месяц, 8,5 руб. в год. По счётчикам энергия уходила для всех категорий абонентов на осветительные цели 40 коп. за кВт/ч, для уличного освещения — 20 коп. за кВт/ч, для промышленных целей — от 15 до 20 коп. за кВт/ч⁸.

Все три электростанции были оснащены изношенным оборудованием и настолько разнохарактерны по комплектации, что создавали крайне сложное силовое хозяйство, трудно поддающееся координации.

Подберезская районная подстанция.
ГАНУ. Собрание фотодокументов. П-82

Станция Водного транспорта расходовала до 30 кг дров на 1 кВт/ч, что более чем в три раза превышало норму⁹.

Электростанция Водопровода снабжалась паром из общих котлов, обслуживающих также и насосы водопровода. Постоянный перерасход топлива являлся следствием несоответствия между мощностью паровых котлов и мощностью установленных на электростанции машин.

Вопрос о создании центральной электростанции рассматривался ещё до Первой мировой войны, когда в 1914 году профессором Дмитриевым был составлен проект строительства Новгородской городской электрической станции. В основу проекта лёг метод расчёта, при котором принимается во внимание то, что *«каждый житель будет иметь электрическое освещение, и каждый мотор будет действовать»*¹⁰.

По расчётам Дмитриева для технического благоустройства Новгорода требовалось 650 кВт, с учётом того, что в городе не было крупной промышленности. Общая мощность центральной электрической станции, принимая во внимание и промышленные нужды, определялась в 750 кВт, при запасе 60%¹¹.

Но развитие губернии подразумевало, что функциональная нагрузка новгородской электростанции распределится и на подстанции ближайших районов — от Ракомской волости до торфяных разработок в Борке, Подберезской и Дубровской волостей, Аракчеевских казарм и деревню Холынья — около 1000 кв. вёрст. Для этого её мощность должна была достигать 2000 кВт. В качестве топлива предполагалось использование древесных отходов деревообрабатывающих заводов.

Проект Дмитриева не был единственным из предложенных вариантов строительства центральной городской станции. Альтернативный проект разработал инженер Идзон — заведующий бюро по постройке центральной электрической станции в Новгороде, под руководством профессоров Воронова и Левицкого.

Центральную станцию спроектировали в расчёте на полную электрификацию всех фабрик, заводов и жилых помещений как в самом Новгороде, так и на окраинах. Оборудовать станцию предполагалось турбоальтернаторами Юнгстрема, изобретёнными несколько лет назад. Они были экономичны в использовании и популярны

за границей. Таким образом, при условии полной электрификации Новгорода и при самом интенсивном потреблении энергии населением и предприятиями, при выработке 5 440 000 кВт/ч станции потребовалось бы всего 3500 кубов дров в год. Для сравнения брался период с 1 мая 1920 года по 1 мая 1921 года, когда 3428 кубов дров израсходовали всего на 14 предприятий, не считая того, что одно из них получило ещё 300 кубов от железной дороги¹².

Однако ни один из проектов не был утверждён.

Проблема регуляции электроснабжения неоднократно поднималась представителями трёх организаций: Горсовета, мастерских Водного транспорта и вокзала Северо-Западной железной дороги.

Уже в 1925—1926 годах Городской совет оформил ходатайство перед главным управлением коммунального хозяйства НКВД об ассигновании кредита на постройку электрической станции. Предварительно этот вопрос обсуждался в московском отделении Эльмаштреста. После экспертного заключения главного управления коммунального хозяйства в Главэлектробыло установлено, что положение с электроснабжением города требует скорейшего улучшения. Осмотр состояния электроустановок представителем Главэлектробы инженером Уманским в очередной раз подтвердил эту необходимость. коммунальный банк открыл Новгородскому Коммунальному отделу кредит на сумму до 60 000 рублей, без подразделения на два предприятия — водопровод и электростанцию¹³.

Рост спроса на электроэнергию был прямо пропорционален ухудшению качественных характеристик электричества. Горсовет постановил приступить к реконструкции станции «Пролетарий». Переоборудование данного объекта являлось необходимой мерой для установки локомотива, заказанного для новой центральной электростанции. На 1925—1926 годы Горсоветом были намечены следующие капитальные работы: оборудование и монтаж котельной, распределительного устройства, подстанции, линии передач и сети.

Таким образом, к середине 1920-х годов центральная электрическая станция, в которой так нуждался город, всё ещё не была построена. Как не было и утверждённого плана, который позволил бы организованно реализовывать электрификацию Новгорода. С начала 1925 года, по поручению Горсовета, в Ленинградском отделении государственного электротехнического треста (ГЭТ) приступили к детальной разработке нового проекта новгородской станции, который был готов к 1 августа 1927 года¹⁴.

Электроэнергия являлась важным фактором социального и экономического развития города, была необходима как для хозяйственных, так и для производственных работ, поэтому обеспечение бесперебойного энергоснабжения оставалось одной из главных задач в то время. Губерния продолжала развиваться, а вместе с ней росли протяжённость электрических сетей и количество освещённых домов.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ <http://www.electrolibrary.info/history/electrofikaciya.htm>.

² Там же.

³ ГАНО. Ф. Р-821. Оп. 1. Д. 17. Л. 48.

⁴ ГАНО. Ф. Р-821. Оп. 1. Д. 17. Л. 48.

⁵ ГАНО. Ф. Р-821. Оп. 2. Д. 17. Л. 30.

⁶ ГАНО. Ф. Р-821. Оп. 1. Д. 2. Л. 41.

⁷ ГАНО. Ф. Р-249. Оп. 3. Д. 677. Л. 100.

⁸ ГАНО. Ф. Р-249. Оп. 3. Д. 677. Л. 104.

⁹ ГАНО. Ф. Р-249. Оп. 3. Д. 677. Л. 100—100об.

¹⁰ ГАНО. Ф. Р-821. Оп. 1. Д. 32. Л. 22.

¹¹ ГАНО. Ф. Р-821. Оп. 1. Д. 32. Л. 22.

¹² ГАНО. Ф. Р-821. Оп. 1. Д. 32. Л. 39.

¹³ ГАНО. Ф. Р-249. Оп. 8. Д. 171. Л. 99—99об.

¹⁴ ГАНО. Ф. Р-248. Оп. 1. Д. 262. Л. 13.

Г.А. Игнатьев

КОМСОМОЛ НГПИ

Вузовский комсомол
конца 60-х — начала 70 гг. XX века

Воспитание молодого поколения всегда являлось одной из ключевых проблем современного государства. В постсоветском обществе было предпринято немало попыток создать новую систему организации и воспитания молодёжи с тем, чтобы переломить нарастание негативных социальных явлений. Однако и по сей день все эти мероприятия оказались безуспешными. Между тем в период существования СССР был накоплен немалый положительный опыт по развитию молодёжного самоуправления. Речь идёт прежде всего о Коммунистическом союзе молодёжи. В данной статье рассматриваются некоторые аспекты деятельности комитета ВЛКСМ НГПИ конца 60-х — начала 70-х годов.

Всесоюзный Ленинский Коммунистический Союз молодёжи, безусловно, был самой влиятельной и авторитетной молодёжной организацией в СССР. Его влияние определялось в первую очередь поддержкой КПСС, рассматривавшей комсомол как свой кадровый резерв и опору в массах. Практически вся молодёжь страны в своё время прошла через ВЛКСМ.

Комсомольская организация НГПИ являлась одной из самых крупных в области. Так, на 1 января 1970 года в ней насчитывалось 1263 члена¹. В связи с этим комитет ВЛКСМ института имел статус райкома, что позволяло ему осуществлять приём и исключения из рядов ВЛКСМ, иметь оплачиваемых руководителей, состоявших в штате Новгородского ГК ВЛКСМ. Если учесть тот факт, что пединститут в те времена считался идеологическим учебным заведением и исключение из рядов ВЛКСМ автоматически вело к отчислению из вуза, то это обстоятельство придавало комитету ВЛКСМ особую значимость в глазах студенчества. Однако авторитет и влияние комитета комсомола определялось прежде всего не его правами и возможностями, а той многогранной и конкретной работой, которая им проводилась.

Одним из главных направлений деятельности вузовского комсомола считалось идейно-политическое воспитание студенчества. В конце 60-х годов III пленум ЦК ВЛКСМ принял постановление «О работе комсомольских организаций вузов по коммунистическому воспитанию студенчества»,

где главными задачами для студенческих организаций были обозначены: «...повышение уровня знаний студентов и практическую подготовку к труду, идейно-политическую закалку и вовлечение каждого студента в активную общественную работу»².

В соответствии с этими целями строилась и организационная структура комитета ВЛКСМ НГПИ. В декабре 1967 года в нём были установлены следующие сектора: идейно-политический, учебно-воспитательный, педпрактики, культурно-массовый, спортивный, трудовой³. Идейно-политический сектор играл ведущую роль в организационной структуре комсомольской организации. Именно на его плечи возлагалась задача «творческого изучения каждым студентом марксистско-ленинской теории, повышать его ответственность за овладения общественными науками. Ясное понимание студенчеством политики партии и государства должно сочетаться с активным участием в решении конкретных задач коммунистического строительства»⁴.

Творческое изучение студентами марксистско-ленинской теории в условиях учебного заведения реализовывалось, конечно, общественными кафедрами, главной из которых была кафедра марксизма-ленинизма. Всю ответственность за качество обучения несли преподаватели. На заседаниях комитета ВЛКСМ лишь изредка ставились вопросы об изучении студентами первоисточников марксизма-ленинизма. С 1967 по 1972 год в протоколах комитета ВЛКСМ НГПИ лишь один раз

зафиксировано совместное заседание кафедры марксизма-ленинизма и бюро ВЛКСМ НГПИ, на котором рассматривался вопрос «о изучении первоисточников классиков марксизма-ленинизма студентами биофака». Роль комсомольских активистов в подготовке обсуждения свелась к проверке конспектов у 32 студентов первого курса. Выяснилось, что студенты не умеют конспектировать, ими было законспектировано лишь 50% от необходимого, «отсутствовал контроль за этим важным с идеологической точки зрения делом со стороны бюро ВЛКСМ биофака»⁵.

На практике в силу своей недостаточной профессиональной подготовки студенты, конечно, и не могли организовать квалифицированный контроль над этой сугубо учебной сферой. С другой стороны, изучение обществоведческих дисциплин и без бюро ВЛКСМ находилось под строгим контролем ректората и парткома. Успеваемость по предметам этого цикла была неизменно высокой. Снижение качественных показателей здесь было недопустимым явлением, ведь в стране, если верить официальной пропаганде, из года в год рос интерес молодёжи к марксизму-ленинизму. Роль комсомольских органов в этом вопросе сводилась к разбирательству нерадивых студентов, не успевавших по общественным дисциплинам, на заседании учебно-воспитательных комиссий. Делалось это от случая к случаю, а в целом в вопросе «изучения трудов В.И. Ленина процветала полная бесконтрольность и стихийность»⁶, особенно это касалось организации самостоятельного изучения трудов классиков марксизма-ленинизма. Изучать добровольно труды основоположников научного коммунизма никто не хотел. Между тем официальная пропаганда в годы «застоя» активно создавала иллюзию всеобщей притягательности марксизма-ленинизма для масс. Иллюзии рассеялись только в начале 90-х годов.

Чем конкретно занимались идеологические сектора, видно из отчёта зав. идеологическим сектором бюро ВЛКСМ факультета иностранных языков за 1969 год М. Полякова. За отчётный период бюро регулярно (раз в две недели) организовывало проведение в комсомольских группах политинформаций, на которых в силу специфики факультета преимущественное внимание уделялось

положению в Англии, Франции и Германии. Практиковались политинформации на языке изучаемой страны, подготовлено из среды студентов 38 политинформаторов, прочитано две общефакультетские лекции о международном положении лекторами ОК КПСС, проведены диспуты — «Надо ли читать „Капитал“?» и вечер «Политическая, экономическая и культурная жизнь планеты». Среди первокурсников проведён конкурс рефератов по работе В.И. Ленина «Очередные задачи Советской власти»⁷.

Организации политинформаций в НГПИ со стороны ректората, парткома и комитета ВЛКСМ уделялось особое внимание. Ректорат держал этот вопрос под неусыпным контролем. Деканы лично отчитывались перед ректором о выполнении графика политинформаций. Так, однажды на заседа-

Делегаты областной комсомольской конференции от НГПИ, 1970 г.

нии ректората ректор профессор М.И. Куликов попытался уличить декана ЕФФ К.К. Воронина в срыве политинформаций в нескольких группах факультета. «Позвольте, — возмутился К.К. Воронин, — вот у меня в записной книжке отмечено, что политинформации состоялись в такие-то числа». Декан для убедительности потряс перед всеми записной книжкой с пустыми страницами. Воронин выкрутился. Так на практике осуществлялось очковительство и в этом «важном деле».

Следует признать, что эта форма работы, безусловно, имела позитивный характер. Большинство студентов, как показывала практика, слабо интересовались международными и внутренними событиями, многие, особенно девушки, редко читали газеты. Организация политинформаций с вовлечением в их подготовку студентов расширяла кругозор, вводила в курс мировых событий; давала возможность овладеть навыками лекторского искусства, что для будущих учителей было необходимо.

В плане профессиональной подготовки студентов большое значение имело создание в НГПИ Школы молодого лектора. Основную роль в создании ШМЛ, безусловно, сыграли ректорат и партком, но его деятельность находилась также под неослабным контролем идеологических секторов комсомольской организации. В 1969 году в ШМЛ числилось 200 слушателей, занимавшихся в 11 секциях⁸. Студенты обучались навыкам лекторского

искусства, готовили тексты лекций по избранной тематике, апробировали их, а затем по путёвкам комитета ВЛКСМ шли с ними либо в школы, либо в трудовые коллективы. Реально далеко не все слушатели ШМЛ становились лекторами. Отличительной чертой многих идеологических начинаний советского периода было стремление к всеохватности, массовости. Многие хорошие начинания именно из-за этого сходили на нет. Так, и в ШМЛ многих просто загоняли силой под угрозой потери комсомольского билета, привлекался и административный ресурс в лице деканатов. Всё это приводило к слабой посещаемости лекционных занятий и частым их срывам.

Поэтому к документальной отчётности периода «застоя», особенно в сфере идеологии, исследователю нужно подходить с особой осторожностью. Вся гигантская идеологическая машина страны в поте лица трудилась над созданием великой иллюзии полного торжества марксистско-ленинских идей, которые бесповоротно овладели всеми слоями населения.

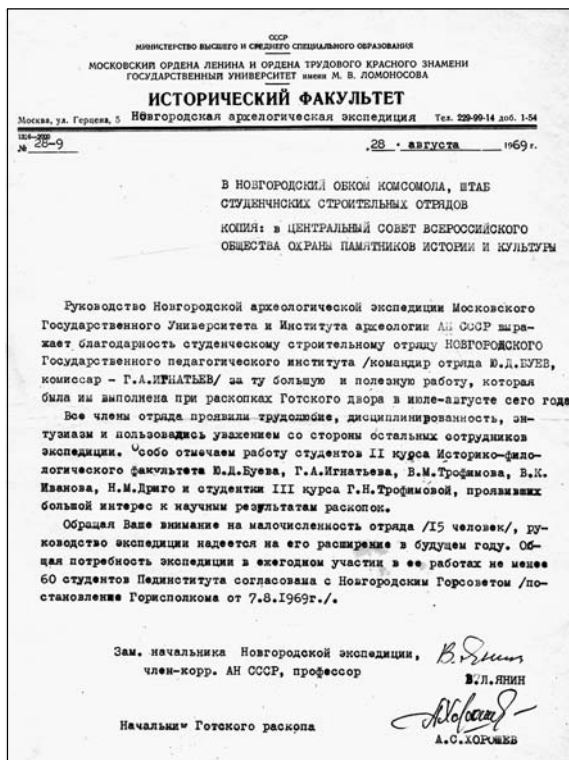
Одним из официальных показателей сознательности трудящихся, их отношения к советской власти, стало быть и результатом идеологического воспитания, являлось участие трудовых коллективов в демонстрациях, избирательных компаниях. По наполненности колонн, насыщенности их агитационными материалами верхи судили о соответствии руководителей занимаемому месту. Поэтому готовиться к торжественной встрече праздника Великого Октября и Международного дня солидарности трудящихся 1 Мая в организациях начинали за три месяца. Партком, ректорат, комитет ВЛКСМ проводили бесконечные заседания, проверяли готовность наглядной агитации, формировали праздничные колонны. Всё зависело от явки студентов, а они к этим важнейшим мероприятиям, можно сказать, судьбоносным для ответственных лиц, относились крайне легкомысленно. Кураторы, парторганизации, комсомольский актив уговаривали, запугивали студентов, составляли обязательные списки участников, но всё было напрасно. Аналогичная ситуация складывалась и с избирательными компаниями. НГПИ постоянно

критиковался за слабое участие студентов в выборах разного уровня.

В цитировавшемся выше постановлении III пленума ЦК ВЛКСМ также отмечалось: «Важнейшая задача — воспитывать студенческую молодёжь на примере жизни и деятельности В.И. Ленина. Следует развернуть в вузах активную подготовку к 100-летию со дня рождения В.И. Ленина... проводить ленинские чтения, теоретические конференции, тематические вечера, посвящённые юбилею»⁹. Подготовка к юбилею В.И. Ленина в конце 60-х годов стала главным стержнем всей идеологической работы в СССР. В НГПИ, как и по всей стране, также проводились многочисленные теоретические конференции, по тем или иным трудам вождя, «ленинские чтения», конкурсы на лучший реферат и т.д. Всё это проводилось и организовывалось, как правило, преподавателями обществоведческих кафедр. Комитет же ВЛКСМ охотно включал эти мероприятия в свои отчёты. Дела же комитета ВЛКСМ носили более узкий практический характер. Проведённая с 15 по 22 апреля 1968 года Ленинская неделя включала в себя:

чтение лекций в школах города (по заявкам); встречу с коммунистами, ветеранами И.Я. Возжаевым и А.М. Кужелевой (одной из первых председателей сельского совета в посёлке Ермолино); конкурс на лучшее исполнение стихов и прозы о В.И. Ленине; открытие Ленинской комнаты; встречу с артистами драмтеатра, исполнителями роли В.И. Ленина; торжественное комсомольское собрание-вечер в честь 98-й годовщины со дня рождения В.И. Ленина; ежедневную работу кинолектория¹⁰.

С весны 1969 года, по рекомендации ЦК ВЛКСМ, главной формой подготовки к юбилею стало проведение по всей стране для членов ВЛКСМ Ленинского зачёта. Эта компания должна была способствовать активизации общественной, трудовой, идейно-политической деятельности каждого комсомольца. Ленинский зачёт проходил в три этапа. На первом этапе, март-апрель 1969 года, было разработано и принято на общеститутской конференции «Положение о проведении

Ленинского зачёта в НГПИ». Затем в срок до 19 апреля во всех комсомольских подразделениях были приняты коллективные и личные обязательства. Реализация принятых обязательств осуществлялась во время второго этапа, который завершился в декабре 1969 года.

Задачи, решавшиеся на втором этапе, видны из отчёта секретаря бюро ВЛКСМ иняза В. Наумовой, рассмотренном на комитете ВЛКСМ НГПИ в декабре 1969 года. На учёте в комсомольской организации иняза состояло 325 членов. За отчётный период было проведено два общефакультетских собрания по разъяснению целей и задач Ленинского зачёта; все комсомольцы приняли личные обязательства; летнюю сессию сдали без неуспевающих (52 отличника, 162 студента на «хорошо» и «отлично»); 108 студентов приняли участие в III трудовом семестре; 80 работало в пионерлагерях; во время школьной практики прочитано 110 докладов; 58 человек состояло в лекторской группе; каждым комсомольцем отработано на субботниках «6 человеко-часов»; через СНО подготовлено 62 реферата; организованно прошла подписка на комсомольские издания¹¹. В аналогичном духе отчитались и другие сектора факультетских бюро.

Как мы видим, в ходе проведения Ленинского зачёта в формах и методах работы комсомольских организаций никаких принципиально новых моментов не появилось. Также по накатанному пути проходили и последующие идеологические кампании, связанные, как правило, с подготовкой к очередному историческому съезду КПСС. За основу брались старые планы, менялось только название и терминология. Завершающая стадия Ленинского зачёта охватывала февраль-апрель 1970 года. В это время во всех группах проходили комсомольские собрания, на которых каждый член ВЛКСМ лично отчитывался о выполнении принятых обязательств. Итоги всей компании подвёл комитет ВЛКСМ НГПИ. Определение факультета-победителя проходило по следующим критериям: успеваемость, процент получивших и не получивших Ленинский зачёт, количество комсомольских взысканий, процент охваченности комсомольскими поручениями, количество прочитанных лекций, массовость участия в СНО, посещаемость комсомольских собраний, их массовость, количество ленинских

чтений, участие и эффективность в ССО, организация культмассовой работы. Победителем был признан физико-математический факультет¹².

Таким образом, обобщили всё, что делалось комсомолом, зачастую и не имевшее отношения к Ленинскому зачёту. После проведения юбилея В.И. Ленина ЦК ВЛКСМ попытался превратить Ленинский зачёт в постоянную форму работы среди молодёжи. Однако, как и все подобные кампании, он со временем угас сам по себе.

Со всей определённостью можно сказать, что идеологическая работа в комсомоле была очень насыщенной. Но по сути формы и методы идеологической работы не менялись десятилетиями, что делало их обыденными и малопривлекательными. Большинство мероприятий носило формальный характер. Вот почему многие действительные, реальные ценности советского социализма прошли мимо сознания молодых, марксизм-ленинизм так и не стал основой мировоззрения подрастающего поколения.

Более результативными, в конечном итоге, в области идейного воспитания были конкретные мероприятия комитета ВЛКСМ, направленные на формирование у молодёжи таких качеств, как патриотизм, любовь к Отечеству, гражданственность. Идеологический сектор комитета

*Автор статьи на раскопках
Готского Двора*

ВЛКСМ ежегодно планировал и организовывал выступления участников Великой Отечественной войны, тружеников тыла, ветеранов педагогического труда в студенческих коллективах. На всех факультетах были созданы агитбригады, которые регулярно посещали с концертами и лекциями отдалённые сельские работы, воинские части, совершали агитпоходы по местам боевой славы. Так, в честь 50-летия образования СССР центральная агитбригада НГПИ в четырёх районах области поставила для населения 16 концертов, студентами было прочитано 14 лекций¹³.

Факультетскими агитбригадами за 1971—1972 учебный год в общей сложности было поставлено для трудящихся города и села 43 концерта. К примеру, в декабре 1971 года агитбригада истфака выезжала в село Борки Новгородского района, физмата — в Леменскую сельскую школу, даны концерты на заводе «Волна», в воинской части посёлка Новоселицы, совхозе «Волховский»¹⁴.

в письме Никифорова на имя ректора А.С. Паничева утверждалось, что дело случилось 7 июля 1971 года, а дата отправки почему-то проставлена как 8 июня 1971 г. К этим двум документам была приложена рукописная справка того же В.Я. Никифорова, в которой сообщалось, что Б. явилась в Дом Советов в мае 1971 г. Эта нелепица ярко свидетельствует об уровне ряда сотрудников правоохранительных органов того времени, невольно возникает мысль и том, в каком состоянии они находились при исполнении служебных обязанностей. Комитет ВЛКСМ ограничился лишь обсуждением данного «ЧП».

К этой группе персональных дел относятся и редкие случаи воровства. Их было рассмотрено всего четыре. Так, студентка исторического факультета А. пыталась украсть книги из магазина, а студентка I курса того же факультета П. украла у однокурсницы 13 руб. Групповое комсомольское собрание решило исключить её из рядов ВЛКСМ, однако на заседании комитета выяснилось, что у неё одна мать, она не получает стипендии, живёт в частной комнате, за которую платит 15 руб. в месяц, а из дома ей присылают всего 20 руб. Бюро осудило группу за бездушие, П. была оказана материальная помощь¹⁹. Через год, находясь в одном из районов области на традиционных сентябрьских сельхозработках, П., будучи в нетрезвом состоянии, украла у товарищей рейтузы и меховой платок. П. исключили из НГПИ и ВЛКСМ.

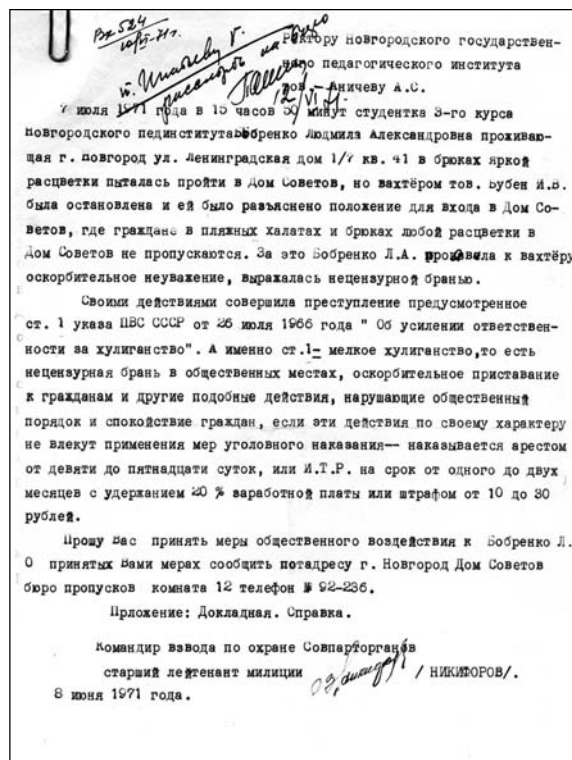
Студент исторического факультета А. за кражу фотоаппарата у сокурсницы получил строгий выговор с занесением в личное дело, а вот комсорг группы III курса факультета иностранных языков П. исключили из ВЛКСМ за присвоение 2 руб. 15 коп. членских взносов. На вопрос о причине подделки подписей на платёжных ведомостях она простодушно ответила: «Я не думала, что это большое преступление. Это просто копейки»²⁰. Если учесть, что членские взносы в то время составляли 2 коп. в месяц, то получается, что П. присвоила взносы у ста с лишним человек. П. по тогдашним меркам покусилась не просто на деньги, а на сами устои ВЛКСМ.

Интимные стороны частной жизни комсомольцев также не оставались вне поля зрения комсомольских органов. Как правило, речь шла уже о свершившихся фактах, связанных с рождением внебрачных детей. Таких дел было рассмотрено три. Студентка I курса факультета иностранных языков Е. была исключена из ВЛКСМ за отказ от новорожденного ребёнка²¹; студент К. упорно отказывался от отцовства ребёнка студентки Б., а студента В. комитет ВЛКСМ убедил оформить свои отношения с сокурсницей.

Вопросы трудовой и учебной дисциплины всегда являлись одним из приоритетных в деятельности

комсомольских организаций НГПИ. Систематические пропуски занятий, слабая успеваемость, игнорирование общественных мероприятий, отказ от участия в сельхозработках и субботниках неоднократно выносились на повестки дня комсомольских бюро всех уровней. На уровне комитета ВЛКСМ таких дел было рассмотрено 17.

Естественно, что отказ от выполнения комсомольских поручений или неудовлетворительное их

выполнение также являлись предметом разбирательства на заседании комитета ВЛКСМ.

В протоколах комитета ВЛКСМ зафиксировано всего семь таких дел. Одно из них было рассмотрено по просьбе студенческого профкома НГПИ, который не мог совладать с одним из своих членов. Комсомольский билет являлся одним из основных символов ВЛКСМ. Его потеря считалась чрезвычайным происшествием. Однако студенты всё-таки теряли эту святыню. За пятилетие восемь студентов подали заявление о восстановлении комсомольских билетов. Взыскание было одно — строгий выговор с занесением в учебную карточку.

В адрес комитета ВЛКСМ с жалобами на поведение студентов обращались по различным поводам граждане города и области. Так, в мае 1969 г. в протоколах комитета ВЛКСМ зафиксировано многостраничное разбирательство жалобы гражданина Мотосука, сдававшего студентам в наём жильё. Это дело интересно тем, что позволяет выяснить условия проживания студентов вне общегития. В СССР, несмотря на довольно суровое

отношение власти к нетрудовым доходам, некоторые предприимчивые граждане всё же находили лазейки для извлечения дополнительных денежных средств. Мотошук на вполне законных основаниях имел в разных концах города несколько комнат, которые превратил в общежития, брав за койку 18 руб. в месяц. Санитарные нормы не соблюдалось, комнаты были переполнены, отсюда возникали конфликты. Претензии Мотошука были отвергнуты, его осудили как эксплуататора²².

Особое место занимает несколько громких дел, связанных с проявлением, как тогда говорили, «чуждых социалистическому образу жизни» явлений. Должен сразу отметить, что все эти дела в значительной степени были искусственно раздуты, что является характерной чертой всей советской системы.

Наиболее громким, вызвавшим большой общественный резонанс, в том числе и за пределами НГПИ, было дело студентов английского отделения IV курса факультета иностранных языков, неудачно отметивших день рождения своей сокурсницы. Суть их *«аморального поведения, не соответствующего облику советского студента»*²³, состояла в том, что они провели мероприятие в комнате общежития не за столом, как все советские люди, а сидя на полу, без электрического света, при зажжённых свечах. Это было расценено как низкопоклонничество перед Западом, слепое копирование их образа жизни. Причём партком, комсомольский актив вовремя не дали оценку данному явлению, информация о нём поступила из органов государственной безопасности, что вызвало настоящий переполох в ректорате. Студенты оказались на грани отчисления, им пришлось пройти через череду длительных разбирательств²⁴.

В другом случае две студентки факультета иностранных языков немецкого отделения С. и П. в ресторане «Садко» познакомилась с туристами из ФРГ и вместе с ними стали распивать спиртные напитки. Несанкционированные контакты с иностранцами, особенно с представителями капиталистического мира, в то время жёстко пресекались органами КГБ. К студенткам сразу же подошёл якобы случайно оказавшийся в ресторане член комитета ВЛКСМ Б., впоследствии полковник КГБ, и настоятельно посоветовал покинуть ресторан. Студентки отказались. Обе были строго наказаны²⁵.

В аналогичную ситуацию попал и другой студент английского отделения факультета иностранных языков М., который в Ленинграде скупал авторучки у финских туристов, а затем продавал их в Новгороде. Он также пропагандировал чуждые идеи путём распространения магнитофонных записей «подрывной группы» «Роллинг Стоунз». М. был исключён из ВЛКСМ и НГПИ²⁶.

Таким образом, изучение персональных дел позволяет глубже раскрыть многогранную деятельность ВЛКСМ в советском обществе. Он осуществлял жёсткий контроль буквально за всеми сферами жизни и деятельности членов комсомола, то есть подавляющего большинства молодёжи страны. Главным содержанием персональных дел являлось не наказание как таковое, а воспитание члена общества в контексте морального кодекса той эпохи. В идейно-политическом аспекте молодёжная среда эпохи «застоя» была едина, полностью разделяла идеологию и практику КПСС, поддерживала советский строй.

Одним из наиболее эффективных и действенных направлений в деятельности молодёжной организации НГПИ была культурно-массовая работа.

В этом нет ничего удивительного. Молодость с присущей ей энергией всегда, во все времена, искала способ после завершения трудового дня найти адекватное применение избытку сил. КПСС не могла оставить без внимания эту естественную потребность молодёжи в отдыхе. Главная задача всех партийных, административных и общественных органов заключалась в том, чтобы направить досуг молодёжи в правильное, организованное русло, соответствующее коммунистической идеологии, чтобы не допустить проникновения через этот канал в молодёжную среду «разлагающего» влияния западной культуры и образа жизни. Это касалось не только молодёжи, но и всего населения СССР. Кроме идеологических аспектов, немаловажную роль играл и культурный фактор.

Руководство страны и партии путём охвата широких масс культурно-массовой работой решало также задачу повышения общекультурного уровня населения. Эта задача стала особо актуальной с началом индустриализации, когда в города хлынули огромные массы сельского населения, многие из которых впервые в жизни увидели электрическую лампочку. Поэтому далеко не случайно, что именно в этот период в СССР начинает пышным цветом расцветать художественная самодеятельность, когда каждое учреждение, даже самое заурядное, обязательно имело при себе какой-нибудь творческий кружок. Эта тенденция ярко и гротескно показана в сатирическом романе Ильфа и Петрова «Двенадцать стульев», в эпизоде с хором старушек божедомок при богадельне города Энска.

В НГПИ организация культурно-массовой работы находилась под неослабным контролем ректората и парткома, а её претворением в жизнь занимался комитет ВЛКСМ и профком института. Практическая помощь комитету ВЛКСМ выражалась прежде всего в оказании консультативных услуг со стороны преподавателей, имевших специальное художественное образование. Отдельные преподаватели становились инициаторами создания

студенческих творческих коллективов. Так, мужской танцевальный ансамбль «Липка» был создан старшим преподавателем кафедры немецкого языка Л.И. Плиевой.

Преподаватели также входили в состав конкурсных комиссий по отбору лучших номеров для проведения различных вечеров художественной самодеятельности. В данном случае речь не шла о недоверии студентам — членам жюри и о каком-то идеологическом контроле, так как у студентов того времени всё сознание было насквозь пропитано советско-патриотическим духом. Студенты в силу своей недостаточной компетентности не всегда могли выбрать из большого, разнообразного репертуарного материала достойные по содержанию и уровню исполнения номера.

Следует особо подчеркнуть, что художественная самодеятельность в студенческой среде того времени пользовалась большой популярностью. Никого не приходилось силком гнать на сцену. Студенты с охотой принимали участие в разных конкурсах. Этот феномен можно объяснить недостаточным развитием в те времена телекоммуникационных сетей в стране, а также не очень высоким уровнем жизни основной массы населения. Даже в конце 60-х — начале 70-х годов XX века далеко не каждая городская семья, не говоря уже о селе, имела телевизор, редко кто из молодёжи обладал собственным магнитофоном, которые были очень громоздкими и неудобными в применении. Сегодня, в начале XXI века, ситуация коренным образом изменилась: масс-медиа добралась до самых глухих окраин России, подрывая тем самым основы народного самодеятельного творчества.

В комитете ВЛКСМ НГПИ за культурно-массовую работу отвечал специальный сектор, который её планировал и реализовывал в течение учебного года. Аналогичные сектора имелись при каждом факультетском бюро. Кроме того, в студенческой группе имелся член ВЛКСМ, ответственный за этот сектор работы.

Какие цели ставил комитет ВЛКСМ при организации культурно-массовой работы? Прежде всего, конечно, воспитательные, чтобы каждое мероприятие несло не только досуговый характер,

но и своим содержанием помогало формированию профессиональных качеств будущего учителя. Большинство выпускников НГПИ, в силу обязательного распределения, попадали на работу в образовательные учреждения и полученный в стенах вуза опыт реализовывали в детских коллективах школ и ПТУ.

Преследовалась и другая цель, особенно это касалось молодёжи, проживающей в общежитиях — отвлечь её от влияния улицы, чтобы свой досуг, особенно в выходные дни, студенты проводили в стенах родного института. Поэтому, за ред-

ким исключением, во все субботние вечера в актовом зале НГПИ обязательно проводилось то или иное общепитетское мероприятие, носившее, как правило, развлекательный характер.

Так, например, четыре субботы ноября 1971 года были заняты: вечер, посвящённый празднованию 7 ноября, выступление Кукольного театра из МАССР; танце-

вальный вечер; вечер-встреча с комсомольскими активистами ПНР²⁷.

Вообще количество подобных мероприятий, проведённых за 1971/1972 учебный год в НГПИ, где в то время имелось всего пять факультетов, впечатляет. Это пять факультетских конкурсных концертов художественной самодеятельности и заключительный общепитетский смотр-конкурс; традиционные вечера, посвящённые праздничным датам (День рождения ВЛКСМ, 7 ноября, Новый год, 23 февраля, 8 марта, 1 и 9 мая); вечер посвящения в студенты; туристический вечер; вечер дружбы со студентами ПНР; Некрасовский вечер; вечер по итогам пионерской практики (Дворец культуры профсоюзов); вечер встречи с курсантами ВМУ им. Ленинского комсомола; вечер поэзии; вечер, посвящённый Н.К. Крупской; вечер встречи с выпускниками НГПИ; вечер «Демократическая песня» с участием сотрудника института стран Латинской Америки И.Е. Шоркиной, корреспондента журнала «Ровесник» Дубинского, члена лекторской группы Комитета молодёжных организаций СССР Новосёлова; вечер встречи со студентами МВТУ им. Баумана²⁸.

Особой популярностью у студентов, конечно, пользовались танцевальные вечера. В то время

Студенческий мужской танцевальный коллектив «Липка»

входили в моду вокально-инструментальные ансамбли, оснащённые такой новинкой, как электрогитара. В городе было несколько коллективов подобного рода, и один из них в НГПИ. Комитету ВЛКСМ удалось убедить ректорат института в необходимости закупки оборудования для создания ВИА, который получил название «Дети Солнца». Руководил ансамблем студент ЕГФ Зураб Батманов. ВИА быстро завоевал большую популярность как в институте, так и в Новгороде.

Вечера отдыха стали намного интереснее, что привлекало не только студенческую молодёжь. Наплыв посторонних иногда приводил к эксцессам между разными молодёжными группами. Комитету ВЛКСМ для охраны порядка пришлось создать специальный оперативный отряд, который успешно решал все возникавшие проблемы.

Выступает Студенческий театр эстрадных миниатюр (СТЭМ). Слева — В.Б. Петрухин, ныне преподаватель кафедры иностранных языков

Вокруг ВИА стали формироваться вокальные группы, неоднократно завоевывавшие призовые места на городских конкурсах вокалистов. Самым известным из них был женский квартет факультета иностранных языков «Бусинка», ведущая солистка которого Абусина-Батманова впоследствии стала солисткой Новгородской филармонии.

Традиционно каждый год в институте проводились смотры художественной самодеятельности, которые начинались с факультетских конкурсов. Лучшие исполнители отбирались на заключительный концерт, обычно проходивший в начале мая. В рамках общего конкурса организовывались конкурсы чтецов и особо популярный конкурс песни, главным устроителем которого была студентка иняза Л. Бобренко. Конкурс песни практически растягивался на весь учебный год, ибо отбор вокалистов начинался со студенческих групп, затем наступал факультетский уровень, а венцом служил финальный концерт, для которого снимались даже общегородские залы.

Первый конкурс песни, проведённый в НГПИ в 1970 году, прошёл в самом большом зале города во Дворце профсоюзов на 800 мест. Интерес к конкурсу среди молодёжи города был огромен. Дворец буквально ломился от посетителей, под напором масс были повреждены входные двери. Конкурс студенческой песни посетили и первые лица области, в частности председатель Облисполкома Н.А. Антонов, впоследствии первый секретарь ОК КПСС.

Уникальным явлением в культурной жизни института и области стал Студенческий театр эстрадной миниатюры. Без помощи профессиональных режиссёров ребятам удалось создать оригинальный коллектив, пользовавшийся огромным успехом в самых разных аудиториях, СТЭМовцы в составе агитбригад объездили практически всю область.

СТЭМ НГПИ стал настоящим откровением для студентов Ивано-Франковского пединститута, где они выступили с концертом весной 1970 года. Костяк СТЭМа составляли студенты иняза и истфака: А. Колодин, В. Петрухин, Л. Фишилевич, З. Глявина, М. Дягилев. 14 мая 1971 года коллективу НГПИ было присуждено первое место на областном конкурсе художественной самодеятельности²⁹.

Большой интерес проявляли студенты и к драматическому искусству. В октябре 1971 года в комитет ВЛКСМ обратился режиссёр областного драмтеатра Дубовой с предложением создать студенческий драмтеатр. Ректорат сначала не высказал возражений. Вокруг Дубового быстро организовалась группа энтузиастов, горевших желанием попробовать свои силы

на театральной сцене. Ребята на свои средства привели в порядок старый актёрский зал, модернизировали сцену. Так, в ноябре 1971 года оформился молодёжный драмтеатр «Лик». Начались репетиции одной из пьес французского драматурга Ж. Ануя, чьи произведения ставились столичными театрами. Однако премьера не состоялась: провинциальные цензоры в лице марксистско-ленинских философов с кафедры научного коммунизма узрели в творчестве Ануя антисоветскую направленность, что стало основанием для разгона театра и изгнания режиссёра Дубового.

Художественная самодеятельность, как уже отмечалось выше, сыграла немаловажную роль в повышении общекультурного уровня будущих педагогов. Надо прямо сказать, что даже в конце 60-х годов часть молодых людей, особенно из сельской местности, не была знакома с элементарными правилами поведения в обществе, личной гигиены. Кураторам студенческих групп приходилось проводить специальные занятия по разъяснению, как себя

вести в быту и обществе. Поэтому не случайно многие номера студенческой самодеятельности носили дидактический характер. Вот характерная сценка, разыгранная на одном из вечеров НГПИ.

Ведущий: Как вести себя в обществе? Этот вопрос волнует многих. Поэтому сегодня мы пригласили выступить у нас знатока хороших манер, бывшую графиню Замойско-Завойскую.

Два человека выводят старушку.

Графиня: Милостивые... э-э... товарищи. Меня просили рассказать, как следует вести себя в обществе. Начнём со званого обеда. Каждый культурный человек, прежде чем идти на званый обед, должен подождать, пока его позовут. Одеваться к такому торжественному случаю можно по-разному: фрак, смокинг, можно и сюртук, но ни в коем случае не в ковбойке. Хорошо захватить с собой букетик цветов для хозяйки: розы, гвоздики, пионы — это не имеет значения, главное, чтобы цветы не были бумажными.

Очень важно на обед прийти вовремя. Поэтому, если вы опаздываете, обязательно возьмите извозчика.

За столом следует вести лёгкую, непринуждённую беседу. При этом помните, что рыбу не едят ложкой, а фрукты не кладут в карман. Часто спрашивают, когда доедаешь суп, куда лучше наклонять тарелку: к себе или от себя. Как сказал один весьма культурный человек, это зависит от того, что вы собираетесь облить: себя или скатерть.

Культурный человек должен вставать из-за стола с желанием ещё немного поесть, и чем культурней человек, тем больше это желание.

Не принято уходить домой сразу после еды, но и не следует особенно задерживаться. Помните, что хозяйке надо рано вставать на работу, а она еще должна помочь лакею вымыть посуду.

Ведущий: Большое спасибо.

*Целует графине руку
и провожает за кулисы³⁰.*

Культурно-массовая работа, безусловно, не ограничивалась только художественной самодеятельностью. Практически каждый студент за годы обучения имел возможность посетить музеи и театры г. Ленинграда, так как комитет ВЛКСМ и профком постоянно организовывали культпоходы, пользуясь услугами туристических бюро. В первую очередь, конечно, начиная с первого курса, студенты познакомились с историческим и культурным наследием Великого Новгорода. Добрые отношения сложились у НГПИ с Областным драмтеатром. В студенческих аудиториях неоднократно

выступали ведущие артисты театра: Непокойчицкий, Васильев, Мирзоева и др. В свою очередь студенты охотно посещали театральные постановки. Так, в декабре 1970 г. в культпоходе на премьеру

Подготовка домашнего задания КВН. Слева направо: Г.А. Игнатьев, М.С. Дягилев (бывший полномочный представитель Президента РФ по Новгородской области) и М.Р. Заславский

спектакля «Пучина» приняло участие 240 учащихся НГПИ, а премьеру спектакля «Медея» посмотрело 150 человек³¹. Очень часто устраивались в студенческих аудиториях поэтические вечера-встречи с новгородскими поэтами. Для актива ВЛКСМ систематически организовывались поездки по Прибалтике, что давало общее представление о культуре запада СССР.

Выступление команды КВН

Из большого разнообразия мероприятий, проводившихся в НГПИ, следует отметить активно развивавшиеся контакты в области культурного сотрудничества между различными вузами страны. В первую очередь следует упомянуть о новгородском филиале ЛЭТИ, впоследствии преобразованном в самостоятельный политехнический институт.

Между комсомольскими организациями НГПИ и ЛЭТИ, с одной стороны, шло негласное соперничество за влияние на молодёжь, с другой — проводились совместные мероприятия. Так, в декабре 1969 г. проведён совместный туристический вечер, а в марте 1970 г. общий концерт, проходивший в рамках общегородского смотра художественной самодеятельности.

В стенах пединститута с большим успехом прошли встречи со студентами МВТУ им. Баумана, Псковского пединститута, курсантами ВМУ им. Ленинского комсомола, студентами из ПНР. Особо яркие впечатления произвёл большой десант самодеятельных артистов из ЛГПИ им. Герцена. Совместный вечер, проведённый 22 апреля 1972 года в помещении областного драмтеатра, впервые открыл новгородцам начинающего композитора Александра Морозова, в то время студента физмата ЛГПИ.

Поддерживались постоянные связи и обмены делегациями с Ивано-Франковским пединститутом, что на Западной Украине, нынешнем центре украинской независимости.

Надо сказать, что в то время новгородцы не чувствовали никакой недоброжелательности, посещая Галичину. В молодёжной среде быстро налаживались контакты и взаимопонимание.

Как и всё студенчество страны, комсомольцы НГПИ активно участвовали в КВН. Главные противоборство внутри вуза шло между факультетами, а на уровне города — с филиалом ЛЭТИ.

В целом можно сказать, что в 60—70-е годы, именуемые сегодня некоторыми авторами «застойными», студенчество жило активной, полнокровной жизнью. Интенсивность этой деятельности в вузе объясняется прежде всего творческой инициативой самих студентов, их стремлением к разнообразию досуга, тягой к повышению общекультурного уровня. До какого-то периода административное начало здесь было сведено к разумному пределу. Так, неформальный СТЭМ, ВИА «Дети Солнца», творческие конкурсы существовали бок о бок с созданным администрацией института и парткомом «Факультетом общественных профессий, где действовали отделения хоровое, хореографическое, музыкальное, режиссёрско-драматическое, туристское, массовиков-затейников и студии изобразительного искусства»³².

Однако в последующие годы, особенно со второй половины 70-х годов, со стороны ректората и парткома стала чётко вырисовываться тенденция к всеобщей организации и контролю. Это оправдывалось тем, что *«современному специалисту нельзя не быть человеком широкой эрудиции, высокой культуры, умелым организатором общественной жизни коллектива»*³³.

Излишняя заорганизованность, принуждение, погоня за цифровыми показателями вызывали естественное чувство отторжения. Протоколы заседаний комитета ВЛКСМ и других общественных организаций пестрят выступлениями о низкой посещаемости секций ФОП, частых срывах занятий.

К концу обучения практически стиралась грань между городскими и сельскими выпускниками. Из стен вуза выходили образованные, овладевшие основами поведения в быту и обществе специалисты. Правда, это имело определённый негативный момент. Некоторые выпускники из сельской местности не хотели возвращаться в родные места, предпочитая любыми способами остаться в городе. В этом виновата, конечно, не система образования, а социальная политика властей, всегда рассматривавшая деревню как второстепенный придаток индустриального города. Забвение нужд и чаяний сельских жителей привело к сегодняшнему застою и кризису российского аграрного сектора.

Вся работа в конечном итоге имела одну цель — подготовка высококвалифицированных специалистов для системы народного образования. Поэтому проблемы успеваемости, учебной дисциплины, профессиональной подготовки студенчества постоянно находились в центре внимания комитета ВЛКСМ, факультетских бюро. Борьбу за знания возглавляли учебные сектора комсомольских бюро. Ежегодно среди учебных групп проводился конкурс на звание лучшей группы факультета, института. Критерии конкурса учитывали все аспекты учебно-воспитательного характера. Нарушители учебной дисциплины, прогульщики и лодыри находились под постоянным контролем общественности, порою сами учебные группы ставили вопрос об отчислении тех или иных студентов. Комсомольские организации действовали в тесном контакте с деканатами, партийным и профсоюзным активом. Целенаправленная, чётко скоординированная деятельность в этом направлении давала свои результаты.

Многое делалось и в плане профессиональной подготовки студентов к работе в школе. Педагогические сектора комитета ВЛКСМ и факультетских бюро занимали важное место в единой системе кадровой подготовки будущих учителей. Контроль и анализ итогов педагогической, пассивной, пионерской практик, шефская работа в сельских школах, кружковая работа при домоуправлениях и многое другое красной нитью проходит через все документы комитета ВЛКСМ. Например, как следует из отчёта секретаря бюро ВЛКСМ ФИЯ, здесь сложилась следующая система профессиональной подготовки: на первом курсе беседы в группах о профессии учителя, шефство над

школьниками 3—8 классов, посещение школы вожатых; на втором — работа в детской комнате милиции; на третьем — продолжение шефской работы в школе, 4—5 курсы — педпрактики в средней школе³⁴.

Профессиональная подготовка будущих учителей обеспечивалась также работой школы вожатых, школы молодого лектора, в которой в 1969 году занималось 200 студентов, факультетом общественных профессий.

За рамками статьи остались многие аспекты деятельности комсомола: руководство СНО,

организация воспитательных мероприятий в общежитиях, подготовка и выпуск стенной печати и многое другое.

В повседневной жизни комитет ВЛКСМ, конечно, действовал в тесном взаимодействии с ректоратом, парткомом и профсоюзными организациями. Это взаимодействие, как правило, было лишено мелочного опекуинства и по сути являлось деловым партнёрством.

История комсомола — это, безусловно, целый пласт нашей отечественной истории, который требует объективного и всестороннего исследования.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Протокол заседания комитета ВЛКСМ от 5 января 1970 г. // Книга протоколов заседаний РК ВЛКСМ НГПИ. С. 139.

² Комсомольская правда. 28 декабря 1967 г.

³ Протокол заседания комитета ВЛКСМ от 20 декабря 1967 г. // Книга протоколов заседаний РК ВЛКСМ НГПИ. С. 1.

⁴ Комсомольская правда. 28 декабря 1967 г.

⁵ Протокол совместного заседания бюро ВЛКСМ и кафедры марксизма-ленинизма от 19 октября 1971 г. // Книга протоколов заседаний РК ВЛКСМ НГПИ. С. 175.

⁶ Протокол заседания комитета ВЛКСМ от 15 марта 1971 г. // Книга протоколов заседаний РК ВЛКСМ НГПИ. С. 194.

⁷ Протокол заседания комитета ВЛКСМ от 9 марта 1970 г. // Книга протоколов заседаний РК ВЛКСМ НГПИ. С. 145.

⁸ Протокол заседания комитета ВЛКСМ от 13 марта 1969 г. // Книга протоколов заседаний РК ВЛКСМ НГПИ. С. 170.

⁹ Комсомольская правда. 28 декабря 1967 г.

¹⁰ Протокол заседания комитета ВЛКСМ от 4 апреля 1968 г. // Книга протоколов заседаний РК ВЛКСМ НГПИ. С. 18—19.

¹¹ Протокол заседания комитета ВЛКСМ от 22 декабря 1969 г. // Книга протоколов заседаний РК ВЛКСМ НГПИ. С. 133—134.

¹² Протокол заседания комитета ВЛКСМ от 22 декабря 1969 г. // Книга протоколов заседаний РК ВЛКСМ НГПИ. С. 158—159.

¹³ Протокол заседания комитета ВЛКСМ от 2 марта 1972 г. // Книга протоколов заседаний РК ВЛКСМ НГПИ. С. 239.

¹⁴ Личный архив автора.

¹⁵ Протокол заседания комитета ВЛКСМ от 16 февраля 1970 г. // Книга протоколов заседаний РК ВЛКСМ НГПИ. С. 140.

¹⁶ Протокол заседания комитета ВЛКСМ от 29 декабря 1970 г. // Книга протоколов заседаний РК ВЛКСМ НГПИ. С. 177.

¹⁷ Протокол заседания комитета ВЛКСМ от 24 марта 1979 г. // Книга протоколов заседаний РК ВЛКСМ НГПИ. С. 196.

¹⁸ Статья предусматривала арест от 9 до 15 суток, или исправительно-трудовые работы на срок от 1 до 2 месяцев, или штраф от 10—30 руб. «Докладная командира взвода по охране Совпарторганов». Личный архив автора.

¹⁹ Протокол заседания комитета ВЛКСМ от 29 декабря 1970 г. // Книга протоколов заседаний РК ВЛКСМ НГПИ. С. 67—68.

²⁰ Протокол заседания комитета ВЛКСМ от 3 июня 1968 г. // Книга протоколов заседаний РК ВЛКСМ НГПИ. С. 34—35.

²¹ Протокол заседания комитета ВЛКСМ от 18 февраля 1970 г. // Книга протоколов заседаний РК ВЛКСМ НГПИ. С. 141—143.

²² Протокол заседания комитета ВЛКСМ от 29 декабря 1970 г. // Книга протоколов заседаний РК ВЛКСМ НГПИ. С. 177.

²³ Протокол заседания комитета ВЛКСМ от 14 января 1971 г. // Книга протоколов заседаний РК ВЛКСМ НГПИ. С. 181.

²⁴ Там же.

²⁵ Протокол заседания комитета ВЛКСМ от 1 июля 1969 г. // Книга протоколов заседаний РК ВЛКСМ НГПИ. С. 85.

²⁶ Протокол заседания комитета ВЛКСМ от 12 октября 1971 г. // Книга протоколов заседаний РК ВЛКСМ НГПИ. С. 216—230.

²⁷ Личный архив автора.

²⁸ Там же.

²⁹ Новгородская правда. 6 ноября 1971 г.

³⁰ Личный архив автора.

³¹ Там же.

³² Новгородская правда. 6 ноября 1971 г.

³³ Там же.

³⁴ Протокол заседания комитета ВЛКСМ от 2 марта 1972 г. // Книга протоколов заседаний РК ВЛКСМ НГПИ. С. 238.

В статье использованы фотографии из личного архива автора

К 140-летию со Дня рождения
профессора-антрополога Вл.В. Передольского

А.В. Передольская

ПОТОМОК НОВГОРОДСКОГО ВОЕВОДЫ

Отрывок из повести

Камешек с вкраплением золотых блёсток уютно поместился в ладони.

— Полевой шпат с острова Аскольд. Я с геологической экспедицией посетил те места в мае 1980 года. А эти фотографии острова Путятина сделаны с вершины Аскольда, — Александр Николаевич протянул мне четыре снимка.

— Удалось заснять и упомянутых Вашим дедом пятнистых оленей.

Бывший геолог был, наверное, единственным человеком в Новгороде, которому посчастливилось добровольно побывать на острове политзаключённых и золотоискателей. Непродолжительное участие в экспедиции исследователь в полной мере посвятил изучению закрытого для туристов острова. Тогда он не знал, что на небольшой части суши, расположенной в Японском море недалеко от Владивостока, есть место упокоения первого новгородского профессора-антрополога.

Вскоре линия судьбы краеведа-любителя удивительным образом начнёт пересекаться с именем известного земляка.

Весной 1926 года уютный Новгород (население около пятидесяти тысяч) утопал в зарослях черёмухи и сирени.

Седой высокий мужчина с аккуратной бородой и по-крестьянски подстриженными волосами уверенной походкой направлялся от вокзала в сторону Кремля. Он приехал из Петрограда. Внешний вид простого русского человека, одетого в поддёвку, при всём анахронизме органично сочетался с манерами «классового врага».

— Извольте тарантас, Владимир Васильевич!

Бывший дворянин вежливо ответил на приветствие извозчиков, но от поездки отказался, привык к пешеходным прогулкам.

В городе за ним закрепились репутация «демонической» личности. Увлечение антропологией и способность к гипнотическому воздействию в сочетании с принципом быть откровенным до отсутствия инстинкта самосохранения вызывали неприязнь. Недоброжелатели возмущались, каким образом

чуждому элементу удаётся оставаться на свободе. Прошёл слух, что учёный заручился охранной грамотой на свой богатейший музей от В.И. Ульянова (Ленина) благодаря воздействию гипнозом. Музей занимал первый этаж деревянного двухэтажного дома на углу Ново-Николаевской и Ильинской улиц. Названия улиц менялись неоднократно, но коренные новгородцы новшества не принимали.

Неповторимый колорит старинной речи исследователя-путешественника и множество ярких примеров из богатой приключениями жизни снискали ему славу популярнейшего лектора и экскурсовода не только в провинции, но и в Северной столице. При внешней сдержанности учёный не скрывал удовольствия от признательности экскурсантов и порою так увлекался рассказом об очередной достопримечательности, что создавал вокруг себя толпу из перебежчиков от рабоче-крестьянских экскурсоводов.

Проходя мимо Софийского собора, Владимир Васильевич по русскому обычаю раскланялся со встречным священнослужителем. С началом гонений на Церковь он взял за правило демонстративно проявлять сочувствие служителям культа, чем однажды вызвал изумление дочери:

— Папочка, вы же не любите «бездельников»?!

Попробовал объяснить шестилетнему ребенку:

— Их обижают и надобно сострадать.

Шум города возвратил к мыслям о семье. Два итальянских «Фиата», вспугнув лошадей на стоянке у гостиницы Соловьёва, повернули к Путевому дворцу. Первые легковые машины в Новгороде вызвали недовольство извозчиков и восторг мальчишек.

Вспомнил, что обещал жене подобрать музыкальный инструмент для дочери. Антонина Ивановна была на 19 лет моложе супруга, как и детей, он не часто баловал её вниманием. Дарственная надпись на книге «Ребенокъ Общедоступная гигиена» к рождению первенца в семье: «Тоне от Владимира для Милы, а Машута должна наблюдать, чтобы книга была без пятен», — удивит потомков деловитой сухостью. Бывшая воспитанница принята начала трудовую деятельность с 1913 года преподавателем математики в женской гимназии. Управляться

с хозяйством и детьми вверила домработнице, а сама продолжала работать. Сумела при советской власти сохранить во владении двухэтажный особняк, а после освобождения Новгорода от фашистских захватчиков нашла способ восстановить этот полуразрушенный памятник архитектуры деревянного зодчества XIX века. В 1949 году вдову «врага народа» наградили орденом Ленина за безупречный педагогический труд.

Владимир Васильевич направился в знаменитый магазин Коршунова, где товар можно было взять в кредит и напрокат. Хозяин лично вышел обслужить знакомого посетителя.

— Не побрезгуйте чашкой чая! — предложил любезно. Коршунов ввёл за правило угощать уважаемых покупателей рюмкой водки или чаем. Он знал, что этот гость не употребляет спиртного.

Слабостей за профессором не водилось, непокорный характер вызывал уважение среди «своих» и ненависть у «строителей нового мира». Целеустремлённость и истинный патриотизм в защиту города-музея привлекали к нему немало сторонников. Публицист и философ В.В. Розанов как-то признался: «Мой идеал — Передольский и Буслаев... Безумие моя прежняя жизнь... Моё дело было быть с Передольским, Титовым, Максимовым („Куль хлеба”); вот люди, вот русские...».

Новоиспечённые литераторы не читали чуждых им философов. Они продолжали дополнять жизнеописание упрямого новгородца статьями о его безнравственном воздействии гипнозом на студентов, причастности к масонству и черносотенцам. Рассказ о привязанности к учёному дикой утки насмешил домохозяев, но дал повод для очередных журналистских «уток».

В городе с интересом следили за объявленной местной газетой «Звезда» «войне с передольщиной». В статье «Об экскурсиях по древнему Новгороду, о владыках, о царях, любящих свою страну, о проф. Передольском и пр. вещах» молодой теоретик научного коммунизма категорически заявил: «*Нужно положить конец профессорским пустословиям!*».

Пять лет назад обыватели не без злорадства ожидали, чем закончится для учёного арест за оказание сопротивления властям при изъятии экспонатов его частной коллекции. Профессионал следственного дела из народа заключил: «*Всё отобранное перечисленное выше конфисковать, а Передольского заключить в концентрационный лагерь на срок по усмотрению Коллегии отдела Управления Новгубсовдепа.*».

Вещи конфисковали, но дальнейший ход событий изменила амнистия.

Богатейшая частная коллекция продолжала оставаться яблоком раздора с новой властью. Владимир Васильевич отказался быть сторожем, а не хозяином своего музея.

Новгородские журналисты торжествовали. Не без их участия в январе 1925 года против строителевого новгородца в очередной раз возбудили сразу три уголовных дела по четырём статьям обвинения: в «сокрытии памятников старины и искусства», «заведомо ложном сообщении о деятельности должностных лиц новгородских учреждений», «контрреволюционной пропаганде» и «незаконном воздействии гипнозом».

Одно дело прекратили за отсутствием состава преступления, другое — за недоказанностью. По совокупности двух других учёного осудили на год лишения свободы при Исправдоме. Студенты, увидев профессора с лопатой на земляных работах, устроили протестные манифестации. К тому времени его лекции по факультативному курсу антропологии в Петроградском университете пользовались колоссальным успехом. Сталинские времена ещё не вошли в силу — вскоре приговор был обжалован Верховным судом.

Вид на Торговую сторону Великого Новгорода.
Фото с довоенной открытки

Возмутитель спокойствия вновь шёл по улицам родного города — «колыбели Русской державы, родины великого русского языка и школы борьбы за вольность». Он остановился поздороваться с изящной молодой особой. Весь её облик и небольшой томик стихов в руках как будто символизировали утраченное прошлое. Владимир Васильевич невольно улыбнулся, вспомнив дарственную надпись на книге «По Енисею», преподнесённой её родителям много лет назад: «*Милой Ципульке, иначе — Рожице, ещё иначе — Раисе Александровне Завариной — первое в её жизни авторское подношение. Посылаю книгу в знак глубокого почтения, если не к самой девице — мала ещё, — то к её милым родителям.*».

Спустя семьдесят лет книга с суперэкслибрисом «Р.З.» вернётся к потомкам автора и встретит своё столетие на полке научной библиотеки новгородского музея.

Каждый раз по приезду в Новгород, перед тем как войти в дом, Владимир Васильевич навещал могилу отца, для этого достаточно было перейти дорогу. Здесь он любил бывать один и не терпел, чтобы мешали. Его отец — Василий Степанович Передольский — известный в прошлом юрист, знаток русской старины, археолог, страстный коллекционер, организатор Новгородского Общества любителей древности был образцом подвижнической деятельности. Строительство дома-музея разорило бывшего присяжного поверенного. Умирая, он с горечью сказал: *«Похороните меня в каком-нибудь углу кладбища, как последнего бедняка. Не тратьтесь! Объявлений не надо. Пусть две недели спустя сын напишет, что в Новгороде умер Передольский...»*.

Владимир Васильевич добился разрешения губернского начальства и Синода на захоронение покойного рядом с храмом Филиппа Апостола напротив родного Дома-музея, выплатил долг отца и прикупил земли в Коломцах для продолжения археологических изысканий, но грянул Октябрьский переворот.

Опыт общения с суровым севером, как и множество других приключений, закалили сильную натуру потомка новгородского воеводы. В юности учёный трижды преодолевал спуск на лодке по Енисею за полярный круг. Второе путешествие в возрасте 26 лет проделал в одиночку. Его потрясла мощь сибирской реки: *«Вот что значит постоянство в достижении своей цели, вот что значит несокрушимость энергии. Эх! Многому учит природа, если задумаешь к ней приглядеться!.. Новая картина, новая крайность, новая неожиданность сопоставлений»*.

«Чуждый элемент» первым подтвердил звание профессора при революционной переезде в Новгород и потрудился на благо России исследованиями в области антропологии и этнографии, теоретической и практической геодезии, педагогической и лекторской деятельности, издав свыше 40 научных работ на русском, французском и немецком языках.

Владимир Васильевич успел оставить после себя потомство — двух дочерей и долгожданного наследника (1923 г.р.). Правда, сын, названный в честь быллинного Вадима Новгородского, не оправдал отцовских ожиданий. Рос слабым, болезненным, боялся отца, которого видел редко и так не сумел к нему привыкнуть. Любимцей стала старшая дочь — белокурая голубоглазая Милочка. Сын же вырос «маменькиным сыночком», хоть в Великую Отечественную войну не струсил и, чудом выжив после пулевых ранений в живот, стал с двадцатилетнего возраста инвалидом. Врачи в прифронтовом госпитале шутили:

— Твоё счастье, что полевая кухня с обедом опоздала, подоспей она до начала боя — не спасли бы!

...Профессор вошёл в дом, бросил взгляд на фигуру русского воина. Тот привычно стоял на

площадке между первым и вторым этажами в полном вооружении — кольчуге, латах и в шлеме, щит чуть поблёскивал в полумраке. Хозяин с грустью прошёл мимо пустых стеллажей на первом этаже, суровый воин не помешал экспроприаторам. Пока учёный находился под арестом, 596 экспонатов коллекции были вывезены и безвозвратно утеряны.

Пройдёт немного времени, и не только дом и коллекция, но и его частные письма к отцу станут «достоянием народа», к счастью, гордый новгородец об этом не узнает.

Пока же на втором этаже дома слышались детские голоса, звучало фортепьяно. Стараниями супруги и домработницы в жилой части дома было тепло и уютно. Первый этаж для жилья был не приспособлен, что мешало попыткам жилотдела комхоза в отсутствие хозяина заселить освободившееся после изъятия экспонатов помещение. Там размещались библиотека — 13 000 томов, нумизматическое собрание, «русский отдел» и, частично, отдел быта, краниологическая коллекция из двух тысяч черепов.

Учёный вспомнил последнего претендента на проживание в его доме и не сдержал улыбки. Передовик-ассенизатор, недавно переехавший с семьёй из глухой деревеньки, и которого, кажется, ничем не напугаешь, с ужасом откrestился от соседства с «могилами».

Владимир Васильевич остановился перед стеллажами книг. На глаза попался рукописный томик, на титульном листе которого его рукой тщательно выведено: *«Тит Ливий. Римская история, начиная от освоения города. Точный перевод с латинского языка Владимира Передольского. 1890-й год»*.

Как быстро летит время, давно ли он с азартом двадцатилетнего юноши трудился над переводом, тщательно вырисовывая текст чёрными чернилами. Свои инициалы на шмуцтитуле выполнил в виде художественно оформленных букв, титульный лист и порядковые номера глав и страниц — киноварью. В переплётной мастерской сделали полукожаный переплёт, крышки в цветной мраморной бумаге, корешок и уголки обтянули светло-коричневой кожей и на корешке приклеили кусочки красного сафьяна, по которому тиснение золотом «Тит Ливий», а ниже две буквы «В.П.». Этот серьёзный труд удостоился похвалы отца.

Василий Степанович по жизни оставался другом и учителем для сына, так гласит дарственная надпись на *«первой книге первого научного труда»* — «Антропология, наука о человеке». Он передал детям страстную любовь к знаниям, книгам, исследованиям. Сын и дочери охотно помогали во всех начинаниях, будь то оформление выставки или участие в раскопках. Владимир Васильевич радовался, что у него, как у отца — две дочери и сын, и надеялся вырастить их своими единомышленниками.

Наступали печально известные тридцатые годы...

В.Г. Колотушкин

СЛОВО ОБ УЧИТЕЛЕ

27 ноября 2009 года исполнилось бы 80 лет Владимиру Васильевичу Тюрину, профессору кафедры русской классической литературы Новгородского государственного университета имени Ярослава Мудрого, отличнику народного просвещения.

Владимир Васильевич, преподавая в университете, долгие годы работал и в гимназии № 2, был создателем и бессменным руководителем творческой лаборатории при школьной редакции. Был он и организатором, и постоянным председателем жюри литературно-творческих конкурсов для учащихся школ города и области.

Шесть лет я посещал его занятия и с чувством благодарности вспоминаю годы общения с чутким педагогом и мудрым наставником. Владимир Васильевич помогал нам овладевать тонкостями тяжёлого писательского труда. К нему, учёному, писателю-краеведу, влюблённому в уникальность Господина Великого Новгорода, можно было обратиться с любым вопросом как по литературе, так и по истории. Но, давая добрый совет, он не настаивал на своей точке зрения, не изменял ход наших рассуждений, учил мыслить самостоятельно и последнее слово всегда оставлял за нами, его учениками. Даже в слабой работе обязательно замечал что-то хорошее: или интересный сюжет, или удачное сравнение, или просто одно слово, но «гениальное». Мы никогда не испытывали чувства страха, входя в его кабинет, хотя преподавателем он был строгим и требовательным. Наш руководитель и наставник считал нас своими юными коллегами, видел в каждом из нас личность, достойную уважения. А как он радовался нашим успехам — ничуть не меньше, чем мы сами! И когда чувствуешь такое доброжелательное отношение к себе, помощь и поддержку, приходит вдохновение, так необходимое в творчестве. Работа в редакции журнала «Зазеркалье», занятия в творческой лаборатории были самыми счастливыми минутами в моей гимназической жизни.

Первая встреча с Владимиром Васильевичем произошла в 1996 году, когда я, будучи шестиклассником, робко открыл дверь кабинета, где

проходило первое занятие. Оно было многолюдным, первые парты были заняты старшеклассниками, которые «засыпали» профессора вопросами по литературе. Тюрин увлечённо отвечал им

В.В. Тюрин (в центре) с выпускниками Лицея-интерната № 1 и их родственниками после получения дипломов. Новгородский кремль. Июнь 1995 г.

и с радостью делился своими познаниями, рассказывая о малоизвестных рукописях Пушкина, об оригинальных художественных приёмах и ещё о многом другом, пытаясь заинтересовать гимназистов литературным творчеством. На вторую встречу пришёл только я один. Вначале я подумал, что ошибся временем или кабинетом — в коридоре было пустынно и тихо, — и собирался уже дать «задний ход». Но тут появился Владимир Васильевич. Оставив меня одного за столом, он поручил мне написать небольшой рассказ на свободную тему. Это не было похоже на обычный урок литературы, на сочинение — это был настоящий творческий экзамен. Так родился на свет рассказ о муравьях — лесных тружениках, над которым, а также над миниатюрой о нитехвостой ласточке,

профессор университета и шестиклассник работали несколько недель. Работали, перебирая и подбирая каждое слово, каждую интонацию.

От крошечных миниатюр о природе и школьной жизни, от заметок о деревне я со временем перешёл к историческим повестям о Новгороде: «Из варяг в греки», «Кто с мечом к нам придёт...», «Бунт» и другим. Но Тюрин не стал отговаривать меня, убеждать, что школьнику ещё рано всерьёз заниматься политическими вопросами русской истории, писать о войнах, о думах и страданиях человека, который оказался в водовороте Смутного времени и «бунташного» XVII столетия, Первой мировой войны. В чём Учитель был действительно настойчив, так это в том, что писать нужно о том, что знаешь наверняка, что видишь и чувствуешь. Одно время я увлекался Смутой и собирался начать произведение со вступления в Москву войска Лжедмитрия I, задумывал повесть о путешествии русского купца из Архангельска в Венецию. Но Тюрин вновь и вновь возвращал меня на твёрдую новгородскую почву. Он любил и прекрасно знал новгородскую историю, был настоящим, беззаветно преданным своему делу исследователем нашего края, хотя родился и учился в других городах России. Владимир Васильевич собрал воедино сведения о тех начинаниях и важнейших событиях нашей истории, которые впервые происходили в Новгороде. Это и составление первого русского труда по математике, и первая попытка учреждения книгопечатания, и первый полный перевод всех библейских книг, и многое другое. Тюрин умел прививать любовь к Новгородской земле и своим ученикам.

Последняя встреча с Учителем произошла в 2003 году, в больнице, незадолго до его смерти. Я тогда уже был первокурсником исторического факультета НовГУ им. Ярослава Мудрого. Эта встреча осталась в памяти и у моей одноклассницы, в то время студентки филологического факультета Нины Клименко (Филипповой). В 2005 году в журнале «Зеркале» был напечатан её очерк-воспоминание «Радуга сквозь тучи», посвящённый светлой памяти Владимира Васильевича.

Вот некоторые строки из её воспоминаний: *«Поднимаясь по грязным ступенькам, думала только о том, как быстрее найти эту семнадцатую палату, где лежал мой друг Тюрин В.В. Нет, не друг, больше — Учитель. Грандиозный, как Иван Грозный, сейчас, седой и с плешкой, бесовским образом сопел носом. (Хотя это мы, скорее, бессовестные, ведь заявили в тихий час). Пришлось будить, как ни жалко. Ну, он, естественно, обрадовался молодому поколению.*

Тотчас пошёл разговор про экзамены, учёбу. И так потихоньку перекатился на историю и литературу, наши любимые темы. Банально до безумия — трое сидят на больничной койке и рассуждают о Великом! За окном снег, ранние сумерки и гололёд, пахнет габерсупом. Пациенты косились на нас, как скарабеи на мумию, встывали в разговор. Они изъяснялись просто и без прикрас. Не по-профессорски как-то, шиворот-навыворот. Грозный с Валерычем им о наших шведов на Новгородчину, а пациенты им — о повышении цен на коммунальные услуги. А всё-таки хорошо! Вы бы видели, как преобразался наш профессор — а то с кем бы об истории рассуждать!». Даже в больнице, до последних дней жизни Владимир Васильевич продолжал работать с «делегациями» школьников, которые приводила к нему наш неизменный редактор (и бывшая студентка Тюрина) Наталья Николаевна Иудина, руководил творческим процессом.

Важным было также и то, что Учитель умел взглянуть на свежий текст как глазами мастера Слова, так и взглядом обыкновенного читателя, и сразу отсечь слабые места. Другое дело, что после такой операции, как замечает Нина, могла быть перечёркнута половина произведения: *«Текст можно было не исправлять, не переписывать набело, но... работа начиналась заново»*. Жестоко боролся Тюрин с тавтологией и «педикулёзом» в словах (употреблением сложного для восприятия и произношения суффикса «вши»), запрещал писать «красиво и округло», требуя в тексте остроты, «зазубринок». Его школа навсегда останется в нас, его учениках той основой, без знания которой уже невозможно браться за перо, касаться живых словесных материй. Он учил и постоянству работы, каждые две недели в четверг требуя «на бочку» новые или переделанные старые главы повести. Он мог и просто помочь, подсказать и указать на что-то важное в жизни, мимо чего нельзя пройти или чего надо опасаться. Поэтому могу лишь подтвердить правоту слов Нины Клименко: *«...И время не остановилось. Пока мы помним Учителей. Пока мы помним их уроки»*.

P.S.: Каждую неделю по радио «Славия» в начале передачи «Университет» (по понедельникам) до сих пор звучит голос нашего Учителя, Владимира Васильевича Тюрина. И кажется, что он по-прежнему с нами.

С ПЕСНЯМИ ГЛИНЯНЫХ ПТИЦ ИЗ КРАЯ КУРСКОГО В ЗЕМЛЮ НОВГОРОДСКУЮ

Из утопанной, угнетённой долгими веками земли восстают образы, казалось, навсегда забытых вещей. Вещи вещают. За каждой — руки мастера, культурная традиция, материал, технология изготовления, местность, эпоха. Археология — наука чтения вещей. Одной вещи бывает достаточно, чтобы через неё узнать о главных событиях её времени. Такова написанная на воске Новгородская Псалтырь — ровесница официального Крещения Руси¹. Именно с разучивания псалмов русский человек, до того певший родные песни — колыбельные, игровые, обрядовые свадебные, празднично-календарные, узнавал для себя новую, воспринятую от Византии церковную певческую традицию. В других случаях вещи говорят о себе своим множеством. Таковы рассеянные в разных краях Руси бронзовые литые шумящие подвески и бубенцы — признак сопричастности славянских племён с большим финно-угорским миром. Разрозненные части исчезнувших было вещей вдруг находят одна другую. Словно переключаются. То к берестяной грамоте, извлечённой из земли тридцать лет назад, отыщутся не читавшиеся до сих пор строки. То восполнится обрывок кожаной хари (маски) ряженого. То дощечка с парой отверстий объяснит устройство лопаточных (новгородских) трещоток. То невзрачный обломок заявит о себе как о принадлежности древнейшего типа гуслей — лирообразных. Не чудо ли, что к археологически открытому в Великом Новгороде в отложениях XIV века глиняному обломку печатного сосуда-водолея, на котором частично уцелело клеймо с изображением гусяра, нашлось продолжение на селище Мякинино-1 — в Подмоскovie! В результате явился исключительно важный документ, показывающий двоих гудцов: один сидя перебирает струны на псалтиревидных гуслях, как на арфе, другой, стоящий вблизи, играет на смычковом инструменте, похожем на виолончель. Документ — всей Европе на раздумье². Наряду с предметами «читаемыми» из земли извлекается и множество вещей загадочных. Среди последних бывают те, облик которых вроде

бы всем знаком. Но для понимания их происхождения, былого их места в жизни необходим сбор дополнительных сведений. Важным бывает простое действие: собрать и увидеть их в единстве. Обнаружить себя таковые могут в самом неожиданном месте. Если, конечно, любопытствующему повезёт. Одной разновидности таких предметов посвятим наше внимание.

В кладовой созданных человеком вещей встречаются такие, которым судьбою уготовано излучать только свет и ласку. Пресловутый диалектический закон — где плюс, там и минус — о них споткнулся, вместился в них, кажется, лишь на первую половину. Им всегда сопутствует наш детский, а потом и взрослый восторг.

Глиняные свистульки. Как просто! — Думаем так, пока не прольём сорок потов, чтобы комочек глины хотя бы сипло отозвался на наши чаяния. Просто — это у тех, кого наследно вынесло на гребень трудной, бескорыстной и великой народной традиции.

В России сегодня пользуются славой многие центры по производству свистулек из глины. Слава у них разная, ибо работающие в них мастера по-разному понимают свои задачи. Одни гордятся авторскими достижениями, испытывая своё ремесло в море общечеловеческих фантазий. Другие, создавая самодеятельную продукцию, выдают её за некое продолжение национальной традиции. Третьи делают звучащие игрушки, научившись от родителей, сохраняя не только ремесленную, но и мировоззренческую суть старого промысла своей местности.

Продукция последних ценна ещё и своей ремесленной родословной. Некоторые традиционные промыслы берут своё начало в XIX веке, в XVIII, иные отмечаются и в более ранних веках. Установить связи, прямые или хотя бы косвенные, между поздними типами игрушек и средневековыми археологически выявленными образцами чрезвычайно сложно, ибо все они — в устной летописи народного быта. Сложно определить и место производства многих

древних типов звучащих игрушек: этот радостный товар неведомыми нам путями достигал краёв подчас весьма удалённых от своих мастерских. Поэтому даже скопление в одном месте однотипных образцов не всегда указывает на их местное производство. Желательно выявить признаки самого производства, как, например, это удалось

В связи с частым упоминанием новгородских древностей заметим следующее. Новгород в отличие от других крупных городов Руси не испытал всех тягот татаро-монгольского нашествия. Ход его истории был поступательным. От первой половины X в. по XV в. включительно во влажных культурных отложениях города прослеживаются прекрасной сохранности многоярусные мостовые, позволившие создать дендрохронологическую шкалу⁴. Датированные вещи древних новгородцев, в частности роскошное археологическое собрание свидетельств музыкальной культуры, могут способствовать верному определению типа и возраста подобных находок в других местностях. В числе таковых и глиняные звучащие игрушки.

Узнаваемые традиционные глиняные свистульки — абашевские, жбанниковские, филимоновские, многие другие. Среди них — *свистульки*, *свистуны* козлянские, то есть началом своего промысла обязанные селу Кожля Льговского уезда, ныне Курчатовского района, Курской губернии. На карте второй половины XIX века обозначено — Козля⁵. Так же его именует в своём письме от 9 марта 1976 года горшечный мастер Е.Ф. Пашков⁶. Название Козля — Кожля происходит или от ручья того же имени, или от первопоселенца — Козлова⁷. Здесь, согласно работам потомственных мастериц О.И. Дериглазовой, У.И. Ковкиной, В.В. Ковкиной и других местных жителей, игрушки-свистульки было принято лепить из глины, получавшей после обжига белый, розоватый, светло-охристый и другие оттенки, с анилиновой росписью, в виде птиц, животных, всадников, троек⁸. Обычно у них два игровых отверстия, не считая обязательных отверстий свисткового устройства — окошка и дульца.

На примере поздних промыслов можно, пусть отчасти, представлять процесс изготовления древних игрушек. Т.Е. Скобликова приводит очерёдность действий козлянских мастериц: «Татьяна, Марфа, Ульяна, рук не покладывают. Сначала катают из сырой глины *кругляшок*. Потом разминают и делают *вареник*, точь-в-точь как из теста. Свисток или, вернее, то место, где должна быть дырочка, тщательно отглаживают, вытягивая его. Головки, ножки животных, рога баранов и оленей *вырастают* из другого комочка глины, который мастерицы прилепливают и приглаживают так, чтобы создавалось впечатление слитности. <...> *Колоть* — свисток, значит, делать. <...> Ольга Ивановна: „Игрушки один день в печь закладываем, другой палим, третий выбираем”. И *красят*. Традиционно козлянские мастерицы используют

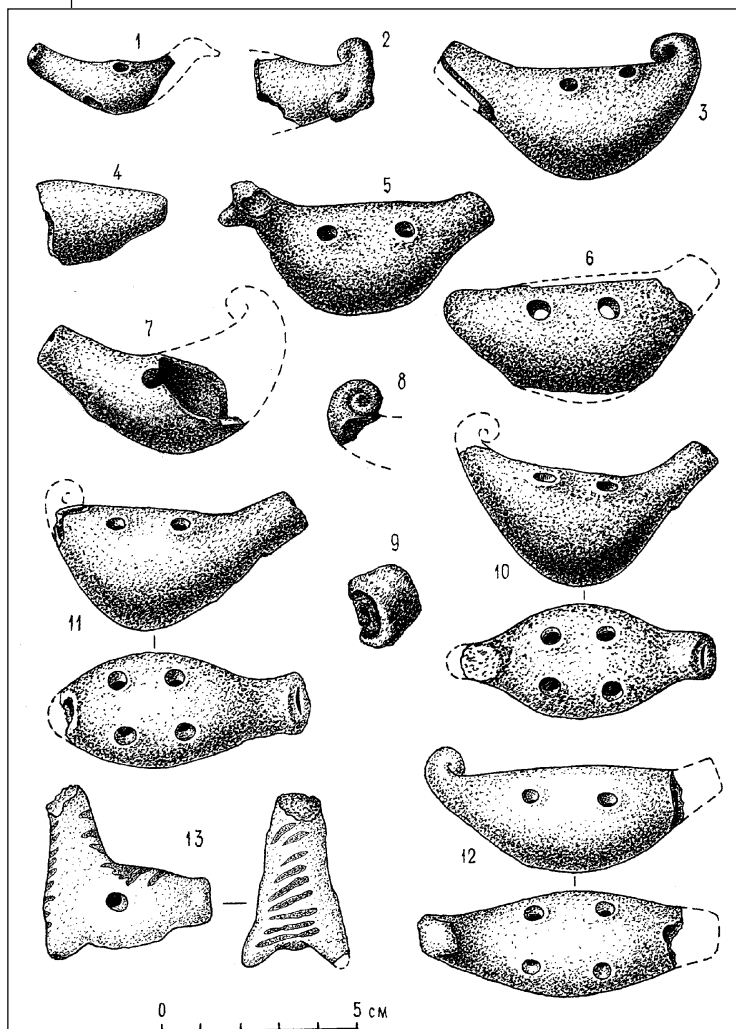

Рис. 1. Глиняные свистульки, археологические образцы, найденные в Курском крае.

1—2 — пос. Верхнее Гуторова, Курский р-н. Раскопки А.Н. Апелькова; 3—9 — городище Переверзево-II, Золотухинский р-н. Раскопки А.И. Пузиковой; 10—11 — г. Курск, ул. Гайдара, № 25. Раскопки А.В. Зорина; 12 — дер. Вырки (близ Шуклинки), Курский р-н. Случ. находка А.В. Зубкова; 13 — г. Курск, Красная пл. № 2/4. Охранные раскопки Н.А. Тихомирова; 1—12 — XVII в.; 13 — XIX в.; 1—13 — Фонды Курского государственного областного музея археологии.

сделать А.В. Арциховскому в 1932 году в Великом Новгороде. Здесь, на Славне была открыта изба игрушечника, в которой в XIV веке изготавливались глиняные глазурованные птички-погремушки³.

малиновый, фиолетовый, жёлтый, зелёный цвета. Так, как и прежде, в краску добавляли молоко и яйцо. Первое для сочности, второе — для прочности. Для блеска, если нет яйца, добавляли сахар. Ульяна *красит* игрушки тоже. Она привычно, на старый манер гусиным пёрышком, рисует *полоски* и *решётки*, на головки и шляпки краску кладёт кисточкой». Здесь же узнаём и о других деталях промысла⁹.

Игрушки устойчивы, так как все они, в том числе и их птички разновидности, в основании с двумя лапками — *лаписты*, иногда — *разлаписты*. Пример — свистулька конца 1970-х годов совместной работы У.И. Ковкиной и О.И. Дериглазовой, которую для данной публикации любезно предложили сотрудники Курского краеведческого музея Т.Н. Брусьянина и Е.Д. Спасская (рис. 2: 5). Подобные игрушки более раннего времени, расписанные, надо полагать, натуральными красителями, из Кожли через базары и ярмарки достигали других мест, и теперь целиком или в виде обломков могут встретиться в культурных отложениях, например в Курске. Возможно, именно такая свистулька, к сожалению, с отбитой головкой, найдена в 2004 году близ Краеведческого музея на строительном участке Красной площади № 2/4 во время охранных раскопок, руководимых Н.А. Тихомировым. Покоилась свистулька в насыпном слое под домом, сооружённым в середине XIX века. Значит, этим временем, не позднее, её можно датировать. Она слеплена из глины, получившей после обжига не белый, а охристо-светло-серый оттенок, украшена косыми зелёными полосками, причём, по мнению научного сотрудника Курского государственного областного музея археологии А.В. Зубкова, находчика свистульки, полоски сделаны не анилиновым, а каким-то иным красителем. Игрушка снабжена двумя игровыми отверстиями и, как предполагается, разлаписта, потому её удобно держать при игре (рис. 1: 13). Из неё извлекаются три звука, которые с понятной долей условности можно переложить на европейский профессиональный нотный стан: *Си-бемоль* первой октавы — *Ми-бемоль* — *Соль* второй октавы*. Данную находку, быть может, следует признать самым ранним материальным свидетельством кожлянского игрушечного промысла.

* Здесь и далее огромную помощь в определении звуковых интервалов древних образцов глиняных свистулек оказала специалист по народной песенной культуре — сотрудник Центра музыкальных древностей в Великом Новгороде Н.Н. Попова.

Случайно или нет, в Курском крае не характерна такая, как, скажем, отмечаемая среди филимоновских свистулек фигурка птички на одной расширяющейся к основанию ножке. Предположительные, правда, варианты в районном городе Судже Курской области созданы, их автор — Ю.С. Спесивцев, но, к сожалению, в посвящённой глиняным промыслам книге Т.Е. Скобликовой «Связуя нить времён» не показано ни одного подтверждающего местную традицию обломка «пузатой, с поливой» свистульки¹⁰. В буклете «Народные промыслы Курской области. Суджанская народная керамика», текст которого в 1991 году составила Ф.Х.-А. Мазурова, о жителях слободы Гончаровки в Судже сказано как о специалистах, издавна занимавшихся разными видами гончарного производства, что игрушки здесь «в основном делались для своих детей и небольшими партиями на продажу, так как они были не основной статьёй дохода»¹¹.

Свидетельством активного производства глиняных свистулек в Старом Осколе — бывшем уездном городе Курской губернии — являются образцы начала XX века, обнаруженные при строительных работах на современной улице Пролетарской и в Казацкой слободе — экспонируются в Старооскольском краеведческом музее (ныне Белгородская область). На фотоснимках, которые сделал в музее А.М. Косых, видно, что это белоглиняные — без росписи и без глазури, с двумя игровыми отверстиями — игрушки-свистульки двух разных мастерских. Те, что из Казацкой слободы, разные по величине обломки, составляют группу в виде животных о четырёх ногах — «собачек», «кони-ков», среди них часть фигурки «всадника» в папаше. А найденные на Пролетарской улице свистульки — это четыре «курочки» и «петушок», маленькие, каждая с двумя растопыренными короткими ножками-лапками. Во всех этих находках, а также и более поздних — расписных образцах старооскольского игрушечного промысла вплоть до 1980-х годов — не видно признаков птички с ножкой-подставкой.

Подобной птички не отмечено также среди расписных игрушек, сделанных в 1933 году неизвестным мастером из деревни Чернишино, Курского района, Курской области¹².

Не встречалась свистящая птичка на ножке и при плановых археологических раскопках в Курском крае. Обратим особое внимание на собрание таких находок и в меру возможности подготовим их к публикации.

Два обломка свистулек XVII века обнаружены во время раскопок, которыми руководил А.Н. Апальков, в посёлке Верхнее Гуторово Курского района. Один из обломков, с отбитой головкой, имел вид птички-невелички с изогнутым

туловом и двумя игровыми отверстиями (рис. 1: 1); прообразом могла послужить местная пеночка-весничка или курский соловей¹³. Другой обломок — в виде бараньей (?) головки с закрученными рожками (рис. 1: 2). Обе находки не позволяют судить о полных своих формах, но ясно: ножкой снабжены не были.

Найденные под руководством А.И. Пузиковой на городище Переверзево-II в Золотухинском районе свистульки, семь свидетельств XVII века, типологически между собой близки: одна, светло-красно-коричневая, с головкой, у которой отбиты рога (?) (рис. 1: 5), другая, в виде обломка, имела простые плавные обводы, похожа на «чистый» вареник (рис. 1: 6), не менее трёх образцов оформлены улиткообразным завершением. Все они с «дутым» вареникоподобным туловом, четырьмя игровыми отверстиями, без лап и, отметим, без ножки-подставки (рис. 1: 3—9)¹⁴.

Некоторые из перечисленных свистулек хорошо сохранились, значит, способны звучать. Но озвучить их пока что нет возможности, так как они закреплены на стенде в музейной экспозиции.

Две такого же типа свистульки с обломанными, вероятно, улиткообразными головками, как объяснил А.В. Зорин, с вещами XVII века найдены в Курске в 2008 году при раскопках жилого деревянного строения во дворе табачной фабрики на бывшей улице Благоевской — ныне Гайдара, № 25. Обе свистульки озвучены. Одна из них, глиняная светло-коричневая с блёстками, при последовательном открывании четырех её отверстий даёт примерный строй: *Си-бемоль* малой октавы — *Ре* — *Фа* — *Соль* — *Ля* первой октавы; при другой последовательности открывания отверстий: *Си-бемоль* малой октавы — *Ре-бемоль* — *Ми* — *Соль* — *Ля* первой октавы (рис. 1: 10). Другая свистулька, сероглиняная, околпелая, скол у которой удалось залепить пластилином, звучит в интервалах: *Ля* малой октавы — *Ре* — *Фа* — *Соль* — *Ля* первой октавы; при иной последовательности перекрывания отверстий: *Ля* малой октавы — *До-диез* — *Ми* — *Соль* — *Ля* первой октавы (рис. 1: 11).

Наконец, ещё один, повреждённый образец свистульки с улиткообразной головкой обнаружен А.В. Зубковым на огороде в деревне Вырки, близ Шуклинки, под Курском (рис. 1: 12). Восстановив посредством пластилина у этой находки свистковое устройство, извлекаем примерно следующие звуки: *До-диез* — *Фа-диез* — *Ля-диез* первой октавы — *До-диез* — *Ре-диез* второй октавы; при другом перекрывании отверстий вместо *Фа-диез* звучит *Соль*.

Глина перечисленных свистулек после обжига светло-коричнево-серая, а также упоминавшихся других оттенков, во всех случаях без росписи и

без поливы. Подобные свистульки археологически встречаются и за пределами Курского края. Тип достоин специального изучения.

Впрочем, уже и сейчас очевидно следующее: места археологического обнаружения ранних по времени свистулек в Курском крае не совпадают с местами известных ныне центров производства традиционной звучащей игрушки. Не наблюдаются также совпадения в способах лепки, цвете глины после обжига, а также формах между свистульками XVII и XX веков. То есть группа свистулек XVII века составляла иной, возможно не один промысел, отличный от козлянского и прочих, появившихся не ранее чем в конце XVIII века.

Строго говоря, первое сведение, соотносимое с игрушечными промыслами в Курском крае, на что обратил внимание А.Н. Фрумкин, содержится в опубликованной в 1838 году книге И.В. Снегирёва «Русские простонародные праздники и суеверные обряды»: по курскому обычаю к весеннему празднику Юрьева дня было принято изготавливать глиняных коровок и других животных¹⁵. Без указания на конкретное место производства *свистульки* в ряду прочих глиняных изделий упомянуты, отмечает Т.Е. Скобликова, в документе 1865 года — «Из доклада распорядительного комитета по Курской выставке «О кустарных промыслах Курской губернии»¹⁶. Игрушки — без упоминания свистулек — из села Кожля участвовали в 1902 году в выставке, приуроченной к проходившему в Харькове XII археологическому съезду¹⁷. Впервые прямо о козлянских «*свистунах*» говорится в 1904 году в «Материалах по исследованию кустарных промыслов в Курской губернии»: они вместе с другими игрушками расходились по многим городам южной России, доходя даже до Персии и Турции¹⁸. Подробнее об этих важных источниках сообщает А.Н. Фрумкин. Кстати, из его общения с В.В. Ковкиной узнаём: «Для изготовления свистулек в Кожле смешивали два сорта глины, которую брали в Дроняеве: „*подонки* — белый, как снег, и *глюю* — жёлтую, как иволга”. Смесь получалась *мазкая*, а после обжига в небольших *горнушках* выходил ослепительно белый звонкий черепок. Игрушки расписывали анилином или цветными чернилами, замешанными на яйце. Поверх росписи игрушки *лачили* сахарным сиропом на яйце „для пущего блеска и чтоб слаще свистеть”». В письмах игрушечницы есть и такие строки: «Вся моя игрушка шла на государственные цели только! По деревням ездили сборщики на лошадях, возили мои игрушки. Дети несли за игрушки сборщику макулатуры тряпки старые, бумагу, железо, кости и т.д. Время было трудное, игрушек детям не было в магазинах»¹⁹. История промысла в XX веке полна драматизма. Изготовление свистулек, обменивавшихся на яйцо или картошку, было тяжёлым

средством к существованию. По словам ещё одной кожанской мастерицы А.Н. Петровой, в конце 1950 годов в течение трёх сезонов нужда её заставила слепить 90 тысяч игрушек-свистулек²⁰.

Глиняные свистульки в поздней традиции — большой труд для одних людей — взрослых, и забава для других — малышей.

Возвратимся к группе свистулек, бытовавших в Курском крае в XVII веке. Следов их производства пока что не выявлено, потому нет уверенности в том, что они производились местными мастерами. Хотя, понятно, скопление свистулек на древнем городище Переверзево-II Золотухинского района настраивает на поиск признаков, возможно, бывшего и угасшего здесь когда-то промысла. Стоит также принять к вниманию образ свистульки с головкой, оформленной закрученными рожками: не есть ли это раннее проявление упоминавшейся курской традиции весной к Юрьеву дню лепить из глины коровок и других животных?

Среди разновидностей свистулек в Курском крае не удалось выявить местного промыслового варианта звучащей птички на ножке. Это, конечно, не значит, что её здесь не могло быть, допустим, откуда-либо завезённой или изготовленной в единичных вариантах. Тем более нельзя знать, что ещё откроют археологи.

Неожиданный образец свистульки в виде глиняной птички на ножке появился в Курском музее археологии. По сообщению учёного секретаря А.Г. Шпилёва, это недавний подарок музею от научного сотрудника Светланы Алексеевны Ермаковой. Свистульку она нашла в 2000 году в 300 метрах от левого берега реки Псёл на вновь распаханном, целинном участке огорода в деревне Крупец Камышанского сельсовета Беловского района; на этом месте в древности, по-видимому, сваливали мусор. На головке птички, слепленной из глины, получившей после обжига телесный оттенок, без глазури и росписи, имеется выразительный, с наклоном вперёд хохолок, глазки-лепёшечки, с правого боку тулова одно проколотое тонкой лучинкой игровое отверстие. Значит, кроме основного звука, перекрывая у этой птички единственное игровое отверстие, извлекался дополнительный голос; всего два звука, из которых можно было составлять трели. В свистковом устройстве нижняя стенка дульца ещё в древности была отколота, по этой причине замолчавшая свистулька оказалась на деревенской свалке вместе с множеством глиняных черепков самого разного времени.

Вся она, ладная, выверенная в пропорциях, мастерски легко, почти шутя слепленная, коренасто покинется на конусной короткой ножке. Снизу ножки имеется плавная линзообразная выемка — для

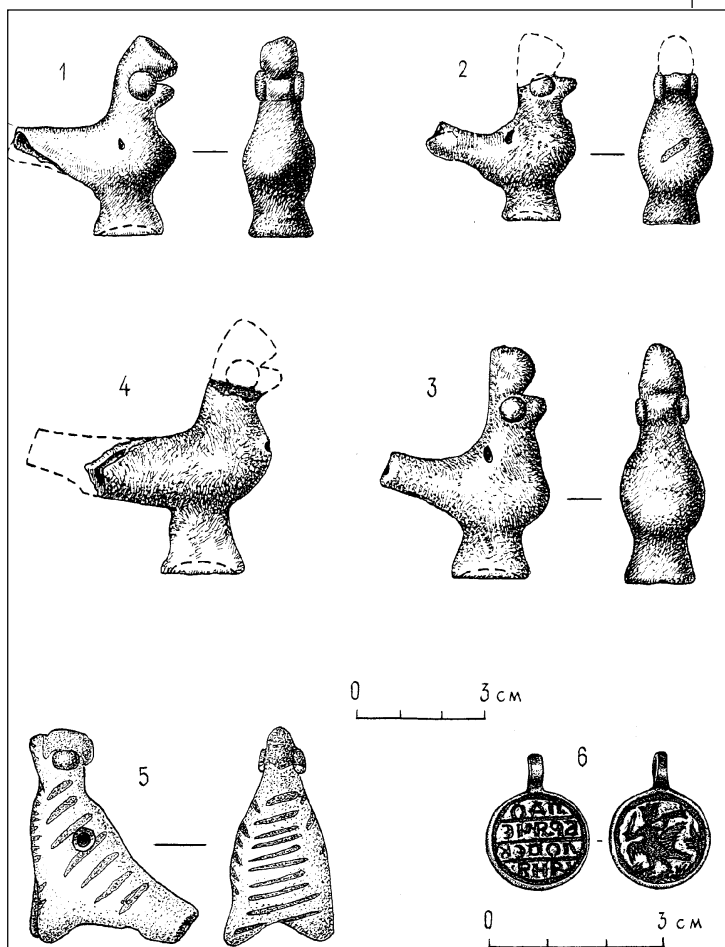

Рис. 2. Глиняная свистулька «птичка-хохлатка» на ножке-подставке. Находки в Курском крае и Новгородской земле. 1 — дер. Крупец, Камышанский с/с, Беловский р-н, Курская обл. Случ. находка С.А. Ермаковой; 2 — Княжее Село-I, Любытинский р-н, Новгородская обл. Случ. находка М.П. Константиновой; 3 — Кировский раскоп (пл. 14, кв. 17), Великий Новгород; 4 — Троицкий-XII раскоп (пл. 1, кв. 1535), Великий Новгород; 5 — кожаная свистулька-птичка. Мастерицы: У.И. Ковкина, О.И. Дериглазова; 6 — медальон-печатка с надписью «ПДО БРЯЧЕ ЛОВЕК ЯНЯ» и изображением девы-птицы Алконосты с мечом и сигнальной трубой. Серебро, д. Липина, Октябрьский р-н, Курская обл.; 1—3 — вт. ч. XV в.; 4 — кон. XIV — п. пол. XV в.; 5 — конец 1970-х гг.; 6 — вт. п. XVI в.; 1 — Курский государственный областной музей археологии; 2—3 — Новгородский центр музыкальных древностей; 4 — Новгородский государственный областной музей-заповедник; 5 — Курский государственный областной краеведческий музей; 6 — частное собрание.

устойчивости. Высота от хохолка до основания — 45 мм, длина от дульца до грудки — 37 мм. На обветренной, посеревшей поверхности, как и во всём облике игрушки, очевидна патина времени (рис. 2: 1). К неприхотливой и одинокой для здешних

мест вещице возникает череда вопросов: где, когда и кем она была изготовлена? И вот о каких своих удивительных связях она поведала.

В статье «Музыкальное прошлое Великого Новгорода и его округа (открытия 2002 года)» был описан замечательный сюжет²¹. Представленные в нём глиняные звучащие игрушки, найденные в разных местах Новгородской земли, нашли себе абсолютное сходство в Курском крае.

В Новгородской области близ районного центра Любытино расположено древнее, ведущее свою историю от «*хождения Ольгины ко Новгороду*» — Княжее Село-1. Было время, село славилось своим промыслом глиняной игрушки-свистульки. В 1990 году местные жители сказали, что промысла давно нет, не осталось ни мастеров, ни самих игрушек (знай наших). Мария Петровна Константинова обмолвилась, что как-то у себя на огороде нашла свистульку и отдала её внукам, те давно выросли. Спустя месяцы от неё послание: «*Вот вам свисточек, который я нашла — сохранился у внуков*». Оказалась глиняная птичка на ножке с прилепленными глазками-лепёшечками и одним тонкой лучинкой проколотым в правом её боку игровым отверстием. Глина, из которой она была слеплена, словно слегка промасленная, после обжига имеет светлый, телесный оттенок, без глазури. Свистулька была украшена: на глазках-лепёшечках яркие красные точки и того же цвета одна косая полоска на грудке. Снизу в её конусной ножке имеется плавная вогнутость — для устойчивости. Верхняя часть головки отколота. В остальном игрушка цела. Её длина от дульца до грудки — 34 мм, высота от основания до места излома 35, изначально, как выяснится, могла достигать 43 мм (рис. 2: 2). Из неё извлекаются чистые, звонкие трели, тяготеющие, пользуясь профессиональным музыкальным языком, к минорной терции — *Ре* — *Фа* второй октавы. Имела ли она отношение к местному промыслу или была привозной — никто подсказать не мог. Размышления по этому поводу возникли гораздо позднее, когда академик РАН В.Л. Янин подарил Новгородскому центру музыкальных древностей несколько свистулек, давно найденных в старой части Новгорода.

Одна свистулька, на которой прочитались паспортные данные, поразила своим сходством с описанной выше княжесельской и по форме, и по способу лепки, и по цвету глины. Она была найдена в 1972 году в древнем Славенском конце на Кировском (ныне — Славенском) раскопе в слое второй четверти XV века. У неё лишь нет следов красной краски и размер её несколько больший: от дульца до грудки 39 мм, высота 54 мм (рис. 2: 3). Поэтому и общее звучание её ниже: минорная терция — *Си-бемоль* первой октавы — *Ре-бемоль* второй октавы. В остальном сходство доходит

до мельчайших подробностей: одинаковые глазки-лепёшечки, одним движением руки в глиняных птичках проделаны сначала дульце, то есть щёлочка для подачи воздуха в свистковое окошко, а затем одним проколом тонкой лучинки игровое отверстие в правом боку. Важно то, что у новгородской птички на головке сохранился выразительный в очертаниях хохолок, поэтому теперь легко представить целостный вид княжесельской находки. Кроме того, по новгородской *птичке-хохлатке* — так мы её изначально назвали — определяется время изготовления княжесельской игрушки — вторая четверть XV века. Для сельской местности, где возраст вещей трудноопределим, такой факт весьма ценен. Он обогащает историю одного из древнейших сёл Новгородской земли. При дополнительных документах он мог бы быть зачтён как признак ушедшего в область преданий местного игрушечного промысла.

Глиняная птичка-хохлатка на ножке — этим названием пытаемся выделить её в ряду многих глиняных игрушек, однообразно получающих имя — «петушок». И княжесельский, и новгородский её образцы были изготовлены если не одним мастером, то, несомненно, в одной мастерской по общим для мастеровых и подмастерьев правилам. Для полноты впечатления представим новгородскую птичку-хохлатку в окружении других бытовавших в Новгороде разновидностей свистулек.

Более тридцати свидетельств обнаружено при плановых раскопках в слоях XII—XVI веков. Несколько десятков разновременных, вплоть до XIX века, свистулек собрано местными любителями старины. Из них свыше пятидесяти хранятся в Центре музыкальных древностей*. Преобладающим оказывается древний тип неглазурованной свистульки каплевидной формы. Реже встречаются зооморфные разновидности. Изредка попадаются покрытые глазурью лапистые свистульки-коньки, всадники, уточки и другие. Такое их разнообразие наблюдается и на Новгородском (Рюриковом) Городище²². В целом для большинства свистулек характерны относительно крупные размеры, не одно, а два игровых отверстия; свистулек с четырьмя отверстиями здесь не встречалось. И почти полное отсутствие ножки. С птичкой-хохлаткой сравнима лишь ещё одна глиняная свистулька.

* С признательностью сообщаем, что большое число свистулек подарено Центру музыкальных древностей новгородцами. Среди них: А.И. Зайцев, Ю.П. Коньков, С.А. Куликов, О.М. Олейников, А.Ф. Петров, С.И. Пустовойтов, В.Н. Суховаров, Е.В. и С.Е. Тороповы, А.С. Широков и другие.

Она была найдена в Людине конце Новгорода в отложениях конца XIV — первой половины XV века. Глина её после обжига — тепло-телесного оттенка. Как и у птички-хохлатки, у неё имеется ножка, снизу ножки линзовидная вогнутость. Игровое отверстие также всего лишь одно, но не сбоку, а на грудке. Обломаны головка и хвост со свистковым устройством. При мысленном восстановлении этих утрат получается несколько иной облик свистульки (рис. 2: 4), тем не менее, он типологически родственен птичке-хохлатке. Похоже, что они вышли из одной мастерской. Они близки ещё и по времени бытования — в первой половине XV века — факт, говорящий в пользу означенной датировки.

С образцами птичек-хохлаток из Новгорода и Княжьего Села-I во всех подробностях совпадает глиняная птичка, найденная в Курском крае в деревне Крупец. Все эти игрушки, включая и четвертую, новгородскую, у которой отбиты головка и хвост, были сделаны, вероятнее всего, в одной мастерской. Три из четырёх — едва ли не дело рук одного мастера. К сожалению, пока даже предположительно трудно сказать, где находилась мастерская по производству данного типа свистульки.

Среди известных промысловых вариантов игрушки в виде птички на ножке нет ни одного, который вполне унаследовал бы черты нашей птички-хохлатки. Допустим, замечательная филимоновская — Тульская области — свистулька-курица телесным цветом глины и наличием ножки являет некое напоминание. Но и росписью, и силуэтом, и способом лепки свистка вместе с полостью и игровыми отверстиями она другая²³. Пропорциями, наличием единственного бокового игрового отверстия и силуэтным сходством с птичкой-хохлаткой обладает игрушка, купленная А.М. Косых в Чернигове. Но и она, во-первых, красноглиняная, во-вторых, глазки-лепёшечки её дополнены проколами-зрачками, в-третьих, она с явно выраженными признаками петушка, у которого и гребешок, и борода, и подобие крылышек; в ней словно когда-то была, а теперь потеряна или специально в угоду современному покупателю устранена обаятельная условность, так присущая нашей птичке-хохлатке. Словом, какой-то из современных промыслов мог бы унаследовать отдельные признаки древней игрушки. Нужен поиск.

Датированными новгородскими находками равно определяется время бытования как княжесельской свистульки-птички, так теперь и крупецкой — вторая четверть XV века. Выходит, свистулька в виде птички с хохолком, найденная в деревне Крупец, на сегодняшний день — самая древняя среди всех выявленных на территории Курского края свистящих глиняных игрушек. Она является

собой замечательный образец ещё одного игрушечного промысла, отличного от тех, что обнаружат себя в Курском крае позднее — в XVII и XIX—XX веках. Время её бытования относится к периоду, когда Курский край ещё не был включён в состав централизованного Русского государства, когда селение, известное ныне как Крупец, находилось во владении Великого княжества Литовского. Обитателями здешних мест могли быть русские люди. О присутствии в последующее время в Курском крае русскоязычного населения сообщает найденный на городище Переверзево-II бронзовый нательный крестик XV — начала XVI века, а также яркая находка, которая, вдобавок, имеет ещё и прямое отношение к музыкальным древностям. Это подвесная с ушком типа медальона круглая серебряная печать-матрица: с одной её стороны четырёхстрочная надпись «ПДО БРЯЧЕ ЛОВЕК ЯНЯ» — *Печать добра человек Яня*, с другой — изображение воинствующей девы-птицы Алконоста, с мечом в правой руке и *сигнальной трубой* в левой — на отпечатке, следовательно, меч будет в левой руке, труба в правой (рис. 2: 6). Место находки — деревня Липина Октябрьского района²⁴. На непростой вопрос по поводу надписи на печати вскоре был получен ответ академика РАН А.А. Зализняка. По его оценке, это памятник XVI века, причём, скорее, 2-я половина: «В палеографических таблицах Трусевича самое раннее **я** вместо **а** отмечено под 1565 г., самое раннее **□** вместо **к** — под 1551 г. <...>. Замечу, что на печати написано не **добра**, а **добря**, так что здесь смешение **ра** и **ря**. Вместе с написанием **человек** (с **ѣ** вместо **ѣ**) это производит впечатление чего-то белорусского или смоленского (что, впрочем, для этого времени одно и то же). Но, конечно, по одному слову решительно судить невозможно»²⁵.

В палеографических таблицах Трусевича самое раннее **я** вместо **а** отмечено под 1565 г., самое раннее **□** вместо **к** — под 1551 г. К сожалению, к какой области относятся эти его примеры, из Трусевича пока не видно. Но в принципе он даёт образцы из всех областей — и из Московской, и из Литовской Руси.

Замечу, что на печати написано не **ДОБРА** (как в публикации), а **ДОБРЯ**, так что здесь смешение **ра** и **ря**. Вместе с написанием **человек** (с **ѣ** вместо **ѣ**) это производит впечатление чего-то белорусского или смоленского (что, впрочем, для этого времени одно и то же). Но, конечно, по одному слову решительно судить невозможно.

Отрывок из письма академика РАН А.А. Зализняка
В.И. Поветкину

Глиняная птичка, найденная в деревне Крупец Курского края не тотчас позволила извлечь из неё звуки. Причина, как упоминалось, в повреждённости её свисткового устройства. Кроме того, после удаления из неё остатков земли выяснилось, что единственное её игровое отверстие очень слабо проколото тонюсенькой лучинкой, недоколото. Поэтому, когда наконец её удалось озвучить, интервал между её голосами оказался не в минорной терции — *Ре* — *Фа*, как, например, у княжесельской птички, а иным, хотя по-своему и вполне интересным: *Соль* — *Ля* второй октавы. Вот из каких звуков складывались трели, раздававшиеся пятьсот лет тому назад в деревне Крупец на юге Курского края.

Рассмотренные примеры показывают, что твёрдого звукового строя у свистулек не было. Это в целом соответствует нашим народным традициям. Звучащие глиняные игрушки делятся на группы лишь по самым общим признакам. Простейшее деление — по количеству извлекаемых звуков — пять, четыре, три, два, один. Звуковой строй промысловых игрушек от одной к другой мог повторяться в той мере, в какой оставались неизменны их формы и размеры. При изменении размеров строй мог быть близким по интервальным соотношениям, как у княжесельской и новгородской птичек-хохлаток, с которыми, надо полагать, и крупецкая-курская птичка обладала бы сходным интервалом, если бы не недоколото её игровое отверстие. При этом общая высота звучания у каждой из этих трёх разновеликих птичек была бы своя. Окажись они в условиях профессионального европейского музыкального ансамбля, они, понятно, своими звуками не способствовали бы гармонии.

Но, кстати, и нет необходимости помещать глиняные свистульки в ряд с настроенными симфоническими инструментами. В частности, простонародная свистулька — не то же, что итальянская окарина. Речь не о том, что какой-то из этих инструментов лучше или хуже другого: каждый хорош на своём месте. Это инструменты различных традиций. Окарина с её математически выверенным по европейской музыкальной шкале строем приспособлена к исполнению концертных мелодий. Свистулька же, сделанная на глазок, в праздничном народном обиходе призвана окликать цепочками коротких наигрышей-возгласов, трелей, узнаваемых примерно так, как узнаваемы не привязанные к музыкальной шкале голоса тех или иных видов живых птиц. Даже разновидность свистульки с четырьмя игровыми отверстиями, значит с пятью, а то и шестью голосами, которую кто-то сравнит с окариной, практически более пригодна для исполнения трезвучных формульных наигрышей-возгласов: удобнее поочерёдно пользоваться той или иной парой отверстий; отсюда интонационные

инструментальные возгласы могут проходить, соответственно то на нижних, то на верхних звуках. На двух-трёх звуках возможно исполнение весенних песенок-закличек.

Ежегодно 22 марта во время праздника Закликанья птиц участники хора Новгородского центра музыкальных древностей, взрослые и, прежде всего, дети, поют приуроченные к этому дню песни, подбрасывают в небо печёных из теста «жаворонков» и свистят в глиняные свистульки, подражая голосам птиц, призывая их на крыльях принести к нам тепло и Весну. Каждый на рукотворном глиняном конике, уточке, птичке выводит свою «песню». С позиций концертирующего музыканта — это хаос. Однако давно подмеченное селянами свойство глиняных свистулек таково, что «случайным» набором звуков они создают неповторимое по красоте многоголосье: будто весь мир наполнен голосами птиц; чем больше участников праздника, тем сильнее очарование. Не говоря о всеобщей в эти минуты радости, восторге и празднично играющем Солнце.

Роль глиняных свистулек в подобных праздниках замечательна тем, что они не просто отгоняют недобрых духов: они прежде всего обращаются к духам добра, каковыми предстают пернатые вестники Весны. Весенними свистульчеными трелями закликают птиц, приманивают, вают. «Этическая» роль свистулек возвышенна и прямо противоположна действию охотничьих манков, которыми вроде бы тоже закликают, вают, но цель последних коварна.

Предназначение глиняных свистулек в русском быту, как видим, не сводилось только к простым детским забавам. Свистульки находили место в серьёзных праздниках, причём с участием детей. История свистулек на самом деле загадочна и сложна. Название *свистулька* не встречается в ранних письменных источниках. Немецкий купец Тоннис Фенне в начале XVII века или ранее записал от псковичей слово — *свистель*²⁶. До того в русских летописях говорилось о родственном *свистели* духовом ратном инструменте, именовавшемся — *посвистель*. О псковичах под 1348 г. говорится: «Они же отъ Орешка в полдни поехаша, вьструбивъ в трубы и удари въ бубны и в *посвистели*»²⁷. Тип глиняного свистка каплевидной формы в древнем Новгороде мог использоваться как сигнальный в хозяйственных целях; один образец XIV века снабжён ушком для подвешивания, то есть постоянно находился при своём владельце, возможно, был корабельным свистком у кормчего. В Западной Европе известны боцманские свистки X века — глиняные. Потом они чаще изготавливались из бронзы, а наградные — из серебра и золота.

Что касается курских находок глиняных свистулек, то среди них не видится тех, которые могли

быть в хозяйственно-сигнальной роли. Уже ранняя из них, крупецкая, предназначалась, видимо, для забавы, для любования и восхищения её звонкими трелями. В то же время, надо полагать, это не мешало с нею участвовать в весенних праздниках. А это уже не просто забава.

Нам представился случай в образцах свистулек, бытовавших в Курском крае, увидеть игрушечные промыслы разных периодов. Не решая пока вопроса о местах расположения таких промыслов, можно заметить следующее: древние образцы тяготеют к классически выверенным формам. Они составили устойчивый и легко узнаваемый в своих вариантах тип. Такова птичка-хохлатка. Она являет блестящий пример традиционного народного мастерства, когда мастер в своих творческих — авторских — возможностях абсолютно не стеснён. Создав или унаследовав совершенный, типовой вариант, он его не разнообразит в угоду чьей-то прихоти, а спокойно повторяя, без авторского эгоизма, отправляет на торг со здоровым чувством уверенности: его товар добротный и по крепости, и по удобству пользования, и по наружному обаянию, а в данном случае ещё и по звучанию. Так, горшечники неизменно повторяют проверенные временем способы изготовления и принятые селянами формы местных кашников, корчаг, черепушек и прочих сосудов, находя их пригожими, при этом не чувствуя себя творчески ущемлёнными. С таким же отношением, не боясь повториться, селяне из года в год, из века в век выращивали, молили и выпекали в сущности одинаковый Хлеб. На таком ощущении прекрасного и понимании своего личного участия в общем трудовом и творческом процессе зиждется национальное — и оно же авторское — художественное лицо народа. В свою очередь, чем ярче, чем сохраннее такое традиционное лицо народа, тем в большей мере оно уважаемо другими народами и по праву занимает место в общемировом культурном соцветии.

Так же законченными, выверенными в способе изготовления, узнаваемыми в своих формах предстают свистульки, бытовавшие в Курском крае в XVII веке. Среди них типичен обтекаемый, без признаков лап или ножек, вареникоподобный вариант с объёмной, «дутой» полостью и улиткообразной головкой. Все они снабжены четырьмя игровыми отверстиями, значит, обладали пятью и более звуками. На них могли разыгрываться наигрыши-формулы праздничной народной традиции. Возможно, именно они или им подобные походили на коровок из глины и оглашали Курский край весной на Юрьев день — 23 апреля (по новому стилю — 6 мая). Вместе с тем они нуждаются в дальнейшем внимательном изучении.

Свистульки с двумя игровыми отверстиями, лапистые, характерны для традиционного промысла, официально возобновившегося в 1970-х годах в селе Кожля. Среди игрушек — «Всадник», «Тройка», «Козёл», «Баран», «Индюк», «Кошка с гармошкой», «Царевна-лягушка», «Гусь», «Петушок», «Курочка» и ещё многие другие. Большой выбор игрушечного товара был продиктован спросом позднего рынка, вкусом меценатов, а впоследствии и столичных заказчиков, связанных с миром коллекционеров, искусствоведов. При учительской опёке средств массовой информации список кожлянских игрушек пополнился, в него вошли, например, «Пара танцующая», «Диван» и «Стол» О.И. Дериглазовой, «Перевертыш» и «Барыня» В.В. Ковкиной. Появились заморские образы — крокодил, обезьяна. Открылась дорога к усложнению форм, поиску «новых», авторских сюжетов и украшений. Похоже, что замечательных мастериц пытались вовлечь в игру, правил и целей которой им не сообщали. Дело в том, что спустя сорок лет после полного истребления в России народных промыслов, стало модным их возрождать и, что опаснее всего, искусственно развивать. Идеологическая программа «развития» сводилась, да и нередко сводится, к сожалению, к тому, чтобы к традиции подмешать самодеятельность и в конечном итоге самодеятельность выдать за традицию. Народная традиция и привнесённая из города клубная самодеятельность — мировоззренчески различные поля деятельности.

Итак, на основе различных свидетельств мы увидели основные типы бытовавших в Курском крае глиняных свистулек. Рассмотрели их известные на сегодняшний день археологические находки. Имели возможность сопоставить их с образцами поздних промыслов. Свистулкой середины XIX века представили образец, близкий к истокам кожлянского игрушечного промысла. Свистулька на ножке в виде птички с хохолком среди прочих — древнейшая. Одинокая вещица, казалось, была обречена на молчание. Но, как выяснилось, она составляла единую группу с датированными новгородскими свистящими птичками-хохлатками. В хоре с ними обрела голос. И возраст. В первой половине XV века из одной мастерской игрушечные птички-хохлатки «разлетелись» в разные края. Решению вопроса, где располагалась мастерская по их производству, могут способствовать новые находки как во время очередных сезонов раскопок, так и в уже имеющихся различных археологических коллекциях. И не только археологических. Если таким открытиям помогут собранные вместе глиняные птички из Новгородской земли и Курского края, скромная цель настоящей статьи будет достигнута²⁸.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Янин В.Л. Древнейшая славянская книга // Чело. Великий Новгород, 2000. № 3. С. 4; Поветкин В.И. Обретение Новгородской Псалтыри // Чело. Великий Новгород, 2003. № 1 (26). С. 3—11.
- ² Поветкин В.И. Кто они — гудцы на печатных глиняных водолеях XIV века? // Чело. Великий Новгород, 2008. № 2 (42). С. 28—35.
- ³ Арциховский А.В. Раскопки на Славне в Новгороде // МИА СССР, № 11. М.; Л., 1949. С. 131—132; Поветкин В.И. Начало источниковой базы музыкальной археологии в Великом Новгороде (музыкальные древности из раскопок А.В. Арциховского) // Новгородские археологические чтения-2. Материалы научной конференции, посвящённой 70-летию археологического изучения Новгорода и 100-летию со дня рождения основателя Новгородской археологической экспедиции А.В. Арциховского. Великий Новгород, 21—24 сентября 2002 г. Великий Новгород, 2004. С. 114—116.
- ⁴ Колчин Б.А. Дендрохронология Новгорода // МИА. 1963. № 117.
- ⁵ Деревня Козля — на карте Курской губернии издания А. Ильина, отпечатана в Картографическом заведении у Никольского моста, дом № 23, вторая половина XIX века. См.: Донченко Ю.В. Курская губерния на старой открытке. Курск, 2004. Приложение.
- ⁶ Народное гончарство России. Сохранившиеся центры. Пути возрождения. Каталог. Авторы вступительных статей: Фрумкин А.Н., Ямщиков С.В. М., 1987. См. раздел: Из писем народных мастеров. Письмо от Пашкова Е.Ф.
- ⁷ Скобликова Т.Е. Промысел кожлянской игрушки // Курский край. Научно-исторический журнал № 1—2 (76—77). Курск, 2006. С. 62.
- ⁸ Художники Курского края. Авт.-сост.: Брынец Л.А., Заутренников М.М. Курск, 2006. С. 86, 123, 264, 277.
- ⁹ Скобликова Т.Е. Связуя нить времён. Курск, 2001. С. 54—56, 61—69; Обстоятельнее о том же: Скобликова Т.Е. Промысел кожлянской игрушки... С. 67—75.
- ¹⁰ Скобликова Т.Е. Связуя нить времён... С. 49—50.
- ¹¹ Народные промыслы Курской области. Суджанская народная керамика. Буклет. Изд.: Комитет по культуре и искусству администрации Курской обл.; Областной научно-методический центр народного творчества. (1991).
- ¹² Соколова Г. Орловские барыни и соловьи из Курска // Антиквариат, № 6 (48). 2007. С. 53.
- ¹³ Большая Курская Энциклопедия. Том 3. Книга вторая: «Естественная история. Животный мир». Гл. ред. Ю.А. Бугров. Курск, 2007. С. 115, 128.
- ¹⁴ Зорин А.В., Стародубцев Г.Ю., Шпилёв А.Г., Щеглова О.А. Очерки истории Курского края с древнейших времён до XVII в. Курск, 2008. С. 441. Рис. 83: 5.
- ¹⁵ Народное гончарство России... Раздел: Курская обл., Курчатовский р-н, сёла Дроняево и Кожля; Снегирёв И.В. Русские простонародные праздники и суеверные обряды. 1838. С. 136.
- ¹⁶ Скобликова Т.Е. Связуя нить времён... С. 59.
- ¹⁷ Златоверховников Н.И. Курская губерния на XII археологическом съезде в Харькове в 1902 году // Труды Курской губернской архивной комиссии. Вып. I. Курск, 1911. С. 41.
- ¹⁸ Материалы по исследованию кустарных промыслов Курской губернии. Курск, 1904. С. 187.
- ¹⁹ Народное гончарство России... Раздел: Курская обл., Курчатовский р-н, сёла Дроняево и Кожля; Раздел: Из писем народных мастеров. Письмо от Ковкиной В.В.
- ²⁰ Скобликова Т.Е. Промысел кожлянской игрушки... С. 66.
- ²¹ Поветкин В.И. Музыкальное прошлое Великого Новгорода и его округа (открытия 2002 г.) // ННЗ. Вып. 17. Великий Новгород, 2003. С. 117—121. Табл. 2: 10—12.
- ²² Поветкин В.И. Гудебный обиход Новгородского (Рюрикова) Городища // У истоков русской государственности. К 30-летию археологического изучения Новгородского Рюрикова Городища и Новгородской областной археологической экспедиции. Историко-археологический сборник. Материалы международной научной конференции 4—7 октября 2005 г., Великий Новгород, Россия. Санкт-Петербург, 2007. С. 189—192. Рис. 5: 1—18.
- ²³ Богуславская И.Я. Русская глиняная игрушка. Л., 1975. Илл. 68, 78—79.
- ²⁴ Зорин А.В., Стародубцев Г.Ю., Шпилёв А.Г., Щеглова О.А. Очерки истории Курского края... С. 370—371. Рис. 72: 1—2.
- ²⁵ Письмо А.А. Зализняка, адресованное В.И. Поветкину 3 марта 2009 г.
- ²⁶ Tönnies Fenne's Low German Manual of Spoken Russian. Pskov, 1607. Vol. 2. Copenhagen, 1970. P. 39.
- ²⁷ Летопись Авраамки // ПСРЛ. Т. XVI. М., 2000. С. 80.
- ²⁸ Автор искренне признателен Г.Ю. Стародубцеву и его учёным коллегам А.В. Зорину, А.Г. Шпилёву, А.В. Зубкову, О.И. Семенихиной, Г.В. Барышеву и всем без исключения сотрудникам Курского государственного областного музея археологии за терпеливую и безотказную помощь в данной работе.

21 марта 2009 г.

ДЕВОЧКА И ПТИЦА

Сказка

Море никогда не бывает постоянным. Всего минуту назад оно было спокойным, почти смиренным. Но внезапно, будто вызванная тревожными мыслями, прокатится по нему глубоким вздохом волна, прильнёт к песчаному берегу, словно взывая к утешению, пониманию. И вновь над лазурной гладью воцарится спокойствие. Но уже иное, чуть отличное от того, что было перед тем глубоким вздохом его.

Тот, кто имеет счастье видеть и слышать море день ото дня, пребывает в полной уверенности, что оно живёт — чувствует, мыслит, переживает.

Именно к ним, к людям, живущим на морском побережье, относилась Галка. Каждое утро шлёпала она босыми ногами по узкой песчаной тропинке, петляющей среди огромных прибрежных валунов. Дорожка вела с обрыва вниз, туда, где у самой воды перевёрнутые вверх дном стояли рыбацкие лодки.

Забираясь с ногами на раздувшееся, тёплое от утреннего солнца пузо одной из лодок, она с интересом наблюдала, как ровными рядами бегут по лазурному полю кучерявые барашки волн. Будто невидимый пастух гнал их ближе к берегу, прямо на неё, на Галку. И она готова была поклясться, что видела, как перебирают барашки своими копытцами и как глядят на неё своими озорными глазёнками. Девочка представляла, что где-то там, за горизонтом, откуда бежали эти пушистые стада, существуют сказочные страны, в которых поджидают самые удивительные приключения.

Разные города виделись Галке по ту сторону моря. Одни были большие — с высокими башнями и красивыми белыми домами, другие маленькие — утопающие в зелени и цветах. Каждый день она приходила на берег, к старым толстопузым рыбацким лодкам. Сидя на одной из них, девочка с упоением вдыхала навейные бризом запахи — разогретой солнцем смолы, рыбы, гниющих морских водорослей, трав, цветов и ещё чего-то удивительно знакомого и притягательного. Галка вдыхала морские ароматы и слушала шум прибоя.

И море отзывалось. Оно рассказывало девочке обо всём, что происходило там, на другом его берегу, который скрывался за полукруглой, теряющейся в утренней дымке линией горизонта.

— Здравствуй! — говорила Галка морю при встрече.

— Здравствуй и ты! — отвечала тихим шелестом морская волна.

Они общались безмолвно, на тайном языке, понятном только им двоим, который передавал морю все тонкости и переливы Галкиного настроения. А девочка понимала и чувствовала всё, что происходит с морем — каждый оттенок, каждый нюанс.

Тяжёлая волна разбилась о прибрежные камни и взорвалась мириадами маленьких брызг. Огромная Белая Птица появилась в небе над морем. Медленно летела она по направлению к берегу, делая редкие взмахи крыльями. Едва достигнув суши, Птица уселась на перевёрнутую рыбацкую лодку, рядом с той, на которой сидела девочка.

Жуткое любопытство овладело Галкой. Она пристально разглядывала удивительную гостью, даже не думая убежать.

Белое оперение Птицы оттенялось лёгким кремовым цветом на кончиках крыльев и на груди. Всё её тело будто бы сияло загадочным светом, какой бывает на небе перед закатом или восходом солнца. Большими карими глазами птица внимательно смотрела на девочку.

— Кто ты? — почему-то вслух спросила Галка.

— Я — хранительница морской пены, — произнесла Птица, и Галку, как ни странно, это ничуть не смутило.

— Правда? — воскликнула она. — Я и не догадывалась, что у морской пены есть хранительница!

— Тогда бы она в миг рассыпалась на тысячи маленьких пузырьков и исчезла, — ответила Птица.

— Я никогда не задумывалась об этом! — изумилась Галка, а Птица кивнула в знак согласия.

— Отчего ты так часто приходишь сюда? — в свою очередь поинтересовалась Птица.

— Я смотрю на море, и мне кажется, что я научилась его понимать, — ответила Галка чуть

смущённо, опасаясь что Птица ей не поверит. Но та, чуть согнув голову набок, внимательно взглянула на девочку и произнесла, словно в раздумье:

— А мне казалось, что люди давно утратили эту способность.

— Я не знаю, — ответила девочка, — просто я прихожу сюда, и мне кажется, что я говорю с морем.

— Говоришь? — переспросила Птица.

— Да. И когда мне плохо — оно сочувствует, а когда весело — радуется вместе со мной. И ещё море рассказывает мне о разных странах, городах и приключениях. А я слушаю.

Хранительница морской пены взглянула на Галку одним глазом, как это часто делают птицы, когда их что-то заинтересует. Затем она повернула голову и посмотрела на девочку ещё раз. Потом, чуть подумав, она сказала:

— А хочешь я покажу тебе то, чего ещё никто никогда не видел?

— Хочу! — с радостью согласилась девочка.

— Тогда забирайся ко мне на спину, и полетели. Только держись крепко, — предупредила Птица и подлетела к лодке, на которой сидела девочка. Теперь, когда спина Птицы была на уровне лодки, Галка без труда смогла на неё перебраться. Девочка села, свесив ноги, и обняла обеими руками сильную шею своей новой подруги.

— Готова? — спросила Птица.

— Готова! — ответила Галка. В тот же миг, расправив мощные крылья, Птица понеслась почти над самой водной гладью. До Галкиных ног долетали солёные брызги, возникающие от столкновения морских волн, а ветер свистел в ушах, играя, будто флагом, Галкиными густыми чёрными волосами.

— Тебе не страшно? — спросила девочку Птица, чуть повернув голову.

— Нет! — крикнула Галка в ответ, чтобы Хранительница морской пены сквозь свист ветра смогла её услышать.

— Тогда полетим выше! — И в несколько взмахов своих сильных крыльев Птица поднялась на такую высоту, что сначала девочке стало немного жутко, но постепенно она освоилась.

Где-то позади остался Галкин дом. Отсюда, с высоты птичьего полёта, он казался маленьким и беззащитным. А Галка всегда представляла его огромным, крепким и надёжным. И только сейчас девочка поняла, что тот мир, который окружал её до сих пор, — это всего лишь маленькая песчинка среди множества других, таких разных, похожих и непохожих миров.

Небо стало выше, горизонт раздвинулся, и там, где восходит Солнце, Галка увидела маленькие островки и большие острова, о существовании

которых никогда не подозревала. На незнакомых землях она увидела те самые леса, горы и города, которые представлялись ей под шум морского прибоя.

— Летим?! — попросила девочка Птицу, и та, выбрав один из островов, спустилась ниже.

Изумрудно-зелёная роща раскинулась на берегу быстрого ручья с чистейшей водой. И там, среди ореховых деревьев, подобно лесной нимфе, гуляла девушка. Молодые олени приносили ей гроздь винограда и прекрасные белые цветы.

— Как красиво! — воскликнула Галка. — Наверное, эта девушка самая счастливая на свете.

— Возможно! — ответила Птица, набирая высоту.

— Да, видимо, она самая счастливая! — повторилась Галка, а Птица уже подлетала к другому острову.

Там, среди изумительно цветущего сада, притаился маленький домик. На крыльце сидела красивая женщина и напевала колыбельную, баюкая лежащего в зыбке младенца.

Когда Птица спустилась ниже, Галка увидела, как из дома вышел молодой мужчина. Он с нежностью взглянул на спящего ребёнка, поцеловал женщину, и её глаза засияли.

— А знаешь, — крикнула она Птице, — мне кажется, что эта женщина даже более счастлива, чем та девушка. Ты согласна со мной?

— Тебе виднее, — загадочно ответила Птица, продолжая полёт.

И вот они приблизились к третьему острову. Широкая река величественно текла через его долины, зарождаясь из маленького ручейка где-то высоко в горах. На речном побережье, в тени высоких дубов, в красивых плетёных креслах отдыхали пожилая женщина и старик с окладистой седой бородой. Они держались за руки, а рядом на зелёном травяном ковре играли дети. Взрослые мужчины и женщины работали в саду, собирая сочные плоды с фруктовых деревьев.

— Смотри, смотри! — закричала девочка Птице. — А ведь они тоже счастливы! И их глаза и улыбки озарены даже большей радостью, чем у той молодой женщины.

— Знаю, — тихо ответила Птица. — А теперь я покажу тебе ещё кое-что!

И она взмыла высоко в небо. Настолько высоко, что большой остров стал казаться таким крошечным, что при желании мог бы поместиться в ладони. А за ним... Галка увидела целую вереницу островов. Больших и малых, с разнообразным ландшафтом. Одни были покрыты песчаными дюнами, другие — густыми лесами. На некоторых островах девочка отчётливо различила очертания городов, на иных пока не было следов цивилизации.

— Мы сейчас полетим туда? — поинтересовалась Галка.

— Нет, пока тебе туда нельзя, — ответила Птица. — Но когда-нибудь ты всё увидишь.

— Когда? — с нетерпением спросила девочка.

— Это неведомо даже мне, — произнесла Хранительница морской пены, и Галке почудилось, что Птица улыбнулась. — Но главное — теперь ты знаешь о существовании этих островов.

— И там тоже все счастливы? — девочка, не отрывая глаз, смотрела вдаль, туда, где до самого горизонта протянулась череда неизведанных земель.

— Да. Там тоже все счастливы, — подтвердила Птица.

Внизу проносились уже знакомые Галке острова. И женщина, качающая младенца, и девушка с оленями остались позади.

Вот уже и родной берег. Девочка узнала его сразу. Птица плавно приземлилась на том же самом месте, с которого они с Галкой отправились в путешествие.

— Настало время прощаться, — с грустью сказала Птица.

— Ты ещё вернёшься? Когда-нибудь? — с надеждой спросила её девочка, обнимая за шею.

— Вернусь, — пообещала птица и осторожно обняла Галку сильными крыльями. Затем она оторвалась от земли, и полетела к морю. Туда, где на гребнях волн паслись прекрасные белые барашки.

Галка ещё долго стояла на толстом брюхе рыбацкой лодки и смотрела вдаль, где над безбрежными просторами растаял в облаках силуэт Хранительницы морской пены. А море ласково смотрело на девочку, улыбаясь, совсем как Белая Птица.

ФИЛОСОФИЯ ВРЕМЕНИ ОТ АНТИЧНОСТИ ДО ГЕГЕЛЯ

Философия, как любая другая наука, не может успешно развиваться без анализа истории тех понятий, которыми она пользуется. К выяснению философского смысла понятия «время» обращались многие мыслители прошлого — от Эпикура и Сенеки до Канта и Гегеля. Вряд ли такой длительный и устойчивый интерес (заметим, гуманитарный, а не естественнонаучный) можно назвать случайным. Что же привлекало мыслителей к этому феномену, казалось бы далёкому от нравственных исканий человека и человечества? Ответ на этот вопрос можно получить лишь проследив тот логический путь, который проделала категория «время» как предмет философско-этического осмысления в своем историческом развитии.

Проблема времени издавна рассматривалась в философии и этике как проблема обретения мудрецом своей индивидуальной человеческой сущности, личностного самообретения, самоутверждения, приобщения к духовной свободе. Осмысление времени как индивидуальной ценности имело многоплановую подоплёку. С одной стороны, время представлялось объективной, неумолимой и бездушной силой, стоящей над человеком и задающей его жизни необратимый характер, что чрезвычайно повышало ценность личностного времени, торопило жить и чувствовать. С другой стороны, субъективизация времени определялась умонастроениями социального пессимизма, вызванного крушением старого и привычного уклада жизни. С третьей — ценность личностного времени утверждалась ростом нравственной свободы личности, порождённой становлением новых общественных отношений. Выход в исторические масштабы времени ещё не мог быть осуществлён в силу незрелости самой эпохи, её культуры, деятельности. В понимании категории «время» воплощались мироощущение эпохи, рефлексия деятельности и поведения людей, ритм жизни, отношение к вещам в их исторически конкретном содержании. Совокупность этих моментов и детерминирует историческую парадигму времени.

Проблема времени во всём богатстве её аспектов была поставлена уже античными философами. Она включала целый спектр мировоззренческих и методологических вопросов, одним из которых являлось выделение специфики диахронного (временного) подхода при осмыслении нравственных аспектов человеческого бытия. Такой подход стал для античных диалектиков необходимой и существенной стороной исторического метода, позволяющего видеть процессуальность развития.

Практически во всех современных историко-этических исследованиях античности подчёркивается, что мыслители древности говорят не о социальном времени и не о времени вообще, а о реальном времени, отражаемом в обыденном макроскопическом опыте. Вместе с тем многие античные философы, рассматривая время в качестве универсальной характеристики бытия как природного, так и социального, разграничивали понятия времени реального (объективного) и человеческого (субъективного). Так, древнегреческие мыслители, желая подчеркнуть несоизмеримость человеческого и физического бытия, субъективного и объективного времени, различали понятия «эон» («айон») — человеческий век или судьба и «хронос» — собственно время. И если уже в мифологическом времени отмечалась его связь с глобальными характеристиками бытия — жизнью и смертью, профанным и сакральным миром, застойными формами жизни, индивидуальными формами рефлексии, то в антично-философском контексте темпоральных воззрений появилось чёткое понимание времени как понятия, идеи, ценностной категории. Античность подняла образ времени на высоту его философского обобщения, идущего от осмысления связи времени с жизнью и судьбой отдельного человека.

Уже представители милетской школы рассматривали время как судьбу и вершителя приговора над миром природы и человека. В единственном сохранившемся фрагменте из Анаксимандра можно найти намётки нравственной проблематики,

решение которой ставится в прямую зависимость от времени. Знаменитый фрагмент гласит: «А из чего возникают все вещи, в то же самое они и разрешаются согласно необходимости. Ибо они за свою нечестивость несут наказание и получают возмездие друг от друга в установленное время»¹.

Следует отметить проведение Анаксимандром аналогий между нравственно-правовыми нормами в полисе и космическим порядком, а также между обществом и природой на основе понятия времени. Комментируя этот фрагмент, И. Попелова справедливо отмечает, что в тумане незавершённого фрагмента будущее нравственной проблематики представляется весьма монументальным. В этом фрагменте отстаивается единство природного и нравственного мира, «представление о возникновении и упадке совпадает здесь с этическими представлениями о бесправии и о наказании, порождённом этим бесправием». И далее И. Попелова отмечает, что «выделение человеческого мира из хаоса явлений стало началом индивидуализации и повлекло за собой необходимость возникновения и исчезновения, взаимной несправедливости и расплаты за неё, где судьбы и вершителем приговора является время»². Вопрос о том, насколько осознанно милетский натурфилософ проводит аналогию между обществом и космосом, между полисным правопорядком и мировым строем вещей, в данном случае не имеет принципиального значения, интерес здесь представляет не форма рождения мысли, а её содержание.

Порядок времени, по Анаксимандру, — это всеобщий периодический закон смены вещей, ритмическое чередование времён года, космический правопорядок всего совершающегося. Время становится уже не столь безличным, как безлично мифологическое время, в котором нет ни личности, ни общества: личности — потому, что всякий индивид несёт на себе смысл цельной всеобщности, т.е. родовой общины, а общества — поскольку общественно решительно всё, вплоть до неодушевлённых предметов. Изменение глубинных структур общественных отношений (распад общинно-родовых связей, быстрое развитие экономики, материальной и духовной культуры и т.д.) и явилось важнейшим условием осознания исторического времени.

Платон в «Апологии Сократа», ставя ту же проблему, что и Анаксимандр, т.е. проблему бесправия и наказания, порождённого этим бесправием, рассматривал её как явление человеческого, а не космического порядка. Так, Сократ в своей речи после обвинения, предшествующего приговору, заявляет: «Нет такого человека, который мог бы

уцелеть, если бы стал откровенно противиться вам или какому-нибудь другому большинству и хотел бы предотвратить всё то множество несправедливостей и беззаконий, которые совершаются в государстве»³. Вместе с тем индивидуализация выступает здесь как уже свершившийся факт. В гордой речи Сократа нет былого трепета ни перед космическим, ни перед человеческим миром. Он решительно выступает против вступления человека, искренне ратующего за справедливость, на общественное поприще: философ должен оставаться частным человеком. Формой социального эскапизма для Сократа становится досуг как необходимое условие духовной свободы, самообретения и самоутверждения личности. Спустя пять веков эта мысль так уже решительно будет отстаиваться и в нравственных наставлениях римского стоика Сенеки.

Изменение общественных отношений обуславливало появление у гражданина греческого полиса определённой свободы для личного существования, для досуга, что и привело к возможности осознания времени как личностного феномена, обладающего ценностными характеристиками. Так, время можно экономно расходовать или бездумно расточать, выигрывать или проигрывать, в один миг можно вместить целую жизнь и всю жизнь можно жить ради одного мгновения. Подобное осмысление времени или, точнее говоря, чувство времени, было не врождённым, а порождённым новой культурой.

Ценностная наполненность времени стала не просто субъективной беспочвенной иллюзией, но свойством самой жизни, правда, пока ещё концептуально не оформленным, а лишь интуитивно обнаруживаемым под влиянием новой исторической реальности, изменившей личностное бытие, сделавшей его более разнообразным и насыщенным. Субъективное ощущение ценности времени явилось отражением объективной насыщенности человеческой жизни социально значимыми изменениями. Человек начинает обращать внимание не только на космическую, но и на свою собственную (человеческую) историю. Убедившись, что последняя конечна, как и всё конкретное, он не мог не задуматься над тем, что всё конкретное имеет своё собственное время. На место наивно-статического подхода к времени (для которого события прошлого, настоящего и будущего существуют одновременно и вечно, что порождает «вневременность» сознания) приходит линейное его восприятие. Новая концепция достаточно чётко разграничивала прошлое, настоящее и будущее. Время обрело статус социально значимого фактора, не только зависящего от формы социально-исторического бытия и человеческой деятельности, но и задающего им определённый ритм.

Именно на такой основе и сложилось ценностно-временное отношение к жизни, придающее соответствующую направленность всему её ходу.

Отношение человека к времени собственной жизни во многом обуславливает его мироощущение. Так, например, философия гедонизма киренаиков «есть пессимизм наизнанку», есть психология «пира во время чумы», так как погоня за немедленными сиюминутными удовольствиями проистекает из «неверия в будущее». Диоген Лаэртский объяснял это тем, что *«память о благе или ожидание блага не ведут к наслаждению»*, ибо *«движение души угасает с течением времени»*⁴.

Эпикур также включал временную характеристику, как необходимую, в свои рассуждения об удовольствиях. Однако отношение к времени у него иное, несовместимое с позицией гедонизма, абсолютизирующего краткий миг настоящего. Эпикур утверждал, что выбор удовольствия должен диктоваться не только настоящим, сиюминутным, но и прошлым опытом, и надеждой на будущее. По свидетельству Диогена Лаэртского, Эпикур в письме к Менекею писал: *«Нужно помнить, что будущее — не совсем наше и не совсем не наше, чтобы не ожидать, что оно непременно наступит, и не отчаиваться, что оно совсем не наступит»*⁵.

Гедонизм, пекущийся лишь о теле, и эпикуреизм, стремящийся к совершенству души, с диаметрально противоположных позиций судят о темпоральной специфике нравственно-ценностной ориентации личности, что ведёт в конечном счёте и к совершенно не сходному пониманию смысла жизни. В этой связи следует, видимо, пересмотреть утвердившуюся в этической литературе позицию, отождествляющую гедонизм и эпикуреизм. Их мировоззренческая несовместимость становится особенно очевидной, если проследить исторические судьбы того и другого. Так, возрождение гедонизма в эпоху возникновения и утверждения буржуазных отношений, трансформация его в анархо-гедонизм в современном обществе свидетельствуют, что это позиция классов, у которых нет будущего.

Идеализм рассматривает мир «с точки зрения вечности», т.е. с позиции непреходящих и совершенно неизменных духовных ценностей, придающих значение и смысл ограниченному во времени и изменчивому миру материальных вещей. Родоначальником этой позиции стал Платон, согласно которому время и вечность несоизмеримы, так как первое есть некое *«движущееся подобие вечности»*. И оно не может быть иным, ибо всё (в том числе и время), рождённое демиургом, не причастно вечности, имеет начало и

конец, было и будет, тогда как вечность только есть. Ценности не подвластны времени, но они проявляются и существуют через временное. Поскольку человеческой жизни присуще наличие нравственных ценностей, поскольку во времени пребывает вечность, в конечном — бесконечное, а в исчезающем — непреходящее. Платон не только встал на защиту неизменности духовного бытия как единственно подлинного, но и отбросил всякого рода материалистические, сенсуалистические, гедонистические представления о добре как неистинные, преходящие, ибо они существуют во времени, выступающем всего лишь подобием вечности.

Заметим, что несоизмеримость времени и вечности влечёт за собой далеко идущие мировоззренческие последствия. Поскольку материальный мир существует во времени и в силу этого изменчив, текущ, преходящ, постольку, по Платону, он является всего лишь неотчётливой тенью подлинного бытия идей, пребывающего в вечности. А это ставит под сомнение онтологическую, гносеологическую и этическую полноценность мира.

Платоновская диалектика времени и вечности обретает определённую конкретность в философии Аристотеля. Было бы преувеличением утверждать, что в своём учении о времени ученик абсолютно превзошёл учителя, но следует согласиться, что Аристотель, анализируя итоги трёхвекового развития греческой философии, осознавал трагичность её удаления от жизни в сферу пустых абстракций, фантазий, софистики, логических спекуляций и смог максимально для своей эпохи овеществить стихию времени, представив его как нечто последовательно становящееся. Этим «нечто» выступает бытие в его многообразных проявлениях (природа, общество, человек и пр.).

Одно из проявлений сущности бытия Аристотель видел в творящей активности. Всяческие изменения, смена состояний бытия, т.е. его движение является, по Аристотелю, стихией времени. При этом речь идёт не об отождествлении движения и времени, что также невозможно, считает Стагирит, как и их противопоставление. *«Время не есть движение, но и не существует без движения»*. Поскольку *«мы вместе ощущаем и движение и время»*, в основе познания времени лежит познание изменчивости бытия. Время есть мера движения и покоя бытия, однако *«мы не только измеряем движение временем, но и время движением — вследствие того, что они определяются друг другом, ибо время определяет движение, будучи его числом, а движение — время»*⁶.

Доказывая объективность и текучесть времени, Аристотель исходит из объективности движения бытия. Время черпает своё содержание и свою значимость от объективного, изменяющегося бытия. Вместе с тем, считая достойной рассмотрению проблему отношения времени к душе, Стагирит задаётся вопросом: «Будет ли в отсутствие души существовать время или нет?» — и высказывает предположение о его зависимости от свойств человеческой души. Однако эта мысль не получает у философа дальнейшего развития ни в «Физике», ни в трактате «О душе», и потому обвинения его в тяготении к идеализму лишены достаточных оснований.

Заслуга Аристотеля в сравнении с платоновским учением о времени в том, что он «отверг вечность индивидуального духа», максимально приблизил диалектику времени и вечности к «вещественно-материальной человеческой истории»⁷.

Аристотель не мыслит отдельного человека вне полиса. Человек для него — «зоон политикон», общественное существо. Убеждённости в органическом единстве гражданина и общества является общей для всех философов античности. Но до Аристотеля ещё не была в полной мере осознана противоречивость этого тождества. И гражданин, и общество мыслились как поработанные идеей вечного возвращения, подавляющей проявление какой бы то ни было новизны, развития. *«Всё индивидуальное, всё личное и вообще всё оформленное, то созидаясь, то разрушаясь, вечно возвращается к самому себе и от этого своего вечного круговращения оно равно ничего не получает нового»*⁸. Неизбежным следствием такого вневременного видения мира является принижение роли человека, высшее назначение которого сводится всего лишь к подчинению всеобщей необходимости.

Аристотелю не удалось бы совершить такого существенного поворота к человеку, не будь в его методологическом арсенале материалистической по своей сути философии времени. Нравственные добродетели, утверждает он, не даются человеку от природы, а творятся временем жизни. Для их приобретения нужна вся жизнь, наполненная разумной деятельностью. *«Жизнь — это своего рода деятельность»*⁹. Люди становятся справедливыми, творя справедливые дела, умеренными, действуя умеренно. *«В жизни прекрасного и благого достигают те, кто совершает правильные поступки»*¹⁰. Разорвать оболочку вечного круга бытия и стать свободным творческим субъектом, распространяющим собственную разумность на совершенное преобразование мира, можно лишь овладев своим настоящим временем. А это достижимо лишь в ходе

разумной деятельности, которая, по Аристотелю, выступает специфическим признаком и назначением человека.

Особые надежды на искусство овладения временем возлагает представитель римского стоицизма Сенека. Но надежды эти опираются уже на иное понимание времени, а следовательно, и иное понимание человека, которого стоицизм хотел бы сделать независимым от всего внешнего, научить его презирать страдания, опасности и даже смерть, искоренять страсти, над приливами и отливами которых должны возвышаться мужественная красота разума и спокойствие сердца, остающихся непоколебимыми, даже когда рушится мир.

Сенека выдвинул теорию «психагогики», которая явилась неизбежной реакцией философа на антогонизм, существовавший между гражданским обществом и нравственностью: будучи гражданином, человек утрачивал своё Я, свою духовную свободу, и наоборот, если он желал оставаться человеком, то должен был отойти от общественной деятельности (вспомним, что об этом говорил и Платон устами Сократа в «Апологии Сократа»). Сенека ратовал за отрыв личностного времени от социального, за абсолютное погружение человека в сферу досуга. Заметим, что стоики в этом не были одиноки. Такие понятия, как «атараксия», «апатия», «автаркия» часто встречаются в этических учениях древнего мира.

«Нравственные письма к Луцилию» — это стоическая программа самоутверждения, самообретения и самоспасения индивида через самоосмысление категории личностного времени, которое противостояло времени социальному. *«Добьёмся же, — писал Сенека, — чтобы время принадлежало нам. Но этому не бывать, покуда мы сами не будем принадлежать себе»*¹¹. Сенеку интересовала не отвлечённая концепция времени, а определённая концепция смысла человеческого бытия, поставленного им в прямую зависимость от искусства овладения временем. Уже в первом письме философ категорически утверждал: *«Всё у нас, Луцилий, чужое, одно лишь время наше. Только время, ускользающее и текучее, дала нам во владенье природа... Поступай же так, мой Луцилий, как ты пишешь: не упускай ни часу. Удержишь в руках сегодняшний день — меньше будешь зависеть от завтрашнего. Не то, пока будешь откладывать, вся жизнь и промчится»*¹².

Сенека с сожалением говорил о тех людях, которые *«и жить не хотят, и умереть не умеют»*, поскольку *«за великое благо считают*

пережить множество консульств»¹³, т.е. возводить в ранг ценности продолжительность человеческого существования, а не его нравственный смысл. Философ настоятельно советовал каждый день «проводить так, словно он замыкает строй, завершает число дней нашей жизни». По мнению Сенеки, беречь время, ценить его, знать, чего стоит каждый день, — это значит отвоевать себя для себя самого. Быть ничтожным или великим (в моральном плане) зависит от человека, овладевшего искусством управления временем. Эта мысль проходит через весь труд Сенеки, представляющий собой программу нравственного самоусовершенствования, которое осуществляется методами своеобразной психотерапии, ведущей к состоянию невозмутимости и спокойствия духа перед лицом вечности.

Фридрих Энгельс называл Сенеку «дядей христианства»; это родство выражается, в частности, в отношении к проблеме времени — одной из центральных как для христианства, так и для средневековой культуры в целом. Согласно христианскому мировоззрению, вечность, как атрибут Бога, несоизмерима с быстротечностью человеческого существования. «У Господа один день, как тысяча лет и тысяча лет, как один день»¹⁴. В соответствии с этой установкой Августин Блаженный оценивал земную жизнь как ничто по сравнению с вечностью. Поэтому смысл человеческой истории заключается в обнаружении Бога, а смысл индивидуального бытия — в подготовке к вечному небесному блаженству. Природа личностного времени раскрывалась Августином с позиций последовательного субъективизма и психологизма: «Итак, в тебе, моя душа, измеряю я времена... и когда измеряю их, то измеряю не самые предметы, которые проходили и прошли уже безвозвратно, а те впечатления, которые они произвели на тебя: когда сами предметы и не стало их, впечатления остались в тебе, и их то я измеряю, как присущие мне образы, измеряя времена... Таким-то образом совершается нами измерение времени: постоянное напряжение души нашей переводит своё будущее в своё прошедшее, доколе будущее не истощится совершенно и не обратится всецело в прошедшее»¹⁵.

Таким образом, пытаясь постигнуть сущность прошедшего и будущего, мыслитель возводил их в ранг умопостигаемых сущностей, в условные формы нашего ума: «Теперь ясно становится для меня, что ни будущего, ни прошедшего не существует и что неточно выражаются о трёх временах, когда говорят: прошедшее, настоящее и будущее; а было бы точнее, кажется,

выражаться так: настоящее прошедшего, настоящее будущего. Только в душе нашей есть соответствующие тому три формы восприятия... Так, для настоящего прошедших предметов есть у нас память или воспоминание; для настоящего настоящих предметов есть у нас взгляд, воззрение, созерцание, а для настоящего будущих предметов есть у нас чаяния, упование, надежда»¹⁶. Согласно Августину, личностное время есть время созерцания человеческим духом тленности земного бытия; оно лишено самоценного смысла и представляет собой лишь пассивное следствие сверхчуждой вечности. «Ты вечен, Господи Боже мой, а я подлежу преемственности времени, коих сущность и порядок непостижимы для меня»¹⁷.

Пространные и утончённые рассуждения Августина о времени пронизаны умозрительностью и догматизмом. Но вместе с тем в его концепции времени достаточно чётко вырисовываются начала аксиологической и мировоззренческой функций.

Как «бессильное творение рук божьих» человек лишался права быть самим собой, быть личностью. Ф. Ариес справедливо отмечает, что средневековая коллективность «не оставляет никому времени для одиночества и интимности. В этом слишком тесном и слишком коллективном существовании не было места для частной жизни»¹⁸.

Если у античных философов человеческие аспекты проблемы времени были лишь намечены, как, например, в платоновском «Тимее», то спустя два тысячелетия эта проблема возродилась во всей её теоретической зрелости и мировоззренческой остроте. Яркий пример тому — Кант, для которого учение о времени явилось одним из оснований его этики. Как показал опыт Канта, создать моральную философию, обойдя человеческие аспекты проблемы времени, невозможно.

Кант рассматривал время как особую темпоральную структуру сознания, участвующую в выработке представлений и понятий, т.е. как определённое условие осуществления познавательной деятельности, позволяющее исследовать человеческое сознание и познание с точки зрения временных структур. В работе так называемого «докритического» периода — «Исследование степени ясности принципов естественной теологии и морали» (1764 г.) Кант даёт следующую оценку попыткам предшествовавших мыслителей решить проблему времени: «Хотя о времени и было высказано много истинного и остроумного, тем не менее реального определения его никогда не было дано»¹⁹. Если сопоставить данную оценку с той огромной ролью кантовского

учения о времени для построения его этики, которую Кант отметил значительно позже в «Критике практического разума» (1788 г.), то можно предположить, что о предпринятых до него попытках создания моральной философии мыслитель был того же мнения, что и о попытках построения учения о времени, т.е. в них *«много истинного и остроумного»*, но не более того.

Кант рассматривал время в качестве основной формы чувственного восприятия. Согласно Канту, время — всего лишь субъективное условие, изначально присущее человеческому уму для координации между собой чувственно воспринимаемых, но не интеллигибельных (умопостижимых) предметов, т.е. оно *«есть условие только явлений, а не вещей в себе»*.

Исхода из такого понимания времени, выработанного Кантом в первых работах «критического» периода, он впоследствии смог показать всю беспочвенность притязаний чувственности в сфере действия нравственного закона. В чувственном мире нет свободы, потому что над ним господствует время; свобода немыслима во времени, так же, как мораль, — вне свободы. *«...Если бы не было свободы, то не было бы в нас и морального закона»*, — замечал Кант. Свобода, — комментирует данное положение К. Фишер, — это *«свойство или способность существа, которое не подлежит условиям времени, которое, следовательно, не есть явление, не есть представление, а есть „вещь в себе“*. Субъект свободы возможен не как чувственное явление, а как *«интеллигибельный характер»*, не как член чувственного мира, а как член мира интеллигибельного, не как *«феномен»*, а только как *«ноумен»*»²⁰.

Следовательно, и субъект морали, по Канту, возможен лишь как умопостижимый (интеллигибельный) характер, как «вещь в себе», а не как явление. В данном случае под «вещами в себе» мыслитель понимает особые объекты умопостижаемого мира: бессмертие души, свободу определения человеческих действий как способность совершать их независимо от предшествующей причины, а также Бога как сверхприродную причину мира. Все эти «вещи в себе» (одни в большей, другие в меньшей степени) являются в этике Канта условиями надлежащего выполнения категорического императива, поскольку нравственный порядок может быть достигнут лишь в границах умопостижаемого мира. К чему же приводит стремление Канта «вырвать» нравственный закон из «объятий времени»? Углубляя Платона, пытавшегося показать несоизмеримость чувственного, преходящего времени и вечности, Кант показывал несоизмеримость чувственного и умопостижаемого миров.

Отдавая чувственный мир под власть закона временной причинности, философ пытался внушить человеку, что тот является ещё и существом разумным, способным подняться над самим собой до высот интеллигибельного характера, независимого от временных определений и потому свободного.

Казалось бы, по логике Канта, человеческое достоинство, попираемое в сфере явлений, должно взять реванш в умопостижимой нравственной сфере свободы. Человек должен подчиняться только законам, вытекающим из его разума, что и определяет автономию нравственной воли. Но что получается в действительности? Как верно отмечает И. Попелова, «нравственному достоинству, трусливо заключённому в раковину индивидуальной чистой воли, нельзя отказать в величественности, граничащей, однако, с комизмом»²¹. Хотя, на наш взгляд, в этом больше трагического, чем комического. Величественность кантовской этики проявляется в её направленности против филистерства, утверждении автономии человека, требовании относиться друг к другу, как к «цели в себе»; трагизм — в обывательском духе её окончательных выводов, в неизбежном и закономерном возврате в лоно метафизики.

Способен ли человек, понимая свою бренность и конечность своего опыта, самосовершенствоваться? Если да, то он темпорален и историчен, но лишь в плане априорном, а не эмпирическом. Там, где «ничего не происходит и нет никакого изменения», где разум «присутствует и остается одинаковым во всех поступках человека при всех обстоятельствах времени», а в своей причинности не подчинён никаким феноменальным условиям и течению последнего, не может быть подлинной истории личности как субъекта деятельности. В безвременной сфере «бытия в себе» ничего не может происходить, в том числе в нём немыслимо и самосовершенствование, ибо где нет времени, там не существует движения и развития, там нечего постигать ни чувственностью, ни умом. В существование безвременной сферы остаётся только верить. Но Канту она была необходима. Именно отсюда его стремление доказать недоказуемое любой ценой, когда вместо логики фактов он предлагал иконостас из трёх ипостасей: Бога, бессмертной души и свободной воли. Изобретение этих метафизических постулатов приводит, как замечает А. Швейцер, к роковому смещению «этического с духовным», что оборачивается трагическим результатом²². Задумав использовать идеальность субъективного времени, способного, по Канту, реализовать в полной мере свою функцию структурирования

и организации опыта субъекта, позволяющего осуществить переход из сферы познания в сферу морали, Кант потерпел фиаско, так как, основываясь на гносеологическом идеализме, невозможно возвести прочный фундамент этического, которое в таком случае неизбежно становится идеалистическим.

Перенесение решения моральных противоречий и конфликтов в уопостиаемый мир потребовало от Канта идеалистической трактовки важнейших понятий его теоретической философии. Исследуя временные схемы научного и нравственного сознания в теории феноменальной реальности и трансцендентальной идеальности времени, он так и не смог перекинуть между ними мостик. Указывая на социальные корни идеализма кантовской этики, Б.Ф. Асмус справедливо отмечает, что «современная Канту немецкая действительность исключала возможность не только практического решения реальных противоречий общественной жизни, но исключала даже возможность адекватного отражения этих противоречий в теоретической мысли».

Интересно заметить, что всех философов (и Платона, и Августина, и Канта), пытавшихся доказать предпочтительность вечности по отношению к временному, преходящему, бrenному, постигла одна и та же участь в стремлении создать этическое учение. Желая возвысить человека, одарив бессмертием его душу и поместив её в сферу вечности, все они исказили диалектику духовного становления личности, гипостазировали нравственные ценности, приписывали им атрибут вечности в онтологическом плане.

«Вечности не будет, вечности не было, а вечность есть», — писал Гегель, почти дословно повторяя слова Платона. «Идея, дух стоит над временем, потому что она составляет понятие самого времени, дух вечен, существует в себе и для себя, не увлекается потоком времени».

В действительности же всё, даже самое великое и прекрасное, с одной стороны, преходящее, ибо находится во времени, выражает изменчивость, текучесть, бrenность, включает в себя всеобщую отрицательность бытия, а с другой — способно возрождаться вновь, через свою же отрицательность, становясь утверждённым, положительным. «Вечные» ценности носят культурно-исторический характер; они являются результатом столкновения, борьбы добра и зла, веры и разума, свободы и угнетения, включённых в конкретно-историческую человеческую деятельность и изменяющееся общение.

Импульс к научному осмыслению диалектики времени впервые был дан Гегелем. Время

«есть бытие, которое существуя, не существует и не существуя, существует, — оно есть созерцаемое становление», — писал он, подчёркивая парадоксальность и диалектический характер этого феномена. Действительно, время дано человеку в виде процесса становления, развития изменения, а также в виде прошлого, настоящего и будущего. Непосредственно существует только настоящее, которое противоречиво и парадоксально. Парадокс заключается в том, что оно одновременно и разделяет, и связывает прошлое и будущее, которым одновременно присущи атрибуты существования и несуществования: прошлое было, будущее будет; прошлого уже нет, будущего ещё нет. Настоящее — это незавершённое прошлое, обременённое пока ещё несуществующим будущим, это действительность завершённой возможности и возможность становящейся действительности.

Диалектика времени, вплетаясь в диалектику индивидуальной жизни, вынуждает человека признать, что он всего лишь мгновение на фоне вечности, но мгновение, способное обрести непреходящую ценность. *«Только эмоционально бесчувственный и интеллектуально тупой человек... может не спросить себя, чем является смерть — концом повести или просто вступлением к новой главе»²³, — отмечает современный американский философ К. Ламонт. Те, для кого смерть — «конец повести», назвали бы философию вслед за Платоном размышлением о смерти*; те же, для кого смерть — «вступление к новой главе», могли бы повторить вслед за Б. Спинозой, что «человек свободный ни о чём так мало не думает, как о смерти, и его мудрость состоит в размышлении не о смерти, а о жизни». Стать вступлением к новой главе повести — это не так уж мало, чтобы представления человека о смерти и смысле жизни предназначении и судьбе не нуждались в иллюзии личного бессмертия. Осознавая факт конечности и временности своего существования, человек приходит к выводу о своей ответственности за жизнь и об особой её ценности. Творя свойственную только ему неповторимую и уникальную биографию, он стремится найти ответ на следующие вопросы: «Зачем я, именно этот человек, в этом мире? Зачем именно мне жить, во имя чего мне жить?» И диалектика здесь такова, что ценности порождаются не только осознанием конечности и временности жизни, но характеризуются также и стремлением преодолеть эту конечность.*

* См.: «Федон».

Ошибались философы, отдавшие прошлое смерти. «В том-то и беда наша, — писал Сенека, — что смерть мы видим впереди; а большая часть её у нас за плечами, — ведь столько лет жизни минуло, всё принадлежит смерти». Вряд ли Сенека не понимал, что у человека за плечами не смерть, а мир ценностей, им же самим созданный. Ради чего он писал тогда нравственные письма и трактаты, произносил проповеди? Жизнь человека, её ценностная наполненность определяется смыслом и значением человеческой деятельности, мерой интенсивности, значимости, глубины социокультурных изменений, достигнутых личностью. Человек живёт для других, и поэтому его жизнь продолжается в них, становясь элементом бессмертной культуры. И.Т. Фролов замечает: «...Умирает индивид, а личность не умирает полностью, она живёт в делах и памяти потомства, как живет в нас и будет жить вечно А.С. Пушкин»²⁴. Об этом же размышляет и А.В. Гулыга, завершая своё исследование о Канте: «Человек умирает, мысль остаётся, мысль обретает самостоятельную жизнь. Пробуждает мысль других. Становится достоянием многих, мысль идет вглубь, взрывая новые пласты бытия, подчиняя их воле и разуму тех, кому жить, кому держать, кому нести ответственность»²⁵.

Философия от античности до Гегеля предлагала самые различные, порой прямо противоположные

трактовок времени. Оно выступало и движущимся подобием вечности (Платон), и всеобщей и универсальной мерой движения (Аристотель), и необъяснимым и неопределённым проявлением субъективной психической деятельности (Августин), и чистой априорной формой чувственности (Кант). Ни одно из данных определений времени не стоит в стороне от проблем мировоззренческих: социально-исторических, гуманистических, нравственных. За каждым из приведённых определений встаёт проблема в его человеческом смысле и содержании, скрывается «человеческая тайна времени».

Размышляя о времени, проникая в тайну времени, мы познаём свою сущность. Страшит ли нас при этом старое пророчество, гласящее, что когда человек познаёт тайну времени, — ухмыльнётся Сфинкс и погибнет род людской? Видимо, любопытство и жажда вкушать от древа жизни сильнее страха перед Богом, поставившим «на востоке у сада Едемского Херувима и пламенный меч обращающийся, чтобы охранять путь к древу жизни» (Быт 3, 24).

Путь к овладению тайнами времени лежит через полное очищение диахронного метода исследования человеческой жизни от субстанционального темпорализма, диктующего узкосциентистское решение ряда конкретных мировоззренческих вопросов, ведущего к недооценке гуманитарного опыта мировой философии.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Досократики. Историко-критический обзор и перевод фрагментов доксографического и биографического материала А.О. Маковельского: В 3 ч. Ч. 1. Казань, 1914—1916. С. 37.

² Попелова И. Этика. О исторической и современной проблематике нравственной теории. М., 1965. С. 20—21.

³ Платон. Соч.: В 3 т. Т. I. М., 1968. С. 101.

⁴ Диоген Лаэртский. О жизни, учениях и изречениях знаменитых философов. М., 1979. С. 132.

⁵ Там же. С. 434.

⁶ Аристотель. Соч.: В 4 т. Т. 3. М., 1981. С. 147, 140, 151, 157.

⁷ Лосев А.Ф. Античная философия истории. С. 199.

⁸ Там же. С. 19.

⁹ Аристотель. Соч. Т. 4. М., 1984. С. 275.

¹⁰ Там же. С. 67.

¹¹ Сенека Л.А. Нравственные письма к Луцилию. М., 1977. С. 133.

¹² Там же. С. 5.

¹³ Там же. С. 8.

¹⁴ Библия. 2 Пет. 3, 8.

¹⁵ Августин. Исповедь Творения Блаженного Августина Епископа Иппонийского: В 2 ч. 4. 1. 2-е изд. Киев, 1901. Кн. XI. Гл. 27. С. 362—363.

¹⁶ Там же. Гл. 20. С. 349.

¹⁷ Там же. Гл. 29. С. 365.

¹⁸ Ариес Ф. Возрасты жизни // Философия и методология истории / Под ред. И.С. Кона. М., 1977. С. 239.

¹⁹ Кант И. Соч.: В 6 т. Т. 2. М., 1964. С. 255.

²⁰ Фишер К. Иммануил Кант и его учение: В 2 ч. Ч. 2. СПб., 1906. С. 90.

²¹ Попелова И. Этика... С. 196.

²² Швейцер А. Культура и этика. М., 1973. С. 194—196.

²³ Ламонт К. Иллюзия бессмертия. М., 1961. С. 24.

²⁴ Фролов И.Т. О жизни, смерти и бессмертии // Вопросы философии. 1983. № 2. С. 56.

²⁵ Гулыга А. Кант. М., 1977. С. 297.

2009 год ознаменовался не только 1150-летием Великого Новгорода, но и 510-летием Геннадиевской Библии. В связи с двумя важными историческими датами 26 мая в Музее изобразительных искусств проводилась II межрегиональная научно-практическая конференция «Из истории книжности Древней Руси». Организаторами мероприятия выступили Комитет культуры, туризма и архивного дела, Областная универсальная научная библиотека, Новгородский государственный объединённый музей-заповедник. В конференции приняли участие исследователи в области истории и филологии, специалисты по работе с книжными памятниками. В номере публикуется доклад¹ участницы из Карелии.

Е.Н. Вознесенская

Экземпляры московских Часовников середины 1650-х гг. в собраниях Карелии

В ноябре 2007 г. при работе над сводным каталогом кириллических изданий, находящихся в книгохранилищах Республики Карелия, сотрудники Национальной библиотеки РК обратились к фондам Пудожского историко-краеведческого музея. Среди других изданий XVII века наше внимание привлёк необычный экземпляр московского 12-строчного Часовника в восьмую долю листа². Судя по орнаментике книги, её можно было принять за экземпляр Часовника апрельского издания 1654 года, описанного в сводном каталоге А.С. Зерновой под № 254³. Однако пудожский экземпляр существенно отличался от единственного известного А.С. Зерновой экземпляра Часовника 1654 года из собрания ЦГАДА: если последний заканчивался 32-й тетрадью, состоявшей из двух листов⁴, то в экземпляре пудожского музея на третьем листе той же тетради текстом тропаря начинался канон ангелу-хранителю. Более того, этот экземпляр заключал в себе ещё одну тетрадь, 33-ю, от которой в нём сохранилось семь первых листов⁵.

На основании имевшихся на тот момент данных описывавшие книги пудожского музея сотрудники Национальной библиотеки РК идентифицировать издание не смогли, и в материалах к сводному каталогу, а также в электронном сводном каталоге кириллических изданий, находящихся в фондах карельских музеев, архивов и библиотек, пудожский экземпляр был описан как московский Часовник 1650-х гг.

В 2008 г. в Научную библиотеку Петрозаводского государственного университета поступил другой экземпляр московского 12-строчного Часовника, который сотрудники библиотеки также не смогли идентифицировать и в качестве даты издания указали предположительно «ок. 1654». Книга, принятая в дар от Т.С. Терновской, ранее принадлежала бабушке последней владелицы, проживавшей в дер. Подгорная Кондопожского района Республики Карелия⁶.

Наконец, в марте 2009 г. при описании для сводного каталога книг из фондов Карельского государственного краеведческого музея в Петрозаводске автором статьи и сотрудником Государственного историко-архитектурного и этнографического музея-заповедника «Кижи» Л.С. Харебовой был обнаружен ещё один экземпляр похожего Часовника, ранее отнесённый составителем каталога книг музейного фонда Н.М. Пановой к числу «слишком дефектных изданий» и ошибочно датированный XIX веком⁷.

При сличении двух экземпляров — из фондов НБ ПетрГУ и Карельского государственного краеведческого музея — мы констатировали их идентичность, причём в целом университетский экземпляр оказался более полным и имел как минимум 34 тетради. В экземпляре Краеведческого музея были утрачены все листы с заставками, а в последней сохранившейся тетради (29-й) недоставало 3-го, 6-го и 8-го листов. Ввиду большей полноты университетского экземпляра в наших наблюдениях мы использовали, в основном, именно его.

На основании изучения этого экземпляра можно было составить представление о листовой формуле и составе издания. С учётом утрат в начале и в конце книги) его листовая формула выглядела следующим образом⁸: ...4⁸⁻¹, 5⁸⁻³³, 34³... В последней, 34-й, тетради были утрачены листы 1-й и 2-й (1-й, как и многие другие листы в книге, был восстановлен от руки на вержированной бумаге, 2-го нет совсем), от 3-го листа остался лишь фрагмент с текстом у корешкового поля. Кроме того, сохранились подобные, но более узкие фрагменты ещё двух последующих листов, которые некогда были подклеены у корешка, теперь выпадают. На первом из них в начале текста видна часть ломбарда — очевидно, ломбарда «Б».

Состав издания, восстановленный по двум экземплярам — университетскому и Карельского краеведческого музея, был следующий: ... Чин вечерни (лл. 3 (1) — 5 (Зоб.)); часы (лл. 5 (4) — 12 (4)); Чин утрени (лл. 12 (5) — 18 (1)); павечерница великая (лл. 18 (2) — 22 (4)); канон Богородице (лл. 22 (5) — 25 (8)); тропари, кондаки и икосы воскресны (лл. 26 (1) — 28 (Зоб.)); тропари воскресны и кондаки дневные (лл. 28 (6) — 29 (Зоб.)); богородичны и крестобогородичны на 8 гласов (лл. 29 (6) — 30 (2)); полунощница повседневная (лл. 30 (3) — 31 (4об.)); полунощница субботняя (лл. 31 (5) — 32 (2)); канон ангелу-хранителю (лл. 32 (3) — 34 (Зоб.))... Предположительно на первом из сохранившихся фрагментов листов в конце книги, а именно на листе с ломбардом, начинался текст утраченного колофона.

Орнаментика университетского экземпляра соответствует указанной в альбоме орнаментики А.С. Зерновой⁹ для апрельского Часовника 1654 г. (№ 254): заставки № 368 — на лл. 5 (4) (л. 36 по А.С. Зерновой), 12 (5) (л. 93), 28 (6) (л. 222); № 371¹⁰ — на л. 29 (6) (л. 230); № 373¹¹ — на л. 30 (3) (л. 235); № 374¹² — на лл. 18 (2) (л. 138), 26 (1) (л. 201), 31 (5) (л. 245). Однако в нашем экземпляре заставка № 371 использована ещё раз — на л. 32 (3), перед текстом канона ангелу-хранителю (рис. 1). Таким образом, общее число заставок — 9 с 4-х досок.

Несмотря на все совпадения в орнаментике, как мы уже убедились по изучению состава книги, наш экземпляр не мог относиться к изданию 1654 года. Невозможно было также предположить, что А.С. Зерновой был известен дефектный экземпляр, без текста канона ангелу-хранителю, так как экземпляр РГАДА полный и последние два листа его последней, 32-й, тетради занимает колофон. Наконец, предположительная датировка при поступлении книги в НБ ПетрГУ, могла быть скорректирована, так как идентифицирующие этот экземпляр библиографы не обратили внимание на наличие в нём кустодов. В университетском экземпляре они есть во всех сохранившихся тетрадях, за исключением 20-й, 32-й и 33-й (именно на листах двух последних тетрадей расположен текст канона ангелу-хранителю). Известно, что появление в изданиях кустодов принято считать одним из последствий книжной справы, удобным новшеством, обеспечивавшим правильность подбора листов при формировании

книжного блока, а первыми «новоправленными» изданиями, в которых появляются кустоды, — Апостол и Служебник, датированные соответственно 3 июня и 31 августа 1655 г. (№№ 256 и 257 по каталогу А.С. Зерновой)¹³. Таким образом, издание Часовника, к которому относятся экземпляры НБ ПетрГУ и Карельского государственного краеведческого музея, не могло быть выпущено ранее июня 1655 г.

Обращает на себя внимание отсутствие кустодов в трёх тетрадях экземпляра Часовника НБ ПетрГУ. Этот факт можно толковать по-разному.

Во-первых, тетради 20-я, 32-я и 33-я¹⁴ могли по ошибке попасть в книгу из другого, более раннего и потому не исправленного издания той же типографии. Во-вторых, можно предположить, что в то время, когда печаталась книга, новые приёмы её организации были ещё не до конца освоены типографами, почему тетради и листы с новыми печатными элементами — в данном случае кустодами — могли чередоваться с тетрадями и листами без них (как случилось, например, и при введении в московских изданиях XVII в. пагинации вместо фолиации).

Нам не удалось вторично побывать в Пудоже и ещё раз посмотреть экземпляр Часовника из историко-краеведческого

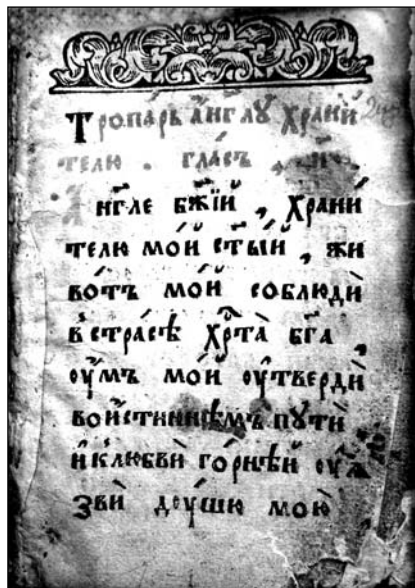

Рис. 1. Лист Часовника из НБ ПетрГУ. Тропарь ангелу-хранителю. Л. 32 (3)

музея. Тем не менее, благодаря внимательности наших пудожских коллег, приславших по нашей просьбе несколько снимков интересующего нас экземпляра, уже сейчас можно сказать, что сходство двух петрозаводских экземпляров (НБ ПетрГУ и Карельского государственного краеведческого музея), с одной стороны, и пудожского — с другой — не означает их принадлежности к одному и тому же изданию. Несмотря на одинаковое расположение текста на листе и похожий рисунок шрифтов даже по фотографиям двух листов и лицевой стороны третьего в начале пудожского экземпляра¹⁵ можно судить о его особенностях и отличии от петрозаводских экземпляров. Так, например, на л. 7 (Зоб.) (рис. 2) в пудожском экземпляре слова «заутра» (см. строку 5) и «ду//шю» (см. строки 9—10) напечатаны с диграфом «оу», а в Часовнике Карельского государственного краеведческого музея¹⁶ — с «вязным уком» (рис. 3). На л. 7 (6) в первом слоге слова «руку» (см. строку 6) в пудожском экземпляре также напечатан диграф «оу», а в экземпляре петрозаводского музея¹⁷ — «вязный ук». На том же листе в пудожском

Часовнике мы видим слово «ума//кнуша» (см. строки 11—12), напечатанное с диграфом «оу» в начале и «юсом малым» на конце, а в петрозаводском в этом

Рис. 2. Разворот Часовника из Пудожского историко-краеведческого музея. Лл. 7 (5об.), 7 (6)

же слове, хотя тоже напечатанном с диграфом, на конце вместо «юса малого» — литера «а». На л. 7 (7) (рис. 4) в слове «заступникъ» (см. строки 5—6) в экземпляре Карельского государственного краеведческого музея¹⁸, кроме напечатания его с «уком» в отличие от пудожского экземпляра, где в этом слове опять диграф, литера «к» вынесена над строкой, а в пудожском экземпляре напечатана обычно, в строку (рис. 5). На этом же листе в пудожском экземпляре ломбард иного рисунка, чем в петрозаводском. Ряд примеров, подобных приведённым, можно было

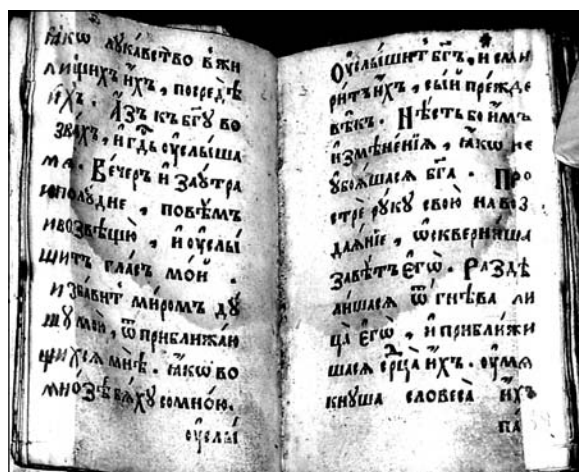

Рис. 3. Разворот Часовника из Карельского государственного краеведческого музея. Лл. 7 (5об.), 7 (6)

бы продолжить, но мы ограничимся указанием на ещё одно существенное различие: в пудожском экземпляре (по крайней мере, на тех листах, снимки которых оказались нам доступны) нет кустодов, а в обоих петрозаводских экземплярах они, как уже отмечалось выше, есть во всех сохранившихся тетрадах, за исключением тетрадей 20-й, 32-й и 33-й.

Интересно, что на всём протяжении текста канона ангелу-хранителю различий, подобных вышеперечисленным, между петрозаводскими и пудожским часовниками нет, в частности употребление диграфа «оу» и «вязного ука» на одних и тех же местах в них совершенно идентично. Можно даже предположить, что именно из издания, к которому относится пудожский Часовник, взяты для более позднего издания, к которому мы относим экземпляр НБ ПетрГУ и Карельского государственного краеведческого музея, тетради с текстом этого канона. Два замеченных нами варианта печати на листах с текстом канона, которыми отличаются петрозаводские и пудожский Часовники¹⁹, не противоречат этому предположению, так как, вероятно, объясняются неправильным наложением листа на набор во время второго проката.

Итак, пудожский экземпляр Часовника не имеет кустодов, т.е. не отмечен признаком, по которому его можно было бы отнести к «новоправленным» изданиям, и вполне вероятно, что вышел он из печати раньше, чем оба петрозаводских экземпляра, т.е. до 1655 г.

Обратившись к близким по времени изданиям Часовников московского Печатного двора, мы обратили внимание на Часовник, датированный 17 ноября 1653 г.²⁰ Благодаря любезной помощи А.В. Вознесенского, сообщившего нам о наличии экземпляра этого издания в ОРК Санкт-Петербургского государственного университета²¹, оказалось возможным сравнение пудожского экземпляра с экземпляром издания 1653 г.

Листовая формула Часовника 1653 г.: 1⁸ — 34⁸. В экземпляре СПбГУ отсутствуют лл. 1 (1-3), 2 (5)-3 (1), 5 (4), 9 (8), 34 (7-8). На лл. 32 (3)-34 (3об.) напечатан канон ангелу-хранителю, а с л. 34 (4) словами «Благоволением убо Бога Отца...» начинается колофон. На сохранившихся листах — 9 заставок с 4-х досок, а именно: заставка № 368 по альбому А.С. Зерновой на лл. 12 (5), 28 (6); № 371 — на лл. 29 (6), 32 (3); № 373 — на лл. 22 (5), 26 (1); № 374 — на лл. 18 (2), 30 (3), 31 (5). Как особенность издания отметим тот факт, что сигнатуры тетрадей 13, 15, 31, 33 напечатаны киноварью.

Сличив имеющиеся в нашем распоряжении снимки Часовника из Пудожского историко-краеведческого музея с экземпляром Часовника 1653 г. из ОРК СПбГУ, мы констатировали их принадлежность к одному и тому же изданию.

К любопытным выводам привело сопоставление двух описаний — экземпляра ОРК СПбГУ, с одной стороны, и двух экземпляров Часовников из петрозаводских собраний — с другой. При том, что последние не могли относиться к тому же изданию, что и экземпляр СПбГУ, между ними обнаруживается много общего, и особенно это заметно при анализе орнаментики.

За исключением отсутствующих в обоих экземплярах (НБ ПетрГУ и ОРК СПбГУ) лл. 1 (2) и 2 (5), а также отсутствующего в экземпляре ПетрГУ л. 22 (5) различия в орнаментике петрозаводского экземпляра и экземпляра Часовника 1653 г. из ОРК СПбГУ заключаются только в том, что две заставки поменены местами: в экземпляре СПбГУ на л. 30 (3) — заставка № 374 по альбому А.С. Зерновой, а в экземпляре НБ ПетрГУ на том же листе заставка № 373, и наоборот, в экземпляре СПбГУ на л. 26 (1) — заставка № 373, а в экземпляре НБ ПетрГУ на том же месте заставка № 374.

Отличия наблюдаются и в составе двух изданий. В целом состав экземпляра Часовника СПбГУ вполне соответствует составу издания, к которому относятся оба петрозаводских экземпляра (см. выше), за исключением следующих различий в расположении текста на листах: в экземпляре НБ ПетрГУ богородичны и крестобогородичны на 8 гласов напечатаны на лл. 29 (6) — 30 (2), а в экземпляре ОРК СПбГУ, начинаясь на том же листе, они заканчиваются на л. 30 (2об.); далее следующая полунощница повседневная в экземпляре ПетрГУ напечатана на лл. 30 (3) — 31 (4об.), а в Часовнике СПбГУ — на лл. 30 (3) — 31 (5об.); из-за предыдущего смещения переносится и начало полунощницы субботней: если в экземпляре ПетрГУ она начиналась на л. 31 (5), то в экземпляре СПбГУ — на л. 31 (6).

Наконец, как особенность издания 1653 г. указано наличие киновари в сигнатурах 13, 15, 31 и 33. Из этих сигнатур в экземпляре ПетрГУ видны лишь две (другие листы обрезаны при переплёте или утрачены) — 13 и 33, и если сигнатура 33, как и в экземпляре ОРК СПбГУ, киноварная, то сигнатура на первом листе 13-й тетради отпечатана чёрной краской (лист обрезан так, что видно только титло над кириллической цифрой). Напротив, сигнатура 16 в экземпляре НБ ПетрГУ напечатана киноварью.

Таким образом, если на основании анализа орнаментики мы можем предположить, что дефектный экземпляр Часовника, хранящийся в Научной библиотеке Московского университета под шифром 50q/a 704 и описанный в каталоге кириллицы этой библиотеки²² с приблизительной датой издания «ок. 1654 г.», является, наряду с экземплярами ОРК СПбГУ и Пудожского историко-краеведческого музея, ещё одним известным экземпляром Часовника 17 ноября 1653 г., то подобное предположение относительно двух петрозаводских экземпляров несомненно оказывается несостоятельным.

Резюмируя всё вышесказанное, мы должны констатировать ту трудность, с которой неминуемо сталкиваются исследователи книг этого типа. Многочисленность изданий Часовников²³ и сравнительно небольшое число сохранившихся экземпляров, дефектность их²⁴ зачастую не позволяют идентифицировать отдельный экземпляр. В нашем случае из находящихся

в карельских собраниях трёх экземпляров Часовников, выпущенных на московском Печатном дворе около 1653—1655 гг., удалось идентифицировать лишь

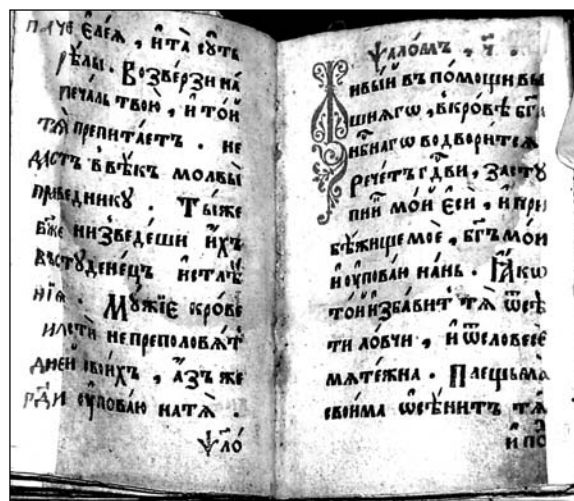

Рис. 4. Разворот Часовника из Карельского государственного краеведческого музея. Лл. 7 (6об.), 7 (7)

один — экземпляр Пудожского историко-краеведческого музея, который мы относим к изданию 17 ноября 1653 г. Другие два экземпляра — из Научной библиотеки Петрозаводского государственного университета и из фондов Карельского государственного краеведческого музея — относятся к одному и тому же и, очевидно, более позднему изданию. Отличаясь

Рис. 5. Разворот Часовника из Пудожского историко-краеведческого музея. Лл. 7 (6об.), 7 (7)

по составу от апрельского издания 1654 г., оно обнаруживает большую близость с изданием 1653 г., хотя и снабжено кустодами и, судя по этому признаку, должно быть отнесено к «новоправленным» изданиям, вышедшим из печати не ранее июня 1655 г. Возможно, специальное обращение к собранию кириллических изданий в фонде РГАДА позволит в будущем сделать более определённые выводы о возможности датировки этого пока не описанного в библиографии издания.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Автор статьи выражает глубокую признательность заведующей Сектором редких книг НБ Петрозаводского государственного университета С.В. Новожиловой, хранителю Пудожского историко-краеведческого музея В.М. Мининой, заведующему Сектором старопечатных книг ОРК РНБ А.В. Вознесенскому, заведующему ОРК НБ СПбГУ Н.И. Николаеву и ведущему специалисту РГАДА А.А. Булычеву. Без их неоценимой помощи эта публикация не могла состояться.

² Шифр хранения книги в музейном собрании ПФ-6310.

³ Описание издания 12 апреля 1654 г. см.: Зернова А.С. Книги кирилловской печати, изданные в Москве в XVI—XVII веках: свод. кат. М., 1958. № 254.

Единственный известный А.С. Зерновой экземпляр находится в РГАДА с шифром хранения БМСТ/СПК 2334 (см. также описание его в кн.: Московские кирилловские издания в собраниях РГАДА: каталог. Вып. 3: 1651—1675 / [сост.: Л.Н. Горбунова, Е.В. Лукьянова]. М., 2003. № 20.1).

⁴ Листовая формула Часовника 12.IV.1654 следующая: 1⁸-31⁸, 32².

⁵ Таким образом, листовая формула экземпляра № ПФ-6310 с учётом его дефектности такова: [7]¹⁻⁴, 8⁸-32⁸, 33⁷...

⁶ В НБ ПетрГУ книге был присвоен инв. № 1029662.

⁷ См.: Коллекция рукописных и печатных книг кирилловского шрифта: каталог / Карел. гос. краевед. музей; [сост. Н.М. Панова]. Петрозаводск, 1997. № 254. Шифр хранения экземпляра в музейном собрании КГМ-4272, инв. № Кс-1/68.

⁸ Экземпляр КГМ-4272 начинается с 3-й тетради, в которой недостает только листа 7-го.

⁹ Зернова А.С. Орнаментика книг московской печати XVI—XVII веков. М., 1952.

¹⁰ Та же заставка, судя по каталогу А.С. Зерновой, должна была быть на утраченном в университетском экземпляре л. 1.

¹¹ Та же заставка, судя по каталогу А.С. Зерновой, должна была быть на утраченном в университетском экземпляре л. 13.

¹² Та же заставка, судя по каталогу А.С. Зерновой, должна была быть на утраченном в университетском экземпляре л. 173.

¹³ Идентификация экземпляров московских изданий кирилловского шрифта 2-й половины XVI—XVIII вв.: метод. рекомендации / [сост. А.А. Гусева]. М., 1990. С. 13.

¹⁴ Возможно, в 34-й тетради также не было кустодов, однако по тем небольшим фрагментам печатных листов, которые от неё остались, мы не можем об этом судить.

¹⁵ Это Лл. 5—7 тетради 7-й.

¹⁶ В экземпляре ПетрГУ эта сторона листа заклеена.

¹⁷ В экземпляре ПетрГУ этого листа нет.

¹⁸ В экземпляре ПетрГУ этот лист отсутствует.

¹⁹ Так, в пудожском экземпляре на л. 32 (Зоб.) киноарная «С» в слове «свѣ>тая» (см. строку 5) напечатана в строку ровно, а в университетском она опущена между 5 и 6 строками. В пудожском экземпляре на л. 32 (Зоб.) 3-я строка напечатана на одинаковом расстоянии от 2-й и 4-й строк, а в университетском экземпляре она смещена вверх, ко 2-й строке.

²⁰ См.: Московские кирилловские издания в собраниях РГАДА: каталог. Вып. 3. Прил. 1. № 14 (среди изданий, отсутствующих в собраниях РГАДА, и дезидератов).

²¹ Инв. № 13902.

²² Поздеева И.В. [и др.]. Каталог книг кириллической печати XV—XVII вв. Научной библиотеки Московского университета / И.В. Поздеева, И.Д. Кашкарова, М.М. Леренман. М., 1980. № 510.

Этот экземпляр поступил в Научную библиотеку МГУ в качестве одного из приобретений экспедиции на север Карелии в 1968 г. Книга была получена в п. Шуерецкая Кемского района Карельской АССР.

²³ Только за первую половину XVII в. на Московском Печатном дворе вышло не менее тридцати семи изданий их, экземпляры которых сохранились до настоящего времени (см.: Зернова А.С. Книги кирилловской печати... №№ 34, 68, 84, 85, 87, 91, 120, 126, 133, 144, 150, 159, 170, 175, 188, 191, 203, 218 (плюс экземпляры двух изданий, не обнаруженных составителем каталога в библиотеках СССР — № 2, 3 (экземпляр последнего издания был описан позднее в числе других кириллических изданий, хранящихся в НБ МГУ: см. Поздеева И.В. [и др.]. Каталог книг кириллической печати... № 454)); *Каталог книг кирилловской печати 16—17 веков* [НБ ЛГУ] / сост. А.Х. Горфункель. Л., 1970. № 72, 94, 40 (277) (последний — в приложении, среди поступлений 1968—1969 гг.); *Быкова Т.К., Киселева Л.И.* Московские издания кирилловской печати XVI—XVII вв. в собраниях Библиотеки АН СССР // Сборник статей и материалов Библиотеки АН СССР по книговедению. [Т.] 3. Л., 1973. С. 387—388; *Поздеева И.В.* [и др.]. Каталог книг кириллической печати... — №№ 340, 681, 682; Новые материалы для описания изданий Московского Печатного двора: первая половина XVII в.: в помощь сост. Свод кат. старопечат. изд. кирил. и глагол. шрифтов: метод. рекомендации / [сост. И.В. Поздеева]. М., 1986. №№ 13, 16, 44, 61, 75, с. 27; *Гусева А.А.* Неизвестные издания кирилловской печати Москвы и Петербурга XVII—XVIII веков в собрании Российской государственной библиотеки // Книга: исследования и материалы. Сб. 67. М., 1994. С. 120—139. № 1, 2, 3, 4). Причём этот перечень может быть дополнен краткими сведениями ещё о шести изданиях, экземпляры которых известны только из библиографии или отсутствуют в собраниях крупнейших российских библиотек — см.: Работа с редкими и ценными изданиями: Идентификация экземпляров московских изданий... С. 91—92, № 199, 200, 206, 214, 219, 220.

²⁴ Из 20-ти вышеперечисленных изданий часовников первой половины XVII в., отражённых в каталоге А.С. Зерновой (см. примечание 23), восемнадцать имеют размер в 8-ю долю листа и лишь два (№№ 91 и 150) — в 4-ю долю листа. Дефектность малоформатных изданий, имеющих достаточно большой объём (в указанных экземплярах из каталога А.С. Зерновой — до 338 листов), часто выражается в распадении книжного блока, выпадении тетрадей и отдельных листов.

Ю.А. Симонов

Это было давно

Это было давно. Очень, очень давно... В те времена, когда деревья были большими, зелёными и раскидистыми. Когда небо было голубым, нет, не синим, не сине-белёсым, а именно голубым... А по небу скользили белые красивые барашки, но их было немного, и они совсем не мешали светить солнышку. И был «Я». Я ушёл от мамы. Как ушёл — не знаю, но ушёл. Кругом расстилалась зелёная мягкая трава, я шёл, и мне было очень интересно и спокойно. Ноги шли, наверное, не очень уверенно, но сейчас я этого не помню.

Шёл я, шёл... И вдруг оказался перед лесом, высоким-превысоким. Он был очень густой и жёлтый. Он не хотел впускать меня, но я всё-таки вошёл. В лесу было тепло и светло, было видно небо, росли красивые синие цветы. Они были очень мягкие, но ершистые, и даже лепесточки по краям были с зубчиками. Они хотели меня испугать, но я их не трогал, и они меня не испугали. Я не боялся, всё шёл и шёл. Куда — и сам не знал, но я слышал песню, которая мне нравилась, и бессознательно шёл на её звуки. Лес был очень сухой, ломкий, густой, бесконечный. Кругом всё стрекотало,

пищало, прыгало, но я никого не ловил, я шёл. Идти в этом лесу можно было в любую сторону, но везде были синие цветы и плотная стена леса. Везде было одно и то же, поэтому я шёл прямо. Я уже стал уставать, мне стало уже неудобно, мне уже хотелось позвать маму. И вдруг песня зазвучала громче, и лес кончился. Я оказался на поле, на котором было много женщин. Они работали и пели. Меня увидели, ко мне кинулись. Одна из них взяла меня на руки и спросила: «А ты кто?» Я гордо ответил, что я — мальчик. Все кругом рассмеялись. «Мальчик-мальчик, а звать тебя как?», — спросила женщина. Я ответил, что Юрой. Все развеселились. Вдруг с далёкого края поля к нам подбежала тётя Ириша и взяла меня на руки. Под хохот оставшихся на поле женщин она понесла быстрым шагом в деревню. Я очень устал и на руках у тёти Ириши уснул на ходу.

Когда деревья были большими-пребольшими, а я был маленьким, а добрая кормилица рожь была для меня густым-прегустым лесом, я уже знал о доброте людей, знал о красоте песни, звучащей над полем... Как давно это было!

Поездка за клюквой

*Памяти моих любимых
и очень добрых людей*

Вечереет. За окнами темно. Там поздняя осень — снег, холод, ветер. В избе полумрак, тепло. Русская печь хорошо натоплена. Уже все отужинали, все хозяйственные заботы на улице и во дворе на сегодня закончены. В углу под образами теплится лампадка. В этом же углу горит лучина, которую держит светец, под лучиной стоит кадка с водой. При этом мерцающем свете, сидя на широких лавках, которые стоят вдоль стен избы, работают взрослые: дед Семён и его сын, дядя Фёдор. Они чинят невод. Рядом с ними трудится у самопрялки тётя Ириша, жена Фёдора. Сегодня она прядёт шерсть, из которой мне обещано связать тёплые шерстяные носки. В середине избы под потолком в матице укреплено большое кольцо, через которое продета тонкая жердь, один конец её упирается в брёвна потолка, на другом конце подвешена зыбка (корзина с малышом). Это младший сын тёти Ириши — Серёжа, ему примерно 5—6 месяцев от роду. Чтобы он спал и не мешал взрослым

работать, зыбку периодически качают. Для этого к низу зыбки привязана верёвочная петля, в которую продета нога тёти Ириши. Мне, с лежанки русской печи, очень смешно смотреть, как одна нога её работает на самопрялке, а другая в каком-то странном ритме покачивает зыбку. В избе тихо, все работают молча, только тихонько жужжит самопрялка да, где-то спрятавшись, поёт сверчок.

Над входной дверью в избу, рядом с лежанкой русской печи подвешены полати, на которых спит старший сын тёти Ириши — Сашка. Он старше меня, ему уже 10 лет, он самостоятельно ходит за полтора километра в другую деревню в школу. А я — гость из Ленинграда, в конце декабря мне исполнится ещё только 7 лет, меня привезли сюда, в деревню Столбово, на некоторое время пожить.

Причина печальная, в октябре этого года умер мой папа. В очаг, аналог теперешнего детского сада, брали в те годы только детей рабочих, а т.к. я был сыном инженера, то маме отказали в устройстве меня

в очаг. Бросить меня — дошколёнка — одного дома, а самой уйти на работу — мама позволить себе не могла. Бабушка в Москве. Поэтому, на первых порах, чтобы иметь возможность работать, мама решила в конце октября 1938 года отправить меня в деревню Столбово к дедушке Семёну и тётке Ирише, у которых мы семьёй снимали избу каждое лето.

Наверное, я тогда ещё до конца не осознавал, что папы рядом со мной больше не будет, поэтому несколько месяцев жизни той зимой в деревне были для меня сплошным праздником. Здесь я участвовал в жизни семьи дедушки Семёна, смотрел, как запрягают лошадей в сани, как поят её зимой. Наблюдал, как тётка Ириша печёт хлеб и готовит еду в русской печке, мылся в парной бане по-чёрному, ходил в гости к ребятам в другие избы. В те годы в деревне электричества и радио ещё не было, поэтому коротали вечера при свечах или при лучине. Я и Сашка слушали рассказы и сказки деда Семёна или тёти Ириши. По праздникам зажигали керосиновую лампу, отчего маленькая изба становилась просторной. Слушал деревенские песни и частушки на гуляниях взрослых и в избе.

Сейчас, лёжа на печи, я всё о чём-то думаю, в этот вечер мне никак не уснуть. Как гостю мне разрешили спать на лежанке русской печки. Здесь очень уютно, тепло, мягко. Подо мной несколько выделанных овчин, застеленных рядном. Укрываюсь я тёплым самодельным одеялом. Сашка уже мирно посапывает рядом, а мне не спится... Когда я ложусь на спину, то очень близко, рукой подать — потолок из тёсаных брёвен. Дом уже старый, поэтому брёвна светло-коричневого цвета, в трещинках. Я придумал себе занятие: если в полумраке долго смотреть на трещинки в брёвнах, то можно увидеть и реки, и растения, и разных чудищ. Я не могу уснуть, думаю о маме, папе, бабушке Оле, родных. Здесь, в деревне, так интересно и хорошо, что дни проходят быстро, незаметно, память о событиях в городе притихает... И вот в этот вечер я не сплю, я мечтаю.

Сегодня во время обеда за столом дедушка Семён говорил о том, что надо бы набрать для хозяйства клюквы. Говорил о том, что вроде бы санный путь установился, что приличный мороз уже держится несколько дней, что, мол, пора бы уже и ехать за ней... Предложил взять с собой на болото внука Сашку в помощники. Сашка был в восторге. И вот тут тётка Ириша попросила взять с собой меня тоже... Взрослые посмеялись, но поддержали просьбу тёти Ириши. Мне было сказано, что поездка за клюквой будет в ближайшие дни, но по погоде. Теперь я нетерпеливо ждал, когда дедушка скажет, что вот сегодня и есть та самая нужная погода.

А пока днями тётка Ириша готовила для меня деревенскую зимнюю одежду, чтобы я мог спокойно гулять, а не мёрзнуть на улице. Главное — это были валенки. И вот меня первый раз в жизни

вместо ботиночек с галошами или ботиками обули в валенки! Жёстко ногам, очень непривычно и неустойчиво... Но мне объяснили, что через короткое время валенки обомнуты, и мне в них будет тепло и сухо. Словом, уговорили не капризничать, а обувать и разносить новую обувь. Я согласился, тем более что впереди ожидалась интереснейшая поездка на болото. Затем, вместо городских «рейтуз» дали мне тёплые брючки, которые можно было заправлять в валенки. Полушубок и шапка-треух достались мне от выросшего Сашки и понравились сразу. Словом, через несколько дней, я внешним видом перестал отличаться от других ребят в деревне. Мне были даны несколько пар варежек, когда одни намокали, то мокрые можно было сушить в выемках русской печи, а в это время можно было бегать и играть в других варежках. А главное, никто не ругал меня за промокшие варежки.

Удивлялся, как резко отличались игры ребят в деревне от игр, в которые мне приходилось играть в городе... Играли на сеновале, на улице. Друзья водили меня недалеко от деревни под гору в ригу, смотреть, где живут черти... Там стояла очень большая, очень чёрная, очень страшная печь, из которой неслись завывающие звуки. Я очень боялся. Бежали в кузницу смотреть, как работают кузнецы. Пламя, раскалённый металл, громкие звуки вызвали интерес к этим таинствам, но в отличие от риги — страха не было.

Но вот наступил долгожданный день. Суета в доме началась затемно. Вынесли из сарая сани-розвальни. Дед Семён и дядя Фёдор вытащили из сарая дощник — большую кадку из дерева, высотой и диаметром более метра, установили дощник на розвальни. С собой уложили в сани самый неожиданный инструмент: две метлы, две деревянные лопаты, два деревянных совка и несколько мешков... Затем запрягли лошадь, в этом дедушке активно помогал Сашка, а я стоял и не знал, что мне делать. Мне, горожанину, был интересен неторопливый и заботливый порядок работы с упряжью, с лошадью. Наконец всё уладилось, торбочка с едой на день для нас уложена в сено в саях, мы готовы. Меня перекрестили и усадили на сено в серёдку, между Сашкой и дедушкой Семёном. Всё... Поехали...

Дорога была красива. День был не солнечный, но снег не шёл, облака были высоко, поэтому он не казался серым. Ехали долго. Поля, перелески, опять поля. Дедушка то сидел на саях, то шёл рядом с саями, как ему позволяла дорога. Сначала мы ехали по накатанной дороге. Проехали незнакомую мне деревню Пудово. Летом мы с мамой сюда ни разу не ходили. Деревня стояла на бугре, очень компактная, красивая, как на картинках к сказкам... Опять поехали по дороге в лесу, но уже по снежной целине, ехали долго, я начал подрёмывать. Но! Всему приходит конец, пришёл конец и дороге. Мы приехали...

Деревья раздвинулись, перед нами была бескрайняя заснеженная равнина с очень редкими и низенькими кустиками, равнина, которую дед Семён назвал болотом. Я почувствовал особый острый воздух. На моё удивление, где же болото, ответил Сашка, очень заносчиво и солидно: погоди малость, всё увидишь. Лошадь остановили у самого края равнины, повесили ей торбу с сеном, а сами гурьбой пошли по заснеженному льду, который сковал болото. Слой снега лежал ещё очень тонкий, так как его сдувал ветер.

Дедушка Семён выбрал место, перекрестился, потоптался, взял метлу и стал разметать снег на равнине. И, о чудо! Под слоем снега оказался лёд, а на льду горели красные ягодки-огоньки. Это и была клюква.

Теперь, пожив на белом свете, я знаю этот фокус. Когда наступают морозы и верхний слой болота замерзает, то мох уходит на зиму под воду, а ягодки клюквы наоборот всплывают на поверхность! На морозе они твердеют, да так и остаются на всю зиму лежать на поверхности льда, припорошенные снегом. И это и есть настоящая русская тонкокожая клюква, очень кислая, одновременно очень сладкая, очень вкусная. Если её положить в рот, а когда она согреется — раздавить языком, то во рту раздаётся щелчок и проявляется её вкус. Я до сих пор помню это чудо, эту красивую сказку из детства. Сашка тоже взял метлу, встал рядом с дедом и тоже стал разметать снег. Возникла удивительная картина — море красных огоньков на поверхности блестящего льда. Эти огоньки надо хоть раз в жизни увидеть собственными глазами, эту незатейливую красоту заснеженного болота, эти краски зимы.

Через какое-то время дедушка и Сашка отложили в сторону мётлы, взяли за лопаты. Деревянной лопатой стали соскребать ягоды с поверхности льда в кучки, затем совками клюкву насыпать в мешки, а уже в них нести клюкву к саням и высыпать в дощник. Этот бережный сбор клюквы

тоже надо увидеть хоть раз в жизни. Работа эта однообразная, но очень азартная. Нашлось дело и для меня. Мне доверили насыпать совками клюкву в мешки. Не очень понимаю, сколь нужна была моя мощь, но я был при деле, я работал вместе со всеми, я был горд и счастлив. Мороз в этот день был несильный, поэтому за рабочий день я не замёрз и щёки не обморозил. Раскраснелся же я так, что Сашка стал посмеиваться над моим рвением. А ещё мне доверили ухаживать за лошадей. У неё почему-то всё время съезжала с морды торба с сеном, и я периодически, с великою опаской, подходил к ней и поправлял торбу. Но со временем я перестал её бояться, а лошадь привыкла ко мне.

Где-то в середине дня поели лепёшки, напечённые тётей Иришей в русской печке, попили молока. Это на морозе было так вкусно! Работа шла целый день, мы перемещались по поверхности болота, всё повторялось: сметание снега, работа лопатами, сбор клюквы в кучки и т.д. Стало уже смеркаться, когда я увидел, что дощник-то наполнился клюквой!

Мы работу окончили и собрались ехать домой. Я с огорчением посмотрел на поверхность льда, она без ягодок стала тусклой, неинтересной, сказка пропала. Но дедушка был очень доволен, потому что мы за световой день собрали целый дощник клюквы. Обратной дороги я уже и не помню. Стенмело, окрестности были не видны, а лошадь размеренным шагом сама шла в полумраке по дороге к дому даже без понуканий деда Семёна. Наверно, ей тоже хотелось скорей попасть домой в хлев, в тепло. Задремал в сене уставший Сашка. За целый день, проведённый на болоте, я надышался свежего морозного воздуха, тоже устал, уснул и всю обратную дорогу проспал в сене на саях.

Прошло очень много лет с того, так мне памятного 1938 года. Я благодарен судьбе, что я это видел, что я в этом участвовал. Я берегу память о людях, которые в моём детстве подарили мне доброту и частичку своей души.

1938—2009 гг.

Как пиво варили

Наступал долгожданный вечер жаркого летнего дня. В воздухе появились признаки лёгкой прохлады. Близок конец дневным трудам. В деревне установилась особая, свойственная только русской деревне тишина. Все дворы в деревне дышат жизнью. Недавно пришло с выпаса стадо. Коровы разошлись по дворам, где их, как и в прежние времена, встречали хозяйки, где их ждала краюшка домашнего посоленного хлеба. Бестолково разошлись по дворам овцы. Звуки животных не нарушают ощущения спокойной тишины. Позвякивание

подойников, негромкий успокаивающий разговор со скотинкой. Тишина...

Деревенские улицы на время обезлюдели.

Я стою у пересечения дорог, слушаю тишину и смотрю на деревню, которую помню с детских лет. Она и сейчас уютна. Но тогда деревня была очень красива. Плотно стояли дома, и тянулись сады вдоль улиц, у каждого дома были ворота, калитки, скамейки-завалинки, а огороды были спрятаны за постройками. В каждом доме были большие семьи, звенели детские голоса. По всей деревне у домов и

колодцев стояли вязы, берёзы. Было почти 30 дворов.

Над деревней пронеслись многие беды. В 1935 году на сходе решали, кого назначать «кулаками», для выполнения разнарядки органов (приезжали конные милиционеры). В 1941 году на фронт ушли мужчины. Есть в центральной усадьбе в Устреке памятная доска, с указанием деревень и фамилий павших. Кто-то умирал, кто-то рождался. С 1947 года уходила из деревни по вербовке молодёжь за паспортом, за заработком на разные стройки и работы. В 1965 году в деревне осталось только 14 жилых домов, пустующие дома или продали на своз, или разобрали на хозяйственные нужды колхоза. Из самостоятельного хозяйства деревня стала всего лишь бригадой в колхозе. А у мест, где прежде стояли дома, остались деревья, нам память — здесь жили.

В деревне остались жить и работать, в основном, люди старшего поколения. В домах от больших семей — по одному-два человека. Дети, школьники есть только в двух домах. Но те семьи, что живут — сохраняют весь уклад жизни, держат скотинку, огороды, хозяйство. В деревне есть лошади, есть кузница, хотя и очень старенькая. Деревня смотрится иначе, чем в детстве, но всё равно она при вечернем солнце очень красива... В душе — радость, а на глазах непрошенные слёзы... Очень жаль ушедшее...

Недалеко от пересечения дорог стоит дом Ильи Владимировича. У дома сделана скамейка, на которой вечерами, после рабочего дня, обычно собирается мужское население деревни. Как правило, собираются не все и не надолго, выкурить одну-две сигарки, обменяться какими-то новостями, мнениями и неторопливо расходятся. А вот сегодня народу пришло много, на скамейке места не хватило, часть мужчин сидит на чурбаках, часть — на корточках, часть стоят. В эту компанию пришли и мы, дачники, я и Валентин.

Я вернулся сюда, к тётке Ирише три года назад. Из-за отсутствия писем из деревни мы с женой в 1962 году совершили пешее путешествие от железнодорожной станции Хвойная до деревни. Ориентировался я в пути только на детские воспоминания 1938 года. Память, к удивлению моей жены, меня не подвела. Мы мужественно, под палящим июльским солнцем прошли 33 км, нашли и деревню, и тётку Иришу. Она меня узнала, приняла нас обоих как самых близких людей. Старые жители деревни меня узнавали, и первый вопрос при встрече был: «Уж не Анатолия ли Анатолевича сынок?». И уже на следующий год в Столбово, к тётке Ирише на лето мы приехали всей семьёй. В 1964 году я в деревню пригласил и друга своего Валентина с 10-летним сыном. И ему здесь очень понравилось, эти люди, эти места и ему пришлось по сердцу.

Все яростно курят, молчат... Курим и мы. Мы тоже молчим.

На днях мне тётка Ириша сказала, что скоро, в начале августа, у деревни Столбово будет праздник, а вот, что и как, это решать будут мужики. Поэтому мы, дачники — городские жители, прибежали, как любопытные сороки, узнать всё-всё-всё. В деревне мы проводим отпуск уже не первый год, к нам приехали, с нами дружат. С нами водят компанию.

Молчание прерывает Иван Васильевич, лесник, один из пожилых и уважаемых людей на деревне.

— В этом году пропустили мы праздник деревни. (День почитания иконы Тихвинской Божьей Матери, обычно — 9 июля.) Работы много было... А сейчас перерыв будет, праздник организуем, гостей из соседних деревень пригласим. Вот ещё немного поработаем в поле, и можно будет гулять дня два. Готовиться надо.

Несмотря на то, что советской власти было уже больше 48 лет, что разрушены в деревнях церкви, часовни, что в домах редки иконы, что никто не соблюдает постов, а молятся только пожилые женщины, но, праздники, посвящённые покровителям деревень, соблюдаются неукоснительно во всех, мне известных, соседних деревнях. У нашей деревни — кроме праздника почитания иконы Тихвинской Божьей Матери — есть покровитель — Св. Николай, согласно преданию «Христа ради юродивый Новгородский», а почитание его приходится на 9 августа. В этом году и решили сделать этот день праздничным. Бывалые люди утверждают, что в этот день работать грех, в этот день часты грозы.

Быть деревни и прост, и очень сложен. Это зависит от того, какими глазами смотреть на происходящее. Повседневная жизнь требует не забывать те умения, которые были у наших отцов и дедов. Вот и праздник в деревне, это не городское застолье, где вино и всё вкусное принесено из магазина. В деревне всё к празднику будет сделано своими руками, да так, что хозяйки будут друг перед другом хвалиться, у кого получилось вкуснее. Но, как повелось на Руси, самое нужное на празднике — это хмельные напитки. Долгие годы в деревнях гнали самогон, но запреты и штрафы привели к тому, что явно к столу или для праздника самогон гнать перестали и вспомнили дедовские времена, когда варили хмельное пиво. Удобно! Ис ног валит, и начальство не ругает!

Все курят. Мужчины, сидящие на скамейке, молчат. Кто-то спросил: «А у кого в загашнике ячмень есть?». Нехотя отвечает молодой семьянин Федька: «Ну, у меня есть. Припас я, ведра, поди, три-четыре будет, а может, и больше». Радостный гул голосов раздаётся в ответ. Иван Васильевич кивает головой и решает: «Вот Федьке и растить рощу!».

У нас, горожан, недоумённые лица, как это «рощу растить»?! Как всегда — оказалось, что это очень просто: надо ячменное зерно замочить, разложить нетолстым слоем на рядне или на протвнях на лежанке русской печи. Через несколько дней в зёрнах

проклонутся носики — ростки, которые в деревне и называют «рощей».

«А кому сушить и молоть рошу?» — задумчиво спрашивает Василий Андреевич, компанейский человек, в поле — отличный тракторист, на праздниках — любимый гармонист, на что в ответ слышит нестройный хор голосов: «Конечно, бабке Ефросинье, она ведь мастерица по приготовлению пива!». Иван Васильевич утвердительно кивает головой, ведь бабка Ефросинья — это Ефросинья Николаевна, его жена, и её мастерство ему известно.

Решается последний вопрос: когда и где пиво варить-то будем?

Здесь вступает в разговор дед Антон (Антон Николаевич), уже пожилой, очень серьёзный, обстоятельный и авторитетный человек. Он говорит, что пока «рощи» нет, нет и разговора о «когда». С ним все соглашаются.

Иван Васильевич предлагает варить пиво у него в огороде: и места много, и колодец рядом. Здесь разгласий у компании нет, предложение принимается.

Тогда начинается ещё одна тема — в чём варить-то будем, ведь пива надо много. В деревне сейчас жилых 14 домов. Сын тёти Ириши, тоже лесник, Фёдорич в мужской компании, Александр Фёдорович — для женщин, предлагает на каждый дом сварить не меньше двух вёдер. Я немедленно подсчитываю в уме, это 28 вёдер, а в деревне в ходу в основном 10-литровые вёдра, это же 280 литров, это какой же бак надо!!! И опять городская смекалка не работает. Вся мужская компания уже шумит, начинают перечисление дошников у хозяев (живут рядом многие годы, все знают по прошлым годам, у кого что есть). Задавать в этот момент вопросы и вмешиваться в разговор жителей деревни, по неписанным правилам, нам, горожанам-дачникам не пристало. Поэтому мы слушаем и молчим. Я в детстве уже был много раз в деревне и с дошником ездил за клюквой, знаю, что дошник — это деревянная кадка очень больших размеров. Сейчас я про себя думаю, как, не имея электрического кипятильника, можно сварить что-то в деревянной посуде... Да и электричества пока в деревне нет, словом — загадка. На моём лице такое недоумение, что Валентин, мой добрый товарищ, следя за общим разговором и за мной, начинает тихо подсмеиваться. Скорее всего, он что-то знает, но хранит молчание. Перебор вариантов длится долго, все уже выкурили почти по три сигарки своего самосада, а решения пока нет. У одного дошник прохудился, у другого — полон зерна. Никто не хочет давать свой дошник, т.к. после варки пива его трудно будет отмывать добела. Кряхтенье, покашливание, бурчание под нос, какие-то слова соседям по скамейке — все переживают, но никто не хочет отдавать свой.

«А ну вас к чёрту, дома дел полно, а мы здесь сидим», — кричит Сергей Иванович, ещё один лесник. Терпение у всех на пределе.

В эту минуту встал Антон Николаевич, рванул наотмашь рукой и говорит, что у него в подполе стоит старый дошник, в котором когда-то варили пиво, что сейчас он пуст. Если народ не придумает чего другого, то он на эту варку пива свой дошник даст.

У всех на лицах облегчение, надежда на пиво стала реальной, теперь можно и по домам, по делам разойтись. Все стали спокойными и дружелюбными. Порешили, что когда роща будет готова, то соберёмся опять и решим остальные дела. На том вся компания и разошлась.

Прошло несколько дней, жизнь шла своим чередом, мы, «дачники», увлеклись сбором ягод, рыбалкой и на какое-то время забыли о надвигающемся празднике, о пиве. Вдруг услышали от Фёдорича, что «роща» готова, что бабка Ефросинья уже её высушила, смолола, что днями компанией будут варить пиво, и если мы хотим участвовать в празднике, то работа будет и нам. Конечно, мы сразу согласились, просили нас позвать загодя, чтобы мы не ушли на рыбалку или ещё куда-нибудь.

И опять был Столбовский тёплый солнечный вечер, была скамейка с курящими мужиками, был короткий деловой разговор и распределение работ. Нескольким мужикам поручалась серьёзнейшая и очень ответственная забота. Им надо было выкатить из подпола дома Антона Николаевича дошник и переместить его в огород Ивана Васильевича. Дошник действительно был очень старый, большой, тяжёлый. Вначале на нём осаждали обручи, затем с превеликим бережением и старанием покатали его по дороге к огороду (примерно 100 метров). Им же пришлось истопить баню, крутым кипятком с берёзовыми вениками пропарить дошник. Другой компании мужиков поручалось сделать замеры дна дошника и подготовить устойчивую опору для него на огороде, они же должны были подготовить пучки свежей овсяной соломы и кол-затычку для отверстия в дне дошника (здесь-то я и понял, наконец, разницу между хозяйственным дошником и дошником для варки пива). Третьей компании сказали пилить, колоть дрова, готовить большой костёр вблизи дошника. Общее руководство делом взял на себя Иван Васильевич. Когда дошник уже был установлен на подставки, когда под отверстие в дне поставили длинное деревянное корытце-жёлоб, когда тщательно было закупорено отверстие в дне с помощью витого пучка соломы и кола-затычки, тогда на дно дошника постелили слой свежей соломы. Теперь настало время забот для бабки Ефросиньи. И вот она в торжественной тишине вынесла из дома высушенную и перемолотую на ручных жерновах «рошу». Она с наговором высыпала её в дошник.

Костёр разгорелся хорошо, но в него всё подбрасывали и подбрасывали поленья. А тут, наконец, нашлось не менее важное, чем остальные, дело и для нас, дачников-горожан. Нам выдали вёдра, велели

таскать воду из колодца: «Чем больше, тем лучше», — ехидно сказал Иван Васильевич. Мы были рады, что мы в деревенской компании, и старались. Журавля или цепи с барабаном для подъёма воды в деревне не было. Глубина колодца около двух с половиной метров. Орудие труда — шест с крюком. Воду в ведре мы вытягивали на руках и по два ведра носили к дощнику. Снепривычки руки немели, ручки вёдер врезались в ладони и пальцы, но мы с Валентином не сдавались. В запале работы мы забыли сосчитать принесённые вёдра воды, за что отругали нас на разговорном языке, но долго не сердились, достаток воды определили на глаз.

И вот я, наконец, увидел таинство великое. В большой костёр, в груды углей, стали кидать крупные чёрные камни, которые хранил Иван Васильевич, затем несколько траков от списанных гусеничных тракторов и какую-то «агромадную» шестерню от комбайна, словом, всё крупное, способное не гореть, а нагреваться. Было этого добра много. Затем была команда — «перекур». Шло время, мы остывали от трудов своих на вечерней прохладе, а камни, траки грелись, грелись, краснели в костре. В какую-то минуту мужики подошли к костру рассмотреть и камни, и траки.

В начале работы к костру из разных домов были принесены несколько штук громадных клещей, две кочерги длинной около двух метров. Сейчас этот инструмент был готов к работе. Я был потрясён.

По команде Ивана Васильевича два человека, уж сейчас не помню — кто именно, стали из костра выкапывать кочергой раскалённые камни, подхватывать их клещами и... кидать их в воду в дощник!!! Мой вопль — «Они же грязные! Они в земле!» вызвал волну хохота до слёз. Облако пара скрыло работающих, но они продолжали делать свою работу: двое клещей, раскалённый камень, его подхватывают и швыряют в воду. После камней пошли в ход раскалённые траки. Уставших быстро подменяют, работа продолжается некоторое время в очень большом темпе, от каждой новой порции камней облако пара растёт, вода молчит, но она уже горяча, но ещё не так, как нужно. Уровень воды в дощнике растёт, уже, кажется, что ничего туда больше не поместить, но... Вот вода закипела, забурилась! И всё произошло так, как задумывали на перекурах. В деревянном (!) дощнике бурлило будущее пиво! Над притихшей деревней после недолгого бурления поплыл густой запах хлеба. Это был самый лучший запах на свете!

Все собрались в кружок, все облегчённо закурили. Мне объяснили, что бурлящая жидкость — это будущее пиво, а пока она называется суслом. До конца кипения сусло трогать нельзя. Когда сусло успокоится, то его с нашим участием разольют по посудинам, которые принесли к нам жители деревни. И вот тогда-то наступит час колдовства над суслом у бабки Ефросиньи.

Затушили костёр, приготовили черпак, приготовили невысокую лесенку, приставили её к борту дощника и разбежались по домам подремать. Разбудил меня Валентин. Спал я тогда на сеновале. Когда я откликнулся на его зов, вышел на улицу — увидел слабый рассвет, но предметы уже были различимы. Спал я, наверно, часа три, не больше, как и все остальные. Прибежали мы к дощнику и увидели, что бурление уже прекратилось, но сусло было ещё довольно горячим.

Федьке, как самому молодому и ловкому, поручили встать на лесенку и взяться за кол-затычку. Все приготовились. Федька слегка подкрутил и приподнял кол, в корытце-жёлоб потекло сусло. Мы вычерпывали сусло из корытца в вёдра и относили к посудинам. Сусло текло чистым, фильтр из пучков соломы работал очень хорошо. Работа была неспешной, аккуратной. Окончили её уже при дневном солнце. Посудины были заполнены, сусла хватило на всех. Мы расслабились.

Бабка Ефросинья, не обращая на нас внимания, сразу стала ходить у посудин, пробовать сусло на вкус, распределять свой хмельной порошок, подсыпать что-то ещё, нам, горожанам, неведомое. Ходила, прищёптывала, приговаривала. Колдовала.

На очередной нашей вечерней встрече Иван Васильевич сказал, что к 9 августа пиво будет готово, что пора хозяйкам готовить пироги. Значит, подвёл он итог, пора нам идти на озеро за рыбой. И до начала следующего рабочего дня все успели поставить на нашем озере Карабожа мерёжи и другую нехитрую деревенскую рыболовную снасть. Через сутки поняли, что с уловом в этот раз повезло: была и мелочь, и крупная рыба, в основном — лещи, окуни. Все были сдержаны, но на лицах блуждала гордая ухмылка. Это означало, что в каждом доме будут пироги-рыбники. Всё! Мужская часть работы сделана!

И вот теперь все заторопились довершать заброшенные дела. А дел ещё было много, ведь лето...

К моему великому огорчению, за день до деревенского праздника мне пришла телеграмма с вызовом на работу. Поэтому до отъезда мне удалось только попробовать молодое пиво у Ивана Васильевича. Я запомнил этот вкус. Аналога этому пиву в городе я не знаю, оно и было с горчинкой, и с хлебным привкусом, и самое удивительное — оно было прозрачным (!!!), слегка коричневатого оттенка. Да и в голову ударяло изрядно — заслуга бабки Ефросиньочки, её колдовское умение. Потом мне рассказали, что таким пиво бывает только три-четыре дня. Поэтому и готовят пиво только перед самым праздником.

Сам праздник я в этот раз не увидел и знаю о том, как он прошёл, только по рассказам. Но маленькое прикосновение к старинному укладу жизни создало радостное ощущение. Я был вместе со всеми, я варил пиво!!!

1965—2009 гг.

Тамара Сигалова

*Семёну Ивановичу
Пустовойтову*

Небо в смятении.
Тени, тени,
Слёзы в глазах — страх...
Замёрзшим рассветом
Пришло откровение —
Аквареливое,
Как в стихах.

В храмовом трепете —
Боль огромная —
Аквареливый взмах,
Моя несчастная Родина
Призраком на холстах.

Владимиру Поветкину

В тереме деревянном
Пахнет сосной и старинными гусями,
Тихо звучат наигрыши.
Какое чудо — будто с древней гравюры
Звуки волшебные увертюры...
Дальше — симфония детства души.

И тропинка к дому,
Где мама вышивает бисером венец.
У неё красивые руки,
Проворно нанизывают на иглу бисер,
Тонким узором — листья
В трепете двух сердец.

Мама — растила, ждала, провожала,
И было ей невдомёк,
Что её материнская жалость
Выведет сына на сто дорог.

Мама — любила, боялась, старалась
И не могла угадать,
Что когда придет её старость,
Сын переймёт её стать.

Пришлось много выстрадать,
Всё было очень непросто,
Душа тянулась к прекрасному,
Руки начинали творить непостижимое,
Деревянную живопись,
Сродни солнышку красному.

А за рекой Курой поют девки и бабы о грустном,
Во все века и года, —
Будто заговор, песня русская
Поселилась в душе навсегда.

В тереме деревянном...
Здесь пронзительно чистые души,
Здесь ничто красоты не нарушит.

В нашем доме,
Большом и красивом,
В нашей комнате —
Две свечи.
Цветом красным
И цветом синим
Зажигаем мы их в ночи.

В нашем доме зеркальные люстры
И янтариное дерево стен.
Каждый шорох тебя здесь любит,
В каждом вздохе живёт твоя тень...

В нашем доме...
Он часто мне снится.
Эта комната, две свечи,
Разноцветные яркие нити
Сине-красно сплелись в ночи.

Что я для тебя, не знаешь?
Глоток кислорода, нечем дышать?
Не понимаешь, не понимаешь,
Или не можешь сказать?

Уходи — из вторников и суббот,
Из окна освещённого,
Ожиданья бездонного,
Из моих забот.

Чёрный квадрат, Малевич, осень,
Я свечу не гашу,
Я хочу видеть тебя, очень
Приди хоть во сне. Прошу.

Знаете ли,
Как хоронят любовь?
Без цветов, без венков,
Без траура...

Просто лицом на закат,
С самой светлой молитвою,
С чистотелом в душе,
С ромашкой в петлице.

Какие грустные лица,
Но я не убийца, нет,
В небе ей будет лучше,
В небе найдёт ответ.

Сюжет из забытых снов?
Без поминок и похорон...

Г.К. Насурдинова

ВОЕНКОР «ИЗВЕСТИЙ»

Очерк

Дважды судьба бывшего военкора «Известий» Владимира Михельса пересекалась с Новгородом: впервые он посетил город и близлежащий аэродром как спецкор газеты, а вторично он был привезён сюда подневольным, после ареста, как враг народа. Был помещён в подвал НКВД, находящийся в то время по улице Большая Московская, где подвергся жестоким допросам следователей. Много лет спустя в Новгород после окончания медицинского института по распределению прибыл работать как молодой врач его внук Владимир Розман.

«ОТ КРЕМЛЁВСКОЙ ДО КИТАЙСКОЙ СТЕНЫ»

В нашей казанской библиотеке, собранной ещё дедом, есть небольшая книжка — тиражом в тридцать тысяч экземпляров, год издания — 1928. Предисловие к ней написал главный пролетарский писатель Максим Горький. В 1939 году она была изъята из книжных фондов СССР, кроме библиотеки им. В.И. Ленина в Москве.

Книга повествует о перелёте советского экипажа из Москвы в Пекин. Автор поэтичным языком с тёплыми интонациями описывает сложнейший полёт. Здесь нет публицистических штампов с брызжащей задорностью сквозь строчки привычной пропаганды, характерной для той эпохи. Верно подобранные слова, идущие от сердца, хорошо показывают подвиг сильных, самодостаточных личностей, наших лётчиков. Тон повествования доверительный, при чтении словно слышишь красивую речь корреспондента, лиричную, с юмором, чувствуешь ласковые нотки обертонов, которые возвышают душу. И это не просто слова... Огромная страна пролетает перед глазами с заоблачной высоты. Автор описывает перелёт над тайгой. Первая глава так и названа «Тайга. Опасный путь».

«Сейчас находимся на высоте 1300 метров. В четыре часа тридцать минут утра достигаем спящего Канска, окаймленного с запада рекой Кан. Между рекой Кан и железной дорогой, в полутора километрах западнее города Канска видна небольшая площадка с огнями — опознавательным кругом. Но мы решили лететь безостановочно. Догоняем

лётчика Томашевского на самолете АК-1 идущего на большой высоте. А вот и лётчик Екаторов идет низко справа от нас и вдруг ныряет в густое синее облако. А ведь вылетел на двадцать минут позже нас.

Пилот умеет и наращивать скорость, и мотор сбереж, и силы придержать. Понимает — тактика с машиной должна быть нежной, как с любимой.

Сплошная шапка тёмно-пугающей зелени. Густая непроходимая тайга промелькнула. И вот точно бело-голубая нитка на шее чернокожего, быстрая кривая речонка.

Час пролетел. Качнуло. Тряхнуло, обошли грозу. Но это не в счет. Идем со скоростью 110—115 километров. Встречный ветер. На миг промелькнули пашни, селения и снова лес, лес...».

Следующая глава — не менее ярко и лирично описывает полёт над Байкалом. Картина Забайкалья проносится перед глазами читателя.

Последняя глава называется

«Над пустыней Гоби».

В воздушной экспедиции не обошлось и без мелких ЧП. Но молодой коллектив советских пилотов справился с задачей. Вот яркий финал книги:

«Пекин! — кричит Найдёнов в оконце своего пролетающего самолета.

Ветер рвет его слова. А мы кружимся уже по седьмому кругу по просьбе Пекинского правительства над древним городом, но заключенным в тройной квадрат каменных стен. Пекин сверху кажется одним огромным домом с серой разноступенчатой

ПРЕДИСЛОВИЕ

(Из письма М. Горького).

...Хорошую, очень воющую книжку написали вы, т. Михельс; прочитав её, я тоже, как-будто, слетал с вами в Китай.

Вы обнаруживаете зоркий глазок, который видит как раз то, что надо, показываете умение делать характеристики людей и эдакую веселую бойкость речи. Фигуры товарищей оделаны вами ощутимо, их — видишь: некоторые, например, Шмидт, Полков, Томашевский, да, пожалуй, и все — живые люди. Очень меня обрадовал и изволновал хороший, истинно «товарищеский» — в лучшем смысле этого слова — дух книги.

Вы сделали отличное, дерзкое, настоящее «большевистское дело» — вот в чем суть. Если б с таким настроением, с каким вы летали в воздухе, «сухопутные» товарищи работали на земле, — жизнь еще скорей пошла бы к лучшим формам. Я знаю, что она идет быстрее, чем это кажется людям, которые творят и двигают ее, но она могла бы, конечно, идти еще быстрее, еще продуктивнее, если б люди по пути к своим целям так же не жалели себя, как вот вы не жалели во время перелета в Пекин.

М. Горький.

19/IX—27 г.
Сургуте.

деревянной крышей. Домик к домику, как будто и улиц нет.

Вот мотор уменьшает обороты, совсем выключается, и мы в двенадцать часов тридцать минут катимся по Нюанскому аэродрому, где тысячные толпы в белых костюмах — с красными флагами восторженно приветствуют нас. И мы прилетели в Китай, в столицу Пекин...

Первый в истории человечества перелет через пустыню Гоби совершен на советских самолетах, советскими летчиками».

Гордостью за советский народ, за огромную державу пронизана вся книга. О ней говорят на страницах газет, её обсуждают на рабочих собраниях заводов, фабрик, дети читают в школах. Автор — журналист «Известий» Владимир Михельс известен в стране. Его путь в редакцию начинался так.

ОДЕССА

...1917 год. Город утонул в революционных беспорядках. Власти нет. На одной улице командуют матросы, на другой буйствует голытьба, в богатой части города всё ещё держатся — и жандармерия, и полиция... Боевые стычки длятся уже не один день.

В доме одесского еврея, проживающего на торговой стороне, местечковой среде — переполох. Глава семьи в смятении и ужасе. С одной стороны — большая радость: вернулся с фронта на побывку живой и невредимый младший сын — любимчик Володя. Он и самый умный из детей, и грамотный, и музыкальный, и сметливый по хозяйственной части. Отцовская мечта наконец-то сбывается — он сможет передать в руки сына фабрику по производству детских кукол, которая долгие годы кормила огромное семейство... Но тот заартачился: «Я, отец, вступил на революционный путь, и нет мне никакого дела до твоего личного имущества. Фабрика же должна перейти в народные руки...».

Дед и отец встали стеной: «Ты, не смей предавать родовое дело, а то мы лишим тебя и дома, и наследства. И вдобавок проклянём!».

Не выдержав длительных споров и семейных ссор, брат Фёдор ночью подпалил злополучную фабрику. Она сгорела дотла. Федя бежит от гнева родителей в Киев, чтобы продолжить путь пламенного борца за справедливость. Семья начинает голодать, а старенький дед сходит с ума и вскоре

умирает. Владимир вновь отправился на фронт — теперь на Гражданскую войну, он — на стороне красных.

В феврале 1919 года Михельса командировали на три дня в Киев за подкреплением — молодыми новобранцами. Разыскивает брата, который уже член реввоенкома. Провожать Владимира приходит в вокзал вместе с другом, местным бойким репортёром Сашей Шумейко. Владимир с упоением в красках рисует обстановку в Одессе, на фронте... Рассказы его оптимистичны. Газетчик старательно за ним записы-

вает. Но расставаясь, неожиданно предлагает красноармейцу: «Володя, напиши обо всём этом нам в газету. Пиши всё так же, как рассказываешь, особо не мудрствуй. Знаешь, у тебя получается здорово — очень достоверно и доходчиво. А это — главное качество хорошего репортёра».

«Одесса в Мятаже» — первая корреспонденция, опубликованная в «Киевском вестнике», одухотворяет молодого бойца. Затем он опубликовал репортаж о выигранном бое с белыми, о том, как были разгромлены части петлюровцев. Теперь Владимира уже и комиссары просят писать о боях. Его заметки печатаются в различных газетах. Как-то на передовой появляется военкор из столичной газеты, которого знакомят с писателем полка, Ми-

В. Михельс, соб. корр.
«Известий» в Пекине. 1928 г.

хельсом. Московский журналист скомандовал ему: «Неси-ка, брат, всё, что у тебя имеется, все свои сочинения...». Тогда Владимир и не запомнил, из какой газеты был тот столичный гость. Вскоре Михельса вызвал комполка и дал приказ отправиться в Киев.

1920 год. Владимир кое-как на перекладных добрался до назначенного места — в комендатуру. Явился не без страха — не знал, что его там ждёт. А там для него приготовлено радостное известие. Ему вручили готовый приказ о переводе Владимира Михельса в военкоры газеты «Известия».

Парень ошарашен, он не ожидал такого поворота своей судьбы. Он без устали разъезжает по горячим точкам военных действий, собирает факты. Беседует с бойцами, командирами, много пишет. Замечает, правда, что не всё написанное проходит на страницы газеты. И не потому, что его материалы идейно не выдержаны. Нет. Он рьяный защитник молодой Советской власти. Дело всё в том, что начинающий репортёр пишет слишком эмоционально, лирично. Эти прикрасы как излишества вычёркиваются, и в его заметках и статьях остаётся голая суть.

Корреспондентом проработал лишь год, и на ноябрьские праздники он получил благодарственную телеграмму за отличный труд из ВЦИКа. Это событие он бурно отмечает в компании брата и своего первого учителя по журналистике — Саши Шумейко. Тот продолжает подбадривать: «Ты меня, друг, обгоняешь, ты хороший ученик!»

Репортёрские дни без минуты отдыха буквально мелькали у молодого военкора. И вот однажды, явившись поздно домой с очередной командировки, он увидел повестку с приказом явиться в комиссариат.

У Владимира опять замерло сердце, что его там ждёт? Комиссар встретил приветливо и сообщил для него неожиданное предложение — приказ. Оказывается, человек, работающий на ответственном посту, должен быть... женатым. Корреспондентская работа сложная, поэтому он, Владимир Михельс, должен обзавестись надёжным тылом...

МАРИЯ

Эта изящная и миниатюрная, сложенная, как дорогая коллекционная кукла, с бездонными синими глазами, тяжёлым кнутом косы на хрупкой спине ему запомнилась сразу. Прежде он не засматривался на девушек. Некогда было. В семье пятеро детей. Дед заставлял с малых лет заучивать законы Торы — вот отчего у него такая блестящая память. Много выпадало домашней работы — держали коз, овец, птицу. Отец же жёстко принуждал играть на скрипке. Подросток, его отправили в строгую религиозную школу, затем учился в одесском средне-техническом училище на механика. В возрасте восемнадцати лет был призван в российскую армию. Потом пошёл на Первую мировую войну, затем на Гражданскую.

...Он строчил статьи в газету, а в минуты отдыха поднимал голову и видел, как девушка, которую ни на секунду не выпускали из поля зрения мать и бабушка, мелкими-мелкими шажками очень плавно проплывала мимо его окон по Червоноармейской улице.

Он добывал из недр мыслей нужное слово, трудился — а тут опять нежное видение в окне. Однажды нервы его не выдержали. А что ему оставалось делать? Как не исполнить было своё нахлынувшее желание — его просто повлекла неведомая сила, он протянул руку в раскрытое окно и дернул девушку за косу. Не больно, а так, чтобы обратить на себя внимание. Девушка стремительно обернулась

и застыла от изумления. Она хотела было крикнуть. Но на неё смотрели восхищенные глаза стройного хлопца. Он приложил палец к губам, подав ей знак, чтобы она молчала. И этим уже вовлекая в тайну... А в следующую секунду, не дав ей опомниться, выбрал, как оказалось, очень верный стратегический шаг — он прошептал: «Я вас люблю! Как Вас зовут?». Девушка застыла, в её прекрасной головке пронёсся рой мыслей. Ведь ей ещё никто никогда не говорил такие чудесные слова. Её и сватали только какие-то богатенькие, пузатенькие, лоснящиеся, как киевские гарбузы, лысые мужчины. А тут такой гарный, высокий парень. Белоzubый, открытый, искренний.

— Мария, — еле слышно прошептала она.

Но тут, обеспокоенные тем, что идущая с ними девушка исчезла, мать и бабушка обернулись и подбежали к ней. Увидели в открытом окне улыбающегося парня и на чём свет стоит обругали его за тот стыд и позор, который он учудил среди бела дня достойной семье...

В открытое окно в парня полетели яблоки и груши из кошелок. Вечером отцу девушки и её братьям было доложено, что какой-то незнакомец «опозорил» их Марию. На семейном совете было решено всей роднёй идти наказывать хулигана. Взяли с собой и девушку.

Разгорячённая от гнева толпа направилась с Подола на Червоноармейскую.

— Что Вы бранитесь, —

сказал им вышедший на крыльцо своего дома Владимир, поигрывая в руке табельным револьвером. — Я люблю Марию и я на ней женюсь.

— Женишься? — ахнула многочисленная родня. — Так мы ни тебя, ни твою родню и в глаза-то не видавали раньше. Мария, ты слышишь, что он говорит? Признавайся, ты его знаешь или нет?

Владимир глазами отыскал девушку и пристально взглянул в её глаза.

— Я его тоже люблю, — промолвила она.

— Все слышали? — крикнул Владимир, оглядывая двор, при этом продолжая поигрывать оружием. — У нас будет советская свадьба! — Заявил новоявленный жених, облачённый в красноармейскую гимнастёрку, перетянутую портупеей.

Девушка пробралась сквозь родню и встала рядом с парнем. В тот же день молодые расписались. Вечером Мария с узелком своих пожитков переселилась в комнатку к Владимиру на Червоноармейскую.

Мария Михельс.
Киев, 1921 г.

С этого дня началась их счастливая семейная жизнь.

В 1922 году Владимира Михельса переводят в Москву и назначают заведующим отделом информации газеты «Известия». Параллельно с работой он учится на историческом факультете МГУ.

Семья поселилась в коммунальной комнате на Кузнецком мосту. У Михельсов двое детей: Федя и Наташа. Владимир дома почти не бывает, как корреспондент разъезжает по огромной стране. По его заметкам можно видеть географию командировок: Новгород, Тверь, Мурманск, Свердловск, Новосибирск, Ташкент, Владивосток. Он много пишет о советской авиации.

Самолёты — его страсть. Поэтому не зря редакция газеты хлопочет о том, чтобы Михельса включили в состав лётного эскадрона, которому доверено осуществить первый воздушный перелёт из Москвы в Пекин...

Как мы уже знаем, итогом этой командировки явилась книга.

ДИПЛОМАТИЧЕСКАЯ СЛУЖБА

В конце 1935 года Владимира Михельсона перевели на дипломатическую службу — ответственным референтом 2-го Западного отдела Наркомата иностранных дел. У него опять непрерывные командировки. Он сопровождает многочисленных иностранных гостей в поездках по Советскому Союзу, а также выезжает за границу руководителем группы соотечественников. Но жена видит, как Владимир скучает по репортёрской работе. Он привозит многочисленные записные книжки, листки, заполненные неразборчивым почерком, в которых набросаны будущие заметки и статьи. Эти иероглифы мужа может расшифровывать только жена. И как повелось ещё в киевской жизни, переделав домашние дела, уложив спать детей, она садилась за пишущую машинку и ночами, стуча по клавишам, разбирала записи мужа. В эти часы она чувствовала, что мыслями и сердцем она находится рядом с ним.

Возвращаясь из деловых поездок, писатель читал напечатанное, правил, а потом давал Марии поручения — отнести отчёты, статьи, заметки, комментарии, информации по разным отделам родной газеты. В редакции её хорошо знали и тепло приветчали. Владимир Михельс продолжал активно сотрудничать с «Известиями». У него готовятся к изданию новые

рукописи: одна о советских лётчиках — очерки об авиации, другая — с путевыми заметками по европейским странам. Муж доверял Марии во всём. Когда муж приезжал, то их дом навещали журналисты «Известий».

В конце 1936 года Владимир Михельс получил повышение: он стал карьерным дипломатом — Генеральным консулом СССР в Данциге.

АРЕСТ

1 июня 1939 года Владимира Андреевича срочной депешей вызывают в Москву.

На следующий день после приезда он пошёл на службу в Наркомат иностранных дел. Возвратился очень довольный и радостный.

«Ура!» — кричит он ещё с порога, обычно сдержанный и осторожный. Целует жену в щёку и сообщает ей приятную весть о том, что, возможно, уже к Новому году он заберёт семью за границу. Целый вечер проводит, играя с дочуркой и сынишкой, видит их крайне редко, а вот такие спокойные безмятежные вечера для Михельсов — желанные праздники.

На следующее утро, отправив Федю в школу, Наташеньку — в детский садик, они начинают работать над его рукописями. Мария, как обычно, за пишущей машинкой, а Владимир диктует. Детям внушается,

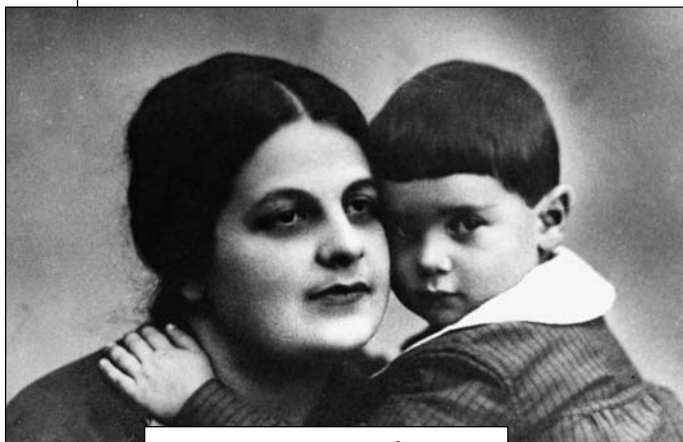
*Владимир Михельс
с женой Марией. 1939 г.*

что отец — писатель, чтобы они среди детворы не говорили ничего лишнего.

У Михельсов на вечер хорошие планы — ожидаются гости, бывшие коллеги по редакции. Для этого случая Владимир привёз и тонкое французское вино, и хороший шоколад из-за границы. Праздник должен получиться чудесным. Хозяин прекрасно исполняет популярные оперные арии, серенады и романсы. А потом будут танцы, просторная гостиная с хорошим паркетом в новой квартире позволяет прокружиться в упоительных вальсах...

Встреча друзей удалась на славу. После веселых гости разошлись поздно. Семья легла спать, а под утро в 4 часа 30 минут в квартире раздался пронзительный звонок. Мария проснулась первая, не понимая, кто может потревожить их в такой ранний час, запахивая второпях халат, подошла к двери. Раздался тяжёлый стук — «Открывайте! НКВД!».

Проснулись дети, маленькая Наташа стала от испуга надрывно плакать. Владимира Андреевича милиционеры увели в кабинет. Начался обыск. Лестит посуда из буфета, выбрасываются книги из шка-

Мария Михельс с дочкой
Наташей. 1939 г.

фов. Михельсам непонятно, что они ищут, растряхивая многочисленные фоллянты и папки с бумагами. Конфискуются женские украшения, серебряная посуда, столовые принадлежности и все бумаги. Мария откладывает в сторону папку с вырезками газетных статей мужа.

Но и эту увесистую папку забирают. Утро тянется медленно, тягостно... Мужа увёл конвой. Мария осталась одна с детьми. Кому доверить своё горе? И еле дождавшись рабочего утра, она набрала номер редактора «Известий», сообщила тяжёлую весть.

Вечером к ней заглядывает одна из сотрудниц отдела писем редакции, затем — вторая. В «Известиях» приняли решение: Марию с детьми на редакционной машине немедленно вывезти из Москвы до ближайшей станции для того, чтобы спасти её от ареста как жену врага народа. Иначе и Наташа, и Федя были бы распределены в разные детские дома под чужими фамилиями. Таково было положение в стране.

Мария с детьми в назначенное время украдкой выбралась из дома, дворами прошла на соседнюю улицу, куда подъехала редакционная машина. Семья уехала из Москвы, на станции Чехов их посадили на поезд, и они отправилась к далёкой родине под Киев.

В квартире Михельсов осталась старушка-мать с больной тётей. Через неделю их переселили в коммунальную квартиру, а ведомственное жильё бывшего консула передали другому карьерному дипломату.

В Центральном архиве ФСБ хранятся два дела, заведённые на Михельса, — одно из них начато в 31-м году и в 33-м закрыто.

Второе дело было заведено на Владимира в 1935 году, когда он состоял на дипломатической службе. Оба дела содержат сотни страниц, по которым можно проследить весь жизненный путь,

до мельчайших подробностей личных взаимоотношений и служебных переписок. Из последнего дела выясняется одно обстоятельство — Владимир Михельс оказался жертвой конфликта в Наркомате иностранных дел. 5 июня 1939 года его поместили в Лефортовскую тюрьму. Его никто не навещает. На Михельса даётся много компромата.

Следователи обвиняют арестованного в различных идеологических подрывных действиях. На страницах дела упоминается широкий круг фамилий высоких дипломатических должностных лиц. Реальные и вымышленные факты сплелись в клубок. Дело на Михельса завели в 1935 году, а арестовали его только четыре года спустя. Этот факт красноречиво говорит о том, что Михельс всё это время находился под наблюдением НКВД. Главные показания, по которым арестовали Михельса, это показания наркома внешней торговли Чвялева Евгения Дионисиевича (1898 г.р.). Чвялев рассказывал следователям, что он «активно привлекал Михельса к враждебной деятельности в СССР с 1931 года». Подсудимый Чвялев дал эти показания под пытками. В деле есть показания разных людей, порою очень несуразные, абстрактные, выдуманные.

Работа на разведки Востока, мировую буржуазию, сионистский заговор... Главное обвинение — «активный участник и финансовый создатель антисоветской троцкистско-террористической организации, существовавшей в Наркомате иностранных дел, которую возглавлял Литвинов. Её целью была „ликвидация Сталина и Советской власти“».

Владимир Михельс. Лефортово

Владимир Михельс держался стойко, требовал встречи с прокурором, писал многочисленные встречные жалобы и заявления с просьбой приостановить дело. Под пытками он сознался, что является шпионом трёх разведок: немецкой, китайской и японской, и что он убеждённый непоколебимый троцкист и вынашивал идею ликвидировать вождя страны.

Арестованного оставили в покое на месяц, его не вызывали на допросы. За это время им было много передумано и осознано. 5 августа Михельс излагает свои требования Генеральному прокурору СССР. Снова состоялся суд, на котором он отказался от своих показаний, добился прихода прокурора на последующие судебные процессы. Здесь он говорил о том, как он подписал свои признания. После суда следствие длилось ещё полгода, вновь опрошены десятки свидетелей. Его вывозили на допросы в Ленинград с остановками на сутки в Калинин и в Новгороде, где его вновь допрашивали и пытали. Дело в том, что Михельс, будучи корреспондентом «Известий», посещал и осматривал военные аэродромы, находящиеся вблизи этих городов. В Ленинграде его продержали неделю, также допрашивали и вновь переправили в Москву в Лефортово. Теперь Владимир Михельс держался стойко, выносил все пытки, унижения и молчал. Видимо, понял, что ему следователей ни в чём не переубедить.

2 февраля 1940 года состоялся Военный суд, который приговорил Владимира Михельса, бывшего карьерного дипломата, как заговорщика-троцкиста, шпиона трёх иностранных разведок к расстрелу. Этот приговор был приведен в исполнение 3 февраля в Лефортовской тюрьме в 5 часов утра...

Весной 1941 года Мария Михельс с детьми возвратилась в Москву. Она поселилась к матери в комнату коммунальной квартиры. Тётя уже умерла. В войну не стало сыночка Феди. Подрастала дочь Наталья. Семья жила в нищете. Марию как жену врага народа никуда на хорошую работу не брали. Только после смерти Сталина она сумела устроиться медсестрой.

Дочь Наталья поехала в гости в Ленинград и там познакомилась с курсантом Михаилом Розманом. У них идёт бурная переписка. Но Мария стала отговаривать дочь от неосторожных шагов. Она всячески была против, чтобы Наталья связывала свою жизнь с военным.

Этот страх перед государственной машиной, перед людьми в военной форме, перед обыкновенными постовыми милиционерами на улицах она испытывала до конца своей жизни. Но Наталья не слушала мать, и когда Михаил Розман пригласил её на свой выпускной вечер в военном училище, находящемся в Петергофе, поехала. В те дни молодые и зарегистрировались. В Москву молодожёны приехали лишь за вещами Натальи, чтобы потом отбыть по месту назначения выпускника-лейтенанта. Дочь со своей семьёй переезжала с места на место. Менялись части, города, республики. Мария никуда из Москвы не выезжала, хотя дочь неоднократно уговаривала её приехать. Только

после демобилизации зятя, когда семья полковника в отставке Михаила Розмана обосновалась в Петрозаводске, Мария решилась переехать к дочери. Последние годы жизни она прожила в столице Карелии. В 1971 году её не стало, похоронили Марию Михельс в Петрозаводске.

Исп. вх. 5060

Военная Коллегия
Верховного Суда
Союза ССР

Гражданке Розман Н.В.

2/ - февраля 1989 г.

№ 4н-16886/56

191260, Москва, ул. Восточного, д. 15

185002, КАССР,
г.Петрозаводск,
ул.Анохина, д.18,
кв.4

Наталья Владимировна!

На Ваше заявление сообщаем, что Ваш отец Михельс Владимир Андреевич, 1892 года рождения, был осужден 2 февраля 1940 года приговором Военной коллегии Верховного Суда СССР к расстрелу по обвинению в том, что он с 1934 года якобы являлся активным участником антисоветской троцкистской террористической организации, существовавшей в Наркоминделе, по заданию которой в период его работы в НКВД в 1935 году установил связь с германской разведкой.

В ходе дополнительной проверки 1956 года было установлено, что Михельс В.А. был осужден необоснованно, по сфальсифицированным бывшими сотрудниками НКВД СССР материалам.

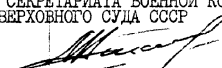
Определением Военной коллегии от 27 октября 1956 года указанный выше приговор отменен, а дело прекращено за отсутствием состава преступления.

Михельс Владимир Андреевич реабилитирован посмертно. Военная коллегия по остальным Вашим вопросам сведениями не располагает. Точных данных о дате и месте приведения приговора в исполнение в материалах дела тоже нет, однако по существовавшим в тот период времени правилам подобные приговоры исполнялись незамедлительно после провозглашения, как правило в тех населенных пунктах, где оглашался приговор. Места захоронения осужденных нигде не фиксировались и в материалах дела не отражались.

По этим и другим вопросам Вам надлежит обратиться к материалам прекращенного дела Михельса В.А., которое в ноябре 1956 года было направлено на хранение в КГБ СССР.

Понимая глубину трагедии, постигшей Вас и Ваших близких в связи с необоснованным осуждением Михельса В.А. примите наши искренние соболезнования.

НАЧАЛЬНИК СЕКРЕТАРИАТА ВОЕННОЙ КОЛЛЕГИИ
ВЕРХОВНОГО СУДА СССР

А. НИКОНОВ

Сообщение Военной Коллегии
Верховного Суда СССР
о реабилитации В.Михельса

В 1956 году дочь Владимира Михельса Наталья подала прошение в Военную Коллегию Верховного суда СССР о пересмотре дела отца. Военная Коллегия заново пересмотрела дело Михельса и установила: «Михельс В.А. был осуждён необоснованно, по сфальсифицированным бывшими сотрудниками НКВД материалам.

Определением Военной Коллегии Верховного суда СССР от 27 октября 1956 года... приговор отменён, а дело прекращено за отсутствием состава преступления».

Дочь Михельса Наталья Владимировна умерла в Петрозаводске в 2005 г.

Внук Владимира Михельса — Владимир Розман с женой Еленой как молодые врачи получили назначение в Новгород, где они проработали более десяти лет, а затем уехали жить в Израиль.

Р.П. Макейкина

Новая книга о Великом Новгороде

**Анна Трифонова. Великий Новгород в XX веке:
К 1150-летию города. М.: Северный паломник,
2009. — 390 с.; 364 илл.**

Города, как и люди, имеют свою судьбу. За 1150-летний период существования Великий Новгород пережил немало трудных страниц своей истории, но, пожалуй, XX век был наиболее сложным. Три цивилизации этого столетия (капиталистическая, советская и постмодернистская) наложили свой отпечаток на облик города. В середине 1920-х гг. Новгород, сохранявший своё дореволюционное наследие, поражал приезжих, по словам А.В. Луначарского, посетившего город в 1926 г., «своей уютной красотой»; растерзанный фашистскими оккупантами в 1941—1944 гг. производил впечатление невосполнимой утраты своей великой истории; поднялся, как феникс из пепла, к своему 1100-летию, приобретая черты узнаваемости многих провинциальных советских городов.

На современном этапе история провинциального города является одной из актуальных проблем отечественной науки. Исследователи рассматривают город как устойчивый ориентир развития общества, сложное социальное, культурное и архитектурно-пространственное образование. Именно провинциальный город, представляющий большинство в стране, выступает носителем градостроительных, бытовых, производственных традиций, позволяет проследить трансформацию многосторонней жизни общества в разных исторических условиях.

К празднованию юбилея Великого Новгорода Государственный архив Новгородской области и московское издательство «Северный паломник» выпустили в свет научно-публикаторское иллюстрированное издание Анны Трифоновой «Великий Новгород в XX веке: К 1150-летию города». В серии очерков этой книги впервые в нашей краеведческой литературе делается попытка на основе анализа городского архитектурно-культурного пространства осветить процесс превращения одного из древнейших русских городов и старинного губернского центра в «социалистический Новгород».

Следует отметить исключительно широкую источниковедческую базу исследования: это документы и фотодокументы Государственного архива Новгородской области, Государственного архива новейшей истории Новгородской области, отдела письменных источников Новгородского государственного объединённого музея-заповедника, архива Новгородского научно-реставрационного управления, отдела рукописей Государственной Третьяковской галереи, частных собраний и коллекций. При этом подавляющее большинство архивных материалов впервые вводится в научный оборот. Привлечены и многочисленные опубликованные исследования по новгородике.

В восьми очерках своего исследования Анна Николаевна как бы приглашает читателя совершить экскурсию по Великому Новгороду, акцентируя внимание на истории наиболее значимых его районов, улиц, площадей, мостов. Автор стремится воссоздать объективную картину жизни города в XX столетии, с болью говорит о негативных явлениях, как, например, незавершённой реставрации Георгиевского собора Юрьева монастыря 1933—1935 гг., практике разборки исторических зданий в советский период, партийном администрировании при восстановлении Новгорода, неудовлетворительном состоянии города и т.д. Заслуживает внимание стремление автора рассказать о замечательных новгородцах, передать впечатления гостей города, отразить настроение его жителей в определённые исторические моменты, охарактеризовать социальную структуру населения.

При этом авторское изложение иллюстрируется уникальными фотографиями 1911—2008 гг., демонстрирующими трансформацию архитектурно-культурного пространства города. Их в тексте 364 (!), и все они выполнены в чёрно-белой гамме, как неопровержимые кадры документального фильма. Они вызывают эффект узнавания, потрясения от утраты богатейших иконостасов и интерьеров новгородских церквей, удивляют обилием

зелени в городе, буквально выталкивают на городские улицы, чтобы вспомнить, а что здесь было раньше, развивают интерес к истории нашего замечательного города.

Можно, конечно, не соглашаться с авторскими оценками отдельных исторических событий, но

нельзя не отметить, что написанная хорошим литературным языком, богато иллюстрированная книга кандидата искусствоведения А.Н. Трифоновой читается с большим интересом и, бесспорно, является прекрасным подарком для жителей и гостей Великого Новгорода к его 1150-летию.

И.Д. Савинова

Прогулки по Великому Новгороду

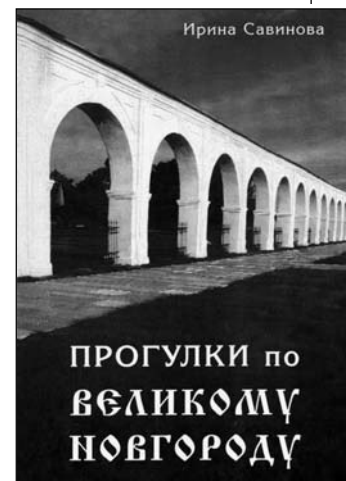
Савинова И.Д. Прогулки по Великому Новгороду / И.Д. Савинова; фото А.Р. Виснап. Великий Новгород, 2009. — 228 с.

Эта книга не специализированный справочник по древнерусской архитектуре и гражданскому строительству с обилием специфических терминов — это рассказ о родном городе, о дорогих сердцу памятниках, о замечательных людях, которые составляют гордость его истории.

Повествование строится в виде беседы во время прогулки по наиболее известным местам Великого Новгорода. Некоторые сведения являются находками автора, который свыше десяти лет работал

в Государственном архиве Новгородской области.

Автор надеется, что его работа привлечёт внимание не только туристов, но и самих новгородцев — тех, кому трудно выкроить время для прогулок по улицам родного города. Может быть, прочитав хотя бы фрагменты из Путеводителя, они наконец-то отправятся в путешествие. Радостных вам впечатлений!

Г.К. Насурдинова

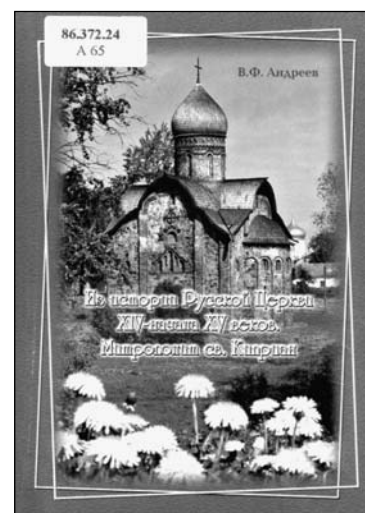
Из истории Русской Церкви...

Андреев В.Ф. Из истории Русской Церкви XIV — начала XV веков. Митрополит св. Киприан. Великий Новгород, 2008. — 76 с.; илл.

Весной 2009 года вышла из печати книга «Из истории Русской Церкви XIV — начала XV веков. Митрополит св. Киприан». Её автор — В.Ф. Андреев, историк, профессор НовГУ им. Ярослава Мудрого.

Книга рассказывает о жизни и деятельности митрополита Киевского и всея Руси Киприана, болгарина по национальности. Будучи Главой Русской Церкви, митрополит Киприан проявил себя как рачительный хозяин, неустанно

заботившийся о сохранении и умножении церковного достояния. Он явился инициатором составления знаменитой Троицкой летописи, автором посланий Сергию Радонежскому и Феодору Симоновскому. Признан святым и канонизирован Русской Православной Церковью в XV в.

Н.И. Морылёва

Новгород — колыбель имперской идеи или «шило в заднице самодержавия»?

Заметки заинтересованного читателя

Да не сочтёт наш читатель грубым выражение, вынесенное в заголовок заметок. Это прямая цитата из журнала «Родина», специальный выпуск которого посвящён 1150-летию юбилею нашего города. На его страницах обозреватель Лев Аннинский в своих размышлениях под названием «Новгородское шило» пытается оценить место Новгорода в русской истории и культуре, Новгорода, имевшего счастье или несчастье оказаться в контактной зоне между Востоком и Западом и на острие столкновений республиканских и имперских идей. Размышления эти соединяют в себе и рассуждения о философских категориях Добра и Зла, и не слишком подходящие для печати выражения. И даже соскальзывают в сослагательное наклонение, которого у истории, как известно, не бывает, задаваясь вопросом — а как бы развивалась история и России, и Новгорода, если бы он вдруг вошёл в орбиту Великого Княжества Литовского (ВКЛ) или стал шведской провинцией?

Исторический журнал «Родина» в 2009 году отметил двадцатилетие своего существования в современной России, при этом он считается продолжателем традиций одноимённого журнала Российской империи, основанного в 1879 году. Возрождённая «Родина» сначала позиционировала себя как популярный журнал о политике конца 80-х годов, публикующий исторические статьи, связанные в основном с переосмыслением истории и советского исторического взгляда на 1000-летний путь России. Постепенно историческая проблематика вышла на первый план. В журнале стали преобладать статьи крупных российских и зарубежных историков, молодых, перспективных учёных, опирающихся в своих исследованиях на солидную

источниковедческую базу, на последние археологические открытия, на письменные, архивные источники. Журнал стал солиднее, основательнее, изменилось его полиграфическое исполнение: от печати на практически газетной бумаге с размытыми чёрно-белыми иллюстрациями до яркого, наполненного цветными фотографиями и рисунками издания. По количеству и качеству иллюстраций, которые прекрасно

дополняют, расширяют, углубляют содержание статей, его можно было бы назвать глянцевым журналом, если бы само это слово не несло в своём современном восприятии некий отрицательный заряд. Экспертный совет ВАК Министерства образования и науки включил журнал в перечень изданий, в которых соискатели учёных степеней могут публиковать результаты своих научных работ. Став авторитетным научным изданием, «Родина» сумела при этом сохранить такой баланс научности и популярности, который позволяет журналу, оставаясь одновременно источником ценных сведений для специали-

стов, быть увлекательным и занимательным чтением для широкой аудитории.

В дни проведения презентации журнала «Родина» (№ 9, 2009) в нашем городе, в Новгородском университете состоялась встреча представителей редколлегии с преподавателями и студентами исторического факультета. Один из студентов, очень эмоционально задавая вопрос главному редактору журнала Ю.А. Борисёнку, вопрошал — как историческая общественность может противостоять фактам фальсификации истории вообще и новгородской истории в частности? Ссылаясь при этом на документальный фильм, снятый по «новой хронологии»

Фоменко и Носовского и широко представленный в сети Интернет.

Вообще, по моему мнению, к проблематике «фальсификации» надо подходить достаточно осторожно. Конечно, в идеале историческая наука должна быть объективной и опираться на факты. Естественно, может происходить переоценка истории, если вскрываются ранее не известные факты, документы. Но вот трактовка одних и тех же фактов авторами, придерживающимися разных взглядов... Недаром существует расхожая фраза о том, что история пишется победителями. И она подтверждается историческим бытием: на наших глазах происходит переоценка многих постулатов советской истории, в чём журнал «Родина» принимал и принимает активное участие. То, что мы порой понимаем под фальсификацией истории, далеко не всегда является злокозненным, направленным против престижа страны или региона измышлением идейного противника. Действующими субъектами истории являются и великие личности, и мощные организации, и так называемый «маленький человек». История страны и народа определяется не только экономико-политическими факторами, но и особенностями быта, нравов, религии, социальной психологии, которые у каждого человека или группы людей индивидуальные и не могут быть одинаковыми по определению. Всегда найдутся те, кто будет не согласен с официальной точкой зрения. Что делать? Запрещать высказывать публично своё видение проблемы? Но этой дорогой мы уже ходили. Собственно говоря, выход только один, если новые интерпретаторы не нарушают своими теориями законов страны, то необходимо как можно шире вести дискуссию, предлагая свой взгляд на историю, и верить, что «в споре рождается истина».

«Новгородский» выпуск журнала «Родина» и является противовесом широко пропагандируемой теории Фоменко и Носовского. Большинство из размещённых в номере статей — плод многолетнего скрупулёзного труда учёных, направленного на изучение памятников истории и культуры, а также многометрового культурного слоя, доходящего в Новгороде до X—XI, а на Рюриковом Городище до IX—X вв., архитектурных шедевров, летописных сводов, письменных источников и даже устных сказаний. Благодаря этим публикациям, содержащим научно выверенные данные, гипотезы, подлинная история нашего города дойдёт до сознания россиян и создаст многомерную, разноплановую, яркую и запоминающуюся картину жизни Новгорода на протяжении 1150 лет.

К истории Новгорода журнал «Родина» за эти 20 лет обращался неоднократно. Частым гостем на его страницах бывал академик Янин, который делился результатами очередных археологических сезонов,

в том числе о находке знаменитой Новгородской Псалтыри. В выпуске, посвящённом Смутному времени, не забыта история шведской оккупации Новгорода. Тематический выпуск «Три Софии. Киев. Новгород. Полоцк» обращался к духовным началам нашей истории. Неоднократно представляла на страницах журнала и фигура Александра Невского, слившаяся в представлении россиян с Новгородом и зажившая уже своей, во многом мифологизированной жизнью, благодаря кинообразу, созданному гением Эйзенштейна. Вот и последний «новгородский» выпуск, вышедший в свет под заголовком «Великий Новгород — Родина России», открывается поддержкой из выступления президента Медведева, в котором слова киногероя: «Кто к нам с мечом придёт...» — воспринимаются как непреложный исторический факт. Получается, что часто мы сами творим исторические мифы и искренне в них начинаем верить.

Приветственные слова городу и читателям от власти государственной, областной и городской поддержаны архиепископом Львом, окормляющим паству Новгородской и Старорусской епархии. Интервью с академиком Яниным, фигура которого за время его более чем полувекового служения нашему городу стала неотделима от понятия «история средневекового Новгорода», даёт нам общее представление о направлениях и особенностях археологического изучения города.

Новгородская земля, сохраняя органику и предметы, позволила слой за слоем, шаг за шагом окунуться в те далёкие времена, о которых не сохранилось письменных источников. Открытие берестяных грамот предоставило возможность заглянуть в личный мир, прикоснуться к каждодневным проблемам жителей древнего Новгорода, почувствовать биение настоящей жизни, составить представление о феномене новгородской грамотности, которая пришла сюда вместе с христианством, открытием Ярославом Мудрым в 1030 году первой упомянутой в летописях школы. Особенности политического устройства Новгорода, новгородские вольности, при которых сами новгородцы собирали налоги с населения, лишая этих прав призванного князя и ограничивая его власть ещё в ряде случаев, постоянная политическая борьба, требующая от боярина нахождения в Новгороде, но не освобождавшая его от управления своей вотчиной, — вот причины того, что «мир письменности пронизывал насквозь жизнь древних новгородцев». В заключение своего интервью «Очарование Новгородской свободы» Валентин Лаврентьевич ещё раз подтверждает обоснованность весьма достоверной даты нашего юбилея, особенно теперь, когда Рюриково Городище включено в черту города. Упоминание в летописи под 859 годом новгородцев, конечно, относится не к тем жителям Новгорода, который начал обустраиваться на теперешнем

месте элитой кривичей, новгородских словен и чуди с момента ухода Олега в начале X века. Ведь новым городом он стал по отношению к существовавшему с середины IX столетия Городищу, где ещё до призвания Рюрика находилось торгово-ремесленное поселение.

Именно Городище, по мнению Евгения Носова, член-корреспондента РАН, директора Института материальной культуры РАН, по своей сути является древнейшим Новгородом русских летописей, связанным со временами Рюрика и Олега. В своей статье «Откуда пошёл „новый город“», опираясь на итоги многолетних археологических исследований Рюрикова Городища, автор приходит к выводу, что первоначально славянское поселение рядом с языческим святилищем в Перыне, занимающее контролирующие положение на водных магистралях Восточной Европы, стало заманчивым пунктом для поселения здесь первых скандинавов: воинов, ремесленников, торговцев. Сюда пришёл Рюрик, здесь жили его дружинники, чиновники с семьями. Среди них были и славяне, и финно-угры. Словом, это было полиэтничное поселение, ставшее княжеской резиденцией. И только при Ярославе Владимировиче, на рубеже X—XI веков, основная княжеская резиденция переносится на Ярославово дворище. Торг, Дворище, Детинец вокруг св. Софии становятся новым центром относительно прежних ранних новгородских укреплений, а старое место получает название Городище. (В русском языке суффикс *-ище* означает место, где что-то было ранее — селище, кострище).

За право Ладоги называться «первой столицей» исторической Руси ведёт многолетний спор с учёными, изучающими Новгород, доктор исторических наук Анатолий Николаевич Кирпичников. Ладога, основанная славянами в 753 году, содержит необычайно насыщенный культурный слой, относящийся к VIII—IX векам. Здесь в 2008 году в слое X века была найдена часть литейной формы со следами присутствия драгоценных металлов для отливки фигурки сокола, а ведь именно он был династической эмблемой Рюриковичей. Именно сюда, считает Кирпичников и темпераментно это доказывает, был приглашён Рюрик союзом племён, заключил договор: оборонять землю, собирать налоги, вершить справедливый суд. Только непонятно, почему же он так быстро ушёл из Ладоги на условия, заведомо худшие: новгородские исследователи полагают, что уже тогда существовали ограничения в договоре с князем по поводу сбора налогов и ведения суда. И Олег с малолетним Игорем ушёл из Новгорода именно потому, что хотел стать полновластным правителем, ушёл завоёвывать Смоленск, а потом Киев. Кирпичников объясняет краткость пребывания Рюрика в Ладоге, отражённую в летописи, желанием расширить границы Русской державы. Ладога, стоящая, как и Новгород, на путях «из варяг в арабы»

и «из варяг в греки», по мнению многолетнего руководителя Староладожской археологической экспедиции, была тем местом, где родился мощный государственный импульс к созданию большого славянского государства — Русской Империи, а Новгород, вернее Городище, стал следующим этапом воплощения этой идеи.

Но «имперские амбиции» Кирпичникова оставляет далеко позади версия доктора исторических наук Антона Горского, изложенная им в статье «Начало Руси: славяно-варяжская дилемма?». Автор статьи пытается разрешить научную загадку, лежащую в основании остающейся по-прежнему спорной проблемы возникновения государства Русь. По его мнению, создание такого территориально крупного государства в Восточной Европе — уникально. На территории Руси было несколько племенных, или как их называет Горский, территориально-политических образований: полян, древлян, дреговичей, словен (новгородских), полочан, и процессы государствообразования, несомненно, шли. Однако вместо нескольких государств, как это было у южных и западных славян, возникло одно. Горский не предполагает наличия «государствообразовательных импульсов» у какого-либо из племенных князей, что могло бы привести к объединению всех славянских племён, а также финно-угорских и балтских. Естественный вывод, что к формированию на восточнославянских землях крупного государства привела деятельность норманнов, наталкивается на им же сформулированные сомнения: как в рамках своих собственных территорий, так и за пределами Скандинавии, на завоёванных землях норманны не создавали прочных и крупных государственных образований в то время, когда на Руси уже сложилась под властью киевских князей политическая система, охватывающая территорию от Невы и Ладожского озера до Днепровских порогов. По Горскому получается, что ни славяне, ни норманны не годятся на роль объединителей.

Прямого влияния развитой государственности крупного соседа, которое приводит к созданию собственного государства, как это бывало в истории, Горский тоже не усматривает. С Византией связи возникли позже, а заимствования касались в основном религиозно-культурного аспекта, а Империя Карла Великого была слишком далеко. Однако Горский всё-таки находит возможным опосредованное влияние со стороны развитой государственности — франкской империи.

Для доказательства этого тезиса он отождествляет летописного Рюрика с выходцем из рода датских конунгов Рёриком (Рориком), который в течение четырёх десятилетий пребывал на франкской территории, в Фрисландии, будучи связан вассальными отношениями с правителями франкской империи. У франкских императоров существовала практика: для защиты своей территории от «движения

викингов» давать в лен предводителям норманских дружин пограничные земли. Облагораживающее влияние более развитого общества, по мнению Горского, превращало таких скандинавских викингов во французских рыцарей. В качестве доказательства им приводится история с нормандским завоеванием Англии, когда Вильгельм Завоеватель и верхушка знати, именовавшие себя норманнами, принесли в Англию не скандинавский язык и общественное устройство, а французский язык и французские социальные институты.

Какие же доказательства тождества Рюрика и Рёрика существуют? Горский обращает внимание на сходства ряда статей Русской Правды с «варварскими Правдами» германцев VI—IX веков и особенно с Фризской Правдой, то есть со сводом законов основного населения Фрисландии, по которому Рёрику приходилось судить своих временных подданных. По мнению Горского, именно эти законы он привнёс на русскую почву, а записаны они были намного позже, во времена Ярослава Мудрого.

Ещё одним доказательством в пользу своей версии Горский считает ремарки, содержащиеся в двух византийских хрониках, созданных в середине X века. В них указывается, что *русь* происходит «от рода франков». Причём сам автор замечает, что это утверждение пришло с русской стороны и служило обоснованием законности желания вступить в брак с членами византийской правящей династии, которые с представителями иных народов, кроме франков, в брак не вступали.

Из всего вышесказанного Горский делает вывод, что объединение всех восточных славян в единое государство произошло под воздействием норманнов, которые ими были только по названию, а по сути — носителями традиций франкской государственности. Норманны, конечно, не все, а та группировка, с которой началась княжеская древнерусская династия, выступили в качестве «ретранслятора» воздействия одной из двух развитых на тот момент европейских цивилизаций — франкской империи.

Горский упоминает в своей версии о том, что историки до сих пор не пришли к единому мнению по поводу этнической принадлежности призванных варягов, а значит, и Рюрика. Выдвигаются версии и о западнославянском и о норманском — не датском, а шведском его происхождении. Автор не упомянул, что ещё отец Рёрика получил владения во Фрисландии в устье Рейна, а Рёрик, родившийся в 800-х годах, стал полноправным наследником с конца 830-х годов. Известно из других источников, что он принял христианство, но когда в 843 году Фрисланд был у него отобран и возвращён в состав империи, он стал вести жизнь викинга, участвовал в набегах, вернулся в язычество и стал известен под именем «язва христианства». Вот такой был «французский рыцарь».

По поводу «имперского следа» в публикациях Кирпичникова и Горского, который сам в своей статье отмечает, что дискуссия о возникновении русской государственности всегда сопровождается идеологическим «налётом», замечу, некоторые представители интеллектуальной элиты обладают способностью улавливать некий явный или скрытый государственный заказ, попадать в резонанс той части общественного сознания, которая питается имперскими идеями, характерными для нашей истории и ныне переживающими эпоху очередной реставрации. Не будучи историком, я всегда считала, что идеи такого рода зародились в недрах княжества Московского, когда оно начало собирать под свою руку русские земли, и более-менее окончательно оформились с появлением идеологемы «Москва — третий Рим», с женитьбой на представительнице последней византийской правящей династии — Софье Палеолог Великого князя Московского Ивана III, с принятием в качестве государственного герба византийского двуглавого орла...

Но авторы двух этих статей пытаются заронить в умы читателей мысль, что всё это было гораздо раньше, чуть ли не на заре Древнерусского государства. И выходит, что девиз «Великий Новгород — Родина России» нужно воспринимать не просто, как удачный, бросающийся «рекламный слоган», помогающий решить на уровне государства многие финансово-хозяйственные проблемы и представительские интересы нашего региона, а как самую настоящую историческую истину.

Среди публикаций зарубежных авторов, которых немало в этом выпуске журнала, — статьи учёных Украины и Белоруссии, посвящённые межрегиональным связям внутри Древнерусского государства. Украинский академик Пётр Толочко в статье «И ради быша новгородци», исследуя новгородские летописи, прослеживает всё многообразие контактов Новгорода и Киева в XII—XIII веках. Кандидат исторических наук Денис Дук даёт сравнительную характеристику социотопографической структуры Новгорода и Полоцка в системе становления и развития городов Северной Руси в IX—XIII вв. и приводит данные археологических исследований, подтверждающие древнее, ещё славянское происхождение города, упомянутого в Лаврентьевской летописи под 862 годом среди городов, раздаваемых Рюриком своим вассалам.

«Самость», особость Новгорода, его отличие от других российских регионов, его тяготение к самостоятельности, его независимость всегда раздражали соседей и врагов республики, считает доктор исторических наук А. Филюшкин. Задаваясь вопросом «Чей ты, Новгород?», он в статье «Железный голубь» подробно рассматривает ситуацию противостояния в XIV веке Новгорода, великих князей московских и ВКЛ. Автор показывает всю трагедию непонимания, когда стремление Новгорода к защите своих

прав и свобод Москвой рассматривалось как измена, клевтвопреступление и желание отпасть от Православия. Столь разные оценки делали невозможным консенсус и вели к покорению и истреблению Новгорода. С такими изменниками, которые «хуже *бесов*», просто ничего другого и нельзя было сделать, писал московский летописец. Истоки разночтения в оценке поведения Новгорода Филюшкин относит к 1250-м годам, когда республика признаёт над собой власть великого князя владимирского, признаёт, чтобы разрешить проблему взаимоотношений Новгорода с Ордой. Поэтому совету читать его статью параллельно с публикацией кандидата исторических наук Ю. Селезнёва «Земля за Игнач-крестом», рассматривающей особое положение Новгородской земли по сравнению с другими русскими землями, подвергшимися «Батыеву погрому». С одной стороны, Батый не дошёл до столицы республики и, следовательно, не мог и не требовал признания новгородцами его власти, но с тех новгородских земель, которые подверглись разорению, вполне закономерно должен был взимать ордынский «выход». Новгород, как бывало не раз, предпочёл не воевать, а откупиться, но ответственным за сбор дани был обладатель «ярлыка на великое княжение». Соглашаясь платить дань, Новгород автоматически признавал власть над собой. Эта юридическая коллизия и оказалась роковой, приведя к гибели республики в XIV веке, когда московские Калитичи узурпировали только за своим родом право на великое княжение владимирское и перевели проблему в плоскость московско-новгородских отношений. Статус же Новгорода в ордынской системе Селезнёв определяет как состояние полувисимости.

Ордынский хан не назначал в Новгород своих наместников, не утверждал должностных лиц города. В Новгородской земле не было баскаков, новгородские рати не участвовали в военных походах. Все отношения Новгорода с ханом осуществлялись посредством великого князя Владимирского, который по факту получения ярлыка считался и великим князем Новгородским. Новгород напрямую не подчинялся ордынскому правительству и в случае конфликта с великим князем не мог апеллировать к ханскому суду напрямую, однако представлял свои интересы в Орде через послов. При этом Новгородская земля считалась ханами неотъемлемой частью Орды, и в войне Новгорода с Орденом в 1268 году границы своего государства защищал и отряд ханских войск. С началом же распада Орды начинаются грабительские походы новгородских ушкуйников, которые разоряют волжские ордынские города и даже столицу — Сарай. Надо заметить, что русские города тоже подвергались налётам ушкуйников. И не в этом ли ещё одна причина той «трагедии непонимания» между республикой и другими русскими землями, о которой пишет А. Филюшкин?

Но зато в многострадальное Смутное время Новгород стал опорной точкой в сборе ополчения 1608 года, когда молодой воевода Михаил Скопин-Шуйский прибыл в наш город по поручению царя Василия Шуйского собирать войско и вести со Швецией переговоры об оказании военной помощи. В статье доктора исторических наук В. Волкова «Новгородский вице-царь» рассматривается деятельность воеводы по организации отпора Лжедмитрию II. Властные prerogative Скопина-Шуйского были столь велики, что он стал своеобразным вице-царём на русском Севере и Поморье. В то время, когда большинство крупнейших городов присягнули «тушинскому вору», Новгород остался верен царю Василию. Удачные дипломатические переговоры и военные действия русских ополченцев, ядро которых составляли новгородцы и пришедшие на помощь шведские войска во главе с Я. Делагарди, привели к снятию осады с Троицко-Сергиева монастыря и Москвы.

Поскольку Новгороду выпала географическая и историческая судьба быть контактной зоной, то международные взаимодействия Новгорода, как в созидательной сфере развития торговых, политических и культурных контактов, так и в военном, и в религиозном противостоянии, находятся в центре интересов и российских учёных, и историков сопредельных стран.

Иероним Грааль, доктор истории, директор Польского культурного центра в Москве в статье «Волховская демократия как мечта поляков» рассказывает об истории взаимодействия новгородцев с польско-литовским миром, роли и участия ВКЛ в новгородско-московском противостоянии. Но более всего — о впитанном поляками культурно-историческом мифе об идеальной Новгородской демократической республике, распотанной деспотическим самодержавием, как была распотана и Речь Посполитая во время трёх её разделов. В польской литературной традиции этот сюжет просматривается, начиная с XVIII века, через польских романтиков Мишкевича и Словацкого, вплоть до труда историка Б. Зентары, созданного во времена «Солидарности».

Представитель Университета Тарту — Анти Селарт в статье «Принудить к унии?» повествует о противостоянии двух ветвей христианства, «граница» которых проходила в Ливонии, между Тевтонским Орденом и Новгородом. О противостоянии, которое то выливалось в войну 1443—1448 годов, то переходило в сферу идеологического давления, направленного на подписание Флорентийской унии, декларирующей объединение православия и католицизма.

Статья «Новгородцы Кошкины и Ryssgårdén в Стокгольме» Элизабет Лёфстранд — доцента Стокгольмского университета, основана на материалах шведского архива и рассказывает как об

общих принципах организации шведско-русской торговли от Столбовского мира до Северной войны, так и о русских купцах Кошкиных и их торговом доме. Статья эта даёт представление и о культурно-лингвистических связях наших стран: включает в себя рассказ о «житие» чудотворной иконы Стокгольмской Божьей Матери и знакомство с русско-шведским разговорником Кошкина. Последний расширяет представление о круге интересов и рамках деятельности русских купцов в Швеции, которые не только торговали, но и не упускали местных красоток: «Я целую красну девку в губы», — так звучит одна из фраз разговорника.

В межкультурных, языковых контактах русских с европейцами часто возникали трудности, вызванные различиями в менталитете, религиозном сознании, традициях... Разговорник Кошкина, замечает Лёфstrand, появился из-за желания купцов вступить в личный контакт в торговой сфере, минуя услуги переводчиков, которых часто обвиняли в произволе и пристрастиях. В. Попов в своей статье «Ошибка переводчика. Как в Новгороде стартовала первая война России и Европы» рассказывает о событиях предшествовавших Ливонской войне 1558—1583 гг. Система международных отношений Москвы с Ливонией и Швецией оставалась в ведении Новгорода и Пскова, несмотря на присоединение республик к Москве. Фактически все решения принимали Московские государи, но официально подписывали договоры и вели переговоры наместники одной из провинций, что очень обижало Ливонию, понижая её статус. Конфликт возник в 1554 году с требования России платить «юрьевскую дань», ранее не взимаемую, неизвестно откуда и как взявшуюся, но зафиксированную во многих предшествующих договорах. В новом договоре появилась фраза, которую русские перевели и трактовали как обязательство со стороны дерптского епископа собрать и выплатить дань в течение трёх лет. В немецком договоре эта фраза была переведена так: епископ исследует этот вопрос и на третий год отошлёт результат этого изыскания. Найдя несколько архивных договоров, в которых об этой дани речи и не шло, епископ и магистр успокоились и послали посольство 1557 года, и тут выяснились разночтения, которые в конце концов и привели к объявлению войны. Были ли эти разночтения простой ошибкой переводчиков или дипломатическими уловками — неясно, но результатом терминологической двусмысленности стала многолетняя война.

Информация, содержащаяся в ряде публикаций, размещённых в «Родине» и связанных с международными контактами Новгорода, уже известна читателям нашего города. Статья кандидата исторических наук, преподавателя НовГУ им. Ярослава Мудрого Г.М. Коваленко «Знаменит своей историей. Великий Новгород: взгляд из Европы» основана на материале двух ранее вышедших изданий: «Великий Новгород в

иностранных сочинениях XV — нач. XX вв.» (2002), «Великий Новгород в европейской письменности XV — нач. XX вв.» (2007). Публикация кандидата исторических наук М.Б. Бессудновой «Петрову двору капут. Закрывание ганзейской конторы в Новгороде» отсылает нас к её книге «Великий Новгород в конце XV — нач. XVI в. по ливонским источникам» (2009). Материал «Взяты вина доброго... Новгородское вино как зеркало Смутного времени» кандидата исторических наук А.А. Селина — выдержка из его обширного труда «Новгородское общество в эпоху Смуты» (2009). К ним примыкает и статья доктора филологических наук С.Н. Азбелева «Новгородцы на Куликовом поле», которая создана на основе обширной одноимённой главы его книги — «Устная история Великого Новгорода»*.

Большой блок публикаций раздела «Новгородская идентичность» отсылает нас к повседневной жизни средневековых новгородцев. Это и сфера социальной практики отдельной личности, семьи, иной малой группы людей. «*Вещи накладывают на манеру поведения, поскольку создают вокруг себя определённый культурный контекст... Однако быт — это не только жизнь вещей, это и обычай, весь ритуал ежедневного поведения, тот строй жизни, который определяет распорядок дня, время различных занятий, характер труда и досуга, формы отдыха, игры, любовный ритуал и ритуал похорон*», — писал Ю.М. Лотман и замечал, что именно по манере поведения, по житейским стереотипам узнаём мы «своего» или «чужого», человека той или иной эпохи, той или иной нации.

В статье «От сватовства до свадьбы» доктор исторических наук Е.А. Рыбина, опираясь на свидетельства берестяных грамот, анализируя их тексты, сопоставляя с письменными и фольклорными источниками, увлекательно с живыми деталями рисует нам процесс создания семьи и семейные отношения, бытовавшие в средневековом Новгороде.

О традиционных воззрениях на огонь и пожары, имеющих языческие корни, которые бытовали в среде новгородцев в XIII—XIV веках, несмотря на многие столетия христианизации, ярко повествует доктор исторических наук Алексей Петров. В своей публикации «С ветром и вихрем. „Пожарная скорбь“ в волховской столице», приводя летописные свидетельства о грандиозных пожарах Новгорода, он объясняет «странное» поведение новгородцев по отношению к погорельцам, традицию «пожарных грабежей» — языческой интерпретацией пожара как заслуженной кары. Проблемы

* См.: Мартынова А.Н. Азбелев С.Н. Устная история Великого Новгорода / Чело. № 1(38). 2007; Бессуднова М.Б. Новгородские пленники / Чело. № 1 (41). 2008.

ментальности, на которые автор делает акцент в своей статье, помогают лучше понять мир средневековых жителей нашего города. В материале «Гудебные сосуды. Загадки новгородских водолеев» В.И. Поветкин исследует рисунки, нанесённые на сосуды с помощью набора клейм. Конечно, что как не изображение инструментов и играющих на них музыкантов может вызвать наибольший интерес у человека, посвятившего свою жизнь возрождению древнерусских приёмов игры и воссозданию самих инструментов. Увлекательный рассказ об исследовании новгородских археологических находок погружает нас в музыкальный и мифологический мир древней Руси.

К дохристианскому, языческому, мифологизированному сознанию обращается кандидат искусствоведения Марина Савенкова в статье «„Верёвочный” орнамент на Волхове». Автор исследует орнаментальные украшения на предметах декоративно-прикладного искусства, обнаруженных археологами в Новгороде: керамике, ювелирных украшениях, изделиях из дерева. И приходит к выводу, что именно охранительные, сакральные функции разных видов узлов, использовавшихся при изготовлении текстиля — одного из древнейших ремёсел человечества, способствовали переходу технологического орнамента, получаемого в процессе плетения ткани, в «верёвочный» орнамент, который в средневековом Новгороде встречается на предметах быта.

Кандидат исторических наук Л.В. Покровская, изучая «Украшения с Людина конца», знакомит нас с ювелирными находками Троицкого раскопа. Она прослеживает этноисторические связи новгородцев, которые выявляются при изучении и анализе образцов украшений. Виктор Сингх в статье «Инструменты новгородских ювелиров» рассказывает о процессах и приёмах средневековых мастеров. В публикации «Обложки его чистым золотом...» главный хранитель Новгородского государственного объединённого музея-заповедника Наталья Гормина демонстрирует нам сокровища уникальной коллекции ювелирного искусства, сохранившей шедевры домонгольского периода — Золотой кладовой, где собраны храмовые святыни Софийского собора и предметы личного благочестия новгородских владык, созданные руками византийских и русских мастеров V—XIX вв.

Вооружение древних новгородцев находится в поле зрения Е.Р. Авдеенко, посвятившего свою статью «Ратный город на Волхове» характеристикам основных видов оружия и доспехов и их находкам в ходе археологических изысканий. Публикация Кирилла Трубицина «Как новгородцы коня снаряжали» по сути составляет одно целое со статьёй Авдеенко, так как конь был верным помощником человека. Автор знакомит нас со снаряжением коня верхового и тяглого, рассказывает о том,

какие предметы амуниции и упряжи были найдены археологами в новгородских раскопах.

Т.А. Царевская — главный хранитель Софийского собора, обращает наше внимание на храм святого Николы на Липне, заложенный в роковой для России XIII век — единственный древнерусский храм, на стенах которого сохранились, пусть в основном в виде подмалёвок, первоначальные росписи. «Заложи церковь камню...» — так называется статья, в которой доктор искусствоведения Царевская, рассказывая о нелёгкой судьбе памятника, пытается реконструировать художественный замысел этого уникального фрескового ансамбля. Ведь в нём впервые прослеживается обращение к местным святыням и русским святым, что является свидетельством развития национального самосознания и знаменует собой начало возрождения русских земель.

Увидеть, каким был Новгород в один из самых страшных моментов его истории, помогает публикация Аллы Коробовой «Светопись с берегов Волхова». Серия фотографий из Российского государственного архива кинофотодокументов показывает нам Новгород конца 1920-х годов, горящий и разрушенный в военное лихолетье, восстановленный титаническими усилиями его жителей и вновь живущий полной жизнью. Правда, одна из фотографий относится не к Новгороду Великому, а к Новгороду Нижнему — маленький нюанс, но он подтверждает ещё раз существующую в сознании многих россиян путаницу в идентификации двух наших городов.

К сожалению, истории Новгорода XIX—XX вв. посвящено минимум публикаций, но это отображает традиционную картину, бытующую в изучении истории Новгорода, когда львиная доля исследователей занята средневековым городом. И очень приятно, что наметившийся перелом в подходе к истории Новгорода, пусть ещё слабо выраженный, происходит в стенах нашего вуза. Именно представители университетской науки НовГУ им. Ярослава Мудрого опубликовали в журнале материалы, раскрывающие историю Новгорода двух последних столетий.

Старший преподаватель кафедры архивоведения Н.С. Федорук, изучая архивные данные о населении Новгородской губернии в XIX — начале XX века, написала материал под названием «Здесь народ — коренной русский». Природно-географические особенности Новгородской губернии; традиционные жилища её обитателей; типичный внешний облик и одежда новгородцев, как крестьянского, так и городского населения; традиционная пища: ежедневный и праздничный стол; склонность к питию напитков, в том числе и горячительных, а также проблемы народной нравственности, достоинства и недостатки народного характера, семейный уклад, положение крестьянской женщины — все эти стороны повседневной жизни наших предков

открывает для нас статья Н. Федорук. Дополняет это материал публикация кандидата исторических наук Елены Твердюковой «Нет цифр, нет чисел...», содержащая сведения об организации и проведении однодневных переписей в Новгородской губернии, проходивших в 1862, 1882, 1915 годах. Они демонстрировали, что население нашего города неуклонно росло, хоть и не слишком большими темпами: в 1862 — 13 775 человек, а к 1915 году выросло более чем до 30 000.

Доктор исторических наук Б.Н. Ковалёв, профессор кафедры теории и истории государства и права, в статье «Золотой гроб Рюрика в волховских джунглях» обращается к основной теме своих научных исследований и раскрывает перед нами картину жизни Новгорода в период гитлеровской оккупации. Организовав работу городского хозяйства, немцы стали проводить политику репрессий и реквизиций, изымая ценности из музеев, церквей и у населения, а также организовывать пропагандистские акции, направленные как на местное население, так и на солдат вермахта, и рисующие Новгород как очаг немецкой культуры благодаря его связям с Ганзой. Желание «взять под контроль свидетельства германского — немецкого влияния на культуру местных народов» привело к крупномасштабным археологическим раскопкам в разных районах Северо-Запада. Когда стало понятно, что наступление Красной армии не остановить, началось систематическое уничтожение российских памятников. Рисуя две противоположные линии поведения бургомистра Новгорода — историка Пономарёва и сестёр Гиппиус, автор предоставляет читателям возможность самим понять, осудить, словом, оценить жизнь людей времён гитлеровской оккупации, опираясь на координаты национальных и личностных ценностей.

Естественно, история Новгорода не может существовать и не существует без истории письменности и образования. Между темами интервью с академиком Яниным и публикации ректора НовГУ В.Р. Вебера «От идеи до воплощения», посвящённой Новгородскому университету им. Ярослава Мудрого, — пролегли столетия. «*Мир письменности*, — как сказал В.Л. Янин, — *пронизывал насквозь жизнь древних новгородцев*». Именно этот мир — основа, на которой держится жизнь нашего учебного заведения в XXI веке. Публикация Виктора Робертовича хоть и небольшая, но очень

ёмкая по своему информационному наполнению: здесь рассказ и о многовековых исторических традициях высшего образования в Новгороде, и о принципах организации системы университетского образования в нашем регионе. Современные образовательные программы НовГУ направлены не только на воспроизводство общественного интеллекта и профессионально-квалифицированного состава населения, но и на формирование социального типа личности, адекватного требованиям времени. Ощущение включённости в современные исторические региональные процессы невозможно без постижения глубинных основ нашей духовности и национальной идентичности, без того комплекса знаний об истории, культуре Новгорода, которые даёт каждому жителю города и научная деятельность преподавателей НовГУ, и такие многоплановые, многомерные издательские проекты.

Ныне, когда пространство Древней Руси, Российской империи, СССР распалось на ряд самостоятельных государств, поисками своей идентичности заняты не только Прибалтика и Кавказ, Украина и Белоруссия, но и наша страна. В условиях, когда наша древнерусская столица Киев — мать городов русских, «отъехала» и стала столицей чужого государства... начинаются поиски своей российской древней столицы. Новгород в силу своей древнейшей истории как никто другой подходит на эту роль, и появляются книги под названием «Новгород — отец городов русских», и возникают «слоганы» «Великий Новгород — Родина России», и поднимает голову имперская идея, дата «рождения» которой отодвигается в глубь веков. Так что же такое Новгород в истории России? Колыбель будущей империи, русского государства. Но и ведь и шилом-то он был, долгие столетия раздражая московских самодержцев своим непохожим на другие русские земли укладом, открытостью к европейским контактам, «очарованием свободой», оборотистостью и богатством. Даже после присоединения, оказавшись внутри имперского пространства, вызывал он у центральной власти неприятие, что называется, «был на подозрении». Так что же такое Новгород в истории России? Спецвыпуск журнала «Родина», да и весь комплекс наших исторических знаний, если они не слишком политизированы, не даёт нам однозначного ответа на этот вопрос, а рисует нам всё многообразие исторического присутствия Новгорода на многовековом пути России.

Информация об авторах

ВАСИЛЬЕВА Анна Александровна, студентка III курса исторического факультета НовГУ им. Ярослава Мудрого, г. Великий Новгород.

ВИТУШКИН Сергей Фёдорович, заведующий отделом публикации документов ГОУ «ГАНИНО», главный редактор областной Книги памяти, г. Великий Новгород.

ВОЗНЕСЕНСКАЯ Елена Николаевна, главный библиограф Сектора редких книг Национальной библиотеки Республики Карелии, г. Петрозаводск.

ДОНЧЕНКО Анатолий Петрович, доктор философских наук, профессор, директор Гуманитарного института НовГУ им. Ярослава Мудрого, г. Великий Новгород.

ЖИГУЛЯЕВА Елена Владимировна, краевед, г. Великий Новгород.

ИВАНОВ Дмитрий Владимирович, режиссёр театрального коллектива, г. Великий Новгород.

ИГНАТЬЕВ Геннадий Александрович, кандидат исторических наук, доцент НовГУ им. Ярослава Мудрого, декан исторического факультета, г. Великий Новгород.

ИЛЬИЧЕНКО Элеонора Валерьевна, аспирантка кафедры истории России Института истории и международных отношений Саратовского государственного университета им. Н.Г. Чернышевского, г. Саратов.

КАЧАНОВА Зинаида Евгеньевна, студентка III курса исторического факультета НовГУ им. Ярослава Мудрого, г. Великий Новгород.

КОЛОТУШКИН Валерий Геннадьевич, старший научный сотрудник отдела публикаций документов ГОУ «ГАНИНО», аспирант НовГУ им. Ярослава Мудрого, г. Великий Новгород.

КУЗЬМИЧЁВА Ольга Геннадьевна, научный сотрудник Кирилло-Белозерского историко-архитектурного и художественного музея-заповедника, г. Кириллов.

КУЛИНИЧЕВА Мария Константиновна, редактор альманаха «Чело», г. Великий Новгород.

КУПРИЯНОВ Иван Куприянович (1820—1878 гг.).

ЛУКЬЯНОВ Роман Аркадьевич, студент IV курса исторического факультета НовГУ им. Ярослава Мудрого,

г. Великий Новгород.

МАКЕЙКИНА Рената Петровна, кандидат исторических наук, доцент кафедры архивоведения НовГУ им. Ярослава Мудрого, г. Великий Новгород.

МОРЫЛЁВА Наталья Ивановна, главный библиотекарь Научной библиотеки НовГУ им. Ярослава Мудрого, г. Великий Новгород.

НАСУРДИНОВА Галия Камилловна, председатель благотворительного правозащитного историко-поискового фонда «История и судьбы», г. Великий Новгород.

ПЕРЕДОЛЬСКАЯ Антонина Вадимовна, руководитель Фонда культурного наследия В.С. и Вл.В. Передольских, г. Великий Новгород.

ПОВЕТКИН Владимир Иванович, директор Центра музыкальных древностей, заслуженный работник культуры России, Почётный гражданин Великого Новгорода, г. Великий Новгород.

РАБИНОВИЧ Яков Николаевич, историк-документалист кафедры истории России исторического факультета Саратовского государственного университета, г. Энгельс.

САВИНОВА Ирина Дмитриевна, член Союза журналистов России, г. Великий Новгород.

СЕКРЕТАРЬ Людмила Андреевна, старший научный сотрудник НГОМЗ, г. Великий Новгород.

СИГАЛОВА Тамара Наумовна, член Союза журналистов России, г. Вупперталь, Германия.

СИМОНОВ Юрий Анатольевич, блокадник, ветеран труда и ВОВ, г. Санкт-Петербург.

СМОРОДИНА Елена Александровна, главный археограф сектора научной работы и публикации документов отдела использования документов и исполнения запросов ГОУ «ГАНО», г. Великий Новгород.

ТИНТ Мария Владимировна, студентка V курса исторического факультета НовГУ им. Ярослава Мудрого, г. Великий Новгород.

ФЕДОРУК Наталья Сергеевна, старший преподаватель кафедры архивоведения НовГУ им. Ярослава Мудрого, г. Великий Новгород.

В № 1(43) альманаха «Чело» на стр. 73 допущена опечатка.

Подпись под иллюстрацией следует читать «Михайловский замок».

Перепечатка материалов и использование их в любой форме разрешается по согласованию с редакцией, ссылка на «Чело» обязательна.

Мнение редакции может не совпадать с мнениями авторов.

Адрес редакции:

173003, Россия, Великий Новгород, ул. Саши Устинова, д. 1, каб. 6507.

Телефон: (816-2) 62-75-85, e-mail: chelo@list.ru.

Альманах зарегистрирован в Комитете РФ по печати. Рег. номер 013934.

Подписано в печать 30.11.2009. Заказ № 754. Бумага 80 г/м².

Тираж отпечатан в ЗАО «Новгородский Технопарк». Телефон: (816-2) 73-76-76.

Над номером работали:

Главный редактор — Е.В. Барканова

Редактор отдела — Е.М. Ипатова

Ведущий программист — И.П. Смирнова

Редактор I категории — Н.Б. Пшанская

Редактор — М.К. Кулиничева

Художественное оформление В.И. Поветкина